

РОДЕРИК ТОРП
КРЕПКИЙ ОРЕШЕК

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛЛИВУДА

КРЕПКИЙ
ОРЕШЕК

ЧУЖИЕ

БГ

АРЧ СТРЭНТОН

ЧУЖИЕ

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛЛИВУДА

АРЧ СТРЭНТОН

ЧУЖИЕ

РОДЕРИК ТОРП

КРЕПКИЙ ОРЕШЕК

РОБЕРТ ГОВАРД

КОНАН-ВАРВАР

«ЭРИКА»
МОСКВА
1993

Эта книга из выпускаемой в 1993 г. серии «БЕСТСЕЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА». В серию вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектив, фантастика, мистика, приключения, авантурный и любовный роман, одновременно ставшие литературной основой самых популярных и классовых кино- и видеофильмов.

В серии более 15-ти томов. Книги выгодно отличается превосходное исполнение — единство стиля при разнообразии красочного художественного оформления.

По вопросам приобретения книг серии оптовых покупателей просим обращаться по адресу: 129090, г. Москва, ул. Гиляровского, 29 (проезд — метро «Проспект Мира»). Тел. (095) 288—39—77, 342—61—61.

Знак серии защищен и охраняется авторским правом. Использование данного знака без согласования с издательством преследуется по закону.

ISBN 5—85775—007—5

- © В. Суриков, оформление, 1993 г.
- © В. Суриков, знак серии, 1993 г.
- © А. Стрэнтон, «Чужие», 1992 г.
- Литературная версия создана с разрешения Twentieth Century-Fox Film Corporation
- © 1979 by Roderick Thorp, «Nothing Lasts Forever»
- © Р. Говард, «Конан-Варвар», 1931 г.

АРЧ СТРЭНТОН

ЧУЖИЕ

«...На сегодняшний день насчитывается несколько десятков тысяч свидетельств о контактах или визуальных наблюдениях неопознанных летающих объектов. Большинство этих свидетельств тщательно проверены специалистами и не вызывают сомнений в своей подлинности...»
Из доклада комиссии по проверке свидетельств контактов с НЛО.

«...До сих пор мы не смогли установить контакты с космитами. Звуки, которые они издают, расшифровать пока не удастся. Так что неизвестно, с какой целью они прибыли к нам».

«Безусловно, их технология опережает нашу минимум на целую эпоху. Они могли уничтожить наши истребители без труда и приземлились только по известной им одной причине».

*Д-р Хайдер Браун.
«НБЮС» о приземлении
НЛО на палубу авианосца
«НИМИТЦ».*

С героями этого произведения Вы встретитесь в следующей книге серии «БГ»: «Чужой III».

ПРОЛОГ.

— Датч! Дааааатч! — Глухой коридор поглотил крик, словно его и не было. Ни эха, ни звука в ответ.

Он замер. Полчаса назад его напарник ушел проверить дорогу, выяснить, нет ли впереди ИХ. Теперь скорее всего Датч мертв. В лучшем случае, он успел пустить себе пулю в лоб, в худшем...

В худшем, один из паразитов прилепился ему на лицо и откладывает эмбрион. Делает свое страшное дело.

Что там за шорох впереди? Человек прижался к стене, судорожно стискивая в потной руке пистолет. Господи, разве эта игрушка может защитить от НИХ? ОНИ сильнее. ИХ больше. Где-то впереди новая жертва — Датч. Мужчина пристально всматривался в зловещий сумрак коридора. Там, в глубине станции, притаилось ЗЛО. Если бы не этот идиотский приказ, все были бы живы. Он ведь говорил, он ведь с самого начала говорил всем, что нельзя идти на этот корабль. Он чувствовал. А теперь... теперь...

Кто еще жив? Вернее, жив ли еще кто-нибудь? Вряд ли. Шорох! Опять шорох впереди!!! ОНИ? Нет. Тишина.

— ДАААААААТЧ!!!! — Нет ответа.

Человек осторожно отлепился от стены и сделал шаг.

Наша беда в том, что мы недооценили ИХ. Нам кажется, если что-то выглядит не так, как мы, значит, оно заведомо глупее. Фатальное заблуждение. Оно стоило жизни более чем полутора сотням колонистов. Мы решили, что ОНИ глупее НАС. ОШИБКА. Хищные твари, проклятием обрушившиеся на наши головы. И все этот сволочный приказ. Если бы не приказ...

Мужчина тихо, стараясь не производить ни малейшего шороха, двигался по коридору.

Злобные ублюдки. У НИХ потрясающая способность к мимикрии. ОНИ могут прятаться в самых заметных углах, сливаясь с обстановкой. ИХ безумно сложно обнаружить. Скорее всего Датч так и попался.

Человек поднял пистолет вверх.

Ему нужно выжить. Обязательно. Через три месяца поднимут тревогу. А еще через месяц здесь будет спасательная партия. Новые люди. Новая пища для НИХ. А за ними прилетят следующие. Он не может этого допустить. Ему нужно спастись. И, по возможности, выяснить, жив ли кто-нибудь еще. Надо добраться до лаборатории. Она герметична. Эти твари не смогут проникнуть туда.

Он свернул за угол. Пристально огляделся. Никого. Ни шороха, ни движения. Хотя, отсутствие движения еще не означает, что здесь пусто. В таких сумерках эти твари могут спрятаться так же легко, как десятицентовик в его кармане. Надо быть очень осторожным. Взгляд через плечо... Тишина... Теперь вперед. На противоположной стене красовалась большая надпись: «Третий уровень». До лаборатории меньше трехсот шагов.

Он вырос здесь. За двадцать лет этот комплекс стал ему родным домом.

Человек знал станцию так же хорошо, как пальцы на своей руке.

Осторожно. Не шуми. Иначе эти твари могут услышать тебя. И ТОГДА...

Он медленно двинулся дальше, стараясь ставить бутсы на полную подошву, следя за тем, чтобы не зацепить какой-нибудь обломок. Это было сложно. Пол буквально на дюйм завален разным хламом.

Господи, что здесь творилось, когда люди, наконец, поняли, что эти твари из себя представляют.

Он зло усмехнулся.

Любопытство. Извечный людской порок — любопытство. В том-то и дело, что мы способны учиться только на своих ошибках.

Под ногой громко хрустнул осколок плексигласового стаканчика. Человек замер, стоя на одной ноге и подняв другую вверх.

Услышали? Шорох? Шорох за спиной!!! Лицо колониста перекопилось от страха. Он резко обернулся, поднимая пистолет. И увидел... С потолка, извиваясь, спускалось ЭТО. Оно было похоже на человека. Тело, две задние лапы, две передние. Только вместо головы красовалась длинная змеиная шея, заканчивающаяся зубастой пастью. И хвост. Огромный трехметровый хвост. Оно было зеленого цвета и почти четырехметрового роста.

Человек заорал.

Его обнаружили! Скрываться больше не имело смысла. Если эти твари заметили тебя — всё. Конец. ОНИ будут преследовать жертву, пока не настигнут ее. А тогда — смерть.

Он выстрелил. Пуля пробила тело насквозь, вырвав здоровый клоч темно-зеленой плоти. Из зияющей раны брызнула жидкость. Ядовито-желтая струя попала на пол и зашипела, пузырясь, превращая металл в вонючую жижу. Тварь вытянула шею и пронзительно завизжала, обнажив два ряда острых, отливающих стальным блеском зубов. Человек нажал на курок еще раз. Еще. Еще. До тех пор, пока не опустела обойма. Лапы твари подломились, и она рухнула на пол. Хвост ее свернулся кольцом и замер.

Бежать! Теперь только бежать!!!

Человек знал: привлеченные звуком выстрелов, сюда спешат целые полчища ЧУЖИХ. Он развернулся и полетел по коридору. Поворот, еще один. На полном ходу мужчина споткнулся и рухнул на захламленный пол...

Прямо перед ним вытянулось неподвижное тело. Тело Датча. На лице напарника подрагивал восьмипалый паразит, напоминающий человеческую ладонь. Хвост его обвился вокруг шеи жертвы.

«Так, так. — Человек поднялся. — Значит, и из Датча со временем вылупится ЭТО».

Он осторожно обошел тело напарника и двинулся дальше по коридору.

«Теперь один. Совсем один. Четыре месяца в одиночку, запертый в лаборатории, без еды. Господи, помоги мне...»

Это была его последняя мысль. Оно обрушилось с потолка неожиданно и быстро. Подвижная внутренняя челюсть раздробила мужчине череп. Тварь подхватила безвольно обмякшее тело длинными суставчатыми лапами и потянула к пасти, перемалывая еще теплую плоть острыми, как бритвы, зубами.

Человеку было двадцать шесть, и он служил инженером-электронщиком.

Планета, на которой находилась станция колонистов, проходила в каталоге под кодом ЛБ-426.

Авторезак полосовал стальную обшивку челнока так же легко, как консервный нож — жестяную банку. Искры

летели фонтаном в голубоватый полумрак рубки, и если бы это мог наблюдать кто-нибудь еще, кроме бортового компьютера, то наверняка зрелище произвело бы неизгладимое впечатление.

Кусок обшивки грохнул об пол, подняв облако пыли. От его раскаленных краев поднимались красноватые клубы дыма.

В образовавшийся проем вполз манипулятор с укрепленным на нем сканером. Тонкие лучи лазера ощупывали рубку. Расположение предметов, наличие живых существ, возможная опасность, температура, влажность... Все эти данные поступали в компьютер, который в свою очередь, тщательно пережевывая информацию, выдал на мониторы лаконичную надпись:

«Опасности не представляет».

Луч еще раз прошел по рубке, задержавшись на покрытом пылью саркофаге. Поплыл в сторону, вернулся. Автоматически включились инфракрасные датчики, анализируя площадь участка, выделяющего тепло, а также интенсивность его выделения.

Компьютер обработал новые данные.

«Органическая жизнь. Гуманоид. Пребывает в состоянии анабиоза. Опасности не представляет».

Манипулятор уполз в сторону, пропуская новых посетителей. Три массивные, облаченные в защитные костюмы фигуры вошли в рубку. Тот, что шел впереди, остановился, оглядев тесное помещение. Видимо, он был здесь главным, так как шедшие за ним тут же замерли. Они терпеливо ждали его дальнейших действий. Старший несколько секунд разглядывал внутренности челнока, словно прикидывая что-то для себя, а затем быстро подошел к саркофагу и резким движением стер толстый слой пыли с защитного колпака капсулы...

В ней лежала молодая женщина. Компьютер не ошибся. Она находилась в состоянии глубокого анабиоза. Старший некоторое время вглядывался в ее лицо, пытаясь понять, жива ли она или это прекрасно сохранившийся труп. Но вот ноздри ее чуть заметно дрогнули. Начался длинный вдох.

В состоянии анабиоза этот процесс может длиться несколько часов, чего ждать. Все ясно. Она жива.

Старший протер стекло, пытаясь получше разглядеть ее, и брови его удивленно поползли вверх. Под рукой женщины, уютно уткнувшись мордочкой ей в бок, пристроился

рыжий кот. Обычный дворовый кот, каких на земле пруд пруди. Но здесь...

Человек секунду разглядывал застывшее рыжее существо, а затем вздохнул и стянул респиратор.

— Ну вот, похоже, она жива, — обратился к нему напарник, сдвигая в свою очередь резиновую маску с потного лица. — Видишь, здесь сигналы зеленые.

— Да, — подтвердил командир. — А это значит, плакали наши права на пустой корабль.

Он был совсем молодым парнем, этот старший. Звездолет, подобравший челнок, назывался «Яркая звезда». Он выполнял функцию утилизатора, и по закону его экипаж имел все права на находку, если бы в нем не обнаружилось живых людей. Челнок числился за танкером «Настромо», а женщина, покоящаяся в саркофаге, была помощником капитана «Настромо», офицером по фамилии Рипли.

Часть 1. ВОЛОНТЕРЫ.

РИПЛИ.

ОНА БЕЖИТ ПО ГУЛКИМ ПЕРЕХОДАМ «НАСТРОМО». ЗАЖАТЫЙ В ПРАВОЙ РУКЕ ЯЩИК ПРИ КАЖДОМ ШАГЕ УДАРЕТ ЕЕ ПО БЕДРУ. РИПЛИ НЕ ОБРАЩАЕТ ВНИМАНИЯ НА ВЫЗВАННУЮ ЭТИМИ УДАРАМИ БОЛЬ. У НЕЕ ДРУГАЯ, БОЛЕЕ ВАЖНАЯ ЗАДАЧА — ВЫЖИТЬ. ГДЕ-ТО В ЛАБИРИНТАХ КОРАБЛЯ ЕЁ ПОДЖИДАЕТ СМЕРТЬ. ХИТРОЕ, УРОДЛИВОЕ, ЗЛОЕ НЕЧТО, УБИВШЕЕ ПЯТЕРЫХ ЧЛЕНОВ ЭКИПАЖА «НАСТРОМО».

ШАГ. УДАР. БОЛЬ. ШАГ. УДАР. БОЛЬ.

— ДО ВЗРЫВА ОСТАЛОСЬ ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ МИНУТЫ. — ГОЛОС МАТЕРИ. СПОКОЙНЫЙ, ХОЛОДНЫЙ, БЕЗРАЗЛИЧНЫЙ.

ШАГ. УДАР. БОЛЬ. ПОВОРОТ. ШАГ. УДАР. БОЛЬ.

ОТ СТЕНЫ ОТДЕЛЯЕТСЯ ОГРОМНАЯ ТЕНЬ. БЬЮЩИЙ ИЗ ПРОТИВОПОЖАРНЫХ СКВАЖИН ПАР МЕШАЕТ РАЗГЛЯДЕТЬ, ЧТО ЭТО. НО ОНА И ТАК ЗНАЕТ. ЭТО ОН. ЧУЖОЙ.

СИЛУЭТ СТАНОВИТСЯ ВСЕ ТЕМНЕЕ. СКВОЗЬ ВЛАЖНУЮ ЗАВЕСУ УЖЕ МОЖНО РАЗГЛЯДЕТЬ ДЛИННУЮ, РАСКАЧИВАЮЩУЮСЯ ИЗ СТОРОНЫ В СТОРОНУ, ШЕЮ. ОНО ЗАМЕТИЛО РИПЛИ.

ОМЕРЗЕНИЕ, СМЕШАННОЕ СО СТРАХОМ, ОХВАТЫВАЕТ ЕЕ. СУЩЕСТВО ВЫТЯГИВАЕТ ШЕЮ В СТОРОНУ ЧЕЛОВЕКА И ЖУТКО ШИПИТ. РИПЛИ ВИДИТ ОСТРЫЕ ЗУБЫ, ПОКРЫТЫЕ ТЯГУЧЕЙ КЛЕЙКОЙ СЛЮНОЙ. ТВАРЬ ДЕЛАЕТ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ГИГАНТСКИХ ШАГОВ И НАСТИГАЕТ ЖЕРТВУ. ОТБРОШЕННЫЙ МОЩНЫМ УДАРОМ КОГТИСТОЙ ЛАПЫ, ЯЩИК ЛЕТИТ В СТОРОНУ.

ВНУТРЕННЯЯ ЧЕЛЮСТЬ МОНСТРА МОМЕНТАЛЬНО ВЫЛЕТАЕТ ИЗ РАСПАХНУТОЙ ПАСТИ И ВОНЗАЕТСЯ В ЖИВОТ РИПЛИ, ПЕРЕМАЛЫВАЯ ВНУТРЕННОСТИ, ПОГРУЖАЯСЬ ГЛУБЖЕ И ГЛУБЖЕ. ОТ СТРАШНОЙ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ БОЛИ ЖЕНЩИНА КРИЧИТ И...

...просыпается. Холодный пот крупными каплями скатывается между лопаток к пояснице. Рипли ощутила, что ее майка совершенно вымокла. Страхивая остатки кошмара, она мотнула головой и огляделась.

Белая, узкая, как пенал, больничная палата. Минимум мебели. Койка, стол, пара кресел. На столе графин с водой и поднос, накрытый белой, как и все остальное, салфеткой.

«Господи, все равно у нее еще не было комнаты роднее этой».

Из соседнего отсека вынырнула медицинская сестра-негритянка. В руках стаканчик с питательным раствором. Негритянка напевала себе под нос незамысловатую мелодию. Она, похоже, даже не сразу сообразила, что Рипли очнулся и сидит в кровати. ТЕМ не менее негритянка быстро пришла в себя и, улыбнувшись дежурной улыбкой, ласково промурлыкала:

— Добрый день, Рипли. Как вы себя чувствуете?

Рипли снова откинулась на подушку, ощутив, как пот впитался и в без того промокшую одежду.

— Где я? — Она слотнула. Ей очень хотелось пить, но все-таки пришлось сдержаться. Было бы проявлением слабости наброситься на графин в присутствии сестры.

— В безопасности. — Негритянка поставила стакан со смесью на стол. — Уже пару дней вы на нашей космической станции. — Голос ее дрогнул и понизился до таинственного шепота. Так обычно сообщают самые значительные новости. — Вас нашли чудом. Это была чистая случайность.

Рипли прикрыла глаза. Скорее бы эта говорливая сестра вышла. Она, кажется, полжизни отдала бы за стакан свежей воды.

— К вам уже гости. — Слова негритянки вернули ее к действительности.

«Гости? Кто? Кто мог знать, что она здесь? Наверняка кто-нибудь из этой чертовой Компании!»

Пневматическая дверь мягко скользнула в сторону, пропуская гостя. Им оказался улыбчивый симпатичный парень. Аккуратный, затянутый в серую тройку, словно сошедший с обложки рекламного проспекта. Красный галстук выдавал представителя делового мира.

«Я не знаю его. — Рипли заранее настроила себя враждебно по отношению к нему. — Конечно, он — представитель Компании. Кто же еще? А с этими людьми у нее особый счет».

На руках у парня покоился рыжий, свернувшийся в клубок...

(Джоунси) кот. И, именно это разрушило всю ее враждебность.

— Джоунси! — Позвала она. Кот вздрогнул и повернул голову в ее сторону.

Парень обаятельно улыбнулся.

— Джоунси, иди сюда! — Кот мягко прыгнул на пол и, в два прыжка покрыв расстояние до койки, забрался на одеяло, уткнувшись в ладонь Рипли холодным влажным носом.

— Ну, как ты, глупый кот? — Джоунси тихо заурчал. — Как ты? Где ты был?

— Вы знакомы? — Рипли подняла глаза на посетителя. Тот слегка развел руками, как бы говоря: «Я понимаю, Вам, наверное, неприятно, но что делать — работа». И улыбнулся, словно извиняясь. — Я — Бёрк. Работаю в этой Компании.

Он так произнес это слово, что фраза прозвучала примерно как «Компания» и «дерьмо» — слова-синонимы.

Рипли невольно улыбнулась.

— А, на самом деле, я хороший парень. — Ободренный ее улыбкой, продолжал он. — Я рад, что Вам уже лучше.

Голос его был наполнен такой искренней симпатией, что Рипли снова улыбнулась. Бёрк ей явно нравился.

«Черт возьми, ты же знаешь, нельзя распыляться. ОНИ именно на это и рассчитывают. Ты ведь хотела надрать им задницы, а вместо этого улыбаешься, как последняя дура».

— Мне сказали, что слабость пройдет. — Бёрк придвинул стул и оседлал его так, что грудь опиралась на высокую спинку. — Это, очевидно, последствия столь длительного гиперсна или что-то в этом духе.

— Что значит «столь длительного»? Сколько я спала? — Рипли ощутила укол беспокойства.

— С Вами что, никто этого не обсуждал? — Парень казался растерянным. — Вас что, не навещали раньше... до меня?

— Да я в себя пришла минуту назад. — Встревоженно повысила голос Рипли. — И я... я не узнаю эту станцию.

Бёрк отвел взгляд. Было видно, что ему не по себе. Нервным движением он ослабил галстук и растегнул пуговицу на белоснежной крахмаленной сорочке.

— Хорошо... — Взгляд его метнулся на стену, стол, кровать и, наконец, вернулся обратно к Рипли. Он кашлянул, прочищая горло. — Просто... Я боюсь, это может быть слишком сильным потрясением для Вас...

Он вновь замолчал.

— Сколько?.. — Жестко спросила Рипли, не давая ему расслабиться. — Пять лет? Десять?.. Пожалуйста...

Бёрк вздохнул и, подняв глаза, тихо произнес:

— Пятьдесят семь.

— Что?.. — Рипли показалось, что белая больничная палата качнулась, и потолок рухнул ей на голову. — Вы сказали...

— Да, — уже громче подтвердил Бёрк. — Вы находились в состоянии анабиоза пятьдесят семь лет. Мы не знаем, как это случилось, но Вы

(! Господи, пятьдесят семь лет!)

прошли через все наши системы незамеченной, и, лишь по чистой случайности, Ваш челнок подобрала команда сборщиков утиля. Вам повезло. Вам чертовски повезло.

(!!! ПЯТЬДЕСЯТ СЕМЬ ЛЕТ!!!)

Вы могли бы вечно плавать в космосе. Вам определенно повезло, что Вы в живых остались...

Она собралась было ответить, но в этот момент Джоунси насторожился. Собравшись в рыжий пушистый комок, он попятился, стараясь отодвинуться подальше от Рипли. Пасть его открылась, и женщина услышала угрожающее шипение.

Сердце ее гулко забилося.

(ОНА ВИДЕЛА ЭТО!)

Шерсть на загривке кота встала дыбом, уши прижались к голове, и он снова зашипел. Зло и яростно. Но к ярости примешивался страх!

(ДЖОУНСИ ВЕЛ СЕБЯ ТАК, КОГДА ЧУВСТВОВАЛ ЕГО!!! ЧУЖОГО!!! ГОСПОДИ, НЕУЖЕЛИ...)

ОСТРЫЙ СПАЗМ В ЖЕЛУДКЕ СОГНУЛ ЕЕ ПОПОЛАМ.

БОЛЬНО! ГОСПОДИ, КАК МНЕ БОЛЬНО!!!

ЧТО-ТО ЖИВОЕ ШЕВЕЛИЛОСЬ ВНУТРИ НЕЕ, ДЕРГАЛОСЬ, РВАЛОСЬ НАРУЖУ.

И лицо Бёрка вытянулось. Он с тревогой следил, как женщина скрюченными побелевшими пальцами впиалась в майку на животе.

С ней что-то происходит! С ней точно что-то происходит!!!

— Что с Вами? — Встревоженно спросил он. — Вам плохо?

Рипли хотела ответить и даже открыла рот, но тотчас новый, более жестокий приступ боли свернул ее в клубок. Холодный пот заливал ей глаза.

Лицо Бёрка стало землисто-серого цвета. Он был безумно напуган. Ничего подобного ему видеть не приходилось, и теперь страх сковал его.

РИПЛИ ПОЧУВСТВОВАЛА, КАК НЕЧТО, СИДЯЩЕЕ В НЕЙ, НАЩУПАВ НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМОЕ МЕСТО, ПРИНЯЛОСЬ ПРОГРЫЗАТЬ ЕЙ ЖИВОТ. БОЛЬ БЕЛЫМ ПЛАМЕНЕМ РАСТЕКЛАСЬ ПО ТЕЛУ.

— Господи боже! — Выдохнул Бёрк. Он видел, как женщина выгнулась какой-то невообразимой дугой. Ему показалось, что он слышит, как трещит ее позвоночник. Широко распахнутым ртом Рипли судорожно втягивала в себя воздух. Невидящий взгляд обесцвеченных болью глаз слепо метался по комнате.

— Сестра! — Что было силы заорал Бёрк. — **СЕСТРА-АААААААА!!!**

КЕЙН! ЭТО ТАК ЖЕ ВЫБРАЛОСЬ ИЗ НЕГО! КЕЙН! БОЖЕ, КАК БОЛЬНО!!! ЕЕ ПАЛЬЦЫ РАЗДИРАЛИ ПЛОТЬ, ПЫТАЯСЬ УНЯТЬ БЕЗУМНУЮ, СВОДЯЩУЮ С УМА БОЛЬ! УБЕЙТЕ МЕНЯ! ПОЖАЛУЙСТА, УБЕЙТЕ МЕНЯ!!!

— Кто-нибудь!!! — Продолжал орать Бёрк, вскочив со стула.

Руки Рипли описали широкую дугу. Графин слетел со стола и, ударившись об пол, раскололся, брызнув водой и осколками стекла. Стаканчик с питательной смесью, кувыркаясь, полетел в угол, расплескав густую вязкую жидкость.

— НА ПОМОЩЬ, КТО-НИБУУУУУУУУДЬ!!!

Дверь с шипением поехала в сторону, и в комнату вбежал доктор, а следом за ним сестра-негритянка.

Джоунс с воем шарахнулся им под ноги, выскочив в коридор.

— Быстрее! — Бёрк явно почувствовал облегчение, увидев спешащих на подмогу людей. — Держите ее!

Доктор и негритянка вцепились в бьющуюся Рипли с двух сторон, прижимая ее к матрасу.

ЕСЛИ ОНО ВЫРВЕТСЯ ИЗ НЕЕ, ВСЕ ПОГИБНУТ!!! ОНА ДОЛЖНА ПОКАЗАТЬ ИМ ЭТО!!!

Титаническим усилием Рипли разорвала кольцо держащих ее рук и скрюченными пальцами рванула материю футболки...

Оцепенев от охватившего их ужаса, люди смотрели, как на животе женщины вздулся желвак. Он пульсировал, становясь все больше и больше, пока...

— УБЕЙТЕ МЕНЯ! ПОЖАЛУЙСТА, УБЕЙТЕ МЕНЯ!!!

не лопнул. Кровавые брызги разлетелись по комнате. Алое на белом. А из образовавшейся раны выбралось НЕЧТО. Вымазанное теплой дымящейся кровью, ОНО вытянуло длинную шею и, распахнув пасть, завизжало жутким пронзительным писком. Потерявшая сознание, сестра сползла на пол. И тогда...

Рипли проснулась. Компьютер тут же зафиксировал пробуждение, учащенный пульс, повышенное давление и усиленное потоотделение.

Замерцал экран видеофона, и на нем возникло встревоженное лицо сестры-негритянки.

— Опять кошмар? — Она с участием смотрела на взмокнушую, с хрипом ловающую ртом воздух, пациентку. — Может быть, примете снотворное?

Рипли отрицательно мотнула головой.

— Нет. — Только и смогла выдавить она.

Сестра еще несколько секунд наблюдала за ней, а потом экран погас.

Джоунси, пристроившийся в ногах Рипли, лениво повернул голову и, щуря зеленые глаза, взглянул на хозяйку.

— Я и так слишком долго спала, Джоунси. — Жестко сказала женщина. — Все в порядке. Все в порядке. Все уже позади.

Словно поняв ее слова, кот вздохнул и, отвернувшись, уткнулся носом в одеяло.

Действительно, все уже позади.

* * *

Семь пар глаз наблюдали за ней, изучая, делая выводы. Рипли чувствовала себя полной идиоткой. Вместо того что-

бы как следует надрать задницу этим ублюдкам — правлению Компании, — она должна защищаться. Эти сволочи вынудили ее *оправдываться!* Господи, словно не она, а эти уроды возились с Кейном, пытались снять с его лица восьмипалого паразита, они ползли с огнеметом по шахтам воздухозаборника, отслеживая Чужого, они растаскивали бомбы по отсекам «Настромо», зная, что в любой момент могут наткнуться на злобную, смертоносную тварь, они нос к носу столкнулись с Чужим в маленьком, тесном челноке... и победили его!

ЧЕРТ ИХ ДЕРИ!

Лишь одно лицо за этим столом не вызывало у нее отвращения. Бёрк. Рипли видела, что он сочувствует ей. Его губы постоянно двигались, словно говоря:

«Все в порядке, Рипли. Спокойно. Спокойно».

Если бы не Бёрк, она давно потеряла бы самообладание, а уж этого никак нельзя было себе позволить. Для нее это было бы слишком большой роскошью. Ведь именно этого все и ждали.

Дэн Луин — председатель правления — задумчиво пожевал и, словно от тяжелого раздумья, промычал:

— Я бы вновь хотел вернуться к Вашему объяснению, ммм...

— Господи, я не понимаю... — устало простионала Рипли. — Мы сидим здесь уже три с половиной часа. Сколько раз вам рассказывать одно и то же...

Дэн Луин поднял на нее глаза.

(Чему вы удивляетесь, офицер?)

— Ну взгляните на это и с нашей точки зрения, пожалуйста, ммм... — Он снова пожевал губами. — Прошу Вас, ммм... Итак, Вы говорите, что уничтожили целый космический танкер. Довольно дорогой корабль, между прочим, ммм...

Пошел ты, мать твою.

«Сорок два миллиона и еще сколько-то там долларов. И это, еще не считая стоимости груза, что по самым скромным подсчетам удваивает сумму, ммм, вот».

Ты, жирный ублюдок, еще смеешь говорить о деньгах?

«Записи компьютера подтверждают какую-то часть Вашего рассказа. Я подчеркиваю — часть, а именно, что «Настромо» действительно совершил посадку на ЛБ-426, в то время необследованной планете, после чего взлетел и был уничтожен экипажем по неизвестной причине. При этом часть экипажа погибла». Его голос так и источал доброже-

лательность. Ни дать, ни взять — добряк — учитель, укоряющий любимого ученика за нерадивость.

— Что значит «по неизвестной причине»? Я Вам сказала: мы сели там по приказу Компании — уж не знаю, кто конкретно его отдал — для того, чтобы поймать одну из этих тварей, которая потом уничтожила весь экипаж. И ваш товар, кстати.

Чопорная дама в бежевом костюме возмущенно закурила длинную тонкую сигарету.

Заценило, мать твою так?

Луин скривился.

— Вы знаете, наши специалисты осмотрели спасательный челнок, но — довольно странно, не правда ли, — ничего не обнаружили.

— Конечно, ничего не обнаружили. — Зло парировала Рипли. — Потому что я, черт возьми, выкинула эту тварь в открытый космос! Я же вам говорила это раньше!

— Скажите, — строго осведомилась чопорная дама. — Эти организмы... Вы их встречали где-нибудь еще или только на ЛБ-426?

Кретинка!!!

Рипли ощутила, что все ее намерения держаться в рамках, рассыпаются, как карточный домик. Еще сдерживая рвущийся наружу крик ярости, она, пропустив мимо ушей вопрос дамы, обернулась к Дэну Луину.

— Эта планета — просто кусок камня. Там ничего нет, кроме этого космического корабля. Чужого. Это не местный организм, понимаете? Скорее всего он завезен на этом — ЧУЖОМ — корабле. Мы сели, услышав сигнал, как того требовал приказ Компании. Так в чем меня обвиняют?

— Да, да. — Закивал головой Луин. Весь его вид говорил: перестаньте рассказывать нам сказки, офицер Рипли. Имейте мужество признаться в своем проступке. — И, конечно, нашли что-то, чего не нашел НИКТО НИ НА ОДНОМ из трехсот обследованных миров. Существо, которое вживляется в человека, пожирает его изнутри. У которого вместо крови концентрированная кислота. Ну и так далее. — Дэн Луин устало вздохнул.

Спокойно, Рипли, спокойно.

— Совершенно верно. Я понимаю, что вы хотите сказать. Но повторяю, эти существа *действительно были*.

Луин еще раз вздохнул и задумчиво покачал головой.

— Спасибо, это все, офицер Рипли.

Они не поверили ей. А это значит, что в любое время

какой-нибудь корабль может сесть на те же сигналы и подвергнуться нападению этих тварей, Чужих. И вполне возможно, что в следующий раз экипаж не сумеет отделаться от паразита. А тогда...

Рипли представила Землю, заселенную тварями. Космические станции, по которым рыщет злое НЕЧТО, выискивая новые жертвы...

— Да нет же, послушайте... — В голосе ее ярость смешивалась с отчаянием. — Кейн говорил, что видел на этом корабле склад. Там тысячи яиц, понимаете? Тысячи!

— Спасибо. Это все. — Резко оборвал ее Луин.

И тут Рипли сорвалась. Она видела предостерегающий жест Бёрка, но уже ничего не могла с собой поделать.

— Да это не все!!! Черт возьми, это не все!!! Если эти твари попадут сюда, тогда будет ВСЕ! Это много важнее, чем то дерьмо собачье, о котором вы тут талдычите! Если хоть одна из них попадет сюда, то вы, мать вашу, можете попрощаться со всем миром, раз и навсегда!

Дэн Луин поднялся из-за стола. По перекошенному красному лицу было заметно, что она сумела достать его.

Рипли выдохнула, успокаиваясь.

Дура, стопроцентная идиотка. Зачем ты начала орать?

Председатель правления сунул руки в карманы брюк и равнодушным голосом произнес:

— Дело закрыто.

Комната наполнилась шумом отодвигаемых кресел, приглушенными голосами. Кто-то тихо засмеялся.

— Рипли. — Она обернулась. Бёрк стоял рядом, чуть перекаtywаясь с пятки на носок, и сочувственно глядел на нее. — Это, конечно, могло пройти и получше...

Рипли видела, как Дэн Луин собрал со стола бумаги и тщательно упаковал их в свой «кейс». Цепляясь отвисающим животом за кресла, он неторопясь двинулся к выходу. Когда его необъятная фигура проплывала мимо, женщина сделала шаг вперед.

— Луин. — Председатель остановился и оглядел ее. В глазах его застыло пренебрежение. — Может быть, вы все-таки проверите ЛБ-426? — Через силу выдавила Рипли.

Он пожал плечами и с усталой снисходительностью пояснил:

— В этом нет необходимости. Там уже почти двадцать лет живут люди. Ммм... И ничего. Не жалуются.

Рипли ощутила, как у нее перехватило дыхание.

— Что значит «живут люди»? Какие люди?

— Колонисты. — Спокойно ответил Луин. — Инженеры. Они там установили огромные станции по переработке атмосферы. — И «уколот». — Ну, для того, чтобы воздухом можно было дышать.

Рипли не среагировала на издевку.

— Сколько их там? Сколько там этих колонистов?

— Я не знаю. — Равнодушно отмахнулся председатель. — Семей шестьдесят. Может быть, семьдесят. — Он шагнул к двери, проронив на ходу. — Простите, пожалуйста.

— Колонисты. Семьи. Господи боже...

Не меньше ста сорока человек. И все эти люди двадцать лет сидят на пороховой бочке с горящим фитилем. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ. Великий боже! Рано или поздно кто-нибудь из них наткнется на этот чертов корабль, в котором...

ТЫСЯЧИ И ТЫСЯЧИ ЯИЦ ЖДУТ СВОЕГО ЧАСА, НАЧИНЕННЫЕ СМЕРТЬЮ, ГОТОВЫЕ ИСТОРГНУТЬ ИЗ СЕБЯ ПОЛЧИЩА ЯДОВИТО-ЖЕЛТЫХ ВОСЬМИПАЛЫХ ТВАРЕЙ. РАНО ИЛИ ПОЗДНО КТО-НИБУДЬ НАЙДЕТ ИХ. ТОГДА КОНЕЦ.

Прошла ровно неделя. Рипли ждала, что боль постепенно притупится. Она даже поступила в доки, проверять исправность автопилотов. И в суете дневной работы ей удавалось отвлечься от своих страшных мыслей. Но по вечерам, когда она оставалась одна, все начиналось сначала. Черная тревога нависала над ней густым облаком, и некуда было спрятаться от нее. Даже ночь не приносила облегчения. Потому что в темноте к ней возвращалось безумие прошлого. Кошмар пятидесятисемилетней давности.

Окурок догорал в ее пальцах. Тоненькая голубоватая струйка дыма поднималась к потолку.

«Конец. Каким он будет? Кто разбудит зло? Мужчина? Женщина? Ребенок? Какая разница. Это не будет иметь ни малейшего значения. Полторы сотни неподготовленных людей. Они даже не успеют понять, с чем им пришлось иметь дело. ЭТО убьет их раньше.

Возможно, тогда эти сукины дети поверят ей. Но будет поздно. Колонисты погибнут. Все. До единого. Видит Бог, она не желала зла. Всеми силами она пыталась помешать

ему. Но, видно, для того, чтобы убедить этих скотов, нужно жертвоприношение. Ну что ж, они получают то, чего добиваются. Она умывает руки. Великий Боже, прости меня. Ты знаешь, я не хотела этого».

Ее размышления прервал деликатный стук в дверь. Рипли выбралась из кресла и нажала кнопку. Створки с шипением начали открываться, но в то же мгновение она заклинила их. За дверью ожидали Бёрк и молодой парень в военной форме.

Створки с грохотом захлопнулись. Рипли привалилась к ним спиной, закрыла глаза и глубоко вдохнула, задержав дыхание.

«Что им надо? Что им еще от нее надо? Она не хочет больше лезть в это дерьмо. Хватит. Пусть сами отвечают за то, что сделали!»

Снова стук и следом встревоженный, заглушаемый стальной перегородкой, голос Бёрка:

— Добрый день, Рипли. Со мной лейтенант Горман. Нам нужно поговорить с Вами!

— Идите к черту.— Прошептала она сквозь стиснутые зубы.— Убирайтесь! Оставьте меня в покое.

— Рипли? — Бёрк еще раз постучал в дверь.— Нам очень нужно поговорить с Вами. Это касается ЛБ-426. У нас оборвалась связь с базой колонистов.

Створки раскатались в стороны, и Рипли, едва сдерживая подступающую к горлу ярость, ткнула пальцем в грудь Бёрка.

— Господи, я не могу поверить! Вы выбросили меня с работы, а теперь снова обращаетесь ко мне? Провалитесь вы пропадом вместе со своей Компанией.

— Одну минуточку, Рипли.— Бёрк смущенно взглянул на Гормана.— Мы хотели предложить Вам полететь на ЛБ-426 в соста...

— Что? — Перебила его женщина.— Я не ослышалась? Вы предлагаете мне лететь? Ну уж нет, это не моя проблема!

Господи, ну его-то ты за что приложила? Он-то тут при чем? Стерва ты, Рипли.

Она развернулась и вошла в комнату. Мужчины последовали за ней.

— Я могу договорить? — Бёрк присел на стул.

— Нет,— отрубил Рипли.— Это невозможно.

Она опустила на кровать, и Джоунси тут же потерялся об ее руку, требуя, чтобы ему почесали за ухом. Рипли от-

махнулась от него, словно это он был виновником всех ее бед.

— Рипли,— спокойно продолжал Бёрк.— Я гарантирую Вам безопасность. Там будет армия, десантники. Потом, эти поселенцы — тоже крепкие парни. А уж вместе они справятся с чем угодно. Правда, лейтенант?

Горман, совсем молодой — не старше двадцати семи — парень, снял фуражку и, смутившись, провел ладонью по коротко стриженным волосам. Видно было, что он чувствует себя не в своей тарелке.

— Совершенно верно,— подтвердил он.— Они проходили спецподготовку.

«А ведь парень только из училища,— решила Рипли.— Господи, совсем зеленый. Да они, наверное, ничего серьезнее компьютерных страшилищ и не знают. Интересно, что бы они запели, если бы увидели одну из этих тварей живьем?»

— Вот и отлично.— Спокойно кивнула она.— Тогда я вам не нужна. Я не солдат.

— Да, но мы не знаем, что там происходит.— Продолжал настаивать Бёрк.— Может быть, у них просто передатчик накрылся.— Он улыбнулся, но тут же вновь стал серьезен.— Но, если это не так, я бы хотел, чтобы Вы были там в качестве консультанта. И это все.

Рипли отрицательно покачала головой.

— У меня нет времени. Мне уже пора на работу.

— Конечно. Я слышал, Вы работаете в торговом доке?

— Да,— подтвердила она.— Грузовой торговый док.

— Прекрасная вещь,— в тон ей поддакнул Бёрк.

— Ну и что?

У него есть туз в рукаве.

— Ничего,— пожал он плечами.— Очень хорошо. Какое-то дело, правда? Хотя, я знаю, что Вам это не очень нравится.

Сукин сын.

Нет. В этом, конечно, нет ничего плохого, но ведь ваше призвание в другом.— Он знал, на чем играть.— Ну, а если я скажу, что могу снова сделать Вас офицером космического корабля? Компания — «за».

— Если я полечу, да? — Она усмехнулась.

— Да. Если Вы полетите. Это второй шанс, малышка.— Без тени издевки продолжал он.— И для Вас это самое лучшее.

— Еще раз встретиться с этой тварью? Спасибо, Бёрк. Я уже была у психиатра в этом месяце.

— Я знаю.— Он не принял иронии.— И даже читал его отчет.— Голос его стал жестким. Разговор вышел за рамки простого человеческого общения. Теперь перед ней сидел холодный, расчетливый делец. Ему нужна была Рипли, и он использовал все возможности для того, чтобы получить желаемое.— Вы каждую ночь просыпаетесь в холодном поту, не так ли?

Симпатия к этому парню сменилась глухим раздражением. Рипли показалось, что ее подталкивают к краю бездонной пропасти. И до края остался всего лишь один маленький шаг. Чтобы стряхнуть с себя наваждение, она встала и твердо ответила:

— Нет. Я сказала НЕТ. Теперь, пожалуйста, уходите. Я не вернусь туда. Я не смогу вам ничем помочь. Даже если бы и согласилась лететь.

Бёрк поднялся. Делец пропал, снова уступив место симпатичному обаятельному парню.

— Хорошо, хорошо.— Быстро сказал он и тепло улыбнулся.— Только, пожалуйста, подумайте об этом. Вы нам нужны, Рипли.

Он дружески кивнул ей и пошел к выходу. Горман, слегка прищелкнув каблуками, поспешил следом, торопясь оставить Рипли наедине с ее мыслями.

«Ну что? Ты ведь этого хотела? Она растерянно стояла посреди комнаты, глядя, как смыкаются створки пневматической двери. Что же ты стоишь? Догони их, скажи, что согласна лететь. Давай, сделай это».

Она оглянулась и заметила на столе узкий прямоугольник электронной визитки. Взяв его в руки, Рипли прочла:

«БЕРКЛИ СТРЕЙЗЕНД».

А чуть ниже, черным маркером от руки:

«Рипли, звоните в любое время».

* * *

Рипли снова была там. В пылу злостью чреве «Настромом».

ДАЛЛАС СКОЛЬЗИЛ ПО СТАЛЬНЫМ ПЕРЕХОДАМ ВОЗДУХОТВОДНЫХ КАНАЛОВ. ОСТОРОЖНО, СТАРАЯСЬ НЕ ПРОИЗВОДИТЬ ЛИШНЕГО ШУМА, ЧТОБЫ НЕ ПРИВЛЕКАТЬ ВНИМАНИЯ ЗУБАСТОЙ ТВАРИ. В ОТЛИЧИЕ ОТ ОСТАЛЬНЫХ, ОН, КОГДА-ТО СОБИРА-

ЯСЬ ПОСТУПАТЬ В ВОЕННЫЙ ФЛОТ, ИЗУЧАЛ КОСМОЗООЛОГИЮ. ТЕПЕРЬ ЕМУ ЭТО ПРИГОДИЛОСЬ. ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ДАЛЛАС ВОСПРИНИМАЛ ЭТО НЕ КАК БЕЗЛИКОЕ УЖАСНОЕ НЕЧТО, А КАК ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ. ХИТРЫЙ, ОПАСНЫЙ, НО ВСЕ ЖЕ ЖИВОЙ. ОТ ЭТОГО НЕЧТО ОБРЕТАЛО ПЛОТЬ, СТАНОВЯСЬ МАТЕРИАЛЬНЫМ. У СУЩЕСТВА БЫЛО ТЕЛО, А ЗНАЧИТ, ОНО СМЕРТНО. И ЭТО УСПОКАИВАЛО.

— ДАЛЛАС! ДАЛЛАС! ОНО НА УРОВЕНЬ НИЖЕ, ТЫ СЛЫШИШЬ?

— СЛЫШУ. ПОНЯЛ ТЕБЯ, ЛАМБЕРТ.— ОН ПЕРЕВЕЛ СТВОЛ ОГНЕМЕТА, НАПРАВЛЯЯ ЕГО В ВЕРТИКАЛЬНУЮ ШАХТУ. И СТАРАЯСЬ ДВИГАТЬСЯ БЕСШУМНО, ПОПОЛЗ ВНИЗ.

— ОТЛИЧНО! ВОТ ТЫ И ПОПАЛСЯ, УБЛЮДОК! ТЫ — ПОПАЛСЯ,— УБЛЮДОК! ЧЕРЕЗ СЕКУНДУ ВСЕ БУДЕТ КОНЧЕНО. ТЫ УМРЕШЬ.

ДАЛЛАС УСМЕХНУЛСЯ. ПАЛЕЦ ЕГО НЕРВНО ПОДРАГИВАЛ НА КНОПКЕ «ОГОНЬ». В ЛЮБУЮ МИНУТУ ШАХТА МОГЛА ПРЕВРАТИТЬСЯ В ПЫЛАЮЩИЙ АД.

— СЕЙЧАС Я СДЕЛАЮ ТЕБЯ, УРОД.

ОН ДОСТИГ СЛЕДУЮЩЕГО УРОВНЯ. ВОЗДУШНЫЕ ОТВЕТВЛЕНИЯ КРЕСТООБРАЗНО УХОДИЛИ В ГЛУБИНУ КОРАБЛЯ.

НА ЭКРАНЕ СЛЕЖЕНИЯ ДВЕ ЯРКИЕ ТОЧКИ — НЕЧТО И ДАЛЛАС — СТРЕМИТЕЛЬНО СБЛИЖАЛИСЬ. ВОТ ОНИ УЖЕ СОВСЕМ РЯДОМ, ПОЧТИ СЛИЛИСЬ В ОДНО ЯРКОЕ ПУЛЬСИРУЮЩЕЕ ПЯТНО.

И СЛЕДОМ ХРИПЛЫЙ ГОЛОС В ДИНАМИКЕ:

— ЗДЕСЬ НИКОГО НЕТ!

ЛАМБЕРТ И РИПЛИ ПЕРЕГЛЯНУЛИСЬ.

— ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! — ПОМЕРТВЕВШИМ ГОЛОСОМ ОТВЕТИЛА ЛАМБЕРТ.— ЭТО ГДЕ-ТО РЯДОМ С ТОБОЙ! ТЫ СЛЫШИШЬ?

— СЛЫШУ.— ГОЛОС ДАЛЛАСА БЫЛ РАСТЕРЯННЫЙ, И РИПЛИ ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО ОН ЗАПАНИКОВАЛ. ЭТО БЫЛО САМОЕ ХУДШЕЕ, ЧТО МОГЛО СЛУЧИТЬСЯ В ТАКОЙ СИТУАЦИИ.— НО ЕГО ЗДЕСЬ НЕТ! Я НЕ ВИЖУ ЕГО!

ЕМУ СТАЛО СТРАШНО. ЛАМБЕРТ УВЕРЯЛА, ЧТО ЭТО НАХОДИТСЯ СОВСЕМ РЯДОМ. МОЖЕТ БЫТЬ,

В ТРЕХ ФУТАХ ОТ НЕГО. НО ОН-ТО ВИДИТ, ЧТО СУЩЕСТВА НЕТ! МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ОШИБКА? ВРЯД ЛИ. НЕ НАДО СЕБЯ ОБМАНЫВАТЬ. ОНО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ГДЕ-ТО ЗДЕСЬ.

ТЕРЯЯ ГОЛОВУ ОТ СТРАХА, ЗАБЫВ ОБО ВСЕМ, КРОМЕ ОДНОГО — УБРАТЬСЯ ПОДАЛЬШЕ, — ДАЛЛАС ПОЛЕЗ ВНИЗ ПО ШАХТЕ.

ОН УСПЕЛ СПУСТИТЬСЯ НА ОДИН УРОВЕНЬ, КОГДА СТОЛКНУЛСЯ С ЭТИМ. И ЗА МГНОВЕНИЕ ДО СМЕРТИ ДАЛЛАС УВИДЕЛ ОСКАЛЕННУЮ ЧЕТЫРЬМЯ РЯДАМИ ЗУБОВ ЖУТКУЮ ПАСТЬ. А ЕЩЕ ОН УСПЕЛ ЗАКРИЧАТЬ...

Рипли резко села в постели. Она задыхалась. Опять этот сон. Он будет преследовать ее всю жизнь, кровавый жуткий кошмар. Рипли провела ладонью по шее и почувствовала под рукой теплые дорожки пота. В ногах урчал Джоунси. Счастливый беззаботный кот. Для него все кончилось пятьдесят семь лет назад. Раз и навсегда.

Рипли встала и, пошатываясь, побрела в умывальную комнату. Остановившись перед стальной раковиной, она взглянула в зеркало. Из серебристой поверхности на нее смотрело испуганное, пожелтевшее лицо. Под глазами обозначились синяки. Волосы мокрые от пота.

«Да, Рипли, малоприятное зрелище».

Она пустила холодную воду и торопливо умылась. «Все равно сегодня уже не заснуть». Вытирая лицо, Рипли заметила, как у нее дрожат руки.

«Ты сойдешь с ума. Еще неделя-другая и точно спятишь. Никогда тебе не удастся спокойно уснуть. До тех пор пока хоть одна из этих тварей жива, и ты знаешь это. А пока твоя память будет там. Каждую ночь».

Рипли решительно подошла к компьютеру. Из кармана рубашки она извлекла прямоугольный пластик.

«Рипли, звоните в любое время».

Карточка мягко скользнула в щель. Противно запищал зуммер. Прошло несколько минут, прежде чем экран засветился, и на нем возникла заспанная физиономия Бёрка.

— Алло.— Просипел он, тупо вглядываясь в экран.— Алло.— Наконец, ему удалось сообразить, кого же он видит перед собой.— А, Рипли... Что-то случилось? У Вас все в порядке? — Видно, звук собственного голоса разбудил его

окончательно, и Бёрк с интересом уставился на нее, ожидая ответа.

— Скажите мне только одно, Бёрк.— Все будет зависеть от его ответа. Рипли ощутила комок в горле.— Вы ведь не собираетесь их изучать? — Помимо желания в голосе прорезались просительные нотки, но ей очень нужно было услышать ответ.— Не собираетесь ничего привезти на Землю? Вы хотите их УНИЧТОЖИТЬ?

Бёркли несколько секунд смотрел на нее, а затем спокойно и твердо ответил:

— Совершенно верно, Рипли. Конечно.— И, словно подтверждая свои слова, добавил: — Вы абсолютно правы.

Рипли кивнула, сжигая мосты.

— Ладно. Я согласна.

И одним резким движением выдернула карточку из компьютера. Лицо Бёрка скомкалось, уменьшившись до размера маленькой яркой точки.

Рипли потеряла вспотевший лоб.

«Господи, что с тобой творится-то? Ты же хотела этого?»

Джоунси запрыгнул к ней на колени и потерялся мордочкой о ладонь.

Она погладила его по упругой рыжей спине и усмехнулась:

— Ну, а ты, парень, останешься здесь...

* * *

Если бы кому-нибудь пришло в голову искать «Счастливчик Люк» в международном каталоге космических судов, то эта попытка не увенчалась бы успехом.

— Кто-то мог бы решить, что «Счастливчик» — новейший корабль, который просто не успели внести в каталог. Это означало бы еще одну ошибку.

Судно было старым даже по самым мягким меркам. Оно было названо в честь основателя отряда космических десантников — Люка Валлоу — двадцать пять лет назад.

«Счастливчик Люк» являлся передовым кораблем десантной эскадры боевого космофлота. В сущности, кроме ведения боевых действий на малоисследованных планетах, в обязанности экипажа входила, в первую очередь, разведка.

Экипаж состоял практически из одних мужчин. Со времени основания отряда на палубу «Счастливчика» ступали шесть женщин.

Но удержаться на судне смогли только двое: стрелок —

разведчик Васкес и пилот Айлен Ферроу. Пилот просто вела себя независимо до тех пор, пока не заслужила уважение в бою, а Васкес отвоевала свой авторитет кулаками и считалась «своим парнем».

За время службы на судне сложилась определенная ударная группа, в которую входили: Хикс, Васкес, Дрейк, Вирсбовски и Дитрих. Это были отчаянные ребята, готовые влезть в любую заваруху, закрыв глаза. На корабле их называли «крутая команда». Это не значило, что они держались особняком, просто в самых сложных передрягах сержант Эйпон точно знал, что добровольцев ему долго искать не придется.

Кроме женщин на звездолете не любили новичков. Рипли и Горман исключением не являлись.

ВОЛОНТЕРЫ.

Переброска завершилась.

Двадцать четыре колпака с легким жужжанием откинулись, открывая миру замерших в гиперсне людей.

Первым открыл глаза сержант Эйпон. Правой рукой он нащупал в изголовье свой любимый талисман — окуроч настоящей гаванской сигары, засунул его в рот и упругим движением выбросил свое тело из треклятого саркофага. Нахлобучив на затылок бейсболку с символикой корабля, он пошел вдоль освещенной шеренги стеклянных коконов, наблюдая за пробуждением своего отряда.

Всегда, любой волонтер — даже Хикс, прослуживший в отряде двенадцать лет, — открывая глаза после переброски, в первую очередь видел массивную фигуру сержанта в обязательной кепочке и с не менее обязательным окурком сигары в зубах. Его зычный голос разносился по всем закуткам корабля, подобно иерихонской трубе.

— Ладно, ладно. Чего вы ждете? А ну-ка, быстро тряхивайте свои задницы из этих ледяных гробов. Быстро! Быстро!!!

Волонтеры, вялые, словно мухи зимой, с кряхтением выбирались из «космических колыбелей», разминая затекшие члены и похрустывая суставами.

— Черт, как болит спина. — Прощедил Дрейк. — Чувствую себя, как дерьмо.

— Это заметно, Дрейк. — Лениво поддела его Васкес.

— Это что, шутка? — Окрысился на нее волонтер.

— Если бы.

— Эй, Хикс! — Дрейк наблюдал, как капрал растирает ладонями плечи, покрытые пупырышками «гусиной кожи». — Слышишь, Хикс. — Хикс поднял на него глаза. — Ты выглядишь так, как я себя чувствую.

Дрейк заржал, довольный собственной шуткой.

— Чего вы ждете, я спрашиваю? — рявкнул Эйпон. — Завтрак в постель? Давайте, давайте, десантники!!! Ну-ка, вставать!!! Вставать!!!

— У нас что ни день, то праздник, — буркнул Хикс. — Каждый бифштекс — целое состояние.

— А ну, вперед, вперед!!! — Продолжал кричать сержант.

Он остановился возле капсулы, на краю которой уныло сидел, ежась от холода, сонный парень, Сэм Хадсон.

— Черт. — Промямлил волонтер. — Холодно-то как, а?

Эйпон упер кулаки в бока и проревел:

— Ну так тебе что, может быть, тапочки принести?

Хикс, стоящий у соседнего кокона, засмеялся. Ободренный Хадсон встал на пол и, поджав одну ногу, спросил:

— А можно, сэр? Это было бы здорово, ей-богу!

На этот раз засмеялись и другие волонтеры. Даже сам сержант не удержался от улыбки.

— Иди ты, знаешь куда... — Нормальным голосом отреагировал он, но тут же обернулся к смеющимся десанникам. — А ну, быстрее, быстрее, быстрее! Давайте!!!

Хикс подмигнул Хадсону и направился к тренажерам. Ему нравился этот рядовой. Еще один кандидат в их «крутую команду».

Правда, на его счету было всего три боевых вылета, но парнишка — что надо. Десантники не могли не заметить: Хадсон лезет из кожи вон, стараясь заработать репутацию по-настоящему «крутого» парня. Он всегда норовил оказаться в самой гуще любой заварухи, всегда, если нужно, был под рукой. Но он еще все-таки молод. Конечно, по боевым меркам.

Рипли с интересом наблюдал за этой сценой. Ее не приняли на этом корабле. Десантники делали вид, что их с Горманом просто не существует, хотя время от времени, она ловила любопытные взгляды.

Здесь, на «Счастливишке Люке», все было ориентировано на войну. Люди заслуживали право быть «своим» в бою. И никак иначе.

Гормана не воспринимали еще и потому, что постоянный офицер отряда — лейтенант Джек Донован — за не-

сколько дней до взлета был отстранен от командования операцией, а его место занял «зеленый колледж-бой»*. Тем более, что Донован, как и остальные, прошел испытания боем, а этот молоденький лейтенант еще неизвестно на что годился.

Рипли натянула серые брюки и направилась к Горману и Бёрку, стоящим в стороне от остальных. Это были единственные люди, с которыми она могла свободно общаться. Все попытки заговорить с кем-нибудь из волонтеров пресекались в зародыше. Ей либо не отвечали вообще, либо отделялись короткими односложными фразами. Только Эйпон разговаривал с ними, но у Рипли часто возникало ощущение, что он это делает по необходимости. Эйпон и Бишоп. Станный человек. Чересчур доброжелательный и мягкий для этого корабля. Он не бросался в глаза. Вернее сказать, никто не замечал его, но, когда надо, он всегда был рядом. Вся команда относилась к нему с ласковой снисходительностью.

Рипли услышала, как за ее спиной Васкес тихо спросила кого-то:

— Эй, что она здесь делает, эта Белоснежка?

В твой адрес, Рипли.

— Она — консультант у нас. — Спокойно объяснил ей кто-то.

Васкес, сунув руки в карманы десантного камуфляжа, с откровенной неприязнью разглядывала подтянутую фигуру Рипли. Она ненавидела женщин на корабле не меньше, чем все остальные, а, может быть, даже больше. И ей совсем не нравилась эта, непонятно зачем находящаяся здесь, белоручка.

— Судя по всему, — продолжал объяснять Хикс, — она однажды столкнулась с каким-то пришельцем.

Васкес недобро усмехнулась.

— Ну надо же, а? — Издевательски вырвалось у нее.

Непонятное раздражение требовало выхода, и она, повиснув на перекладине, начала подтягиваться. Неторопясь, с удовольствием. Упругие мышцы вздувались на руках и спине. Хадсон с интересом посмотрел на нее и весело осведомился:

— Эй, Васкес, тебя по ошибке никто за мужика не принимал, а?

* Колледж-бой — маленький сынок.

Как раз за подобную шутку он и получил как-то от нее в зубы. Но сейчас, похоже, это сошло ему с рук. Васкес только равнодушно покосилась на него, соскочила с перекладины и, отряхнув руки, спокойно процедила:

— Нет. — И тут же поинтересовалась в ответ. — А тебя?

Подошедший Дрейк захохотал:

— Отлично, Васкес. Ты здорово его отбрила.

Она лишь усмехнулась. Подобные похвалы ее не трогали.

* * *

Офицерский стол стоял отдельно. За ним, поставив перед собой подносы, завтракали Эйпон, Горман, Бёрк, Рипли и Бишоп.

За длинным столом для рядового состава занимали места все остальные.

Разница заключалась в том, что офицерам накрывали заранее, в то время как солдаты брали подносы с едой на раздаче у автоматической кухни.

Мрачная напряженная тишина повисла в столовой. Опять был нарушен привычный порядок.

Лейтенант Донован всегда — ВСЕГДА — ел за столом вместе с солдатами. Даже когда заслужил непререкаемый авторитет среди волонтеров. И сержант Эйпон поступал точно так же. Не от панибратства, — мол, смотрите, какие мы свои парни, едим с вами за одним столом — а потому, что уважал солдат.

Десять лет офицерские места пустовали. Донован не нарушал этого правила, даже когда на корабле присутствовал кто-то из высших чинов.

А сегодня... Сегодня Горман восседал за офицерским столом, переполненный чувством собственной значимости — молодой лейтенант, нацепивший новенькие погоны меньше, чем год назад.

Эйпон, подчиняясь приказу,

Сержант, зачем разводить панибратство.

пересел туда же.

Сержанту это простили. Но Горману — нет.

— Ну что, я смотрю, ты все-таки промахнулся? Первый раз, а? Бишоп?

Рипли повернула голову и увидела...

Господи!

как из крошечного пореза на большом пальце мужчины вытекло несколько капель белой жидкости.

Господи, Боже мой! Он — не человек! Бишоп — не человек!

ОНА ПЫТАЛАСЬ КРИКНУТЬ, НО ЭШ ПОВАЛИЛ ЕЕ НА ПОЛ И ПРИНЯЛСЯ ЗАТАЛКИВАТЬ В РОТ СВЕРНУТЫЕ В ЖЕСТКУЮ ТРУБКУ БОРТОВЫЕ ЖУРНАЛЫ! РИПЛИ ИЗВИВАЛАСЬ, СТАРАЯСЬ ВЫРВАТЬСЯ ИЗ ЦЕПКИХ ЛАП, НО ВСЕ БЫЛО НАПРАСНО! ОФИЦЕР ПО НАУКЕ, ИЗДАВАЯ ХРИПЛЫЕ ГОРЛОВЫЕ ВЫДОХИ, ВЗГРОМОЗДИЛСЯ НА НЕЕ, ПРИЖАВ РУКИ СВОИМИ КОЛЕНЯМИ К ПОЛУ.

«ОН УБЬЕТ МЕНЯ! СЕЙЧАС ОН УБЬЕТ МЕНЯ!» РИПЛИ ОБУЯЛ СТРАХ НАДВИГАЮЩЕЙСЯ СМЕРТИ. РАЗУМ ОТКЛЮЧИЛСЯ, УСТУПИВ МЕСТО ИНСТИНКТАМ. «ВЫРВАТЬСЯ! ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ СОХРАНИТЬ ЖИЗНЬ!»

СТРАХ ПРИДАЛ ЕЙ СИЛ. ОНА УПЕРЛАСЬ НОГАМИ В ПОЛ И ВЫГНУЛАСЬ, ПЫТАЯСЬ СБРОСИТЬ ЕГО С СЕБЯ.

ЭШ ПРОТЯНУЛ РУКУ И ВЦЕПИЛСЯ СКРЮЧЕННЫМИ ПАЛЬЦАМИ В ЕЕ ГОРЛО.

СЛОВНО ЗАЖАЛИСЬ СТАЛЬНЫЕ ТИСКИ, ПЕРЕКРЫВ ВСЯКИЙ ДОСТУП КИСЛОРОДУ.

ХРУМС! ЭШ ВДРУГ ЗАСТЫЛ, СТАЛЬНЫЕ ПАЛЬЦЫ РАЗЖАЛИСЬ, И ЕГО ТЕЛО ЗАВАЛИЛОСЬ НА БОК. ИЗ РАССЕЧЕННОЙ ГОЛОВЫ ПОТЕКЛА ГУСТАЯ БЕЛАЯ ЖИДКОСТЬ.

— ЭТО РОБОТ... — ИЗУМЛЕННО ВЫДОХНУЛ СТОЯЩИЙ НАД НЕПОДВИЖНЫМ ТЕЛОМ ПАРКЕР.

ОН ВСЕ ЕЩЕ СЖИМАЛ В РУКЕ ОБРУБОК МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ТРУБЫ. ЭТА ТРУБА СЕКУНДУ НАЗАД СПАСЛА РИПЛИ ЖИЗНЬ.

Бёрк с тревогой смотрел на застывшее лицо женщины. В ее невидящих глазах полыхал страх.

— Рипли... — позвал он. — Рипли, с вами все в порядке?

Она дернулась, словно от удара и, взглянув на Бишоп, зло спросила:

— Мне никто не говорил, что на борту андроида, почему?

Бёрк растерялся.

— Ну... Мне и в голову не пришло это упомянуть. — Он отодвинул тарелку. — Мы всегда берем с собой андройдов.

Бишоп присел и спокойно заметил:

— Мне больше нравится термин «искусственный человек». — Он повернулся к Рипли и поинтересовался. — А что, возникли какие-нибудь проблемы?

Бёрк замаялся.

— Прошу прощения. Я, действительно, упустил это из виду. Дело в том, — пояснил он андроиду, — что... когда Рипли в прошлый раз была в экспедиции... у нее один из этих искусственных людей... Ну, словом, получилось так, что произошел сбой, и несколько человек погибло.

Брови Бишоп поползли вверх.

— Я шокирован. Это, должно быть, старая модель?

— Да. — Подтвердил Бёрк. — Восемьдесят вторая.

— Ну, восемьдесят вторая, понятно. — Протянул андроид. — Они всегда плохо работали.

Рипли почувствовала, как в ней поднимается ярость пополам с каким-то первобытным инстинктивным страхом.

— Вам не о чем беспокоиться. — В глазах Бишоп было столько участия, что Рипли стало не по себе. — Нам теперь вживляют ограничители поведения. Я не могу ни действием, ни бездействием позволить, чтобы человеку был причинен вред.

Он взял тарелку с разложенными на ней желто-серыми ломтиками и протянул ей.

— Хлеба?

КРАНГ! Хлесткий удар, и тарелка полетела в угол, а тусклые ломти рассыпались по полу.

Рука Рипли ныла от удара, но тем не менее, она наклонилась к андроиду и тихим, звенящим от ярости голосом, произнесла:

— ТЫ держись от меня подальше, Бишоп. Понял?

В столовой воцарилась абсолютная тишина. Волонтеры с интересом поглядывали за происходящим. И в этой тишине вдруг отчетливо прозвучал голос Кроува:

— Похоже, ей тоже не нравится кукурузный хлеб.

* * *

— Взвод, смирно! — Проревел Эйпон, глядя на нестройную шеренгу десантников. — Вольно!

Это было очередным нарушением привычного хода событий. За двенадцать лет их ни разу не собирали в ангаре, не строили перед высадкой, а уж тем более не заставляли стоять при этом смирно. Как правило, все происходило в кают-компании. Зачитывалась боевая задача, разбирались возможные ситуации, исходя из данных об объекте, и прочие необходимые вещи.

После команды «вольно» десантники сбились в кучу. Кто-то уселся верхом на стоящие тут же ящики с боеприпасами, кто-то облокотился о коммуникационные трубы, кто-то остался стоять там, где был. Словом, группа выглядела весьма живописно.

— Слушайте внимательно! — Эйпон отошел на шаг, уступая место Горману.

После инцидента в столовой лейтенант ощущал себя так, словно его окунули в ведро с помоями и в таком виде вытолкнули в зал, забитый людьми. Тем не менее он постарался взять себя в руки и, по-возможности более твердым голосом, сказал:

— Доброе утро, десантники!

На несколько секунд в ангаре воцарилась тишина. Поняв, что ответа не последует, Горман продолжил:

— Прошу прощения, но у нас не было времени ввести вас в курс дела. Поэтому...

— Сэр, — перебил его Хадсон.

— В чем дело, Хикс? — Горман посмотрел в глаза рядовому, надеясь, что сделал это настолько строго, насколько хотелось.

— Хадсон, сэр. — Поправил рядовой и кивнул на улыбающегося парня с нашивками капрала. — Хикс — это он.

— В чем дело?

— Скажите, сэр. — Преувеличенно серьезно осведомился Хадсон. — А мы там будем драться или снова дерьмо лопатой выгребать?

Волонтеры заулыбались и выжидательно уставились на Гормана. *Что скажешь, парень?*

— Нам известно только одно, — жестко ответил лейтенант. — Нарушена связь с колонистами. Возможно, в этом замешана ксеноморфа.

— Простите, что? — Хадсон улыбался.

— Ксеноморфа. Это значит чужое существо.

— С чем нам предстоит иметь дело? — Эйпон старался помочь молодому лейтенанту, понимая, что волонтеры могут запросто заклевать его.

— Рипли. — Горман явно испытал облегчение от того, что инициатива перешла в чьи-то руки.

Рипли вышла вперед.

— Я вам скажу то, что знаю сама. — Она обвела взглядом пеструю толпу. Самое плохое в этой ситуации было то, что волонтеры не слушали ее. Лениво расслабившись, они разглядывали Рипли со снисходительным равнодушием.

Через несколько часов эти люди окажутся на планете, битком набитой опаснейшими тварями. Наверняка большинство из них умрет. Но сейчас им этого не понять. Это они поймут позже. ТАМ. ВНИЗУ.

Она повысила голос, надеясь, что часть из них все-таки выслушает ее.

— Мы сели на ЛБ-426. Один из наших людей вернулся на корабль, неся на лице какого-то паразита. Мы пытались снять его, но у нас ничего не вышло. Потом это существо отцепилось само и издохло. Поначалу с Кейном все было в порядке. Но за ужином у него начался припадок. Очевидно, эти паразиты откладывают в горле эмбрион, и этот...

— Послушайте, мэм. — Неприязненно перебила Рипли Васкес. — Мне нужно знать только одно: где они.

Она сложила два пальца, изображая пистолет, и прицелилась в пустоту.

— Васкес, молодец. — Засмеялся Дрейк.

— В любое время. — Охотно отозвалась она.

— Какая девочка, — подмигнул Хадсон, кивая в сторону Васкес. — Она знаете с кем привыкла дело иметь.

— Да пошел ты! — Васкес отвернулась, давая понять, что дальнейшие разговоры ей неинтересны.

— Если к тебе, то когда угодно. — Захохотал Хадсон.

— Вы закончили? — Резко и зло спросил Эйпон.

Вирсбовски удивленно взглянул на него. Возможно, сержант прав. Ребята чересчур разошлись.

— Я надеюсь, что вы правы. — Тихо, словно для себя, сказала Рипли. — Я очень на это надеюсь...

— Да. Ну ладно. — Хорошо поставленным голосом возвестил Горман. — Спасибо, Рипли. Ваш отчет записан на компьютерном диске и...

ВЗМОКШИЕ ОТ БЫСТРОГО БЕГА И ОГРОМНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ, ОНИ ВВАЛИЛИСЬ В РУБКУ «НАСТРОМО», ТОЛКАЯ ПЕРЕД СОБОЙ ТЕЛЕЖКУ, ДОВЕРХУ НАГРУЖЕННУЮ ВЗРЫВЧАТКОЙ.

— СПОКОЙНО, ДЕВОЧКА, СПОКОЙНО.

ЛАМБЕРТ ПОВЕРНУЛАСЬ К ПАРКЕРУ, СОБИРАЯСЬ ЧТО-ТО ОТВЕТИТЬ, НО ПРОМОЛЧАЛА, УВИДЕВ ЕГО СЕРОЕ ЛИЦО.

«ЕМУ СТРАШНО. НЕ МЕНЬШЕ, ЧЕМ МНЕ». — ПОДУМАЛА ОНА.

УЦЕПИВШИСЬ ЗА ТЯЖЕЛУЮ БОЛВАНКУ БОМБЫ, ПАРКЕР ПОТЯНУЛ К СЕБЕ. НЕСКОЛЬКО СМЕРТНОСНЫХ ЦИЛИНДРОВ С ГЛУХИМ ЗВОНОМ ГРОХНУЛИСЬ НА ПОЛ И РАСКАТИЛИСЬ В РАЗНЫЕ СТОРОНЫ.

— Я СЕЙЧАС ПОДБЕРУ ИХ. — ПРИДЕРЖИВАЯ ОДНОЙ РУКОЙ ВИСЯЩИЙ НА ПЛЕЧЕ ОГНЕМЕТ, ОН НАГНУЛСЯ. — ОТКАТИ ПОКА ТЕЛЕЖКУ В УГОЛ.

ЛАМБЕРТ ВЦЕПИЛАСЬ В БЛЕСТЯЩУЮ НИКЕЛИРОВАННУЮ РУКОЯТЬ И, УПЕРШИСЬ НОГАМИ В ПОЛ, НАВАЛИЛАСЬ ВСЕМ ВЕСОМ, ПЫТАЯСЬ СДВИНУТЬ ТЕЛЕЖКУ С МЕСТА.

НЕСКОЛЬКО МГНОВЕНИЙ ЕЙ КАЗАЛОСЬ, ЧТО ВСЕ ПОПЫТКИ ТЩЕТНЫ. НО ВОТ КОЛЕСА ДРОГНУЛИ. САНТИМЕТР, ЕЩЕ ОДИН.

«СЛАВА БОГУ, ВСЕ». ЛАМБЕРТ ОБЕРНУЛАСЬ И... ПРЯМО ПЕРЕД НЕЙ ЗАМЕР ЧУЖОЙ. ХВОСТ ЕГО ПОДРАГИВАЛ, ПО ДЛИННОЙ ЗМЕИНОЙ ШЕЕ СТЕКАЛА ВЯЗКАЯ, ПОХОЖАЯ НА СЛИЗЬ, СЛЮНА. ЭТО ВЫТЯНУЛО ЛАПЫ И КОСНУЛОСЬ ЕЕ ЩЕКИ ХОЛОДНЫМ СКОЛЬЗКИМ ПАЛЬЦЕМ. «ГОСПОДИ!!!»

— ЛАМБЕРТ, ОТОЙДИ В СТОРОНУ!!!

ПАРКЕР ПОДНЯЛ ОГНЕМЕТ, НАМЕРЕВАЯСЬ ВЫСТРЕЛИТЬ, НО ОТ МОЩНОГО УДАРА ХВОСТОМ ПОДЕТЕЛ В УГОЛ, ВРЕЗАВШИСЬ ГОЛОВОЙ В СТАЛЬНУЮ ОБШИВКУ.

ИЗ РАССЕЧЕННОЙ БРОВИ БРЫЗНУЛА КРОВЬ. СТЕКАЯ ПО ЩЕКЕ, КАПЛИ ПАДАЛИ НА ПОЛ.

ЧУЖОЙ РАСПАХНУЛ ПАСТЬ И УГРОЖАЮЩЕ ЗАШИПЕЛ.

РИПЛИ СЛЫШАЛА В НАУШНИКАХ КРИКИ И КАКОЙ-ТО БЕЗУМНЫЙ ВИЗГ, ПОХОЖИЙ НА ПАРОК-СИЗМЫ УДОВОЛЬСТВИЯ.

ОНА ВЛЕТЕЛА В РУБКУ ЧЕРЕЗ ПОЛМИНУТЫ. КРОВЬ. ВСЮДУ КРОВЬ И КУСКИ ПЛОТИ. ЭТО ВСЕ, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ПАРКЕРА И ЛАМБЕРТ.

Горман не успел закончить фразы. Рипли шагнула к десантникам и жестко выкрикнула:

— Одно из этих существ за двадцать четыре часа уничтожило весь мой экипаж. Если колонисты нашли этот корабль, то неизвестно, сколько человек еще живо и сколько этих тварей бродит по станции. Вы понимаете?

Хикс внимательно посмотрел на нее.

Похоже, Белоснежка превратилась во Флэша Гордона.*

Лейтенант кашлянул и продолжил:

— Так вот, я говорю, у нас все это записано на компьютерном диске. Нужно будет всем обязательно ознакомиться. Вопросы есть?

Одна единственная рука поднялась вверх.

— В чем дело, рядовой? — Горман не рискнул назвать волонтера по имени, боясь опять ошибиться и вызвать новый град насмешек.

— Как бы мне умотать из этого взвода подальше? — Невинно спросил десантник.

— Ну ты и засранец, Хадсон. — Захохотал Вирсбовски.

— Конечно. — Хадсон пожал плечами.

— Ну, ладно, закончили веселье. — Подал голос Эй-пон. — Слушайте внимательно.

Тишина наступила сразу, словно по взмаху волшебной палочки.

— Я хочу, чтобы все прошло гладко, как по маслу. Поэтому, в восемь тридцать первое задание — разборка всего оружия. — И выкрик. — А ну-ка, быстро, быстро!!!

Вы знаете, что делать! Быстро! Быстро!!!

* * *

В погрузочном ангаре работа шла вовсю. Люди сновали туда-сюда, подтаскивая ящики, коробки с боеприпасами, другие необходимые вещи.

Тяжелые погрузчики, ступая стальными ногами по

* Флэш Гордон — персонаж американских комиксов, воюющий с космическими пиратами на других планетах.

обшивке палубы, издавали глухие массивные удары. В углу вспыхивали искры сварочного аппарата.

Хадсон развернул погрузчик, опуская клешни-зажимы вниз, и подхватил с пола очередную ракету. Когда он работал с погрузчиком, то забывал обо всем. Ему казалось, что машина — это живое существо, послушно исполняющее любое желание своего хозяина. Он балдел от этого.

Эйпон и Хикс, стоящие поблизости, заметили заминку.

— Давай, Хадсон! Быстрее! — Гаркнул сержант, отвлекая десантника от приятных размышлений.

— Да, сэр. — Погрузчик загрохотал к модулю, расположенному в другом конце ангара.

Эйпон проследил за ним взглядом и повернулся к сварщикам.

— Сколько там еще осталось? Поспешите! Нужно завести погрузочный блок номер два.

— О'кей. — Васкес кивнула. — Еще один шов.

— Хорошо. Давай быстрее.

Сержант пожевал кончик сигары, внимательно оглядывая просторное помещение ангара. Так хороший хозяин оглядывает свои угодья.

— Добрый день, сержант.

Эйпон резко развернулся. Рипли стояла перед ним, засунув руки в карманы форменных десантных брюк и глядя ему в лицо.

— Я здесь как пятое колесо в телеге. Может быть, я чем-нибудь смогу помочь?

Сержант и Хикс переглянулись.

— А что Вы умеете делать? — Задал вопрос Эйпон, с недоверием глядя на женщину.

— Ну, я могу работать с погрузчиком. — Она кивнула на стоящую у стены безжизненную громаду. — У меня все-таки второй уровень.

Сержант еще раз внимательно посмотрел на нее. Несколько секунд он раздумывал, а затем пожал плечами.

— Ради бога.

Рипли почувствовала, что Эйпон с большим удовольствием отправил бы ее в каюту, но тем не менее он разрешил ей попробовать. Идя через зал, она ощущала на себе взгляды волонтеров.

Ну-ка, давай, покажи себя Белоснежка.

Погрузчик, казавшийся вблизи еще более огромным, слегка поколебал ее уверенность в собственных силах. Все же она почти три...

Шестьдесят, Рипли.

года не практиковалась в подобной работе. Забравшись внутрь, Рипли быстро оглядела зал.

Васкес, оторвавшись от работы, следила за ее движениями с холодным любопытством.

Эйпон задумчиво жевал свою сигару. Хикс наблюдал за ней с нескрываемым интересом. Даже Хадсон остановил свой погрузчик в ожидании нового повода для острот.

Тебе нельзя сорваться. Давай, покажи, этим ребятам, что ты тоже кое-что стоишь.

Рипли застегнула страховочный ремень, вставила ступни в обода управления и положила пальцы рук на манипуляторы гидравлических клешней-захватов.

Погрузчик ожил. На широких стальных «плечах» зажглись оранжевые «маячки». Машина загудела, и Рипли передалась ее вибрация. Казалось, что автомат волнуется вместе с ней.

Стараясь не делать резких движений, она плавно потянула манипулятор на себя. Погрузчик дернулся. Захваты поднялись и описали в воздухе правильный полукруг.

Отлично. Теперь попробуем походить. Рипли подняла ногу — погрузчик точно повторил ее движение.

Эйпон наблюдал, как машина сперва осторожно, а затем все уверенней и уверенней двигается по залу. Вот клешни подхватили ракету, и погрузчик, лихо развернувшись, замер.

— И куда ее? — Улыбаясь осведомилась Рипли.

Эйпон посмотрел на довольного Хикса и расхохотался. *Молодец, девчонка. Утерла нос моим засранцам.*

— К двенадцатому погрузочному блоку, пожалуйста.

* * *

Васкес подняла пулемет и сделала несколько резких движений, проверяя — не отвыкла ли?

Рядом с ней, с таким же пулеметом, встал Дрейк.

На его шлеме красовалась удалая надпись:

«РОЖДЕН ДЛЯ ВОЙНЫ».

У Васкес более философское:

«ПЕРВЫЙ СРЕДИ РАВНЫХ».

Фразу подсказал ей Бишоп, за что и был удостоен — невероятное дело, особенно из уст Васкес — высшей похвалы, умещавшейся в пяти словах:

«— А ты отличный парень, Бишоп».

Дрейк, как и Васкес, обожал бой. Он не мыслил себя на другом месте. Просто не мог представить себе уютной и безопасной гражданской жизни. Так уж он был устроен. За время службы оружие для него стало вроде как органичным продолжением руки. Частью тела. Как он сам любил говорить: «Когда мне приходится выходить из корабля без пулемета, у меня такое ощущение, будто я без штанов».

Свой пулемет Дрейк держал как женщину, крепко, но осторожно. И на остроту Хадсона по этому поводу ответил так:

«Если бы ты, придурок, спас мне жизнь столько раз, сколько этот сукин сын, я и тебя таскал бы на руках».

Васкес понимала его. Она тоже любила свое оружие. И сейчас вспоминала его. Подлаживалась к нему, словно к живому существу.

Чуть в стороне остальные волонтеры проверяли свои винтовки, огнемёты, комплектацию гранат, все то, что, возможно, будет спасать их жизнь. Оружие — партнер, в котором ты должен быть уверен. Заботься о нем, и оно отблагодарит тебя сторицей.

* * *

Последнее напутствие сержанта звучало так:

— Прилетаем, всех покоряем и улетаем к чертовой матери. Всем понятно?

— Да, сэр! Так точно, сэр!

— Ничего страшного нет! Ну, готовы?

— Да, сэр! Так точно, сэр!

— Ну, тогда строиться! Быстро! Быстро!

Двадцать пар армейских ботинок загрохотали по открытию корабля, отбивая шаг.

— Готовы?!!

— Да, сэр!!! — В двадцать глоток.

— Вперед, парни! Быстро! Быстро!!!

Двадцать фигур, затянутых в армейский камуфляж, трусой двинулись к низкому броневика «КОБА-СН-46», тяжелой боевой машине.

— То, что нужно, а? — Ревел на весь ангар Эйпона. — А ну, быстро залезайте! Быстрее! Быстрее!!!

Заскакивая в темное сумрачное нутро броневика, оче-

редной волонтер выхватывал из ячейки свое оружие и...

— Все знают свои места? Быстро! Быстро!

занимал отведенное ему место.

Хикс, Васкес, Вирсбовски, Дрейк, Хадсон, Кроув и так далее, и так далее.

— Оружие, место... Оружие, место...

В передней части «КОБРЫ» размещался полевой командный пункт. Бёрк, Рипли и Горман следили за погрузкой десантников. Двадцать мониторов, двадцать солдат, двадцать миниатюрных видеокамер, укрепленных на правой стороне каски. Над каждым монитором экран. По ним бегут данные на каждого из двадцати солдат: пульс, наличие дыхания, давление, работа головного мозга, работа легких, дублирующий сердечный датчик.

Нет датчиков только у троих, находящихся в этом штабе, и на Бишоп, который сейчас замер за рулем броневика.

Айлен и второй пилот — Билл Спазмайер — занимают места за штурвалом посадочного модуля.

Голос Эйпона звучит уже в узком пространстве боевой машины.

— Все готовы? Отлично?

У каждого члена экипажа на голове наушники, от которых тянется микрофон, позволяющий поддерживать связь всех со всеми на расстоянии до трех километров.

— Ладно. Бишоп, давай!

— Понял!

Машина взрывает, как сонный зверь, и быстрым рывком вкатывается по пандусу в грузовой отсек посадочного модуля. Тотчас срабатывают амортизаторы, фиксирующие положение броневика. Не будь этих амортизаторов, половина, если не больше, волонтеров, ходила бы без зубов. Но даже они не могут защитить от жестокой «болтанки» при вхождении модуля в верхние слои атмосферы.

— Айлен, как у вас?

— Мы готовы.

Эйпона оглядывает солдат.

— Пристегнуть ремни. Так, отлично.

— К взлету готовы? — Айлен как на иголках.

В штабном отсеке занимают свои места.

— Порядок.

— Мы готовы. — Эйпона садится в пластиковое кресло. Тут же сверху, из потолка, опускается страховочный пояс.

— Приготовились. 10 секунд до старта.

Платформа со стоящим на ней модулем плавно трогается с места. С легким шипением разъезжаются створки шлюзовых ворот.

— Прошли шлюз. Пять секунд.

Платформа выкатывается за пределы корабля и застывает. Прямо перед обзорным окном густо затянутая облаками поверхность планеты. ЛБ-426.

— Даю сигнал.

— В грузовом отсеке вспыхивает красная лампочка.

— Две секунды, одна... Ну, ребята, сели в лифт — в ад!

Модуль дрогнул — отошли замки платформы — и резко ушел вниз. Началось падение.

В наушниках раздавались голоса пилотов.

— Переключаю частоту.

Плотная атмосфера поглотила корабль, снизив видимость до нуля. Свинцово-серые облака облепили суденышко, забавляясь с ним, как ребенок с надувным мячиком.

— Началась ионизация.

— Понятно.

— Ребята, приготовьтесь, сейчас будет трясина.

Модуль задрожал мелкой дрожью. Грозовые разряды сверкали с двух сторон, вырастая электрической сетью на пути корабля, стараясь оборвать его жизнь, не пустить вниз, не позволить проникнуть в тайны своего бытия.

Рипли повернулась к Горману и спросила:

— Лейтенант, это у вас который вылет?

— У меня всего тридцать восемь. — Горман судорожно сглотнул густую слюну. От тряски его начало тошнить. Он помолчал, дожидаясь, пока ослабнут мучительные спазмы в желудке и добавил: — На тренажере.

Васкес тихо выругалась сквозь зубы. Со своего места ей было видно штабное отделение, и она поинтересовалась:

— А сколько боевых?

Горман повернул к ней белое, как лист бумаги, лицо и ответил:

— Два... Включая этот.

Вирсбовски и Дрейк переглянулись.

— Вот черт, а? — Чуть ли не простонал пулеметчик. — Только этого нам и не хватало.

— Цель ноль-четыре. — Айлен включила инфракрасный сканер и сейчас разглядывала поверхность планеты на экране компьютера, выбирая подходящее для посадки место рядом со станцией.

— Не нравится мне эта посадка. — Буднично заявил Спазмайер.

— А тебе ни одна посадка не нравится. Ты всегда так говоришь.

На их перепалки никто не обращал внимания. Это повторялось при каждом приземлении и стало такой же неотъемлемой привычкой, как, скажем, оружие в руках. Даже успокаивало.

Да и сами пилоты не воспринимали их всерьез.

— Ага, — буркнул Спазмайер. — Вот вернемся без тебя, я твоим родственникам позвоню.

Айлен засмеялась.

— Хорошо. Ну-ка, посмотрим, что там видно.

Палец вдавил в панель кнопку, и из корпуса модуля выдвинулись видеозонды, от этого корабль стал похож на гигантского майского жука.

Прямо внизу, в километре под ними, раскинулось обширное строение колониистского комплекса.

Айлен увеличила изображение. Картинка приблизилась. Отчетливо проявились задраенные наглухо ворота, шлюзы, окна.

— Разрушений не заметно, но все входы заперты, — комментировала пилот, хотя изображение подавалось и на специальный монитор в штабной отсек. — Похоже, эти ребята засели там накрепко.

Горман, наконец, одолел приступ «морской болезни» и с облегчением поерзал в кресле.

— Все в порядке. — Пролепетал он. — Все в прекрасной форме. Дрейк, у тебя, кажется, камера плохо работает.

Дрейк наклонил голову и стукнул каской по тяжелому

стволу пулемета-пульсатора. Изображение на мониторе дернулось и пришло в норму.

— Так, хорошо.

Эйпон оглядел свою команду. Все нормально. Все спокойны. Никто не дергается. Отлично.

— У вас еще две минуты, ребята.

Вирсбовски положил винтовку на колени.

— Хикса разбудите кто-нибудь.

— Семьдесят-девяносто.— Айлен перебросила ряд тумблеров.— Система наведения включена.

Модуль швырнуло влево. Но он тут же выровнялся. Нос его начал разворачиваться. Система отыскивала цель.

— А где комплекс-то? А, вот, вижу.— Комплекс всплыл в экран сонной серой громадой.— Станция атмосферного наблюдения.

На мониторе появилось приземистое здание ангарного типа.

— Я бы сказал, переработки местной атмосферы в кислород.— Бёрк взглянул на Рипли.— Отличная машина. Кстати, сделана нашей Компанией.

Рипли поморщилась. Все, что было связано с Компанией, вызывало у нее чувство стойкого отвращения.

— Мы должны сесть возле главного комплекса.— Подал голос Горман.— Я смотрю, даже штормовые ставни закрыты. Айлен, нужно облететь вокруг.

— Поняла.

Модуль резко завалился на правое крыло и по широкой дуге пошел вокруг группы строений.

— Здание вроде нетронуто.— Лейтенант обернулся к Бёрку, внимательно следящему за картинкой на мониторе.— У них есть ток?

Тот кивнул утвердительно.

— Хорошо. Приготовились к посадке. Мы выезжаем, и модуль немедленно улетает. Эйпон!

— Слушаю, сэр! — Откликнулся в наушниках сержант.

— У вас есть десять секунд.

— Ладно.— Эйпон еще раз внимательно оглядел сидящих волонтеров.

Модуль опустился на базальтовую, покрытую валунами поверхность.

— Вам не очень повезло с погодой, ребята.— Айлен опустила пандус. Тут же ушли в стены амортизаторы, освобождая броневики. Тяжелая машина мгновенно сорвалась с места и выкатилась наружу. Ее несколько раз трянуло, когда под колеса попадали особенно крупные комки.

Маневрируя среди базальтовых трехметровых громадин, Бишоп ловко вывел «КОБРУ» к центральному штормовому люку.

Броневики замер.

— Действовать быстро и четко.— Эйпон стоял, сжимая в одной руке винтовку-пульсатор, а другой упираясь в клепаный потолок.— Бишоп?

— Слушаю, сержант.

— Как снаружи? Наличие живых существ?

— Никакой биологической активности не обнаружено. Все чисто.

— Отлично. Ребята, приготовились.

Десантники встали в две шеренги. Распахнулись бронированные створки, впуская внутрь вязкий холодный воздух.

Снаружи шел дождь, выл ветер и порхали острые базальтовые частицы.

— Ну, пусть кто-нибудь расскажет мне, как выглядит преисподняя.— Хадсон перехватил винтовку поудобнее.

Первым вышел сержант. Под прикрытием броневики он оглядел станцию в бинокль со встроенным тепловизором. Любое выделение тепла фиксировалось и отображалось в окулярах разноцветными пятнами. От густо-багрового до слепяще-белого, в зависимости от интенсивности.

«Так, фонарь. Два прожектора, видимо, на противоположной стороне станции. Теплое желтое пятно удаляющегося модуля. Все. Живых существ нет. Разумеется, если только температура их тела не идентична атмосферной».

Эйпон скосил глаза на показания приборов, выведенные в нижний угол окуляров.

Температура воздуха — 18° по Фаренгейту*, сила ветра — 20 м/с, влажность — 180%. Понятно.

Эйпон обернулся к замершим у проема люка волонтерам.

— Вперед! Вперед-вперед-вперед!!!

* Примерно 7° С.

Солдаты посыпались из броневика, как горох, на бегу выстраиваясь в боевой порядок, расходясь веером, занимая удобную для огня позицию.

Первыми шли Васкес и Дрейк. В случае появления неожиданной опасности тяжелые пулеметы-пульсаторы прикрывали бы остальных бойцов, давая время подготовиться к круговой обороне и собраться для контратаки.

Тишина. Только капли дождя звонко падали на камни, разбиваясь мелкими брызгами.

Сзади накатывались люди второй роты. Когда первый взвод занимал позицию для стрельбы, второй продвигался вперед, затем первый короткими перебежками подходил еще ближе к комплексу и так далее.

Отличная старая тактика под названием «доверься мне».

Горман наблюдал действия волонтеров на мониторах в бронебике.

— Хикс, что у вас?

Не оборачиваясь, капрал поднял большой палец так, чтобы он попал в поле обзора видеокамеры.

— Первый взвод, вперед!

Гулко стуча подошвами бутсов по железобетонному основанию станции, десять волонтеров подбежали к штурмовым воротам и выстроились полукругом.

— Второй взвод!

Еще десять человек подбежали ближе. Появилась вторая дуга, стоящая спинами к первой, готовая отразить нападение извне.

— Хадсон, ну-ка, давай, открой дверь.

Десантник подбежал к кодовому замку. Одним ударом он сбил крышку и подключил тянущиеся провода к висящему на шее прибору. На клавиатуре мини-компьютера Хадсон набрал нужную комбинацию.

Васкес и Дрейк развернулись к комплексу, готовые разнести в клочья все, что будет шевелиться.

Массивные ворота разошлись в стороны, открывая десанникам хаос, творящийся внутри.

— Второй взвод, войти в станцию!

Внутри тихо и темно. Лучи десантных фонариков обшаривают стены, пол, создают иллюзию хорошей видимости.

— Хикс! — Из полумрака доносится громкий голос сержанта. — Возьмите верхний уровень.

— Понял, сэр.

— Первый взвод, осмотреть все здесь!

— Ясно, сэр!

— Тогда — вперед!

ХИКС.

Тяжелые бутсы отбивают шаги в такт ударам сердца. Поворот. Внимание! Кругом бардак. Ощущение, словно толпа полоумных слонов устроила здесь бег наперегонки.

Еще один поворот. Повсюду болтаются обрывки кабеля, коммуникационных труб и прочей дребедени.

«Осторожно! Сзади движутся девять человек второго взвода».

— Васкес, проверь, все на месте?

— Да. Все здесь.

Он оглядывается, освещая фонариком обожженные стены. По всему полу разбросаны вещи колонистов, обломки мебели, пластиковые пакеты. Странно.

— Вы видите? — Это тем, оставшимся в бронебике. Горману, Рипли и этому... как его?.. Бёрку. — Здесь как будто пожар у них был.

Фонарик выхватывает из темноты развороченную стену. Края ее не просто проломлены, а вывернуты, словно лепестки огромного экзотического цветка. Все в сине-красной окалине.

— И, очевидно, взрыв.

На мониторе появилась огромная пробоина. Горман обернулся к Рипли с немим вопросом. Она только пожала плечами.

— Скорее всего, это кумулятивные геологические взрывные шашки.

Он поднял голову и осмотрел следующее перекрытие. «Ага, здесь тоже дыра. Интересно, что они пытались подорвать. Танк, что ли».

К рассказу Рипли о каком-то супермогущественном чудовище он относился не очень серьезно. Не то, чтобы не ве-

рил. Верил, но процентов на пятьдесят. Остальное скорее всего было вызвано шоком. Как правило, в большинстве случаев так и бывало.

Но эти взрывы...

Колонисты — народ серьезный. Слабонервных среди них нет, а чтобы взрывать станцию, заменяющую тебе весь мир, согласитесь, нужны очень веские основания.

«Так, так, так...»

— Народу — никого.

И вдруг он обратил внимание еще на одну странность. Как же это он сразу не заметил? Кругом хлама — как на поле боя — и

НИ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА! НИ ЖИВОГО, НИ МЕРТВОГО!

«Где же они все? Спрятались внутри станции? Не слышали шума двигателей модуля? Возможно, хотя маловероятно. Надо будет сказать ребятам, чтобы прощупали комплекс теплопоглотителем. Не могли же сто пятьдесят человек провалиться сквозь землю? Хоть один-то остался?»

Поворот. Осторожно. Никого. Огромный темный коридор. И надо будет изучить как следует схему всех переходов. Пятнадцать уровней за месяц не обойдешь.

Отвод влево. Фонарь. Никого. Вправо. Никого.

— Хикс, Хадсон! — Это Эйпон. Он ниже этажом. — Включите трекеры*.

«Коробку из-за спины. Включить тумблер. Ага, ожил. Отлично. Ну, что скажешь, приятель? Кто ждет нас в темноте, а? Пусто.

Чуть сзади и сбоку Хадсон. Что у него? Тоже пустышка. Ясно».

— Ничего, сержант. Пусто. Как у вас?

— Тоже.

— Понятно. Что делаем?

— Продолжайте осмотр.

— Хорошо, сэр.

«Вперед. Вперед. Что это там? Похоже, развилка? Так и есть. Черт, да еще в три стороны».

— Разбиться на двойки. Две пары здесь, остальные осматривают проходы. Дитрих и Хадсон — налево, Васкес и Вирсбовски — прямо, мы с Кроувом — направо. Вперед.

Дитрих Дрейк и Хадсон пропали в левом коридоре. От-

* Треккер — датчик, указывающий на наличие движения вокруг объекта.

лично. Васкес с напарником поглотил полумрак среднего.

Он с рядовым уходит в правый, самый большой проход.

Через несколько метров в потолке открывается здоровенная дыра. «Чем это? Похоже, снова взрывчаткой. Интересно, а потолок-то им чем не угодил? Это тебе не два пальца... подвесить заряды на такой высоте. Нужно очень постараться. Уже серьезно».

— Ах ты, мать твою...

Кроув останавливается на краю какой-то дыры в полу. Диаметр — метра полтора-два.

— Осторожней.

— Чем это ее? Взрывчаткой? Не похоже. Вон как края оплавилась. Причем по всему срезу. Будто сваркой кто орудовал или кислоты плеснул. Э-э... Вроде у Рипли в отчете что-то было по поводу кислоты...

«Ладно, разберемся. Но хоть бы один человек. Дьявол!»

— Пошли дальше.

— Подождите, подождите... — Голос Рипли взволнован. — Скажите им, чтобы... Хикс! Назад и вправо!

Что случилось, мэм? Это дыра вам так понравилась?

Кроув плюет в проем. Видно, как сгусток слюны пролетел сквозь уровни.

«Что правда, то правда. Глубиница у нее здоровая. Уровней семь, если не больше».

Хикс поворачивается и смотрит прямо в камеру на шлеме Кроува.

— Вам видно, да? Она выглядит так, будто проплавили чем-то. Похоже, здесь был кто-то из этих знакомых Рипли.

В проем, уровнем ниже, заглядывает волонтер из первого взвода. Сверху не разобрать — кто.

В наушниках его голос:

— Вместо крови кислота, вы говорили? Ну, тогда это вам понравится.

Десантник наклоняет голову так, чтобы на мониторе было видно глубину дыры.

— Да кончай ты! — Орет ему сверху Кроув.

Придерживая шлем одной рукой, тот оборачивается и смотрит вверх, шурясь от бьющих в глаза лучей фонариков.

Видно, что это Шелдон, один из новичков.

— Второй взвод, что у вас? — Голос Эйпона в наушниках.

Хикс и Кроув выпрямляются, направляя свет фонарей вперед. Еще несколько дыр в полу, искореженные стены, кучи хлама на полу и пустота на экране. Никого.

— Мы только что закончили осмотр,— рапортует Дрейк.— Никого нет.

— И у нас никого.— Говорит в микрофон Кроув.

Слышно, как вздохнула Васкес.

— Если здесь что и было — мы опоздали

РИПЛИ.

Горман облегченно вздохнул, откидываясь на спинку кресла и побарабанил пальцами по пульту.

— Так. Район осмотрен и признан безопасным. Пойдемте посмотрим компьютер.

Да он что, очумел, этот лейтенант? В комплексе могут находиться десятки этих тварей! Волонтеры осмотрели только два уровня, а он уже выдал вердикт!

— Что значит «безопасный», Горман?

Но лейтенант уперся. Ему до смерти надоели издевки десантников. Он чувствовал себя неполноценным рядом с ними. Калека в одном ряду со здоровыми. И тут его терпению пришел конец. Это — военная операция, он — старший по званию, этим все сказано.

Лицо его застыло и стало похоже на неподвижную маску.

— Район осмотрен и признан безопасным, Рипли.— Процедил он ледяным тоном.

Эйпон услышал фразу.

— Первый взвод, собраты к выходу!

— Ясно, сэр.

— Мы выйдем через южный вход, сержант.

Горман поднялся и остановился, поджидая Рипли. А она успела увидеть на мониторе раздраженное лицо Васкес, которая злобно выдохнула:

— Слава богу, он придет. А то я уж волноваться начала — как же это мы справимся без него.

ВОЛОНТЕРЫ.

Они продирались через завалы к южному входу.

— Сэр,— Дрейк оглядел очередную наглухо заваренную дверь.— Это крыло они заперли с обеих сторон. Все входы заварены. И баррикады. Везде баррикады. Хотя, судя по всему, они долго не выдержали.

— Тела есть? — Откликнулся Эйпон. Он вместе с десантниками первой роты находился уровнем ниже.

— Нет. Тел нет. Хотя здесь была драка. Настоящая драка.

Отверстия в полу и стенах стали встречаться все чаще и чаще. Иногда через них пробивались всполохи света. Это случалось, когда группы одновременно подходили к одному месту.

— Смотрите.— Фонарик Хикса высветил настоящую гору из мебели и обломков оборудования. В самом центре баррикада была разрушена, но по краям ее высота достигала куполообразного потолка. Было ясно, что возводили ее серьезно, но торопясь.

Повсюду опрокинутые приборы. Часть из них очень громоздкие и тяжелые. И все же то, что прорвалось здесь, смогло разметать этот заслон. Было о чем задуматься. Везде стреляные гильзы разного калибра. Маленькие желтые цилиндрики.

— Целое сражение.— Хикс пролез в проем.— Дрейк, сюда. Здесь, наверное, можно пробраться к выходу.

Десантники, один за другим, ныряли в пролом и через десять шагов, спустившись по лестнице, попадали на первый уровень.

Горман, Рипли, Бишоп и Бёрк смотрели, как из люка по металлическим ступеням скатывались волонтеры. Первый взвод уже был в сборе.

После короткого совещания решили, что второй взвод вместе со штабной командой обследует блок «Д», а первый, ведомый Эйпоном, осмотрит блок «А», прилегающий к нему.

К блоку «Д» вел еще один коридор, в котором волонтерам пришлось вскрыть три надежно запертые двери.

В блоке «Д», к немалому удивлению десантников, был относительный порядок.

— Скорее всего здесь у них был штаб.— Хикс осматривал проход, держа перед собой трекеры.

Пусто.

Рипли внимательно наблюдала за ним.

Сбоку от нее шла Васкес с пулеметом в руках. Он был настолько большой, что Рипли даже удивилась, как Васкес удается удерживаться на ногах.

Компьютерный центр, санитарный блок, лаборатория. Все целое. Нигде не заметно следов побоища. Видимо, сражение не коснулось этой части станции.

Ярко вспыхнул свет. Кто-то из первой роты наткнулся на машинный зал.

Двери лаборатории и санитарного отсека закрыты изнутри. «Но туда можно попасть через компьютерный зал, — сообщила Рипли. — Иначе они не смогли бы оттуда выбраться».

Бёрк следил за тем, как Бишоп деловито открывает створки. Это не заняло много времени. Прошло полминуты, и проход был свободен.

«Отлично».

Первым вошел Хикс. За ним Васкес, Кроув и Вирсбовски. Следом — штабная команда.

— Если бы Рипли чуть отстала, она бы услышала, как Дрейк, показавший Хадсону что-то зажатое в кулаке, тихо сказал:

— А гильзочки-то старые. Месяц, если не больше.

— Лейтенант! Горман!!! — Бёрк задумчиво оглядывал целый ряд стоящих на торце колб. В спиртовом растворе колыхались странные, хвостатые, восьмипалые существа. Больше всего они напоминали две сросшиеся человеческие ладони. Только цвет у них был ядовито-желтый.

Бишоп, Хикс, Рипли и Горман остановились за его спиной, внимательно разглядывая незнакомых существ.

— Ни разу в жизни не видел ничего подобного. — Прошептал Бёрк.

— Это они? — Хикс быстро взглянул на Рипли.

Та лишь кивнула головой. У нее не было сил отвечать.

ШЛЕМ ХРУСТНУЛ И РАЗЛОМИЛСЯ ПОПОЛАМ ПО ЛИНИИ НАДРЕЗА. ДАЛЛАС И ЭШ СКЛОНИЛИСЬ НАД РАСПРОСТЕРТЫМ НА ХИРУРГИЧЕСКОМ СТОЛЕ ТЕЛОМ КЕЙНА, ГОЛОВУ КОТОРОГО УКРАШАЛО СТРАННОЕ СУЩЕСТВО.

— ЭТО ЧТО ЗА ДЕРЬМО ТАКОЕ? — ИЗУМЛЕННО СПРОСИЛ ИНЖЕНЕР.

ОФИЦЕР ПО НАУКЕ ЗАДУМЧИВО ПОЖАЛ ПЛЕЧАМИ.

— НИ РАЗУ В ЖИЗНИ НЕ ВИДЕЛ НИЧЕГО ПОДОБНОГО.

ЭТО ПРЕДСТАВЛЯЛО СОВОЙ ВОСЬМИПАЛОЕ ПОДОБИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РУКИ ЗЕЛЕНОВАТО-ЖЕЛ-

ТОГО ЦВЕТА. ТОЛЬКО ТАМ, ГДЕ У ЧЕЛОВЕКА ЛАДОНЬ ПЕРЕХОДИТ В ЗАПЯСТЬЕ, У СУЩЕСТВА БЫЛ ХВОСТ. И ЭТОТ ХВОСТ КОЛЬЦАМИ ОБВИВАЛСЯ ВОКРУГ ЖИЛИСТОЙ ШЕИ КЕЙНА.

— О'КЕЙ. — ДАЛЛАС ВЗЯЛ В РУКИ МЕДИЦИНСКИЙ ЗАЖИМ. — ДАВАЙ-КА ПОПРОБУЕМ СДЕРНУТЬ С НЕГО ЭТУ ХРЕНОВИНУ...

— Осторожно, Бёрк!!!

Представитель Компании приблизил лицо к самому стеклу, норовя рассмотреть это лучше, и в ту же секунду существо бросилось на него. Оно грохнулось о стекло, перебирая «пальцами». Раствор заколыхался. Хвост существа собрался в кольцо. Это произошло так неожиданно, что Бёрк с криком отскочил.

— О, господи! Оно живое!!!

Хикс засмеялся, хотя и ему стало не по себе.

— Ну, прямо любовь с первого взгляда. Ты ему понравился, Бёрк.

Он развернулся и отошел в сторону, оглядывая помещение.

Оно было чистым и просторным. Заполненное различными оборудованием для лабораторных экспериментов.

Они ничего не тронули здесь. Ни одного прибора, ни одной вещи не взято для сооружения баррикад. По-видимому, колонисты, зная, что их ждет, хотели оставить тем, кто прилетит им на выручку, как можно больше данных об этих тварях. О ВРАГЕ.

Бишоп, прохаживающийся по комнате, взял со стола альбом, затянутый в коричневый переплет. Он раскрыл последние страницы и углубился в чтение. Дочитав до конца, андроид перелистнул страницу назад и прочел еще раз вслух.

— «...Двое живых, остальные мертвые. Сняты хирургическим путем до вживления эмбриона. Джордж Джейк умер во время операции. Они убили его, снимая этих существ». — Бишоп положил альбом на стол и провел пальцем по коричневой корочке. — Пыль.

— В каком смысле? — Горман мельком взглянул на андроида.

Рипли поняла. Базальтовая пыль на любой планете просачивается в помещение. Но происходит это очень медлен-

но. Для того чтобы журнал покрылся слоем пыли в полмиллиметра, понадобилось бы не меньше месяца. А это значило, что и катастрофа произошла примерно в это же время. Лаборатория не была разгромлена, но покинули ее больше месяца назад.

Бишоп собрался было объяснить, что он имел в виду, но его прервал резкий выкрик Дрейка:

— Хикс! У меня на экране движение!

За долю секунды все оказались на ногах. Это были уже не отдельные люди, но боевая команда, ошестившаяся стволами, закрывающая вход в лабораторию.

— Где движение? — Рипли удивила перемена, произошедшая с капралом. Теперь это был настороженный, собранный, готовый к прыжку хищник.

— Сзади.

Никакой суеты. Голоса спокойны, хотя в них слышно напряжение.

Команда тесной группой вышла в коридор.

— Может кто-то из первого взвода? — Нерешительно спросил Горман.

Васкес сморщилась. Всем было известно, что на шее у каждого члена команды «Счастливчика» висел специальный датчик, который поглощал радарные волны треккера, а значит, никто из них отражаться на экране не мог.

Тем не менее Хикс включил переговорное устройство.

— Эй, Том, — в определенные моменты они с сержантом были на «ты». — Где твои люди? Кто-нибудь есть в блоке «Д»?

— Нет. Никого.

— Ну давай, пошли. Пошли, пошли. Сколько их?

На табло загорелось: «12 метров».

— Одно. До него двенадцать метров, и оно движется. — Тихо ответил Дрейк.

— Направление?

— Прямо на нас.

— Твою мать. — Выругалась Васкес. Она чуть сдвинула ствол пулемета, намереваясь выпустить очередь по дуге, как только ЭТО появится в зоне видимости.

— До него восемь метров.

Группа приготовилась к бою. Всем невольно вспомнились слова Рипли:

— ОДНО ИЗ ЭТИХ СУЩЕСТВ УНИЧТОЖИЛО ВСЮ МОЮ КОМАНДУ ЗА ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА.

Хадсон на всякий случай оглянулся.

— Шесть.

Палец Васкес лег на спусковой крючок.

— Пять.

Рипли напряженно вглядывалась в полумрак коридора. Никого.

— Четыре. Три, два...

Внезапно откуда-то сбоку вынырнуло маленькое всклокоченное существо. Скрыщенное и серое, оно шмыгнуло через открытое пространство и скрылось в щели мусоросборника. В то же мгновение заработал пулемет Дрейка. Бронебойные пули рванули стальную обшивку стены, яркое мерцающее пламя осветило лица десантников.

— Не стрелять! — Заорал Хикс.

Он первый сообразил, что перед ними ребенок.

— Не стрелять!!!

Васкес стволом пулемета ударила по пульсатору Дрейка, и последние пули ушли в потолок.

Первый живой человек. Пусть даже и ребенок.

— Рипли. — Хикс кивнул женщине на щель мусоросборника.

Солдаты сгрудились рядом, стоя на коленях, а некоторые даже лежа, стараясь заглянуть внутрь.

Рипли отодвинула рукой щиток, прикрывающий щель и увидела...

Это была девочка. Лет шести-семи, не больше. Чумакая, со спутанными грязными волосами, в порванном сером свитере и держащемся на одной лямке комбинезоне. Настороженные глаза внимательно следили за собравшимися в кучу людьми в военной форме.

Рипли улыбнулась девочке.

— Эй, все в порядке, все в порядке. — Тихо и ласково сказала она.

От звуков человеческого голоса ребенок сжался, словно боясь, что ее сейчас ударят.

Рипли увидела покрытые синяками руки девочки, прижимающие к груди резиновую голову куклы. Обычной детской куклы, из тех, что закрывают глаза, когда их кладешь на спину.

— Капрал, возьмите ее. — Она снова повернулась к девочке. — Не бойся. Мы не сделаем тебе ничего плохого.

Мы здесь, чтобы защитить тебя. Ну? Все в порядке...

Хикс осторожно просунул руку в щель.

...Все хорошо...

Еще несколько миллиметров.

...Ну, выходи...

И он схватил девочку за руку.

— Я поймал ее!

Девочка, словно очнувшись от гипноза, быстро наклонилась и впиалась в руку капрала зубами.

— Черт!!! — Взыл Хикс, разжимая пальцы. — Она вырвалась! Не упустите ее!!!

Ребенок нырнул куда-то вниз, и тут же серый свитер появился под полом.

Сквозь решетчатую поверхность металлического настила было видно, как девочка проворно поползла в сторону.

— Где она? — Продолжал кричать Хикс.

— Вот! Вот!

В поднявшейся суматохе невозможно было разобрать отдельные голоса, все слилось в общий возбужденный гомон.

— Мы сейчас ее упустим!

— Черт! Осторожней там!

— Посветите кто-нибудь!

— Давай, давай, вон она!

Девочка поползла под перекрытиями и нырнула в новый колодец.

Недолго думая, Рипли легла на пол и протиснулась в узкую щель следом за ней.

Кто-то просунул фонарь, и мусороприемный бункер залил яркий свет.

Девочка затравленно огляделась. Выхода не было. Тупик.

Она забилась в угол, стараясь укрыться от света за грудками мусора.

Рипли подползла к ней.

— Все в порядке... Все в порядке... Не бойся, не бойся... Все в порядке... — Она осторожно обняла девочку и прижала к себе. Ребенок даже не сопротивлялся, словно у него кончился какой-то завод. — Успокойся, все будет нормально... — И вдруг плечи девочки дрогнули. Раз, другой, третий. Раздалось какое-то тихое поскуливание, переходящее в плач. — Ну, ну, ну, ну... Тише, тише. — Рипли провела рукой по спутанным волосам, отчего девочка заплакала еще сильнее. — Все будет в порядке, слышишь...

Взгляд ее упал на кучи мусора. В свете фонаря у самых ног блестела ровная пластиковая поверхность.

Одной рукой Рипли подняла прямоугольник и поднесла поближе.

С цветной фотографии улыбалась ее новая маленькая знакомая. Светлые волосы заплетены в косички. Яркое платье развевается на ветру. А девочка смеется, подставляя лицо утреннему солнцу.

Под фотографией золотыми буквами выведено имя: «РЕБЕККА ДЖОРДАН».

* * *

Горман наклонился к сидящей на хирургическом столе девочке и спросил:

— Рипли, как ее зовут?

— Ребекка.

— Ребекка, вспомни, подумай. Попробуй начать с самого начала. Где твои родители? — Он замолчал в ожидании ответа.

Но девочка словно в рот воды набрала. За полтора часа, прошедших с того момента, как ее извлекли из мусоронакопителя, она не сказала ни слова. Лишь время от времени испуганно поглядывала на Рипли, будто проверяя, не исчезла ли та.

— Послушай, Ребекка... — Снова начал Горман.

— Горман, дайте ребенку отдохнуть, — оборвал его Бёрк. — Девочка устала, даже идиоту это понятно.

Спасибо, Бёрк.

Рипли благодарно посмотрела на него. Лейтенант покраснел. Ему казалось, что он лучше этих людей разбирается в психологии. По крайней мере, изучал ее в училище.

— Да ладно. У нее какая-то внутренняя блокировка.

— С ней все в порядке. — Вмешалась Рипли. — Я думаю, ей, действительно, не мешало бы отдохнуть, выспаться.

Горман выпрямился. Его раздражения не заметил бы только слепой.

— Ладно. Все равно мы только зря время теряем.

Он шагнул к выходу. Бёрк последовал за ним, но на пороге обернулся и, улынувшись, подмигнул девочке.

Как только мужчины вышли, Ребекка сразу обмякла, будто с ее плеч сняли огромный груз. Рипли присела на корточки перед столом и протянула девочке пластиковую чашку, наполненную дымящимся напитком.

— Попробуй, это горячий шоколад.

Его специально для Ребекки сварил Бишоп.

Девочка приняла его осторожно, как какую-то невиданную диковинку. Она втянула ноздрями пар, поднимающийся от чашки, поднесла ее ко рту и сделала маленький, чуть заметный глоток.

— Вот. — Улыбнулась Рипли. — Вкусно?

Она вытащила из кармана платок и легким движением провела девочке по щеке.

— Смотри-ка, что я натворила. — Даланно удивилась Рипли. — Теперь, наверное, придется все лицо вытирать.

Платок начал гулять по чумазой мордашке, счищая копоть и грязь. Нельзя сказать, что удалось достичь идеальной чистоты, но это уже было нечто приемлемое.

— Даже трудно поверить, что под всей этой грязью есть маленькая девочка. Да еще такая хорошенькая. — Рипли убрала платок в карман. — Ты не очень разговорчивая, я смотрю, а?

— Вам для курящих или для некурящих? — Хадсон разглядывал выведенную на экран компьютера схему жилых помещений.

— Что вы здесь ищете, рядовой? — Рывкнул подошедший Горман.

Тон вопроса не подразумевал ответа. Скорее, он звучал как: «Ну ты, задница, бери ноги в руки и проваливай отсюда». Но Хадсон либо не понял, либо не пожелал понять. Он выпрямился, а следом за ним то же самое сделали и остальные. Хикс, Эйпон, Дрейк, Васкес. Даже сидящий за клавиатурой Вирсбовски с удивлением поднял глаза на кипящего от злости лейтенанта.

— Мы ищем... — начал было объяснять волонтер.

— Что? — Зло перебил его Горман.

— Передатчики личных сигналов. — Пояснил Эйпон. — Каждому колонисту под кожу был вживлен специальный передатчик. Мы ищем сигналы. Хотя пока — полный ноль.

В отряде было правило: зашли в тупик — ищем выход сообщая. Неважно, рядовой ты или офицер.

А сейчас был как раз такой случай. Если не найти сигналы передатчиков, по этой станции даже со схемой можно лазить три месяца и не обнаружить то, что нужно.

Именно поэтому старому правилу, несмотря ни на что, изменять никто не собирался. Даже, если придется еще раз дать под зад новичку-лейтенанту.

— Не знаю, как тебе удалось выжить, но ты очень храбрая девочка, Ребекка.

— ...а...ик... Губы ребенка дрогнули.

— Что ты сказала?

— Головастик. — Уже более внятно ответила девочка. — Меня зовут Головастик. Никто не называет меня Ребекка. Только брат.

— Головастик? — Улыбнулась Рипли. — Это мне нравится. А я — Рипли. Очень приятно с тобой познакомиться. А как зовут твою подружку?

Она указала на зажатую в кулаке девочки голову куклы.

— Кейси.

Рипли кивнула.

— Привет, Кейси. Скажи, Головастик, а брата твоего как зовут?

— Джимми.

— А Джимми тоже где-то здесь? Может быть, прячется, как ты?

Кивок головой. «Нет».

— А сестры у тебя есть?

Кивок. «Нет».

— А мама с папой?

Девочка кивнула. «Да». Подбородок ее коснулся груди. Волосы упали на лоб, совершенно скрыв лицо ребенка.

— Головастик, посмотри на меня. Где они?

В глазах девочки загорелся недобрый огонь.

— Умерли! — Жестко, абсолютно не по-детски ответила она. — Они умерли, понятно? Теперь я могу идти?

У Рипли появилось ощущение, что ей как следует дали по физиономии.

— Извини, Головастик. Может быть, ты будешь в большей безопасности здесь, с нами? Эти люди могут тебя защитить. Они — солдаты. Десантники.

Ребекка вздохнула, словно более нелепых вещей ей слышать не приходилось. Взгляд ее ушел куда-то в сторону, отчего совершенно равнодушный ответ прозвучал зловеще.

— Это не имеет ни малейшего значения.

Вирсбовски втащил в лабораторию небольшой компьютер и поставил его на стол слева от Бишопы.

Андроид не реагировал. Вот уже час, как он разглядывал восьмипалое существо в линзы портативного электронного микроскопа.

Тварь оказалась очень интересной. Любой исследовательский научный центр Земли наверняка заплатил бы колоссальную сумму за один-единственный экземпляр. Даже за мертвый, не говоря уж о живом.

В самой глубине твари скорчился маленький — не больше сантиметра — эмбрион.

Система кровообращения. Интересно. Сердце.

Бишоп вскрыл малюсенькую шею.

Ага, судя по всему, это голова. А где же у нее мозг? Странно.

Он очень внимательно изучил отчет Рипли и пришел к выводу, что эти существа не просто разумны, они умны! Их уровень мышления и логики был ничуть не ниже человеческого. В определенном смысле, разумеется.

Андроид тщательно проработал схему «Настрома», проследил передвижения существа и, обработав данные на компьютере, понял: монстр выбирал оптимальные варианты перемещений. Идеальная схема, позволяющая убивать, оставаясь в живых. Возможно, он так же просчитывал действия людей и заранее предугадывал, что они сделают в следующий момент.

Очень интересное существо. Но где же у него мозг?

— Что-нибудь еще нужно? Эй, Бишоп?

Голос десантника нарушил его размышления.

Андроид обернулся. Волонтер смотрел на него, ожидая ответа.

— Я спрашиваю, тебе что-нибудь еще нужно?

Бишоп заметил компьютер, стоящий на столике.

— Нет.

Вирсбовски загляделся на распятую с взрезанным нутром тварь.

— Хороший у тебя приятель.

— Да, — согласился андроид. — Просто замечательный.

Он снова отвернулся и принял к микроскопу. Поняв, что разговора не получится, десантник усмехнулся и вышел из лаборатории.

Через пятнадцать минут Бишоп сделал еще одно открытие.

У существа отсутствовали органы размножения. Ни рожать, ни откладывать яйца оно не могло. А это значило...

— Эй, ребята, а ну, бросайте все и идите сюда. — Хикс внимательно разглядывал широкий экран.

Десантники собрались у компьютера. Тут же стояли Рипли, Бёрк и Горман. Эйпон, задумчиво покусывая кончик сигары, смотрел на гроздь красных точек, расположенных в левом нижнем углу схемы.

Красные точки. Сигналы датчиков колонистов.

— Они живы? — Спросил он, обращаясь к Бёрку. На мгновение оторвав взгляд от экрана, Бёрк пожал плечами.

— Не знаю. Так не скажешь. Но они все там, в одном месте.

Возле станции переработки. Третий уровень, около главной системы охлаждения.

— Они там все что-ли собрались? — Недоверчиво переспросил Дрейк. — Странно это как-то.

Видимо, не ему одному пришло это в голову, так как Васкес, подтверждая его слова, кивнула головой.

— Ну, странно это или не странно, обсудим потом. — Эйпон выпрямился и, переходя с обычного голоса на командный, прорычал. — Ну, что ж, ребята, поехали! Отдых кончился, пора за работу!

— Да, сэр. — Хадсон нахлобучил на голову шлем.

— И позовите кто-нибудь Бишоп. Ну? Давайте, давайте! Быстро!!! Нам за что деньги платят? Быстро!!!

* * *

Броневи́к обогнул здание комплекса и, трясаясь на ухабах, быстро покотил к приземистому, словно приплюсненному ударом молота, цилиндру станции переработки.

За окном продолжал бушевать ветер. Скорее всего он никогда и не прекращался, но сейчас его завывания звучали как-то особенно нудно.

Васкес прислушалась к реву двигателя, не торопясь проверила, подключен ли магазин пульсатора, есть ли запасные обоймы в сумке. Она и так знала, что всё на месте... но все-таки.

Машина подошла к северным воротам, на которых большими черными буквами было написано:

«ТРАНСПОРТНЫЙ ВЪЕЗД»

Стальная створка с урчанием поднялась, и броневи́к вкатился внутрь станции.

«Уровень первый» — значилось на стене.

Низкая поката́я магистраль вела в глубь комплекса. Возможно, месяц назад тут ползали автопогрузчики, таская образцы пород, тяжелые изношенные части механизмов и многое другое. Теперь же здесь царил хаос,

не меньший, чем в остальных блоках. Колеса броневика, отлитые из цельной высокопрочной резины, с хрустом сминали остатки баррикад, превращая их в бесформенные кляксы.

«Уровень второй».

Почти прибыли. Машина остановилась.

* * *

— Всё в порядке, не волнуйся. — Рипли обняла Ребекку за плечи.

Горман и Бёрк устроились прямо перед мониторами, наблюдая за передвижениями волонтеров в узких проходах комплекса. Они видели, как Эйпон обернулся. На экране замелькали лица солдат.

— Развернуться в колонну. Второй взвод по левому флангу. — Команды звучали отрывисто и сухо. — Идти очень осторожно. Хадсон, не отставать! Приготовиться! Здесь должна быть лестница!

— Да, сэр, вижу.

На соседнем экране, в уголке которого светилась фамилия «Кроув», появились ступеньки. Изображение задержалось.

ХИКС.

Хикс внимательно огляделся. Все здесь, никто не отстал. Чуть впереди шел Вирсбовски, держа перед собой треккер.

Одними глазами Хикс задал вопрос. Такой же безмолвный ответ: «Ничего».

Впереди возникла какая-то заминка. И тут же голос Эйпона в наушниках.

— Ну, пошли, пошли. Хикс, присматривай за нашими «хвостами». Прикрывай тыл.

— Да, сэр.

— Вперед, вперед.

Движение возобновилось.

— Осторожней, не идите толпой. — Голос Гормана, далекий, нереальный.

— Вы слышали? Толпой не идти! — Дублирует команду Эйпон.

— У вас плохо работают передатчики.

— Да. Скорее всего волны отражаются от этих конструкций.

Стены покрыты странными бугристыми наростами. Тот, кто это строил, обладал большой фантазией. Словно гигантские узловатые хребты вытянулись по всем перекрытиям. На них везде странная клейкая слизь. Сверху, через дыры, проплавленные в потолке, капает дождь. Слава богу, хоть нет ветра.

— Направление: два-один-шесть. — Лейтенант совсем пропадает. Приходится здорово напрячь слух, чтобы разоб-
раться его слова.

— Слышали? Два-один-шесть.

Впереди темный проход. Света в нем нет вообще. Вероятнее всего, лампы побили во время сражения. Плохо. Очень плохо.

Стены и потолок все в тех же странных наростах.

— Я не понимаю, что это, Васкес? — Хадсон оглядывается на пулеметчика.

— Откуда я знаю. — Видно, что ей тоже не по себе.

— Что это? — Волонтер не успокаивается.

— Я не знаю. — Дрейк мрачно оглядывает причудливую фантазию строительного «гения». — Ох, парни, не нравится мне все это...

— Разговоры! — Обрывает Эйпон.

— Идти внутрь. — Горман старается казаться спокойным и решительным.

Ну ни дать ни взять, генерал Кастер. Не хватает только «фруктового салата** на груди.*

— Оружие применять только в случае крайней необходимости!

А что, в бою бывает не крайняя необходимость, колледж-бой? ...Осторожнее...

Спасибо, что напомнил.

— Не волнуйтесь, сэр. — Эйпон серьезен. — Мы будем осторожны.

Васкес улыбается.

Волонтеры вступают в темноту.

Хикс поднимает голову, освещая фонариком потолок.

Странно. Ламп нет! Вообще!! Ни битых, ни целых, никаких!!! Что за чертовщина?

* Генерал Кастер был окружен и убит вместе со всем своим отрядом индейцами племени Сиу при Литл-Бит-Хорне 27 июня 1876 года.

** «Фруктовый салат» (сленг) — набор орденов колодок.

Но нужно идти вперед, чтобы не отстать.

Надо будет спросить у Бёрка, что за идиот строил эту станцию.

По всем стенам в ярком свете фонарей стекает слизь. Хадсон пробует ее на ощупь и морщится.

— Что это за дерьмо? Похоже на какие-то выделения...

— Да.— Хикс внимательно разглядывает стены.— Вот только кто и что выделяет?

— Никому ничего не трогать! — Рядом возникает сержант.

— Какое чудесное строение, а? — Вирсбовски оглядывает наросты.

— Жарко здесь... — Это Дрейк.

Влажная жара. Рубашка, поверх которой надет тяжелый бронежилет, прилипает к телу.

Взгляд на указатель температуры.

— Ого. 160 градусов*. Ничего себе.

— Ага, зато сухо.— Хадсон потрянул головой, и со шлема полетели брызги. То ли вода, то ли слизь.

Хиксу показалось, за его спиной что-то шевелится. Он обернулся. Нет. Ничего.

Нервишки у тебя барахлят, парень.

— Кончай, Хадсон.— Эйпон посмотрел вперед, где сквозь мрак замерцал свет выхода и, сделав несколько быстрых шагов, растаял в густой темноте.

РИПЛИ.

Горман, навалившись локтями на пульт, внимательно следил за передвижениями солдат.

Рипли четко видела, как капельки пота стекают от волос за воротник форменной рубашки лейтенанта.

И дурак бы понял, что офицер нервничает.

Ничего хорошего в этом не было. Через секунду может начаться бой, и лейтенант должен будет координировать действия сразу двух взводов. В своих руках он держит жизни восемнадцати человек. Стоит Горману потерять контроль над ситуацией — волонтеры погибнут.

Какой кретин поставил этого парня на такую операцию! Он же сейчас в штаны от напряжения наложит.

* Около 55° по Цельсию.

Она уже собралась задать вопрос, но тут вдруг в ее голове мелькнула другая, не менее важная мысль.

— Скажите, Горман,— спросила она,—

Господи, да он головой чуть потолок не пробил.

...а чем стреляют эти винтовки пульсирующего действия?

— Ну... — От волнения лейтенанту было даже трудно говорить.— Обычные взрывные снаряды... — наконец выдавил он.— А что?

— А то, что ваши люди находятся прямо под теплообменником.

— Ну и что? — Горман таращил на нее непонимающие глаза.

— Если волонтеры начнут там стрелять, то, скорее всего, какой-нибудь заряд повредит систему охлаждения.

Лейтенант посмотрел на Бёрка.

— Да. Она абсолютно права,— подтвердил тот.

— Ну и что, что? — Заорал Горман.

Господи, да он что, совсем ни хрена в технике не понимает?

— Вся эта станция — большой ядерный реактор... — Рипли начала с азов.

— Ну?

— Так вот, если один из этих взрывных снарядов повредит систему охлаждения, реакция в теплообменнике примет необратимую форму.

— Ну? Дальше?

— А дальше последует ядерный взрыв такой силы, что эта планета разлетится по всей галактике.

— Ну прекрасно.— Упавшим голосом отреагировал лейтенант.— Просто замечательно.

Он еще раз взглянул на Бёрка, словно ждал, что тот скажет: «На самом-то деле все не так страшно. Рипли преувеличивает». Но Бёрк лишь вздохнул, утвердительно качнув головой.

— Ну надо же... Ладно.— Горман попытался взять себя в руки.— Эйпон!

— Да, лейтенант... — Голос звучал словно сквозь вату. Изображение на мониторах стало совсем плохим, покрылось рябью и полосами.

— Вот что, Эйпон.— Лейтенант прокашлялся. Ему было очень сложно сказать то, что требовал здравый рассудок.— Вы там... не можете стрелять... Соберите у всех магазины... И гранаты тоже. И никаких возражений, сержант.

Несколько секунд в наушниках раздавался лишь треск, а затем Эйпон ответил.

— Понял.

Рипли увидела, как Горман густо покраснел. Он словно слышал реакцию волонтеров.

ВОЛОНТЕРЫ.

— Да он что, охренел что-ли, мать его? — Злобно прошипела Васкес. — А чем же нам воевать? Матом?

Назревал бунт. И Эйпон прекрасно это понимал. Но с другой стороны, хорошенькое дело, обезоружить солдат перед боем, да еще и безо всяких на то объяснений. Тем более, если верить этой Рипли, то, с чем им предстоит столкнуться, едва ли не самый опасный противник на его памяти. А они без оружия. И тем не менее: приказ есть приказ. Каким бы неопытным ни был Горман, но не совсем же он дурак. Значит, на это была очень веская причина. Ладно.

— Вы слышали, милые? — Гаркнул он. — Отсоединить магазины! Давайте, давайте, быстрее!

Эйпон пошел вдоль ряда, собирая обоймы.

Хикс молча отстегнул магазин, вытащил запасной и кинул в подставленную каску.

«Так. Дела — дерьмовые».

Звякнули еще две обоймы. Хадсона. В коридоре повисла гнетущая тишина. Сержанта послушаться не смели. Он был рядом с ними, а его обоймы были первыми.

Но, наверняка, кое-кто из волонтеров подумывал о том, как, вернувшись на корабль, с удовольствием двинет по зубам Горману.

Хикс подождал, пока сержант отойдет подальше и извлек из-под бронезиelta мощный дробовик, заряженный крупной картечью. Он подмигнул удивленному Хадсону.

— Пускай будет под рукой, на всякий случай. Для близких контактов.

— Давай, давай. Ты тоже.

Дрейк отстегивает магазин и швыряет в каску.

— И запасной.

Второй летит следом за первым.

— Вот так.

Васкес, вздохнув, следует примеру напарника.

— Правильно, Васкес. Ну-ка, Вирсбовски, открывай рундук.

Крышка сумки откидывается в сторону, и Эйпон ссыпает обоймы внутрь. Негласное указание: в случае смертельной опасности — стрелять!

Сержант не знал о теплообменнике. Он понимал одно. Рядом с ним семнадцать волонтеров, и его задача вывести их живыми. Либо, на худой конец, с наименьшими потерями.

— Спасибо, сержант. — Вирсбовски опустил крышку рундука.

— Не за что, — отрубил Эйпон. — Вперед!

Дрейк ухмыльнулся и извлек из нагрудного кармана кителя еще две обоймы. Одну он подключил к своему пулемету, вторую протянул Васкес.

— Что видно? — Сквозь треск помех Эйпон еле сумел разобрать слова лейтенанта.

— Ничего не видно. Вообще ничего.

Группа медленно двинулась к выходу.

У самой границы тьмы и света глаза десантников начали различать нечто, свисающее с потолка и со стен.

— О, Господи Иисусе... — Выдохнул кто-то. Нечто оказалось телами колонистов. Они были повсюду, торчащие из наростов, опутанные странной липкой слизью. Чьи-то босые ноги свисали с потолка. Рука со скрюченными пальцами. Мертвые безжизненные лица.

— Головастик, ну-ка, отойди. — Рипли заметила, как вытянулось лицо девочки. — Бишоп, уведи ее.

Андроид взял девочку за руку и увел в другой отсек.

— Тише. Осторожней. — Голос Эйпона, напряженный и тихий, подрагивал в полумраке туннеля. — Не забудьте: мы — десантники. И у нас есть задание, которое нужно выполнить. Двигаться, двигаться. Тише.

Волонтеры, наконец, миновали коридор и оказались на балконе, идущем по периметру огромного колодца. Колодец уходил вниз на все пятнадцать уровней комплекса.

— *Огнеметчики, один — направляющий, второй — замыкающий! Быстро! Вперед, вперед.*

Мимо Хикса протискивается Роббинс, огнеметчик из первого взвода.

Балкон настолько узок, что по нему можно пройти только поодиночке.

На той стороне перехода — площадка. Примерно пять на пять. Там будет легче.

Огнеметчик Шелдон, Васкес и Дрейк первыми пересекают балкон. За ними тянутся остальные.

Всё то же самое. Наросты на стенах, влажная духота и слизь. Липкая, противная слизь.

Дрейк первым увидел яйцо. Примерно семьдесят сантиметров в высоту, оно стояло в углу, а на нем, покрытая все теми же прозрачными выделениями, скорчилась тварь. Очень похожая на те, что плавали в лабораторных колбах. Стволем пулемета он подцепил ее и приподнял вверх. Существо было высохшим. Судя по всему, оно умерло очень давно.

Страхнув его на пол, Дрейк обернулся к подошедшему Хиксу.

— И как тебе все это нравится, капрал?

РИПЛИ.

Помехи на мониторах усилились. Люди выглядели размытыми призрачными силуэтами.

Если бы это произошло с одним экраном, можно было бы подумать, что барахлит камера, но изображение ухудшилось сразу на всех. Это не могло не встревожить.

— Я их почти не вижу. — Горман принялся вертеть ручки настройки. — Черт. Эйпон. Эйпон!!!

Нет ответа.

Связь с десантниками прервалась.

ВОЛОНТЕРЫ. — РИПЛИ.

Шелдон остановился, разглядывая яйцо.

Какая странная штука. Четыре лепестка. Прямо как у цветка.

Он осторожно заглянул внутрь. Пусто.

Наверное, эта восьмипалая тварь выбралась отсюда.

На стене, в полутора метрах от пола, висел совсем молодой парень. Опутанное слизью тело до поясницы уходило в нарост, но выше оно торчало из стены, безжизненное и обмякшее. Голова колониста свесилась на грудь, и сплишиеся волосы закрывали лицо.

Шелдон стволом огнемета поддел его за подбородок и приподнял.

Надо бы запомнить. Может быть, опознать по фотографии из личного дела. Все лучше родным получить Кэй-Ай-Эй*, чем маяться от неизвестности.

Внезапно глаза парня распахнулись. Они мутно и страшно уставились на волонтера. От неожиданности Шелдон отпрыгнул и заорал:

— Сюда! Сюда!!!

Десантники кинулись на крик. На стволе огнемета вспыхнул голубой огонек горелки, Хикс поудобнее перехватил дробовик, Васкес развернулась, ткнув пулеметом в направлении голоса.

— Что у тебя?

— Сюда, быстро.

Волонтеры смотрят на распятое тело. Глаза колониста открыты, рот распахивается, словно у рыбы, выброшенной на берег.

— Спокойно, парень, спокойно. — Шепчет сержант. — Все будет в порядке.

Черты лица парня искажаются от безумной боли. Его губы шевелятся в тихом шепоте:

— *Пожалуйста, убейте меня...*

— Успокойся, успокойся. Мы сейчас тебя вытащим. Все будет нормально... Все будет о'кей. Не волнуйся.

Эйпон хватается за плечо парня и тащит к себе.

— Помогите-ка мне.

Еще несколько рук тянутся к колонисту.

И в этот момент с ним что-то происходит.

Вцепившись в кресло, Рипли видела на мерцающем экране монитора, как...

ТЕЛО КЕЙНА ВЫГНУЛОСЬ ДУГОЙ. ОН РУХНУЛ

* Кэй-Ай-Эй (сокращ.) — «Killed in action» — погиб в бою.

НА СТОЛ, И ТАРЕЛКИ СО ЗВОНОМ ПОСЫПАЛИСЬ НА ПОЛ. ЕГО ТРЯСЛО.

— ЧТО ПРОИСХОДИТ? — ИСПУГАННО ЗАОРAL ПАРКЕР.

— Эй, что с ним, конвульсии?

Тело колониста вытянулось. Мелкая дрожь пробежала по его членам.

— Убейте меня!

— ДЕРЖИТЕ ЕГО! — ЭШ ВЦЕПИЛСЯ В ПЛЕЧИ КЕЙНА, ПРИЖИМАЯ БЬЮЩЕЕСЯ ТЕЛО К СТОЛУ. — И ЗУБЫ РАЗОЖМИТЕ, ОН МОЖЕТ ПРИКУСИТЬ СЕБЕ ЯЗЫК! «ДАЛЛАС, ПОМОГИ МНЕ!!!»

ПАРКЕР НАВАЛИЛСЯ НА СТОЛ, ПЫТАЯСЬ РАЗЖАТЬ СВЕДЕННЫЕ ЧЕЛЮСТИ КЕЙНА И ВСТАВИТЬ МЕЖДУ НИМИ СТАЛЬНУЮ ВИЛКУ.

— ДА У НЕГО НА ГРУДИ ЧТО-ТО, СМОТРИТЕ! — ЛАМБЕРТ ТКНУЛА ПАЛЬЦЕМ В ЖЕЛВАК, ПРОСТУПИВШИЙ ПОД ТКАНЬЮ ФУТБОЛКИ.

— Назад! Все назад!!! — Эйпон отпрыгнул, глядя, как на груди колониста появляется странная опухоль. Словно в теле вызревал огромный нарыв. Вот он стал величиной с кулак. Еще больше, еще...

Десантники замерли. Происходило что-то непонятное и поэтому особенно страшное.

ВНЕЗАПНО КЕЙН ЗАТИХ. МАЙКА ЛОПНУЛА, И МАТЕРИЯ НАЧАЛА БЫСТРО ПРОПИТЫВАТЬСЯ КРОВЬЮ. А СКВОЗЬ ДЫРУ ПОЯВИЛОСЬ ЭТО...

Рипли закрыла глаза. Она знала, что сейчас произойдет...

Тело колониста обмякло. Оно повисло, удерживаемое мощным слоем вязкой слизи.

А опухоль выросла до невероятных размеров, а затем... словно лопнула небольшая граната. Человека больше не существовало. Но из его развороченной груди торчала маленькая змеиная шея.

Существо принялось биться, стремясь вырваться наружу из своего «кокона».

— Убей! Убей его!! Живо!!!

Первым пришел в себя Дрейк. Он ткнул локтем застывшего, как в столбняке Шелдона, и тугая струя огня хлестнула в направлении чудовища. Оно завизжало. Невероятный по высоте — почти на границе слышимости — звук ударил по ушам людей, словно ЭТО жаловалось или звало на помощь.

И в этот момент заорал Хадсон:

— ДВИЖЕНИЕ!!!

— Эйпон! Эйпон!!! — Горман орал в микрофон, но сержант не слышал его. На экранах появились полосы, хотя изображение стало более четким. Странность неполадок заключалась в том, что он слышал солдат, а они его — нет. — Эйпон, что у вас происходит?

— Откуда? — Дрейк лихорадочно закрутил головой.

— Не могу понять, сигналы очень странные...

— Ну, быстрее же, Хадсон!.. — Васкес отступила к стене.

— Очень много сигналов! Со всех сторон!!!

— Приготовились, ребята!!!

— Что происходит, Эйпон? — Надрывался Горман, силась разобрать что-нибудь на прыгающих картинках мониторов.

Рипли и Бёрк замерли рядом с ним, так же как и он вглядываясь в экраны.

— Я ничего не вижу!!! — Закричал Шелдон, поворачиваясь.

— Он прав! Здесь ничего нет. — Хикс сделал шаг к парпету.

— Но я вам говорю! ЗДЕСЬ ЧТО-ТО ДВИЖЕТСЯ! ОНИ ПОВСЮДУ! НАС ОКРУЖИЛИ!! ГОСПОДИ БОЖЕ!!!

Хадсон вертелся волчком, следя за расстоянием до сигналов. Три метра, два...

— Я НЕ ВИЖУ НИКОГО!!! — Шелдон прижался спи-

ной к стене, затравленно оглядываясь вокруг. — Я — НИКОГО — НЕ ВИЖУ!!!

Первым это увидел Хикс, но было уже поздно. Один из наростов у самого потолка вдруг *зашевелился* и оказался точной копией сожженной твари, только выросшей до четырехметровой длины. *ЭТО* развернуло поджатый хвост и длинную шею и ринулось со стены на огнеметчика.

Все произошло за долю секунды. Суставчатые лапы обвили тело волонтера и потащили к распахнутой, густо покрытой

ЛИПКОЙ БЕЛОВОАТОЙ СЛИЗЬЮ!

пасти. Шелдон закричал. В глазах его застыл безумный панический ужас.

СЛИЗЬ! ЗНАЧИТ, ТАМ В КОРИДОРЕ ТОЖЕ...

В ту же секунду загрохотал пулемет Васкес.

— А ну, покажем этим ублюдкам, мать их!

— Кто стреляет, черт возьми? Я же приказал — не стрелять? — Лепетал в полной растерянности Горман, лихорадочно глядя, как одна за другой пропадают картинки на мониторах. Шелдон, Страуб...

Струя пламени по дуге прошла от пола до потолка. Роббинс выпускал всё новые потоки огня. Он понял: этот рейд для него — последний. Им не удастся прорваться к выходу. В коридоре все кишит этими уродами. Речь идет не о жизни, а о том, за какую цену он сможет ее продать! Он заливал огнем все. Стены, потолок пол. Площадка превратилась в пылающий ад.

Роббинс не услышал, как *ЭТО* возникло у него за спиной. Он даже не успел почувствовать боли, когда подвижные челюсти **ЧУЖОГО** разорвали его сердце.

— **ОНИ НА СТЕНАХ! ОНИ НА ВСЕХ СТЕНАХ!!!**

Хикс увидел выросшее за спиной Хадсона чудовище.

БАНГ! Картечь пробила тело существа, проделав в нем огромную дыру. Зеленая жидкость брызнула из раны, задев кого-то из волонтеров.

— **АААААААААААА!!!** — Кислота начала разъедать

плоть. Даже после смерти эти существа оставались опасными.

Васкес перебежала вправо, не прекращая стрельбы.

Вирсбовски лихорадочно расстегивал крышку рундука.

Надо раздать обоймы! Только бы успеть раздать обоймы!

Две твари возникли перед ним одновременно с двух сторон. Выхода не было. Сейчас он умрет. Сзади, за стеной огня, начинался парапет колодца. Пятнадцать этажей. Гибель.

Не раздумывая, волонтер шагнул в огонь и, перевалившись через парапет, полетел вниз.

— Отходим! Отходим! Хикс, Васкес, Дитрих, Вирсбовски! Вирсбовски!!! Все, кто жив, отходить!

Дрейк услышал команду сержанта и перебрался влево. Похоже, серьезное оружие только у них с Васкес, а значит, кому-то придется прокладывать дорогу, а кому-то прикрывать тыл. Главное, прорваться через чертов тоннель, хотя всё равно, если этот дурак Горман не догадается подогнать броневик — им крышка. Рипли была права. Эти твари смертельно опасны.

Он заметил сползающее со стены существо и нажал на спуск.

БАНГ! Зубастая башка разлетелась мелкими брызгами.

— Эйпон! Прекратить огонь! — Голос Гормана ворвался в наушники истошным выкриком. — Не стрелять! Отходить под прикрытием огнеметов! — Голос вновь стал затихать, пока не исчез совсем.

— Васкес! Не стрелять!!! — Заорал Эйпон, стараясь перекричать рёв пламени, стук пулеметов и беспорядочные крики людей.

Она повернула к сержанту оскаленное опаленное лицо и увидела за его спиной **ЧУЖАКА**.

Выстрелить она не успела.

— Отзовите их! Вытащите их оттуда! — Взорвалась Рипли, глядя на бледное растерянное лицо лейтенанта. — Ну, быстро! — Она сорвала микрофон с головы Гормана и закричала, всматриваясь в экраны. — Хикс! Дрейк! Васкес! Хадсон! Кто-нибудь меня слышит.

— Прекратите! — Горман вскочил.

— Заткнитесь!

Лейтенант сник. Он вяло повернулся к мониторам, повторяя, словно во сне:

— Эйпон... Эйпон... Где же Эйпон?..

— Да нет его! Он погиб уже!— Ярость душила ее.

Дрейк бежал к темному проходу, стреляя на ходу во все, вырастающее на пути.

«Сколько их? Сколько еще осталось?»

Следом отходили оставшиеся в живых волонтеры. Это даже не было отступлением. Это было бегством. Полным поражением.

— Хикс? Хадсон? Васкес... Фрост... Боже мой,— почти шепот.— Я же говорил отойти.— Он повернулся к Рипли.— Вы слышали. Я скомандовал: отходить.

Ухватившись за лацканы чистенького кителя, она рванула Гормана к себе и яростно процедила ему в лицо:

— Вы должны спасти их!— И сорвалась на крик.— Сделайте же что-нибудь!

Он пялился на нее тупым взглядом, словно пытается вникнуть в смысл ее слов.

Оттолкнув его, Рипли кинулась в кабину, успев крикнуть на ходу:

— Головастик, держись!!!

— Рипли! Какого черта вы делаете? Вы не имеете права! Прекратите! Это приказ!

Броневи́к рванулся с места так резко, что Горман не удержался на ногах и полетел на стол лицом вниз. От толчка с верхней багажной полки сорвался запасной аккумулятор. Увесистый удар пришелся лейтенанту точно на затылок. Горман охнул и мешком сполз на пол.

От раскаленного ствола поднимался жар. Дрейк понимал, самое страшное уже позади. Тоннель пройден. Похоже, именно там основное скопление этих тварей. Он замедлил шаг, пропуская вперед остальных. Если эти ублюдки где и полезут, то, скорее всего, сзади. Здесь почти чисто. Хикс со своей «пушкой» вполне управится. «Кто остался в живых?»

Хадсон, Хикс, Васкес и он. Это все?!? Господи...

Четырнадцать человек! Они потеряли четырнадцать человек!!! Невозможно поверить!»

Из темноты вынырнула одна из тварей.

БАНГ! Васкес еле успела увернуться от зеленоватых кислотных брызг.

— Хикс! Быстрее!!!

Разбросав завал, броневи́к влетел на третий уровень. Все. Дальше не пройти.

Пулеметные очереди доносились из бокового прохода.

Рипли развернула машину так, чтобы можно было сразу набрать скорость.

Две фигуры вывалились из темноты коридора и бросились к броневи́ку.

— Бишоп, открой дверь!

«Кто они? Кто выжил?»

Словно понимая, что добыча ускользает из лап, твари посыпались на них, как яблоки после дождя.

— Васкес, отходи! В броневи́к, быстро!!!— Дрейк дал короткую очередь по копошащейся впереди темной массе чудовищ.

Васкес побежала к машине. Прямо на пути, откуда-то слева, вывалился монстр и ринулся на нее.

БРРАНГ! Попавшие в тело взрывные снаряды отбросили ЧУЖОГО к стене. Под каплями зеленых брызг запузирился металл перекрытия.

В несколько шагов Васкес достигла машины и прыгнула внутрь.

Дрейк, пятясь, развернулся и вдавил гашетку. Вместо выстрелов он услышал лишь треск электрического пульсатора.

«Ну, здорово, твою мать...— подумал он.— Славный сегодня денек».

Твари смыкали кольцо.

Хикс поднял дробовик и нажал спуск.

БАНГ! Одно из существ, переломившись пополам, рухнуло на пол.

«Слишком мало».

Васкес, поворачиваясь, выпустила очередь поверх едва видной за спинами чудовищ, рыжей головы напарника. «Поздно».

Монитор Дрейка мигнул последний раз и погас.

Хадсон видел, что из прохода ползут всё новые и новые чудовища. Точные копии первых. Словно и не умирали во все.

Он рванул со стены огнемёт и принялся заливать огнем пространство между броневиком и коридором. Твари корчились в языках пламени, чернея и застывая, как жуткие уродливые изваяния.

Некоторые из них подползли совсем близко, и капли голубого огня побежали по стальному полу «КОБРЫ».

— Бишоп, огнетушители!

— Я сейчас! — Васкес рванулась к выходу.

— Нет! — Заорал Хикс, хватая ее за локоть.

— Я должна!!!

— Дрейк мертв! Забудь про него! — Он ухватился за створку двери. — Помогите мне!

Хадсон швырнул огнемёт на сиденье и, вцепившись в ручку, навалился на дверь.

Костлявые пальцы ЧУЖОГО появились в проеме в тот момент, когда щель стала совсем узкой. Противоборство людей и твари длилось недолго! Стальная плита, дрогнув медленно поползла назад, оголяя нутро боевой машины. Хикс ухватил ружье поудобнее и одной рукой дернул затвор досылая патрон в патронник.

Тварь распахнула пасть и просунула длинную голову в дверной проем.

Ствол дробовика вошел в ее глотку.

— На, сожри! — Хикс дернул курок.

БАНГ! ЧУЖОЙ вывалился наружу, но полетевшие с разных сторон капли кислоты настигли жертву. Хадсон за плясал на месте. На рукаве форменного кителя быстро расплзлось обширное дымящееся пятно. Бронежилет на груди волонтера превращался в желтую пену.

Бишоп и Васкес принялись сдирать с него одежду.

Хикс закрыл дверь, набросил магнитный замок и крикнул в сторону кабины:

— Все! Можно двигать! Быстрее! Быстрее!!!

Броневи́к рванул с места. Стальной остроносый снаряд летел вперед, петляя в лабиринте проходов, отыскивая заветный покатый спуск.

У Рипли не было навыков вождения подобных машин, поэтому «КОБА» то и дело цеплялась за стены, вспарывая сталь, словно нож масло. Резина дымилась.

Тень, упавшая на триплекс*, привлекла ее внимание. Там, наверху, на броне, что-то было. Несколько капель липкой желеобразной слизи упали на стекло и сползли вбок под порывом встречного ветра.

ЭТО увидело человека. Первые, наружные челюсти, разжались, открывая второй ряд мелких острых зубов.

Рипли успела разглядеть их за секунду до того, как подвижная челюсть, разбив толстое, десятисантиметровой толщины, стекло, клацнула у самого лица.

Женщина вжалась в кресло. Длины подвижных челюстей чудовища было недостаточно, для того чтобы схватить ее, но Рипли знала: эти твари могут пролезть в любую щель. Правда, триплекс очень узкий, но — береженого...

Она вбила тормоз в пол.

Броневи́к замер. Удивительная машина. Чужой, не удержавшись на покатой поверхности, свалился на пол, прокатившись по инерции несколько метров, но тут же поднялся. Рипли рванула «КОБРУ» вперед, прямо на зеленую фигуру, стоящую на пути.

СЛЫШИШИШИШИШИ... Она почувствовала, как дернулось колесо, расплющивая НЕЧТО в безобразное месиво.

Одно тревожило ее. КИСЛОТА. Не разьест ли резину колес? Застрясть здесь означало бы для них верную гибель.

Подъем возник справа так неожиданно, что Рипли чуть не проскочила его. Вывернув до отказа руль, она почувствовала, как задняя часть броневика при заносе врезалась в стену.

Люди в кузове полетели на пол.

Надсадный рев двигателя гулко разносился по переходам комплекса.

Машина буквально вылетела на площадку второго уровня и остановилась.

Хикс ввалился в кабину так внезапно, что Рипли вздрогнула и... разрыдалась. Сказалось огромное нервное напряжение.

— Все в порядке. — Он осторожно обнял ее за плечи. — Все хорошо. Ну, успокойся. Мы вырвались. Ты только что медаль заработала. Успокойся. Тише, тише, тише...

— Ну, ты как? Нормально? — Васкес смотрела на поднимающегося с пола Хадсона.

* Триплекс — в боевых машинах узкое обзорное стекло.

Тот кивнул, подразумевая «да».

— Покажи-ка.

Хадсон повернулся к ней левым плечом. На руке вздулись красные водянистые ожоги.

— А с Горманом что?— Спросил он.

Васкес обернулся к лейтенанту. Бишоп, устроившись в кресле, бинтовал ему разбитую голову. После сильного удара тот до сих пор так и не пришел в сознание.

— Я не знаю. Может быть, сотрясение мозга.— Бишоп казался абсолютно спокойным.— Но он жив.

— Да я пришибу его сейчас!— Прорычала Васкес, угрожающе надвигаясь на безжизненное тело.

— Васкес, назад!— Хикс возник в проеме штабного отделения. Он слышал ее фразу и не сомневался, что угроза будет выполнена.— Немедленно!

Следом за капралом вошла Рипли.

Васкес выругалась сквозь зубы и остановилась, не перестав, однако, бросать на лейтенанта злобные взгляды.

Хикс заметил ожоги на руке Хадсона.

— Принесите аптечку кто-нибудь.

Васкес скрылась в штабном отсеке, а через секунду оттуда донесся ее удивленный вскрик.

— Эй, посмотрите! Капрал, Дрейк жив!— Она изумленно смотрела на экран, дающий показания жизнеобеспечения. Датчики продолжали работать, исправно выдавая пульс, частоту дыхания... Это могло означать только одно: Дитрих Дрейк жив.— Его экран работает. Надо вернуться за ним!

— Да какого черта! — Сорвался Хадсон.— Я никуда не пойду! Вернуться туда еще раз? Ну уж, нет!

— Вы ничем не сможете ему помочь.— Спокойно оборвала их Рипли. Она уже пришла в себя после срыва и, понимая состояние волонтеров, пыталась объяснить им истинное положение вещей.— Вы никому не сможете помочь. Те, кто еще жив, превратились в коконы. И, честно говоря, не знаю, кому больше повезло, живым или мертвым.

— О, Господи, Боже мой! Пресвятая дева Мария!— Снова завопил Хадсон.— Я хочу улететь отсюда! Немедленно! Этого нет! Я сплю.

— А ну, заткнись!— Рывкнула на него Васкес. Она не выносила истерик.

— Ладно.— Хикс, словно прикидывая что-то, закусил губу.— Ладно.

— У нас есть семнадцать канистр взрывчатого вещества.

Мы можем разнести весь этот комплекс к такой-то матери.

— Ага, разнести!— Заорал на Васкес Хадсон.— Взрывчатка, которая не взрывается! Это же газ!

— Значит, нужно взлететь и с орбиты забросать этот гадюшник атомными бомбами. Это единственный надежный способ.— Васкес обернулась к Хиксу и добавила.— К такой-то матери.

— Я согласен.

— Тише, тише.— Прозвучал чей-то голос.— Секунду дочку.

Все удивленно обернулись. Бёрк, забытый всеми на время боя, Бёрк сидел в самом темном, почти не освещенном слабой лампой углу грузового отсека.

— Подождите.— Он встал и сделал шаг, вступая в круг тусклого света.— Эта станция стоит определенных денег.

На некоторое время в отсеке воцарилась полная тишина. *Господи, о чем он говорит.*

Первой пришла в себя Васкес. Скривившись в злой усмешке, она процедила:

— Пускай ваши говнюки пришлют мне счет по почте.

— Послушайте. Я понимаю, мы все взволнованы, все переживаем. Но все-таки нельзя принимать такие решения впопыхах...— Бёрк обвел взглядом застывшие фигуры.— Вы поймите, это очень важные существа, и я не думаю, что кто-нибудь из нас имеет право уничтожать их.

— Да ну?— Весело спросила Васкес.

Хикс знал этот тон. Когда она ТАК говорила, в воздухе начинало пахнуть серьезной дракой. Что-то, а драться Васкес умела здорово.

— Ну, а если мы сделаем это? Ты что, с кулаками на нас набросишься?

— Или, может быть, ты пойдешь и задницу им надерешь, приятель?— Хадсон встал рядом с Васкес.

Бёрк растерялся. Он, конечно, ожидал встретить отпор с их стороны, но такое...

— Да нет же! Я же не слепой. Я вижу, что происходит.— Теперь он обращался к Рипли.— Но я не могу разрешить подобную операцию.

— Но мне кажется, что капрал Хикс может это сделать.— Спокойно возразила она.

— Капрал Хикс?— Непонимающе переспросил Бёрк.— А при чем здесь капрал Хикс?

— Это военная операция, Бёрк. А Хикс сейчас старший

по званию. Я права, капрал?— Рипли и Бёрк одновременно повернулись к волонтеру.

— Да. Совершенно верно.— Капрал кивнул.

Бёрк отвернулся к Рипли и горячо затарахтел:

— Рипли, станция стоит почти миллиард долларов. Этот человек не может принимать подобных решений. Он всего-навсего какой-то там солдафон, и мне каже...

Хадсон кашлянул у него за спиной. Бёрк вздрогнул.

— Простите. Я не хотел никого обидеть.

— Никто не обиделся.— Отрубил Хикс.

— Модуль слышит нас?— Рипли посмотрела на него.

— Да.

— Прекрасно. Надо срочно эвакуироваться.

— Понятно. Я думаю так. Мы взлетим и с орбиты уничтожим станцию атомными бомбами. Все.— Хикс повернулся к волонтерам.— Давайте, ребята. Пора выбираться.

Бёрк тяжело вздохнул и пожал плечами.

Модуль, готовый к взлету, вибрировал под напором яростного ветра. В открытый погрузочный люк врывалась базальтовая пыль. Видимость упала. Над этой стороной планеты начиналась ночь.

Айлен щелкнула тумблерами. Двигатели утробно заурчали, выбрасывая струи теплого воздуха.

— Быстрее, Спазмайер. Нам нужно взлетать.

Спазмайер выбежал из-за валуна и потрусил к модулю. *Черт, даже к «Джону»* нормально не сходишь.*

Он едва успел добежать до пандуса, как тот дрогнул и пополз вверх.

Пилот ухватился руками за края люка и почувствовал под ладонью что-то холодное и липкое.

Это еще что за дерьмо такое?

Он поднес руку к глазам.

Проклятая темнота. Слизь что ли?

На пальцах повисли желеобразные сгустки.

Откуда она здесь?

— Эй, погоди-ка!— Заорал он, стараясь перекрыть стонущий в микрофон ветер.— Тут какая-то...

— Быстрее давай!— Айлен знала только одно: на станции произошло что-то очень серьезное. Вызов по форме номер один предполагал мгновенное реагирование.

* «Джон» (сленг) — уборная.

— Ну хорошо, хорошо...— Буркнул в ответ Спазмайер, подтягиваясь и бросая послушное тело в проем грузового люка...

— Подождем здесь!— Крикнул Хикс, закрываясь рукой от секущих лицо базальтовых крошек.— Мы их увидим!

Васкес и Хадсон осторожно опустили носилки с пристегнутым к ним Горманом на землю.

Чуть позади, прикрывая Головастика, сгорбилась Рипли. Сбоку от нее — Бишоп и Бёрк.

— Они далеко?!— Прокричала Васкес.

— Нет. Через полминуты должны появиться!!!

Станция всплыла на экран компьютера. Сканер считал рельеф, на котором Айлен разглядела восемь ярких зеленых точек. Людей.

Почему восемь? А где же остальные?

— Спазмайер!— Крикнула она.— Ты посмотри! Черт возьми, а?

Тишина.

Уснул он, что ли?

— Спазмайер!— Краем глаза она уловила движение за спиной. И, поворачиваясь в кресле, протянула:— Ну какого чер...

Недоговоренная фраза повисла в воздухе. Айлен почувствовала, как бешено заработал насос — сердце, подавая в мышцы холодеющую кровь.

ЗА СПИНОЙ, НАПОЛОВИНУ СКРЫТОЕ ПИЛОТСКИМ КРЕСЛОМ, ЗАСТЫЛО НЕЧТО. С ОКРОВАВЛЕННОЙ МОРДЫ ПАДАЛИ АЛЫЕ КАПЛИ. ОНО РАСПАХНУЛО ЗУБАСТУЮ ПАСТЬ И ЗАШИПЕЛО.

Господи Боже! Что это?

Рука Айлен метнулась к бедру, где в мягкой кобуре покоился пистолет...

...АЛЫЕ БРЫЗГИ РАЗЛЕТЕЛИСЬ ПО КАБИНЕ. НЕКОЛЬКО КАПЕЛЬ ШЛЕПНУЛИСЬ О СТЕКЛО И ПОПОЛЗЛИ ВНИЗ, К ПАНЕЛИ, ОСТАВЛЯЯ ЗА СОБОЙ ТЕМНЫЕ ПОДСЫХАЮЩИЕ ДОРОЖКИ...

— Вот они! — Палец Хикса указывал в темнеющее, мутное от пыли небо. Лучи двух бортовых прожекторов, словно колонны, уперлись в камни, становясь сильнее и уже по мере приближения модуля.

Темный силуэт корабля проступал в пыли все отчетливей и резче. Вот уже можно разглядеть развернутые плоскости видеозондов.

Внезапно модуль дернулся и начал медленно заваливаться на крыло.

— Ничего себе посадочка... — Васкес из-под ладони внимательно следила за ходом корабля.

Модуль, зацепившись крылом за огромную базальтовую глыбу, перевернулся и рухнул на землю. Кувыркаясь, он катился на замерших в каком-то странном оцепенении людей.

— Бежим!!!! — Рипли подхватила на руки девочку и бросилась в сторону.

Он сомнет их! Расплющит, как букашек!!!

Волонтеры кинулись врассыпную.

ГРОУМММММММММ!!!

Взрывной волной Бёрка сбило с ног. Столб пламени взвился вверх ярким, почти белым фонтаном. Дождь железных, раскаленных докрасна осколков обрушился на пыльную землю.

Прошло несколько секунд, прежде чем все смогли осознать: угроза гибели миновала.

Но зато теперь они оказались в тупике. Не менее страшном, чем сама смерть.

Все знали: на борту «Счастливчика» был еще один модуль, но не было людей.

Смерть улыбнулась им в лицо жутким оскалом.

— Вот здорово! Вот здорово, мать вашу!!! — Истерично орал Хадсон, вылезая из-за валуна. — Ну а теперь что нам делать? Да мы по уши в дерьме!!!

— Ты в порядке? — Рипли внимательно осмотрела Ребекку.

— Мы теперь никуда не улетим, да? — Девочка очень внимательно смотрела ей в глаза, ожидая ответа.

—... Извини, Головастик...

— За что? Ты же ни в чем не виновата...

Хикс подошел ближе к пылающим останкам модуля. *Совсем хреново. Хуже и придумать нельзя. Хадсон прав. Они по уши в дерьме. Хотя паниковать еще рано. Они живы, а значит, могут что-то предпринять.*

Бишоп был спокоен. Как всегда. Андроиды не нервничают. Им незнаком страх смерти. Пока цел мозг — андроид жив. Он думает. А значит, и сейчас можно что-нибудь придумать.

Васкес прикидывала шансы. Возможно, удастся спасти какое-то оружие. В броневику еще что-то осталось. Можно попробовать забаррикадироваться внутри комплекса. Их шестеро. (Гормана можно не считать.) Почти целое отделение. Вполне сумеют продержаться до прибытия помощи.

Бёрк задумчиво смотрел на волонтеров, соображая, что полезного можно выжать из сложившейся ситуации.

— Ну вот! Ну вот!!! Конеч, да? — Продолжал разоряться Хадсон. — Конеч? — Он подождал, надеясь услышать какой-нибудь ответ, но все молчали. Каждый думал о своем. — Что нам теперь делать-то, мать вашу? Может быть, костер зажжем, пару песенок споем, а?

Рипли почувствовала, как Ребекка дернула ее за руку. Она обернулась.

Девочка спокойно, с каким-то обреченным безразличием, сказала, констатируя факт:

— Я думаю, нам лучше вернуться в комплекс. Скоро станет совсем темно, **А ОНИ ОБЫЧНО НАПАДАЮТ НОЧЬЮ. КОГДА ТЕМНО.** — Она помолчала и добавила: — Обычно.

Наверху, скрытый плотной пеленой облаков, в ледяной черной пустоте плыл сонный «Счастливчик Люк».

НА НЕМ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, БЫЛ ЕЩЕ ОДИН МОДУЛЬ.

И НА НЕМ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, НЕ БЫЛО ЛЮДЕЙ.

Часть II. ЧУЖИЕ.

«Кто-то страшный к нам идет».

Р. БРЭДБЕРИ.

ЛЮДИ.

— Это все, что удалось спасти.— Хикс кивнул на разложенное на столе вооружение.

С момента катастрофы модуля прошло три часа. На улице воцарилась ночь. Полная темнота, не нарушаемая даже светом звезд. Тяжелые плотные облака надежно укутывали планету, храня ее покой.

Все изменилось. Прежним остался только злой пронзительный ветер, поднимающий тучи мелких базальтовых крошек.

Дальнейшее пребывание вне комплекса, действительно, становилось опасным. Чужие могли бродить среди валунов почти открыто, не опасаясь быть замеченными в абсолютной темноте. К тому же температура на улице резко упала. И комплекс был единственным местом, в котором было тепло, не было ветра и был свет.

Броневи́к вышел из строя. Мало того, что кислота почти полностью развела два колеса и сделала машину неподвижной, но еще и в днище зияли дыры. Вероятно, результат той же «зеленой крови» раздавленного чудовища. Словом, «Кобра» ни на что не годилась. Им удалось лишь вытащить из нее ящик с боеприпасами да кое-что из оборудования. Хотя трудно было с уверенностью сказать, что работало нормально, а что могло забарахлить после дикой гонки по коридорам комплекса.

Наиболее безопасным местом на станции, судя по всему, являлся блок «Д». Твари либо не смогли проникнуть в него, либо просто не подозревали о нем. Пока.

— Четыре винтовки.

Рипли смотрела на тяжелые, таящие в себе смерть, пульсаторы.

— По одной на каждого.— Продолжал Хикс.— Не считая тяжелораненого, ребенка, Бишоп и гражданских лиц.— Взгляд в сторону Бёрка.— Это немного. Дальше.

Гранаты, патроны. Ну, этого добра у нас хватает. Не трогай! Это опасно, милая.

Последняя фраза была адресована Ребекке, которая с большим интересом разглядывала одну из гранат, стянутую со стола.

Васкес оглядела оружие.

Да, не густо.

— Это наш единственный огнемет?— Осведомилась она.

— Да. Он действует. Неполный, но действует. Здесь есть еще один. Но он поврежден и, по-моему, непригоден для работы.

Компьютерный центр, залитый ярким светом неоновых ламп, не внушал оптимизма. По крайней мере, на схеме все еще мигали красные точки, напоминая волонтерам о случившейся трагедии. Хадсон, уже несколько минут вглядывающийся в кровавое мерцание, повернул голову и нервно спросил:

— Когда нас начнут искать, учитывая, что мы не вернулись во время?

Хикс подумал секунду и ответил:

— Через семнадцать дней.

— Сколько? Семнадцать дней??? Да мы здесь и семнадцати часов не протянем! Они нас всех сожрут!!!

Рипли ударила ладонью по пластиковой поверхности стола и, наклонившись к волонтеру, тихо и веско сказала:

— Хадсон, эта девочка,— кивок в сторону Ребекки,— продержалась гораздо дольше, чем требуется от нас. Одна. Без оружия и всякой подготовки. Верно, Головастик?

Ребекка натянула на лоб каску Хикса и приложила два пальца к козырьку.

Волонтеры заулыбались.

— Ну и что нам теперь делать?— В голосе Хадсона звучал вызов. Он был похож на маленького мальчика, которого старшие ребята затащили в какую-то дикую забаву, закончившуюся большой бедой.

— Хадсон, слушай меня.— Жестко начала Рипли. Она поняла, что волонтер близок к новому приступу истерики.— Хадсон!

Тот вздрогнул и уставился на нее странным мутным взглядом.

— Ты нам очень нужен. И хватит пускать здесь сопли!— Резкие, как пощечины, слова привели десантника в чувст-

во. — Попробуй вытащить схему этого крыла на компьютер. Понятно?

Хадсон кивнул. Хикс видел, что ему трудно сообразить, о чем она говорит. Его мозг был перегружен впечатлениями последних часов.

— Нам нужно отрезать все входы и выходы. Понятно? — Кивок. —

Ну вот, похоже, он приходит в себя, слава богу.

Нам нужно найти шлюзы, ведущие в соседние блоки, тоннели для кабелей, все, через что эти ублюдки могут проникнуть сюда. Нам нужно перекрыть все лазейки так, чтобы оказаться полностью изолированными от внешнего мира. И постарайся сделать это побыстрее, у нас *очень мало времени*.

Хадсон кивал головой, Ребекка смотрела на него, а видела...

— СМОТРИ, ГОЛОВАСТИК. ЭТО — ЛОШАДКА.

ПАПА ПОКАЗЫВАЕТ НА ЭКРАН.

СТРАННОЕ ЖИВОТНОЕ БРЕДЕТ ЧЕРЕЗ УТРЕННИЙ ЛУГ. СТЕРЕОСЪЕМКА УЛОВИЛА ДАЖЕ КАПЛИ ЧИСТОЙ РОСЫ НА ИЗУМРУДНОЙ ТРАВЕ. СУЩЕСТВО ОЧЕНЬ КРАСИВО И ГРАЦИОЗНО. ДЛИННЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ ХВОСТ ЛЕНИВО ДВИЖЕТСЯ ИЗ СТОРОНЫ В СТОРОНУ. ГРИВА ЧУТЬ КОЛЫШЕТСЯ ОТ ЛЕГКОГО ТЕПЛОГО ЛЕТНЕГО ВЕТЕРКА.

ЕЛЕ СЛЫШНО ПЕРЕШЕПТЫВАЕТСЯ МЕЖДУ СОБОЙ ЛИСТВА.

РОСА, ПОХОЖАЯ НА МАЛЕНЬКИЕ БРИЛЛИАНТЫ, СВЕРКАЕТ В ЛУЧАХ НЕЖНОГО СОЛНЦА. ЛОШАДЬ ПРЯДАЕТ УШАМИ И КАЧАЕТ ГОЛОВОЙ.

— ЛОШАДКА. — УЛЫБАЯСЬ ШЕПЧЕТ РЕБЕККА.

— Хорошо. — Как во сне бормочет Хадсон. — Хорошо. Сейчас. Я сейчас сделаю.

— Хадсон. — Зовет Васкес. Он оборачивается. — Расслабься.

Десантник кивает и, пошатываясь, бредет к компьютеру.

Красные огоньки. Колонисты. Мерцающие красные огоньки.

Бишоп спокойно посмотрел на Рипли и невозмутимо предложил:

— Может быть, мне лучше пойти в лабораторию? Проверяю, как там Горман, а заодно продолжу анализ.

— Хорошо. — Согласилась она. У нее не было претензий к андроиду, и все же... Рипли чувствовала себя гораздо лучше, когда его не было рядом.

Бишоп прошел по короткому коридору и остановился перед дверью в лабораторию. Он решал свои проблемы. В его голове вертелись одновременно тысячи комбинаций. И андроид компоновал их, разбивая на группы, отбрасывая самые невероятные и несостоятельные. Он примерял их, как рубашки на манекен. У него была твердая основа — доклад Рипли и эмбрион. И была версия. Шаткая, требующая доказательств, но все же достаточно правдоподобная, объясняющая поведение ЧУЖИХ версия.

Гидравлика с шипением раскрыла толстые стеклянные створки. Он шагнул в лабораторию.

Сперва нужно осмотреть Гормана, а уж потом заняться анализом. Но теперь ему не придется блуждать в потемках. У него есть направление.

Пять фигур склонились над большим экраном, по которому ползли причудливые переплетения комплекса. Рипли скользила пальцем по длинному каналу, тянущемуся через всю станцию.

— Это служебный тоннель. Наверное, по нему они и передвигались... Так... Проходит мимо нас и поднимается вверх... Так...

Волонтеры жадно следят за ее пальцем, словно надеясь, что он выведет их к спасению.

Перст судьбы.

— Ага. Вот! Здесь есть проход, прямо над нами. Вот он. Хадсон, чуть назад.

Схема послушно двигается, открывая все новые и новые лабиринты.

Господи, сколько же их.

— Еще. Теперь вверх. Вот так. Хватит.

Картинка застывает. В самом центре экрана три небольших квадрата. В двух из них зеленые сигналы.

Это мы. Успокойся.

Лаборатория, компьютерный зал и санитарный блок кажутся на этой схеме маленькими и незащищенными. У Рипли появилось ощущение...

Боже ты мой, кажется, что все тоннели, коридоры и коммуникации сходятся здесь, в блоке «Д». И не дай бог, забыть хоть один из этих кротовых ходов.

— Так. Здесь есть двери. Мы можем запереть их и заварить. Это ИХ удержит. Какое-то время. Наверное. Тут, — ее палец упирается в схему, — на перекрестках, возведем баррикады. Дальше. — Палец снова движется по схеме. — Здесь, здесь и здесь. Все эти доки нужно заварить. Тогда операционная и лаборатория будут изолированы.

Бёрк знал то, чего не знала Рипли. На станции существовали особенности конструкции, не обозначенные на схеме. По сути дела, весь комплекс состоял из огромного количества разнообразных щелей, через которые без труда могли бы пролезть ЧУЖИЕ, и эти люди, при всем своем желании, не смогли бы заделать их. Даже потолки представляли собой не цельную конструкцию, а двойные блоки, между которыми был полуметровый лаз. И пол. И даже некоторые из стен.

Если бы его спросили, почему он не сказал об этом волонтерам, Бёрк бы ответил:

Я не хотел лишать их надежды.

Но это было бы потом. А сейчас у него были свои виды на ситуацию.

— Что делать? — Васкес, собранная и деловитая, ожидала приказов. От Рипли. Или Хикса. Сейчас эти люди были равны для нее. По званию и авторитету. И если бы кому-нибудь вздумалось назвать Рипли Белоснежкой, этот кто-то запросто мог бы получить в зубы. Рипли помогала ей в подсчете шансов. И ее указания увеличивали число костяшек на стороне «да».

— Вы вместе с Хадсоном завариваете двери и доки. — Хикс видел, как Рипли еще раз склонилась над схемой. Губы ее шевелились, она хмурилась, проверяя, высчитывая...

От того, насколько надежно им удастся запереться, зависит их жизнь.

Бишоп пинцетом извлек из тела эмбриона странный отросток.

Так. Похоже, я был прав. Ага. Эта штука сообщается с нервной системой.

Он снова склонился над микроскопом.

ЧУЖИЕ.

Их было много. Больше сотни. Удачное место. Нужно количество протоплазмы. Той самой протоплазмы, которую они ждали больше двух сотен лет. Для появления на свет эмбриона требовался инкубатор. Это должен быть живой органический инкубатор, дающий пищу и другие, необходимые для жизни эмбриона, вещества. Зародыши развивались в нем от двадцати четырех часов до шестидесяти суток. Все зависело от активности протоплазмы и, соответственно, от величины жизненной активности.

После созревания эмбрион выбирался из кокона и начинал самостоятельную жизнь. Окончательную форму он принимал за два-три часа после рождения, становясь вполне сформировавшейся, зрелой особью, готовой отстаивать интересы расы в любой ситуации.

Взрослый индивидуум не боялся перепада температур, ему не требовались сон или пища. Они и убивали не ради пищи. Просто основным инстинктом в них был инстинкт борьбы за жизненное пространство для своего вида. Заложенный в них с рождения, он был главным, заглушающим даже потребность сохранения собственной — отдельной — жизни. Все, что двигалось — жило, — уничтожалось. Либо превращалось в инкубаторы для других особей.

Все вместе они представляли собой единый организм. Сильный и хитрый. Их тела были созданы для войны, и природная способность мимикрировать очень помогала в выполнении основной задачи.

Их собственная планета давно стала тесной. И тогда они изобрели способ заманивать другие виды протоплазм и, с их помощью перемещаясь в космосе, захватывать все новые и новые миры, расселяясь, дожидаясь случая двинуться дальше сквозь пространство в поисках необходимых для размножения и жизни инкубаторов.

На этот раз несколькими существам, не принадлежащим к их виду, удалось спастись. Но не уйти. Они не дали ЛЮДЯМ улететь. И теперь королева «прощупывала» комплекс, стараясь определить их местонахождение. Эти существа были

нужны им. Они могли стать носителями новой жизни. Инкубаторами. Коконами для крошечных эмбрионов. *Именно поэтому их нужно было найти.*

ЛЮДИ.

Васкес, шурясь, смотрела на белые искры сварки, летящие от стальной двери.

Хадсон, отвлекшийся за работой от траурных мыслей, деловито орудовал портативным сварочным аппаратом, накладывая раскаленный припой так, чтобы не оставалось ни единой, даже самой пустячной щели.

Ему было страшно.

Он как-то раньше и не задумывался о том, насколько огромен и всеобъемлющ может быть СТРАХ. Даже удивился. Он не просто боялся — он жутко боялся.

— Рипли? — Васкес вслушивалась в тишину. — Рипли? *Господи! Почему они молчат? Неужели...*

— Рипли!!!

— Что случилось, Васкес?

Она с облегчением вздохнула.

— Мы заварили тоннель.

— Отлично, приступайте к следующему.

— О'кей.

Хадсон поднялся с колен и врезал мыском бутсы по горячей двери.

— Вот так, мать их. Пусть эти говнюки всей своей кодлой хоть лбы об нее расшибут — ни хрена у них не выйдет.

Он сплюнул на пол.

— Ладно, Хадсон. Пошли дальше.

Десантник подхватил одной рукой тяжелый аккумулятор и, поправив сползающий с плеча ремень пульсатора, спросил:

— Ну что там у нас на очереди?

Все, не представляющее жизненной необходимости, что удалось найти в блоке «Д», пошло на сооружение баррикад.

Это была адская работа. Перекрыть широкий проход от стены до стены высоким — под потолок — завалом оказалось сложнее, чем они рассчитывали.

Мокрые, грязные от пыли, Хикс и Рипли карабкались на

почти пятиметровое сооружение, ругаясь сквозь зубы. Бёрк подавал им сваленное грудой барахло.

Это заняло почти четыре часа, но завал удался на славу. Внушительных размеров монолит отсекал блок «Д» от остальных секторов комплекса.

Конечно, броневик пронесся бы сквозь него, не заметив, но для НИХ сойдет. Будем надеяться.

Они вернулись в компьютерный центр. Бёрк, взмокший и усталый, плюхнулся в кресло и закрыл глаза.

Рипли, глядя на него, не смогла сдержать улыбки.

— Рипли. — Тихо окликнул ее Хикс.

Она обернулась. Капрал стоял в двух шагах за спиной, держа в руках узкий черный браслет.

— Вот, наденьте-ка это.

Не переставая улыбаться, Рипли взяла браслет в руку и спросила:

— А что это?

— Это датчик. Чтобы я смог вас найти в комплексе. Ну так, на всякий случай.

Хикс замялся. И это было так непохоже на него, что Рипли тихо засмеялась. Взяв ладонь капрала в свою, она легко пожала ее.

— Спасибо.

Хикс глубоко вздохнул, выдохнул и... тоже улыбнулся.

— Это не значит, что мы с вами обручились, или что-нибудь в этом духе. — Преувеличенно бодро заявил он и смутился от этого еще больше. С трудом подавив улыбку, Хикс оглянулся и добавил уже серьезно: — Так. Ну, ладно. Что теперь?

Бишоп вышел в коридор и направился к компьютерному центру.

Его догадка подтверждалась, а это могло обернуться для них новыми неприятностями. Надо доложить обо всем капралу. Ведь теперь он главный.

Головастик, забившись в угол, клевала носом. Впервые за последний месяц она была в безопасности. По крайней мере, ее окружали люди. Это, в какой-то степени, притупляло ощущение тревоги, и девочка, подавленная огромным физическим и нервным напряжением, начала засыпать...

— БЫСТРО СОБИРАЙТЕСЬ!— ПАПА ВЫРАСТАЕТ НА ПОРОГЕ ВСКЛОКОЧЕННЫЙ И СТРАШНЫЙ. РУБАШКА НА НЕМ ПОРВАНА И ЗАЛЯПАНА ЧЕМ-ТО КРАСНЫМ.

НАВЕРНОЕ, МАМА БУДЕТ РУГАТЬСЯ. ОНА ПОСТИРАЛА ЭТУ РУБАШКУ ТРИ ДНЯ НАЗАД.

— БЫСТРО!!!

— ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, БРЮС?— ИСПУГАННЫЙ МАМИН ГОЛОС.

— ЧТО-ТО НАПАЛО НА НАС. ВНИЗУ. НА ПЯТОМ УРОВНЕ.

— ЭТО СНОВА...

— НЕТ. ЭТИ ТВАРИ ОГРОМНЫЕ, ПОД ПОТОЛОК. ДЕВЯТЬ ЧЕЛОВЕК ПОГИБЛО! СКОРЕЕ, ВЕНДИ, СОБИРАЙ ДЕТЕЙ. ВАМ НУЖНО УХОДИТЬ НАВЕРХ. В ЛАБОРАТОРИЮ.

— НАМ? А ТЫ?

— СКОРЕЕ! СКОРЕЕ!!!— УЖЕ ГРОМЧЕ КРИЧИТ ПАПА.— У НАС НЕТ ВРЕМЕНИ!

МАМА ПОДХВАТЫВАЕТ ЕЕ НА РУКИ.

— О, ГОСПОДИ, БРЮС... ЧТО ТЕПЕРЬ БУДЕТ? ПАПА ОСТОРОЖНО ПОДТАЛКИВАЕТ БРАТА К МАМЕ.

— НУ-КА, ДАВАЙ, ДЖИММИ-БОЙ.

ОНИ РАСПАХИВАЮТ ДВЕРИ И БЕГУТ ПО КОРИДОРУ. ВОКРУГ ЛЮДИ. ЖЕНЩИНЫ, ДЕТИ.

РЕБЕККА ВЕРТИТ ГОЛОВОЙ.

АГА, ВОН ХЬЮЗ. ЕГО ТОЖЕ НЕСЕТ МАМА. ЛАЙЛ И МОЛЛИ — ДВОЙНЯШКИ.

ПАПА ВДРУГ НАКЛОНЯЕТСЯ И ЦЕЛУЕТ ЕЕ В ЩЕКУ.

— ГОЛОВАСТИК, СЛУШАЙСЯ МАМУ, ЛАДНО? ОНА КИВАЕТ.

КОНЕЧНО. ОНА ВЕДЬ УЖЕ БОЛЬШАЯ ДЕВОЧКА.

ВНЕЗАПНО ГДЕ-ТО ВПЕРЕДИ РАЗДАЕТСЯ КРИК.

ТАК КРИЧАЛА ОДНАЖДЫ ИХ СОСЕДКА — МИССИС ДОНОВАН — КОГДА ОБВАРИЛАСЬ КИПЯТКОМ. РЕБЕККА НЕ ЛЮБИЛА МИССИС ДОНОВАН, НО ВСЕ РАВНО ЕЕ БЫЛО ЖАЛКО.

КРИК НАРАСТАЛ, СЛОВНО ДОБАВИЛИ ГРОМКОСТЬ В МАГНИТОФОНЕ. И ЕЙ ВДРУГ СТАЛО СТРАШНО.

ОНА ВИДЕЛА, КАК ПОБЕЛЕЛО ЛИЦО У ПАПЫ И ОН ПРОШЕПТАЛ СТРАННУЮ ФРАЗУ:

— ГОСПОДИ БОЖЕ! МЫ ОПОЗДАЛИ! *ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ!*

ОНА ХОТЕЛА СПРОСИТЬ: КТО ЭТО «ОНИ»? НО ТУТ ВСЕ ПОЧЕМУ-ТО БРОСИЛИСЬ БЕЖАТЬ НАЗАД.

МАМУ ТОЛКНУЛИ, И РЕБЕККА, СОСКОЛЬЗНУВ С РУКИ, УПАЛА НА ПОЛ. ПРЯМО ПОД НОГИ БЕГУЩИМ ЛЮДЯМ. В ТОЛПЕ МЕЛЬКНУЛА ТОЛЬКО ФИГУРА ДЖИММИ.

— РЕБЕККА! РЕБЕККААААААААА!!!

ЛЮДСКОЙ ПОТОК ОТНОСИЛ ЕЕ ВСЕ ДАЛЬШЕ И ДАЛЬШЕ. ОБЕЗУМЕВШИЕ ОТ СТРАХА ЛЮДИ ДАВИЛИ ДРУГ ДРУГА, ПЫТАЯСЬ ВЫБРАТЬСЯ ИЗ УЗКОГО, ОРУЩЕГО НА СТО ГОЛОСОВ КОРИДОРА. ТОЛПА МЕТНУЛАСЬ В БОКОВОЙ ПРОХОД, НО ТУТ ЖЕ ОТПРЯНУЛА: ЭТО, СТРАШНОЕ И ЗЛОЕ, ПОДЖИДАЛО И ТАМ.

ВОПЛИ. СТОНЫ. ТЕ, КТО ПАДАЛ, УЖЕ НЕ МОГЛИ ПОДНЯТЬСЯ, УМИРАЯ ПОД НОГАМИ ДРУГИХ. КРИКИ БОЛИ И СТРАХА ЗВУЧАЛИ СО ВСЕХ СТОРОН.

ОНА, ЧУДОМ ОСТАВШИЕСЬ НЕВРЕДИМОЙ, ОТПОЛЗЛА В СТОРОНУ И НЫРНУЛА В УЗКИЙ КОЛОДЕЦ МУСОРОПРИЕМНИКА. ПРИОТКРЫВ СТВОРКУ, ГОЛОВАСТИК СМОТРЕЛА НА МЕЛЬКАЮЩИЕ ПЕРЕД САМЫМ ЛИЦОМ НОГИ.

ИХ ОКРУЖИЛИ! СУЩЕСТВА, ЗАЖАВ КОЛОНИСТОВ В КОЛЬЦО, НАЧАЛИ СУЖАТЬ ЕГО. И ТОГДА ТОЛПА ПРЕВРАТИЛАСЬ В СТАДО.

ВЫБРАВШИЕСЬ НАРУЖУ ИЗ ВОНЮЧЕГО БУНКЕРА, РЕБЕККА ШЛА ПО КОРИДОРУ, РАЗМАЗЫВАЯ СЛЕЗЫ ПО ЧУМАЗЫМ ЩЕКАМ. ВСЮДУ ЛЕЖАЛИ ЛЮДИ. ХЬЮЗ, МОЛЛИ, МИССИС ДОНОВАН И... МАМА.

А НА ЛИЦАХ У НИХ ПОДРАГИВАЛИ СТРАШНЫЕ ВОСЬМИПАЛЫЕ СУЩЕСТВА ЯДОВИТО-ЖЕЛТОГО ЦВЕТА.

— Эй, Головастик... Головастик!

Ребекка открыла глаза. Прямо перед ней склонилась Рипли.

— Пойдем-ка спать. У тебя совсем глаза слипаются. Она подхватила девочку на руки и прижала к груди. Ребекка то и дело начинала дремать, но тут же вздрагивала и просыпалась.

Дверь открылась, и в комплекс шагнул Бишоп. Он мельком взглянул на Рипли и посторонился, пропуская ее.

В лаборатории царил полумрак. Слабо мерцал экран компьютера, да горела одинокая лампа у постели Гормана.

Тело лейтенанта вытянулось, став как будто длиннее и тоньше. Руки его были сложены на животе. Тонкие пальцы нервно отбивали бессознательную морзянку на горчичном сукне кителя.

Рипли подошла к незанятой койке и осторожно опустила девочку, стараясь не разбудить.

Но Ребекка тут же проснулась. Холодная чистая постель вернула давно забытое ощущение *дома!*

— Приехали.— Улыбнулась женщина.— Ну-ка, ложись. Заботливые руки подхватили тельце и повернули девочку набок. Теплое одеяло накрыло ее до подбородка.

— Вот так.— Рипли присела на край постели.— А теперь ты должна вздремнуть. Ты очень устала.

Ребекка отрицательно качнула головой.

— Я не хочу. Мне снятся страшные сны.

— А вот Кейси, наверное, не снятся страшные сны.— Рипли посмотрела на голову куклы.— Верно, Кейси?

— Ну вот, я же говорила. Видишь? Может, ты стараешься быть такой же?

Ребекка недоуменно взглянула на женщину.

— Это глупости. У нее нет никаких снов, потому что она — кукла.

Рипли показалось, что девочка даже обиделась. Она натянуто усмехнулась.

— Ты права, Головастик. Извини меня.

— Моя мама всегда говорила, что чудовищ не бывает.— Вдруг сказала девочка.— Настоящих чудовищ. А оказывается, они есть.

— Да, есть, дорогая.

— Тогда зачем же взрослые обманывают детей?

Риторический вопрос. Действительно, зачем?

Рипли вздохнула и мягко объяснила.

— Ты знаешь, Головастик, обычно это правда. Их действительно нет. Обычно.— Она сняла с запястья подаренный ей Хиксом браслет и застегнула на тонкой руке ребенка.— Возьми это. На счастье.

— Не уходи.— Вдруг прошептала Ребекка.— Пожалуйста.

— Я буду в соседней комнате.— Рипли погладила девочку по голове.— Видишь, вон там в углу камера. Через нее я буду все время смотреть, все ли у тебя в порядке.— Она помолчала и тихо добавила.— Я не брошу тебя, Головастик. Правда. Обещаю.

— Обещаешь?— Переспросила Ребекка.— Поклянись. Крест на сердце. Чтоб мне помереть.

— Да. Клянусь. Крест на сердце, чтоб мне помереть. А теперь ложись спать. И пусть тебе ничего не снится.

Ребекка серьезно кивнула, соглашаясь, и вдруг ткнула пальцем Рипли в грудь. Та невольно опустила голову, и девочка тут же щелкнула ее по кончику носа.

— Ах ты хитрюга,— Засмеялась женщина.

— Капрал, мне нужно с вами поговорить.

Хикс поднял голову.

— Что у тебя, Бишоп?

— Я провел исследование эмбриона одного из этих существ.

Капрал выпрямился и, скрестив руки на груди, приготовился слушать. Он давно усвоил: Бишоп никогда не лез с пустяками, да еще в такой ситуации.

— И что?

— Все дело в том, что у этих существ отсутствует мозг и органы размножения. Совсем.

— Так?

— Исходя из рассказа офицера Рипли и данных, полученных при последнем сражении, а также схем «Настромо» и этой базы, я определил, что данные существа, фактически, часть *одного* организма.

— Постой-ка, Бишоп. Я не понял. Что значит «часть одного организма»?— Хикс помотал головой.

Бишоп кивнул.

— Я сейчас объясню. Каждое из этих существ является отдельной особью, способной к самостоятельным дейст-

виям, обусловленным генетическим кодом. Проще говоря, она выполняет задачу, подчиняясь своим инстинктам. Но вместе эти существа представляют собой один, довольно высокоразвитый организм. Как термиты. Или муравьи. Между ними существует определенная взаимосвязь, и все их действия подчиняются *одному* строго определенному приказу, то есть они становятся как бы пальцами рук. Каждое из них — самостоятельно, но все они подчиняются *мозгу*. Этот мозг не только командует ими, но еще и дает возможность получать данные друг о друге. Местонахождение, ситуация, наличие жертв рядом и так далее.

— Так. Стоп. — Хикс задумчиво поскреб переносицу. — Ты вроде только что сказал, что у них нет мозга.

— У каждой из них в отдельности — нет. Но есть один мощный мозг, который они воспринимают телепатически. Это подтверждает странный орган, связанный с их нервной системой.

Дверь открылась, и в комнату вошла Рипли. Бишоп умолк, взглядом спрашивая Хикса, может ли он продолжать или ему лучше уйти, отложив разговор.

Хикс кивнул утвердительно.

— Я извлек его из эмбриона. Следовательно, эти особи — «бойцы». Их функцию можно определить так. Или «исполнители». Но есть еще какое-то существо, которое *управляет* ими. Их интеллект.

— Постой, Бишоп. — Рипли быстро уловила суть, хотя не слышала начала разговора, и ей было трудно вникнуть в кое-какие детали. — Ты хочешь сказать, что есть еще какая-то тварь, которая управляет этими ублюдками?

— Совершенно верно. С помощью телепатии она контролирует их действия.

— Так.

— И еще. После смерти существа кислота нейтрализуется. Видимо, это защитная реакция их организма.

— Нам это вряд ли поможет. — Рипли посмотрела на Хикса. — Нам нужно понять, с чем мы имеем дело. Пойдем по порядку. Итак. Они схватили колонистов и сделали из них коконы. Это значит, их много. Очень.

— По крайней мере, по одному на каждого колониста. — Спокойно констатировал андроид.

— Выходит — полторы сотни. Или около того. Так?

Хикс согласно кивнул.

— Каждая из этих тварей, — продолжала Рипли, —

рождается из яйца. — Она обернулась к Бишопу. — Но кто откладывает эти яйца?

Тот пожал плечами.

— Я не знаю точно, но скорее всего то же существо, которое и управляет их действиями.

— Что это за существо? Может быть, оно среди них?

— Нет, не думаю. Скорее всего мы его еще не видели.

Бишоп, спокойный в любых ситуациях, ощутил, что какое-то новое чувство охватило его.

Что это? Страх? Любопытство? Волнение?

— Бишоп. — Резко приказал Хикс. — Когда закончишь исследования, образцы уничтожишь.

— Мистер Бёрк приказал сохранить их и по возвращении сдать в лабораторию Компании. — Андроид сообщил это буднично, как ничего не значащий факт, не заслуживающий внимания. — Он особо подчеркнул это.

Васкес и Хадсон закончили работу. Оба красные и потные от жары.

Хадсон довольно окинул взглядом сделанное. Стена и дверь теперь представляли собой одно целое — стальной монолит метровой толщины.

— Ну вот. Теперь им придется сюда тонну взрывчатки притащить, если они надумают прорваться внутрь.

Васкес поудобнее перехватила винтовку.

— Это все, конечно, здорово. Но меня волнует одна вещь.

Хадсон состроил вопросительную гримасу.

— Представь, что им все-таки удалось проникнуть сюда. Что тогда? Не знаешь? Да очень просто. Мы окажемся в ловушке, мать ее. И эти ублюдки передают нас здесь, как котят.

Десантник хмыкнул и задумался.

Вот черт. А ведь верно. Васкес права. Мы отрезали себе все пути к отступлению.

Чужие.

Она прошупывала комплекс. Блок за блоком, как соты в улье. Верхние уровни давались ей с большим трудом, слишком велика толщина стен. Сигналы возвращались слабыми или не возвращались совсем. Она могла бы послать туда

десяток бойцов, но решила этого не делать, пока не будет уверенности, что люди там.

В каждое мгновение боя бойцы сообщали ей все новые и новые сведения о враге. Она поняла, что соперник достаточно силен и хитер. Его не взять просто так, как было с теми, кто жил здесь до них.

На этот раз они встретили сопротивление. И все же им удалось сломить его. Победить людей. Большинство из них послужили инкубаторами для молодняка. Другие были мертвы.

Выследить остальных для нее не составит труда. Все дело во времени. Для того чтобы точно определить их местонахождение, ей требуется всего один сигнал. Достаточно четкий, сильный сигнал.

Она ждала его.

Люди.

«6 декабря 2079 года. Поступил приказ Компании обследовать инопланетный космический корабль. Квадрат 6—8С. Приказ подписан: Бёркли Р. Стрейзенд.

Исследовательская партия в составе...»

Дальше девять мужских фамилий и четыре женских.

Рипли перелистнула страницу. Следующая запись датируется 8 декабря.

«Они до сих пор не вернулись. На связь не вышли. Завтра, 9-го, отправляю поисковую команду».

Женщина щелкнула клавишей компьютера.

Ну вот. Все и выяснилось. Значит, это Бёрк послал их. Тогда ясно, почему дубликат бортового журнала записан в компьютер. Стоит ли говорить о своей находке остальным? Пожалуй, нет. Подождем до Земли. Может быть, он и не предполагал такого исхода? Просто решил проверить ее слова? Черт. Сначала нужно поговорить с ним.

Бишоп задумался. У него появилось большое подозрение. А вдруг...

Эти хвостатые твари тоже могут телепатировать? У них нет органа телепатии, но если предположить, что они общаются с «мозгом» через эмбрион? Это можно было бы установить точно, но нужно препарировать хотя бы одно живое восьмипалое существо. Вряд ли это реально. Скорее всего

Рипли не позволит ему сделать это. Да и, пожалуй, будет права. Их нельзя выпускать из колб. Они очень опасны.

Он встал из-за стола, отодвигая рукой микроскоп. Все, что можно было узнать о них, он узнал. Большого скорее всего ему не добиться.

К тому же, похоже, у них скоро могут возникнуть новые проблемы.

— Что за дерьмовый приказ, Бёрк?— Рипли застыла перед сидящим в кресле представителем Компании. Руки ее упирались в бедра, ноги расставлены.

Господи, да она, того и гляди, в драку кинется...

Бёрк захлопал глазами. Он сразу понял, о чем речь, но предпочел не подавать виду.

— Я не пони...

— Бросьте, даже Горман понял бы, что вы лжете!

— Ну, хорошо!— Вместо испуганного хлюпика на Рипли смотрел настороженный опасный хищник.

Он решил выложить карты на стол.

Она умная, эта стерва. И у нее отличное влияние на остальных. Мы могли бы обделать это дельце вместе. Ну, а если эта сучка все же решит уйти в сторону — ей конец.

— Эти два образца стоят миллионы.— С жаром начал он.— Потрясающее биологическое оружие, вы знаете!

Бёрк придвинулся к ней вплотную и зашептал:

— Ты ведь чертовски умная баба. Подумай сама. Мы можем стать и героями, и миллионерами!

Рипли даже растерялась.

Да он сумасшедший. Абсолютный псих. Он же знает, насколько опасны эти твари, и все равно хочет везти их на Землю?

— Ты абсолютный псих, Бёрк, ты знаешь это? Ты думаешь, что сможешь протащить этих тварей через карантин?

— Конечно, ведь карантинная служба не будет ничего знать о них!

— Она будет знать о них, Бёрк. Я им скажу.— Рипли почувствовала, как ее накрывает волна слепой ярости. Теперь самообладание

Убила бы его!

она все повышала голос, пока не перешла на крик.

— Они это узнают, это первое! А второе, что они узнают, это то, что ты отвечаешь за жизнь ста пятидесяти семи колонистов!!!

— Се... секундочку...

— *ТЫ* их послал на этот корабль!

— Да нет же, ты ошибаешься...

Он это сделал СПЕЦИАЛЬНО! ИНАЧЕ НЕ СТАЛ БЫ ОТПИРАТЬСЯ!!!

— Да я только что прочла бортовой журнал колонистов! 6 декабря 79 года! Бёркли Стрейзенд! Приказ Бёркли Р. Стрейзенда!!! *ТЫ ПОСЛАЛ ИХ К КОРАБЛЮ, ДАЖЕ НЕ ПРЕДУПРЕДИВ! ПОЧЕМУ, БЁРК?*

— Ну хорошо!— Заорал в ответ Бёрк.— Ну, а если бы корабля не оказалось? Я ведь не знал точно!— Он выдохнул, успокаиваясь.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. И Рипли ощутила, как ярость оседает, подобно грязной мыльной пене, оставляя после себя лишь неприятный осадок презрения.

— Понимаешь,— уже спокойней продолжал Бёрк,— скажи я, что корабль есть, администрация взяла бы все в свои руки, и никто не получил бы исключительных прав на разработку. Никто. И я принял решение. Но ошибся. Да, ошибся.

— Ошибся? Ошибся, да? Колонисты погибли. Все. Ты осознал это, Бёрк? Ты понимаешь, *ЧТО* ты сделал? Все узнают, что *ты* виноват в этом, понятно? Тебя распнут! Тебя живо распнут, Бёрк! Ты понял?

Глаза его сузились, превратившись в две узенькие щелки.

— Рипли,— с тихой угрозой в голосе начал он,— я думал, ты умнее.

Она презрительно усмехнулась, словно только что раздавила отвратительную гадину.

— Я счастлива, что разочаровала тебя, Бёрк.

Круто развернувшись, Рипли пошла к стеклянной двери.

Взбешенный Бёрк, скрипя зубами, смотрел ей в спину.

Он бы убил эту суку. Удавил бы собственными руками! Тварь!!! Как она смеет становиться у него на пути!!! Спокойно, спокойно. Она-то и поможет тебе, сама не подозревая об этом.

Бёрк скривился в злобной усмешке. В голове у него родился план.

Надо все обдумать. Как следует все обдумать!

— Эй, Рипли, идите сюда.— Хикс заметил спешащую по коридору женщину.— Бишоп хочет показать нам что-то важное.

— Пойдемте.— Бишоп спокойно направился к лестнице, уводящей наверх.— Это должно произойти там.

Васкес и Хадсон тронулись следом за андроидом. Хикс чуть отстал. Он видел, что Рипли не в себе.

— Что-нибудь произошло?— Тихо спросил он.

Но Рипли лишь отрицательно покачала головой. Возможно, она ему расскажет обо всем, но не сейчас. Потом. На корабле. Отсюда Бёрку никуда не деться.

Ждать им пришлось недолго. За толстым стеклом панорамного окна вспыхнул яркий свет, озаривший пространство на милое вокруг. Столб огня взвился в небо и задрожал на ветру.

— Это очень красиво, Бишоп.— Заметил Хикс.— Но что ты хотел нам показать?

— Это.— Андроид кивнул в сторону вспышки.— Это экстренный аварийный выброс.

— Прекрасно. Ну и что дальше?

— Через четыре часа реактор взорвется.— Доложил Бишоп.— Мощность взрыва — тридцать мегатонн.

— Тааак...— Протянул Хикс.— Похоже, у нас проблема.

— Черт.— Васкес смотрела за окно, на гигантский белый костер.— Я просто поверить не могу.

— Мы можем отключить реактор? — Спросила Рипли.

— Нет,— кивнул андроид.— Компьютеры перегружены. Почти все выведены из строя. Но даже если бы они и работали, нам бы это вряд ли помогло. Похоже, началась необратимая реакция.

— Вот черт, а?— Хадсон повернулся к Хиксу.— Ну, что нам теперь делать? Семнадцать дней, говоришь?

— Закройся, мать твою.— Моментально среагировала Васкес.

— Нужно вызвать с корабля посадочный модуль.— Рипли посмотрела на Хикса.— Мы можем сделать это?

— Как?— Снова влез Хадсон.— Передатчик был на нашем модуле. А теперь его нет!

— Нужно что-то придумать.— Спокойно сказал Хикс. Он твердо усвоил еще в учебном центре: истерикой делу не поможешь. Надо искать какой-то выход.

— Да что придумать-то?— Всю уверенность Хадсона как рукой сняло.

— Заткнись, Хадсон, я говорю.— Васкес рассердилась

не на шутку.— Если ты еще раз откроешь пасть, я тебе всю рожу расколочу, понял?

— А здесь есть передатчик? Здесь должен быть передатчик!— Рипли лихорадочно искала путь к спасению.

— Нет.— Ответил Хикс.— Вернее, он есть, но у него повреждена антенна. Мы не сможем вызвать модуль из станции.

— Если нельзя это сделать отсюда, нужно выйти и подключиться к внешней антенне.

На мгновение воцарилась тишина.

— Ну конечно. Выйти и подключиться.— Нарушил ее Хадсон.— И нет проблем. Да тебя эти червяки сожрут живо, как только ты нос высунешь за двери! Нет, спасибо, я в этом не участвую!

— Я пойду.— Бишоп стоял лицом к окну и смотрел на огонь.

— Вполне возможно...— начала было Рипли, но осеклась.— Что ты сказал, Бишоп?

— Я пойду.— Андроид повернулся к смотрящим на него людям.— Я единственный, кто может подсоединить передатчик к внешней антенне.

— Конечно, Бишоп, иди ты.— С облегчением пробормотал Хадсон.

— Хорошая мысль.— Васкес тоже кивнула головой.
Как боевая единица он ничего из себя не представляет... Хотя, если он не дойдет, это будет уже не важно.

— Я, конечно, предпочел бы этого не делать,— спокойно сказал андроид,—но другого выхода все равно нет. Я, может быть, и синтетический человек, но я не глупый человек.

Люди склонились над широким голубым экраном.

Рипли провела пальцем по схеме.

— Этот тоннель выводит на поверхность почти у цели.— Она повернулась к андроиду.— Сколько тебе понадобится времени?

Бишоп прищурился.

— Скажем так. Сорок минут на то, чтобы добраться до цели. Час на починку и настройку антенны. Тридцать минут, чтобы вызвать модуль, и еще тридцать на то, чтобы довести его. Итого, примерно два с половиной часа.

Рипли взглянула на часы.

— У нас осталось три часа с небольшим. Васкес, не теряйте времени.

— Хорошо.— Васкес кивнула.— Пошли, Бишоп.

— Да, сейчас.

Бишоп подхватил чехол, в котором устроился портативный передатчик.

Андроид протиснулся в узкое чрево тоннеля. Диаметр трубы был так мал, что тело его почти совсем ее закупило.

Хикс, Рипли и Васкес стояли рядом, глядя, как он выбирает удобное положение.

Васкес просунула в проем передатчик и электрический фонарь.

— Удачи.— Сказала она, и Бишоп улыбнулся, благодарно кивнув.

— Заваривай.— Скомандовал Хикс и тоже кивнул андроиду.— Ну, парень, с Богом.

Бишоп придержал крышку. Вот она захлопнулась, и наступила полная темнота.

Пальцы нащупали кнопку фонарика.

КЛИК. Яркий свет выхватил кусок матово блестящей поверхности трубы.

Андроид вздохнул и начал свой путь, в конце которого — спасение людей.

— Так, ребята.— Хикс оглядел волонтеров.— Теперь нужно внимательно следить за периметром. Слушайте, мы все издерганы, но нам нужно собраться и смотреть в оба. Нельзя допустить, чтобы хоть одна из этих тварей пробралась сюда, понятно? Никто не должен проникнуть в блок. Ни одно существо, ясно?

Васкес кивнула. Это было понятно и просто. Есть задача, которую надо выполнить. Коротко и ясно.

— Ну, пошли.— Хадсон направился к выходу, держа в руках треккер.

Горман выплыл из небытия, словно из мутной реки.
Как, он еще жив?

Прямо над собой он увидел темный ребристый потолок.
Где он?

Лейтенант осторожно приподнял голову.
Господи, как больно...

В голове, словно кто-то стучал молотками по железному листу.

БОМ. БОМ. БОМ. БОМ.

Он огляделся. *Кто это в кресле? А... Бёрк.*

— Бёрк... — прохрипел он. — Бёрк...

Тот вздрогнул и обернулся.

— Горман? — Бёрк казался очень удивленным. — Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, уже лучше. — Голос его был вялым. — Как я сюда попал? Где остальные?

— Вас принесли сюда после аварии модуля. А волонтеры сейчас патрулируют блок.

— Сколько их? Сколько осталось в живых?

— Трое. — Бёрк встал и потянулся. — Хикс, Хадсон и Васкес.

— Это все?

— Все.

— Мне нужно идти к ним. Помогите мне, пожалуйста. — Горман сморщился от ужасной боли. — Боюсь, самому мне не дойти.

— Конечно, лейтенант.

— Ты когда в последний раз спала? — Спросил Хикс.

В зале было тихо. Лишь мягко урчал компьютер, да гудел кондиционер, нагнетая в помещение свежий воздух.

— Хикс. — Рипли посмотрела капралу в глаза. — Я не хочу погибнуть, как поселенцы. — Она на мгновение замолчала. — Ты избавишь меня от этого?

Он стал серьезен. Несколько раз Хикс пытался представить себя висящим на стене, опутанным липкой прозрачной дрянью. Нет. Он не хочет этого. *Не допустит этого.*

— Если дойдет до этого — да. — Капрал был серьезен. — И тебя, и себя.

Рипли благодарно кивнула.

Она знала, каково это. Ей довелось испытать ЭТО в ночных кошмарах.

— Но... — Хикс подмигнул ей. — Мы должны сделать так, чтобы до этого не дошло. Хорошо?

— Хорошо. — Согласилась женщина.

— У меня к тебе личная просьба.

— ?

Хикс кивнул на стол. Две черных, отливающих синим винтовки устроились рядом, словно хорошие приятели.

— Эта винтовка — М-40 — возьми ее в руки.

Рипли внимательно посмотрела на него, а затем, шагнув к столу, подняла оружие.

— Подержи ее в руках.

— Ну, подержала. Что с ней теперь делать?

Васкес насторожилась.

Что это? Или ей показалось, или...

Она замерла у заваренной двери. Тихий скребущий звук донесся с той стороны.

ТАМ, ЗА ДВЕРЬЮ, ЧТО-ТО БЫЛО!

Они нашли нас? Или, может быть, это какой-нибудь из этих говнюков забрел сюда по ошибке?

Шорох повторился.

Оно чувствует меня?

Ей показалось, что она даже видит это существо. Словно и не было этой стальной стены. Вот оно. Стоит, чуть покачиваясь на мощных задних лапах. Голова твари низко опущена. Липкая слюна стекает на пол. Оно шевелится и снова пробует дверь на ощупь.

Шорох, а следом тишина.

Оно ушло? Или все еще там? Прислушивается и выжидает?

Васкес попятилась. *Впервые в жизни ей стало страшно.*

— Когда здесь, на счетчике, будет «ноль», нажимаешь «выброс»...

— Хватаю новую обойму, — Рипли тянет большим пальцем рычажок вниз, и обойма вываливается из магазина. Она снова подхватывает ее и... — И вставляю в магазин. Так?

Обойма с щелчком входит на место. Рипли одним движением передергивает затвор, и на индикаторе появляются красные цифры: «130».

— У тебя неплохо получается. — Улыбается Хикс.

— А это что? —

— Это гранатомет. Но ты лучше его не трогай. О'кей?

— Ты это начал, между прочим. — Возражает Рипли. — Давай уж, показывай все. — Она улыбается в ответ. — Не волнуйся, я могу за себя постоять. — Винтовка прижимается прикладом к плечу.

— Да я уж заметил. — Хикс внимательно смотрит на новоиспеченного волонтера и кивает. — Ладно. Хорошо. Гляди, обращаться с этой штукой нужно так...

ЧУЖИЕ.

Густая масса на стене зашевелилась. Они что-то почувствовали. Это был слабый, едва различимый сигнал. Пока сложно определить направление, но ясно, что добыча где-то наверху. ОНИ заворочались. Длинные шеи раскачивались в воздухе. Люди, глядя на это зрелище, сказали бы...

ОНИ ПРИСЛУШИВАЮТСЯ.

Направление... Им нужно направление...

Пасти открывались, внутренние челюсти существ подрагивали, готовясь хватать, рвать.

Где? Гдедегдегдеде...

ЛЮДИ.

Бишоп протискивается сквозь узкую трубу. Пот — обычный едкий пот — заливал глаза. Ведь он был человеком. Искусственным, но все-таки человеком.

Ветер стучал снаружи базальтовыми костяшками пальцев.

ТУК. ТУК.

Он не мог даже двинуть руками. Каждый метр пройденного пути давался невероятными усилиями. Плечи упираются в стенки, ступни отталкиваются от гладкой поверхности. Еще три сантиметра позади. Вперед.

Давай, Бишоп. Сделай это. Ты сможешь.

Держа в руках тяжелый, и от этого кажущийся очень надежным, пульсатор, Рипли подошла к лаборатории.

Дверь легко скользнула в сторону, выпуская на свет...

— Как ты себя чувствуешь?

Горман тяжело навалился на плечо Бёрка.

— Нормально, наверное. Голова очень болит. — Он замялся. — Знаешь, Рипли, я хотел...

— Не нужно. — Остановила его женщина. В ее голосе лейтенант не услышал издевки или злости. И от этого ему стало еще хуже. — Извините. — Она шагнула мимо них в затемненное пространство лаборатории.

Васкес, склонив голову набок, с интересом наблюдала за этой сценой, стоя в дальнем конце коридора.

Странная эта Рипли. Уж она бы вложила этому колледжаю по первое число. Хотя, в какой-то момент Васкес тоже ощутила жалость к Горману. Но это чувство быстро улетучилось, когда она вспомнила Дрейка, Кроува и других ребят. Как ни крути, а погибли-то они по вине этого парня.

Рипли вошла в просторный зал. Темно, только обогреватель стоит возле постели Ребекки, окутывая ее теплым облагом и испуская слабый красно-желтый свет.

Она подошла ближе, и сердце ее екнуло.

Девочки не было!

Рипли огляделась. Где же она? Ушла? Вряд ли. Васкес и Хадсон заметили бы. Но тогда... Бёрк?! Неужели...

Слабый стон достиг ее ушей. Женщина присела на корточки и заглянула под кровать.

Свернувшись клубком, бормоча что-то нечленораздельное, Ребекка спала. Дыхание было прерывистым. Девочку мучил очередной кошмар.

Бедная малышка.

Рипли отлично понимала ее. Положив винтовку на одеяло, она опустилась на пол и прилегла рядом. Руки Рипли осторожно обняли тельце ребенка и прижали к себе.

— Тише, тише... — Зашептала она. — Все в порядке. Все в порядке...

Ребекка затихла, а Рипли, положив голову на руку, провалилась в сон. Черный глубокий сон. В таких снах не бывает сновидений. В них есть лишь темнота. Бездонная и спокойная темнота.

Бишоп выбрался из узкого колодца и сразу огляделся — нет ли рядом опасности.

Ветер торопил по небу лиловые тучи. В свете двух прожекторов на высокой мачте сиротливо замерла большая куполообразная антенна. Сбив распределительный щиток, андроид рванул провода.

Обрывки цветного кабеля выползли из стены, выставив наружу латунные жала.

Отлично.

Откинув крышку черного футляра, он принялся наматывать жилы кабеля на узкие посеребренные клеммы.

Это, конечно, не лучший выход, но все-таки...

Бишоп набрал первую команду. Антенна дрогнула и медленно поползла по кругу.

Хорошо. Очень хорошо.

Пальцы заплясали по клавиатуре, выстукивая приказы.

Андроид знал: где-то наверху сейчас «Счастливчик Люк»,

Компьютер ожил. На главном пульте замигали зеленые огоньки. Он переваривал информацию.

Шахта, в которой находился запасной модуль, дернулась и начала вращаться. Стальные створки ее разошлись в стороны, выпуская длинную, похожую на язык неведомого животного, платформу.

Распахнулась защитная крышка грузового шлюза.

Щелчок — отошли предохранительные зажимы.

Модуль отделился от корабля и начал свободное падение вниз, к поверхности планеты.

Пробуждение было резким и неприятным. Где-то в подсознании звенел звоночек: «Проснись! Тревога!!!»

Словно кто-то обдал ее холодной водой. Рипли не открыла глаза сразу. Она лежала, прислушиваясь, стараясь понять, что вызвало у нее это чувство — ощущение непоправимого.

Рядом тихо посыпавала Ребекка. Никаких посторонних звуков. Только гудит под потолком кондиционер.

Рипли открыла глаза.

ЧТО-ТО НЕ В ПОРЯДКЕ!

Она обвела глазами комнату и, почти сразу увидела это.

ДВЕ КОЛБЫ — ТЕ САМЫЕ —

валялись на полу. Крышки открыты, бесцветная жидкость растеклась по полу.

Обе пусты.

Рипли осторожно тронула Ребекку за плечо.

— Головастик...

Девочка проснулась сразу, Рипли даже не успела договорить.

— Что? — Вопрос был задан шепотом.

— Тихо. У нас беда, Головастик.

Рипли почувствовала, как девочка напряглась.

Она тоже увидела это.

Спокойно. Спокойно. Главное, не нервничать. У нас есть оружие. Мы можем защищаться.

Рипли протянула руку и, стараясь не делать резких движений, положила ладонь на кровать...

Вместо холодной, внушающей уверенность стали рука нащупала... только ворсистую теплоту одеяла.

Боясь поверить в неизбежное, она несколько раз передвинула ладонь.

Этого не может быть! Этого просто не может быть!!! Она должна быть там! Я точно помню, что положила винтовку на кровать.

Рипли приподнялась. Ее глаза оказались на уровне матраца и...

ВИНТОВКИ НЕ БЫЛО.

Значит, вот оно что! Пока они спали, кто-то заходил в лабораторию, унес их оружие и выпустил тварей. Насчет того, КТО это сделал, у Рипли не было ни малейшего сомнения.

Бёрк, сволочь. Вот значит, в чем заключался твой план. Ну ладно. Дай нам только выбраться! Если толь...

Длинная желтая тень бросилась на них откуда-то из темноты.

Головастик пронзительно взвизгнула.

Это, не долетев до лица Рипли каких-нибудь двадцать сантиметров, шлепнулось на кровать и заскребло длинными суставчатыми пальцами по одеялу, ища опору.

Реакция сработала в долю секунды. Упершись спиной в стену, Рипли, что было сил, толкнула кровать от себя. Металлические ножки мелькнули в воздухе, и железная сетка накрыла тварь, придавив к полу.

— Беги, Головастик! — Закричала Рипли.

Девочка кинулась к двери.

Тварь, наконец, сумела выбраться из-за перевернутой кровати и быстро нырнула в темноту за старое оборудование.

Рипли добежала до двери и одним ударом вбила в стену кнопку аварийного освобождения створок.

Тишина.

Еще один раз. ЕЩЕ. ЕЩЕ. Ничего.

Он заблокировал ее с той стороны!

Рипли забарабанила в дверь кулаками.

— ЭЙ! ЭЙ!!!!

Совсем рядом, в коридоре, на узком столике-каталке одиноко лежала винтовка-пульсатор, равнодушно уставясь черным зрачком ствола на бьющуюся о стекло женщину.

— Помогите! Помогите!!! Хикс!!! Хиикс!!!!

Рипли выбежала на середину лаборатории и, повернувшись лицом к видеокамере, замахала руками.

— ХИИИИИКС!!! ПОМОГИТЕ!!!!

Бёрк усмехнулся, глядя на Рипли сквозь стекло монитора.

Ну что, сука? Кому ты собираешься ТЕПЕРЬ обо всем рассказать, а?

Его палец потянулся к выключателю.

КЛИК. Монитор погас.

И Бёрк спокойно отошел в угол, поудобнее устраиваясь в пластиковом кресле.

Никто не заметил его манипуляций.

Все волонтеры собрались у главного пульта. Хикс, прижимая к уху мембрану наушника, кричал:

— Бишоп? Как у тебя?

Пауза. Бёрк видит, как напряглись десантники в ожидании приговора.

«Да»? или...

— Все в порядке.— Улыбается капрал.— Он вызвал модуль. Все хорошо.

Это, конечно, хорошо. Ему тоже порядком надоело здесь сидеть. Но Бёрк, в отличие от этих солдафонов, вернется из поездки миллионером, а они...

Бёрк даже не считает нужным сдержать улыбку, потому что сейчас улыбаются все.

Кроме...

— ХИИИИИИИКС!!!!

Бесполезно. Волонтеры почему-то не видят их. Рипли перестала кричать и обвела взглядом застывшую лабораторию.

Где-то здесь, в темноте, спрятались две твари. Гибель. Ее и Ребекки.

— Рипли, разбей стекло.

Она словно проснулась. Стряхнув с себя оцепенение, Рипли подхватила стул с металлическим основанием и со всего размаха саданула им в огромное окно. Оно задрожало, но даже не треснуло.

Еще один замах и тяжелый удар.

БАОУМ!

Такие стекла выдерживали шестибальные землетрясения, оставаясь целыми и невредимыми. Какой вред могли принести им эти удары...

Стул полетел в сторону. Тяжело дыша, Рипли прижалась спиной к стене.

— Мне страшно, Рипли.— Ребекка замерла рядом.

— Мне тоже.

Две жертвы. Думай, Рипли.

Пол.— Не вылезти.— Даже если содрать линолеум, твари набросятся на них раньше. Да, собственно, им не сломать металлические переборки.— Стены. Двери. Окна.— Бесполезно.— Особопрочное стекло и сталь.— Потолок.— Потолок!

Рипли подняла глаза. Вот оно! Белая нашлапка пожарного датчика. Их шанс на спасение.

— Стой здесь.— Она выбежала на середину лаборатории и выдернула из кармана пьезозажигалку. Палец вдавил кнопку в пластмассовый корпус.

Искра воспламенила газ. Рипли увеличила подачу струи и, когда голубоватое пламя взвилось вверх тридцатисантиметровым факелом, вытянула руку.

Вой сирены заполнил коридоры блока «Д», подавая сигнал тревоги, предупреждая об опасности, грозящей людям.

— Пожар в лаборатории!— Закричал Хикс, бросаясь к выходу. Васкес, Хадсон и Горман кинулись следом, грохоча бутсами по металлическим перекрытиям.

— Они сейчас нас спасут, Головастик,— прошептала Рипли, снова отступая к окну.— Не бойся.

А про себя подумала:

Если успеют.

ЧУЖИЕ.

Сигнал пришел. Четкий, ясный и чистый.

МОЗГ мгновенно начал отдавать приказы бойцам, выстраивая комбинации, прощупывая коридоры, ходы и перекрытия. Он уловил наиболее важные направления и за секунду продумал расстановку сил, отрезая людям пути к отступлению.

С третьего уровня двинулись группы монстров, стремясь охватить людей в плотное кольцо, сжать его и уничтожить тех, кто окажется в нем.

ЛЮДИ.

Потоки воды хлынули с потолка, заливая лабораторию. Компьютеру, управляющему работоспособностью станции, было все равно, есть огонь в помещении или нет. Он выполнял задачу, возложенную на него людьми.

Это резко ухудшило ситуацию.

Рипли уже не могла внимательно следить за ДВИЖЕНИЕМ в лаборатории. Движение было везде. Потоки воды прокладывали себе путь между ножками стволлов, стульев, кроватей и устремлялись в центр комнаты, где находилось узкое отверстие водостока.

Тварь появилась неожиданно. Ей удалось подобраться совсем близко, скрываясь за тяжелой мебелью. Она бросилась на людей с такого короткого расстояния, что Рипли не успела уклониться.

Это ударило ее в грудь, и Рипли, ухватив его руками, отбросила в сторону. Описав полукруг, существо шлепнулось на пол, подобно жирной жабе. Лапы-«пальцы» его согнулись, и оно, быстро перебирая ими, побежало к жертве. Хвост существа свернулся плотной спиралью.

Это — скорпион!

Оно действительно было похоже на огромного ядовитого скорпиона.

Ребекка вспомнила.

ЭТО сворачивает хвост перед тем, как...

Чудовище прыгнуло. В воздухе мелькнули растопыренные лапы и выпрямившийся при броске хвост.

Рипли отшатнулась. Она смогла лишь выставить перед собой руки — слабую защиту от восьмипалой твари — но именно это ее и спасло.

Тело существа ткнулось точно в ладони. Удар получилась достаточно сильным. Локти согнулись, и хвост чудовища моментально обвился вокруг шеи жертвы.

Ребекка громко завизжала. Монстр быстро подтягивался все ближе и ближе к намеченной цели.

Его «пальцы» били по рукам человека, пытаясь заставить жертву выпустить мягкое тельце.

От особенно сильного рывка Рипли потеряла равновесие и рухнула на пол, прямо в пенящийся водяной поток.

Хвост твари продолжал все ту же сжимать ее горло, мешая кислороду поступать в легкие.

Между ладонями появилась странная подвижная трубка, на конце которой женщина увидела ГЛАЗ. Этот глаз уста-

вился на нее с такой злобой, что Рипли захотелось заорать от страха. Наверное, она именно так и поступила бы, если бы смогла.

Тварь видела, что глаза жертвы выкатываются из орбит, и удвоила усилия. Хватка человека слабела. Так и должно было быть.

Рот Рипли судорожно открывался, пытаясь впустить в горящие легкие хоть каплю воздуха. В ушах стоял странный звон. Комната поплыла перед глазами. Наступило удушье. Краешком сознания она поняла: ВСЕ.

Через полминуты все будет кончено.

Головастик с ужасом смотрела на корчащуюся женщину.

Визг ее наполнял лабораторию, соревнуясь в громкости с ревом сирен.

Он стих только тогда, когда девочка заметила вторую, сидящую на столе, изготовившуюся для прыжка тварь. Хвост чудовища медленно сжимался в кольцо, чтобы затем, выпрямившись, бросить тело вперед и вверх, на лицо жертвы.

Мгновенно замолчав, девочка обеими руками прижала стол к стене, защемив чудовищу хвост. Из собственного опыта она знала: хвост имеет большое значение для этих существ. Прижать его, означало лишить тварь подвижности.

Хикс достиг лаборатории одновременно с Васкес.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: дверь замерла на магнитный замок с секретным кодом. Для того чтобы открыть код, требуется время, а его-то у них и не было.

— Стреляй! — Заорал он подбегающему Хадсону.

Сквозь стекло Хиксу было видно, как замедляются движения Рипли, а тварь опускается все ниже и ниже к ее лицу.

Хадсона не надо было просить дважды.

БАНГБАНГБАНГ!

Но стекло выдержало, хотя и покрылось сетью мелких трещин. Разбежавшись, капрал кинулся в широкое окно.

Стекло взорвалось дождем мелких осколков, пропуская человека внутрь.

Следом ворвались остальные волонтеры. Это была их стихия — война.

Васкес метнулась к Рипли.

— Хикс, сюда!

Горман подскочил к Ребекке. Хадсон тут же последовал его примеру. Уперевшись бутсой в стол, он вскинул пульт.

— Головастик, в сторону!

Девочка отбежала, и мгновением позже лабораторию наполнил грохот выстрелов.

Ошметки твари разлетелись в разные стороны, оплавив часть стола и оставив на стене пузырящееся пятно.

— Хадсон!!!

Васкес удерживала тварь, пока Хикс разжимал «железные» витки хвоста.

Рипли втянула воздух, чуть не потеряв при этом сознание.

Волонтеры вскочили. Хвост яростно извивался в воздухе, пытаясь найти опору, зацепиться за что-нибудь, изготовиться для броска.

Хадсон встал рядом, прижимая приклад винтовки к плечу.

Васкес кивнула.

— Туда!!!

— Да!

— Готов?

— Да!

Чудовище полетело в сторону, загребая лапами воздух. Оно еще не успело коснуться пола, как шквал огня разнес его на сотню мелких частиц.

Потоки воды быстро унесли их в водосток, не оставив даже следа.

Хикс склонился над Рипли, помогая ей подняться.

— Ты в порядке?— Встревоженно спросил он.

— Да.— Это не был голос. Скорее, какой-то сдавленный хрип.— Да. Господи Боже...

Она огляделась. Мокрые напряженные волонтеры смотрели на нее, ожидая пояснений. Немой вопрос.

— БЁРК.— Хрипло выдавила Рипли.— ГДЕ БЁРК?

— Я думаю, этого говнюка нужно пристрелить.— Васкес всегда была сторонницей жестких мер. А уж когда дело касалось подобных вещей...

Бёрк, сникший и жалкий, сидел на крутящемся стульчике у самого головного компьютера. Сгорбившиеся плечи, сплетенные пальцы рук, капли пота на лбу и висках. Все выдавало признаки сильнейшего волнения. Он прекрасно понимал, что жизнь его висит на волоске. И знал, от кого зависит, останется целым этот волосок или оборвется.

Что касалось себя, он не сомневался, случись такое — он бы вынес приговор не задумываясь.

Сейчас оставалось лишь вести свою игру.

А Бёрк был отличным игроком во всем. Начиная с бизнеса, заканчивая войной.

Поэтому он вздохнул и спокойно, тоном кристально честного человека, сказал:

— Это просто глупо все.

— Он хотел провезти это существо через карантин,— продолжила Рипли,— в ком-нибудь из нас. Конкретно, внутри меня и Головастика. Дальше нас бы заморозили. И никто так и не узнал бы, что внутри нас зародыши.

— Погодите минутку, мы же не знаем этого точно.— Взяло возразил Горман. Ему было тяжело принять рассказ Рипли. Уж больно нереально и жестоко все это выглядело. Бёрк ему нравился. И поверить, что он хотел... нет, это невозможно.

— Мне очень жаль, лейтенант, разрушать ваши иллюзии, но это так. Иначе он не смог бы протащить ЭТИХ через карантин.

— Нет, постойте.— Не сдавался Горман.— Но ведь и мы знаем об этом. Мы заявили бы о случившемся в карантинную службу. Нет, вы ошибаетесь, Рипли. Ваша версия рассыпается, как картонный домик.

Женщина посмотрела на него с жалостью.

Он, действительно, так наивен или притворяется?

— Конечно, Горман. Были еще и вы. Но это следующий этап, хотя он гораздо проще первого.— Она пожала плечами.— По дороге домой Бёрк саботировал бы систему жизнеобеспечения волонтеров — и вашу, лейтенант, в том числе — и спокойно выбросил бы тела в космос. А для карантинной службы он придумал бы любую историю, какую захотел. Все очень просто, Горман. Проще вареного яйца. Кстати, вы не задавались вопросом, как получилось, что боевого командира этого корабля заменили Вами, необстрелянным молодым офицером,— простите меня — ни черта не понимающим в ведении боевых действий, а? Да еще за два дня до вылета? Вы не интересовались, чей это был приказ

и кто именно предложил Вашу кандидатуру? Я, думается, не сильно ошибусь, если назову фамилию.

Горман растерянно переводил взгляд с Рипли на Бёрка и обратно.

— Что вы хотите этим сказать?

— То самое, о чем вы только что подумали, лейтенант. — Отрезала она.

— Ну все!!!! — Взорвалась Васкес. — Ему хана!!! — Она повернулась к поникшему Бёрку. — Ты — мертвец, парень, мать твою. Ты понял? Ты — труп!

— Это просто безумие какое-то. — Поднял голову Бёрк. — Вы только послушайте себя. Паранойя какая-то.

— Знаешь, Бёрк, — Рипли встала напротив и посмотрела ему в глаза. — Я даже не знаю, кто хуже: ты или эти твари. Они, по крайней мере, не перегрызают друг друга глотки за какой-то там процент.

— О'кей. — Вздыхнул Хикс. — Мы прикончим его.

Это прозвучало очень буднично. Будто речь шла не о том, что сейчас придется убить человека, а о том, как было бы здорово съесть сейчас пару гамбургеров.

Капрал подхватил винтовку, деловито проверил наличие патронов в обойме и спокойно кивнул съевшемуся в кресле Бёрку.

— Ну, что, пошли? — Фраза вышла почти дружеской. Словно капрал предложил выйти перекурить.

Бёрк затравленно огляделся. Васкес и Хадсон стояли рядом, готовые пресечь любые его действия. В глазах — ни тени сочувствия.

— Постойте. — Тихо сказал он. — Но вы же не можете просто так...

— Пошли, приятель, не задерживай. — Хадсон положил руку на плечо Бёрка.

Тот встал.

— Постойте. — Рипли посмотрела на капрала. — Он...

Она не успела договорить, потому что

В ЭТОТ МОМЕНТ В ЗАЛЕ ПОГАС СВЕТ.

Бишоп набирал команду за командой. Модуль подчинялся. Он шел на узкий пучок сигналов, посылаемых передатчиком.

В пылевой буре сигнал был слабым и очень неустойчивым. Временами он пропадал совсем, и тогда компьютер модуля заставлял вращаться небольшую антенну, распо-

ложенную в носовой части шлюпки, в поисках нужного ему направления.

Словно чуткий охотничий пес, отыскивающий добычу по запаху.

Модуль прошел толстый слой густых облаков и развернулся к поверхности планеты. Внезапно сигнал оборвался. Будто поднялась гигантская рука и накрыла передатчик непроницаемым куполом.

Бишоп видел, что волна пропала. Компьютер исправно выдавал данные на экран. Сигнал поступал на антенну, но дальше начиналось что-то странное. Узкий направленный луч как будто поглощался чем-то. Какая-то мощная сила не давала ему достичь цели.

Модуль вильнул и, изменив курс, двинулся по окружности, отыскивая потерянный ориентир.

В его чреве компьютер сопоставил данные, высчитывая угол отклонения, силу искажения сигнала тяжелыми частицами, скорость ветра, процент преломления и другие факторы, необходимые для определения направления исходящего луча.

Андроид с пулеметной скоростью выбивал запросы о причинах неполадки, но компьютер не мог определить их. Собственно, его интеллекту это и не было по силам, ведь он воспринимал только физические неполадки.

Компьютер не мог знать, что в глубине комплекса...

ЧУЖИЕ.

Она выслеживала людей. Бойцы получили приказ и приступили к его выполнению. Но в это время Она поймала еще один сигнал, идущий с поверхности планеты.

Скорее всего кому-то из людей удалось выбраться наверх, и сейчас он вызывал какое-то транспортное средство. Это не могло взволновать ЕЕ и, конечно, никоим образом не должно было повлиять на исход дела. Поэтому Она просто заблокировала этот маломощный сигнал, не давая ему распространяться в насыщенном песчинками воздухе. Сперва они расправятся с людьми в комплексе, а затем займутся тем, который снаружи.

ЛЮДИ.

Бишоп набирал очередной запрос, когда вдруг погасли прожектора. Следом за ними замер компьютер. Все. Их надежды на спасение рухнули. Модуль так и остался наверху, в небе. Он будет летать там до тех пор, пока не кончится топливо. А затем рухнет на базальтовые валуны и превратится в бесформенную, ни на что не годную грудку лома. А может быть, бортовой компьютер вернет его на корабль. Но для людей это уже не будет иметь ни малейшего значения.

Андроид не ушел. Он стоял и смотрел на облака, все еще надеясь на чудо...

Тускло загорелись фонари аварийного освещения.

— Они перерезали кабель. — Прошептала Рипли.

— Что значит «перезали кабель»? — Заорал Хадсон. — Как они могли *перерезать* кабель?! Они же животные!!!

— Хадсон, Васкес. — Оборвал Хикс. — Быстро включите трекеры! Проверьте периметр!

— О'кей, Хикс. — Васкес схватила прибор и перебросила тумблер. — Здесь ничего.

— Проверь коридор и возле дверей.

— Хорошо.

Волонтеры кинулись к выходу.

— Горман, — обернулась Рипли, — следите за Бёрком.

Лейтенант кивнул.

— Я в эту сторону. — Васкес кивнула в тот конец коридора, где слышала шорох.

— Значит, я сюда. — Хадсон двинулся вправо.

Осторожно, шаг за шагом. Палец подрагивает на курке пульсатора.

— Васкес, что у тебя? — Хикс натянул на голову наушники. Сигнал, несмотря на короткое расстояние, был слабый. В мембране слышался странный треск.

Как тогда, в коридоре.

— Пусто.

— Внимание! — Вскрикивает десантник. — У меня что-то есть!

— У тебя есть я на экране. — Васкес не смеялась, просто она привыкла прорабатывать разные варианты.

— Нет! Это не ты! — Голос волонтера звенел от напряжения. — Они здесь! Они где-то здесь!!!

— Хадсон, успокойся. Васкес, как у тебя?

— Боюсь, он прав. У меня тоже появилось...

— Так. Возвращайся. Быстро!

Хадсон и Васкес побежали к компьютерному центру.

— Рипли! Головастики! — Командует Хикс. — Отойдите подальше от двери!

Хадсон вглядывается в экран датчика.

— Движение везде. Очень странные сигналы. Может быть, это помехи?

— Васкес, внутри! Хадсон, следом!

— Сигналы очень четкие. Они близко. — Докладывает Хадсон. — Господи, их очень много. Хикс, они повсюду. Повсюду...

Хикс подходит к двери, держа М-40 наперевес.

— Васкес, заваривай дверь. Быстрее.

— Отойдите, — говорит она.

Дверь закрывается, и Васкес, подхватив портативный сварочный аппарат, начинает работу. Без суеты, без спешки.

Сыплющее искрами жало скользит по стыку, оставляя за собой красную дорожку раскаленного металла.

Рипли опускает глаза на Ребекку. Та, как зачарованная, смотрит на крепкую фигуру Васкес, искры и голубой огонек сварки.

— Не смотри на свет, Головастик, закрой глаза.

— Расстояние двадцать метров. — Быстро говорит Хадсон. Он неотрывно наблюдает за движением на экране.

— Мать твою. — Зло цедит Васкес. — Значит, они уже на территории блока. Мы что-то прозевали.

— Я не понимаю, где они! — Орет Хадсон. — Этого не было на схеме!!! Рипли!!!

— Спокойно, Хадсон!

— Они уже за баррикадой!!! Двигутся прямо к нам! Очень быстро!!!

Волонтер пятится за стойки с компьютерами, занимая удобную для стрельбы позицию. Винтовка в его руке чуть подрагивает.

Горман и Бёрк отступают следом.

— Васкес, назад! — Командует Хикс.

— Сейчас! Я почти закончила! — Она быстро завершает шов и, подхватив винтовку, бежит к остальным.

— Что с сигналом?

— Они уже за дверью! Расстояние — двенадцать метров.

Странная, неестественная тишина повисла в зале. Слышно тяжелое дыхание Хадсона, да писк сигналов в датчике.

— Десять... девять...

— Внимание!— Рипли слышит, как натянут голос Хикса.— Взрывные заряды малого действия! И помните — короткими очередями!

— Восемь метров!— Все укрываются за рядами компьютеров. Это препятствие. Защита. Слабая, но все-таки защита. Помеха для ЭТИХ

— Не может быть! Получается, что они внутри комнаты!— Говорит Васкес.

Пальцы Ребекки впиваются в руку Рипли.

— Спокойно, Головастик...— шепчет женщина.

Все напряженно вглядываются в освещенное красным светом аварийных ламп пространство комнаты. Ничего. Пустота.

— Семь... Я не понимаю!!!

— Ты неправильно смотришь! — Орет в ответ Васкес.

— Да вот, здесь написано! Шесть метров!

Хадсон показывает треккер. На нем быстро прыгают цифры.

«5 метров 98 сантиметров... 96... 94... 90...»

Хикс поднимает голову и смотрит на потолок. Ему показалось что он слышит...

— Господи...— вырывается у него непроизвольно само по себе.— Свет!!!

Он вскакивает на стол и поднимает одну из секций потолка. Перед его глазами черный проход.

ЭТОТ ПОТОЛОК НАВЕСНОЙ! НАВЕСНОЙ, МАТЬ ЕГО ТАК!!!

Васкес подает ему фонарь. Капрал подхватывает его и освещает пространство между ячеистой платформой подвески и перекрытием...

Прямо на него движется темная колышущаяся масса. Длинные шеи, лапы, все вперемешку. Их даже не много — их ЛЕГИОН!

Модуль лег на крыло. Компьютер принял решение, оптимальное в данной ситуации. Шлюпка пошла вниз. Вероятность захода на место расположения цели — 94 процента.

Точность приземления — плюс-минус двести метров.

Бишоп все еще смотрел в небо. Ветер хлестал его по щекам, толкал, пытаясь сбить с ног.

Громада модуля появилась из-за купола неожиданно, словно призрак. Рев двигателей заглушил все звуки вокруг.

Хикс в мгновение ока слетел на пол. Никому не понадобилось объяснять, что увидел капрал наверху.

— Они там!— Закричал Хикс, вскидывая винтовку и нажимая спуск.

Огненный ураган пронесся по комнате. Взрывные заряды пробивали навесной потолок и рвались где-то внутри, разрушая все, что попадало в радиус их действия.

Языки пламени ползли по ячейкам ребристого перекрытия, заполняя помещение едким дымом.

Воцарился хаос. Крики людей, грохот разрывов, визг умирающих тварей, шипение проедающей потолок кислоты, все смешалось в одной дикой какофонии.

— Двери!— Крикнул Хикс.— Кто-нибудь, быстрее откройте дверь!!!

С резким треском часть потолка просела, и ЧУЖИЕ хлынули в зал.

Рипли стало страшно. Называя цифры, она не могла представить себе СКОЛЬКО их. Но тут...

Черная шипящая река потекла вниз. Сплошной живой поток зубастых тварей. Они заполнили зал почти мгновенно. Четыре винтовки сдерживали натиск, пока Горман открывал дверь в лабораторию.

Хадсон перевернул затвор гранатомета, и быстрым движением сдвинув переключатель огня, вдавил курок.

ГРОУМММММ!!!

Что-то брызнуло в разные стороны. То ли кислота, то ли просто клочья кожи этих. Волонтер оскалился. Он вдруг успокоился. Страх, терзавший его все это время, исчез. Осталось только ярость и омерзение.

ГРОУМММММ!!! Еще одна граната разорвалась в самой гуще беснующихся тварей.

Горман рванул дверь. Тяжелая стальная плита откатилась в сторону, открывая людям доступ к шлюзовому коридору, ведущему к лаборатории.

— Я открыл ее!

Первым в дверь влетел Бёрк.

Следом Ребекка и Рипли.

Лейтенант вытащил из-за пояса пистолет.

БАНГ! Одна из тварей грохнулась на пол.

Отлично. Вот так! Вот так!!!

Он не понял, что произошло. Вернее, не успел понять.
**ЧУЖОЙ, КАРАУЛИВШИЙ ЛЮДЕЙ В ЛАБОРАТОРИИ,
УБИЛ ЕГО РАНЬШЕ.**

— Нужно уходить.— Рипли огляделась вокруг.— Отсюда надо выбираться.

Хорошо бы еще понять КАК.

— Сюда, Рипли, сюда!— Ребекка ткнула пальцем в решетку вентиляционной шахты.

Укрепленная на четырех болтах, она не представляла собой непроходимой преграды.

Хикс замахнулся и ударил бутсой в стальные шторки. Решетка прогнулась, поддаваясь...

Тяжелый удар потряс стальную дверь. Кто-то огромный и мощный бился в нее со стороны компьютерного зала. И она поддавалась. Даже прочная легированная сталь не выдерживала ИХ натиска.

Васкес подняла М-40, готовясь встретить ЧУЖИХ огнем.

...КРАК! Болты посыпались на пол, как орехи. Решетка, выбитая очередным ударом, стукнулась о стену шахты.

Ребекка собралась уже было нырнуть в воздухоотвод, но Рипли удержала ее.

— Подожди, сначала я.

Перехватив поудобнее винтовку, женщина протиснулась в узкое окно.

Сама шахта, как это ни странно, оказалась довольно просторной. Рипли прикинула, что

В ней можно передвигаться бегом, согнувшись.

Васкес смотрела, как прогибается стальная плита.

Скоро она не выдержит и лопнет, как яичная скорлупа!

Ствол винтовки был направлен в точку излома.

Васкес на мгновение отвела взгляд.

Она увидела, как в окошко проскользнула Ребекка.

Остались Хикс и Горман.

Приклад М-40 еще плотнее прижался к плечу.

На серебристой поверхности двери появилась едва заметная тонкая трещина.

СКРРРАТЧЧЧЧЧЧ...

Она расширялась и росла, становясь все больше и глубже.

— Васкес!— Хикс высунулся из проема воздухоотвода.— Сюда!!!

ГРУУУМ! Сталь лопнула, и в образовавшуюся щель полезли твари.

Васкес нажала на курок. Свинцовый дождь застучал по обломкам двери, превращая чудовищ в пузырящееся, брызжащее кислотой месиво.

Женщина успела добежать до дыры в стене и быстро забралась внутрь.

Будем надеяться, что это задержит их. Будем надеяться.

ЧУЖИЕ.

Она поняла, что их план под угрозой срыва. Люди могут уйти. Одного им все же удалось захватить, но он оказался мертвым, а значит, непригодным для инкубации.

Сейчас люди ползли по воздухоотводной шахте. Она чувствовала их, определяла направление движения, но... Поймать людей в этом лабиринте не представлялось возможным. Ответвления, расходящиеся в стороны от головной шахты, тянулись по всему комплексу. Десятки ходов, сотни километров пути. Перекрыть их все бойцы не могли. Значит, нужно рассчитать наиболее вероятный маршрут и постараться перехватить людей в подходящем месте. Там, где их шансы на спасение будут близки к «нулю».

Она представила себе схему сети вентиляционных ходов и начала отдавать необходимые приказы.

ЛЮДИ.

— Быстрее, ребята! Быстрее!!!

Впереди маячила фигура девочки. Ребекка указывала путь. Она провела в этих лабиринтах месяц, а значит, и причин недоверять ей не было. Но...

А вдруг она ошибется?

Этого Хикс боялся больше всего. Он видел расходящиеся во все стороны новые и новые трассы воздухоотвода, и сомнения мучали его все сильнее.

Боже мой, да здесь их сотни. А может быть, и тысячи! Что стоит девчонке ошибиться! Всего один неправильный поворот и... Нет. Лучше и не думать об этом. А вдруг они нарвутся на ту самую тварь, о которой говорил Бишоп? БАЦ!— и прямо на нее. Здравствуйте, это мы! Нет. Будем надеяться, что она не ошибется.

— В какой стороне посадочная площадка?— Задыхаясь от бега спросила Рипли.

— Вон там.— Девочка вытянула руку, указывая направление.— Направо!

Они нырнули в боковой проход. И в тот же момент сзади загрохотали выстрелы М-40.

Васкес видела, что твари не отстают. При почти четырехметровом росте ЧУЖИМ было тесно там, где люди проходили без труда, но этот недостаток они компенсировали фантастической гибкостью.

Получив приказ, существа выполняли его, чего бы это ни стоило. Для них не возникало вопроса КАК? Важно было — *Что и где.*

Усвоив необходимую информацию, ЧУЖИЕ настойчиво шли к цели.

Васкес выпустила очередную порцию свинца в надвигающуюся на нее темную массу.

Она задержалась всего на несколько секунд, расстреливая чудовищ, в надежде закупорить узкий проход их телами.

И, наверное, это ей удалось бы, но увлекшись боем, Васкес забыла о боезапасе. Магазин опустел, в окошке зажглись цифры: «000», и вместо выстрелов затвор издал сухой щелчок.

— Твою мать...— процедила она, сбрасывая винтовку и вынимая из-за поясного ремня пистолет. Отличный крупнокалиберный автоматический пистолет.

БАНГ! Выползшее откуда-то сбоку чудовище свалилось на пол.

— Васкес! Быстрее!!!— Кричал Горман.

Он не мог прикрыть ее, потому что Васкес находилась на линии огня.

Она достигла перекрестка, где в основную шахту вливался очередной тоннель, идущий с верхнего уровня. Васкес не подняла глаз и поэтому не заметила поджидающего людей НЕЧТО.

— Теперь куда? — Рипли оглянулась. Горман и Хикс отстали у поворота, но все еще были в зоне видимости, а значит, могли догнать их.

— Сюда. Нет, стой!— Девочка осмотрела развилку.— Сюда, налево.

— Ты уверена?

— Да.— Ребекка кивнула.

— Бишоп, что у тебя?— Хикс наблюдал, как Васкес постепенно приближается к ним.

— Модуль уже садится.— Судя по громкости в наушниках, они почти добрались до цели.

— Хорошо! Будь там, мы идем к тебе!

Он заметил, в какую сторону свернули Ребекка и Рипли, и крикнул:

— Васкес, быстрее!!!

— Идите, капрал,— Горман кивнул Хиксу,— мы вас догоним.

— Но...

— Это приказ, капрал.

— Хорошо.— Хикс побежал, а Горман несколько секунд смотрел ему вслед.

Он заметил то, чего не смог увидеть Хикс. Там, где секунду назад стоял капрал, на боковых стенах воздухоотводного канала, появились мелкие, чуть заметные трещинки.

Их окружили. Зажали. И если у Ребекки, Рипли, Бишоп и Хикса шансы на спасение еще были, то у Васкес их не было. Даже если предположить, что капрал остался, им вряд ли удалось бы отбиться в узком проходе от нескольких десятков тварей. Но кто знает, ЧТО может быть там, впереди. Если они погибнут все, включая Хикса, то Рипли и Ребекка останутся без защиты. Правда, Ребекка прекрасно ориентируется в этих лабиринтах, да и Рипли понимает толк в драке, но...

Именно поэтому он и отослал Хикса с женщиной и ребенком.

Сам лейтенант не мог уйти. Он — офицер-десантник. Мужчина. А Васкес его подчиненный. Либо они вырвутся вместе, либо...

— Головастик, подожди! Головастик.

Девочка бежала вперед так быстро, что Рипли показалось — еще чуть-чуть и она отстанет.

Запыхавшийся Хикс догнал их у следующей развилки.

— Где Горман?

— Остался с Васкес.

Они оба прекрасно осознавали, что это значит. Скорее всего Горман и Васкес уже погибли. В этом сражении превосходство не на их стороне.

Девочка остановилась.

— Куда?— Хикс оглянулся, прислушиваясь, не раздастся ли за спиной знакомое шипение.

Правда, треккер не подавал сигналов тревоги, но кто знает... Как говорили мудрые:

Доверяй, но проверяй.

— Выход там.— Тон, которым это было сказано, не оставлял сомнений в правоте Ребекки.— Уже близко!

Васкес заметила караулящее их существо слишком поздно. Она, правда, успела нажать два раза на курок, но это не помогло.

Чудовище обрушилось на нее сверху, придавив к полу огромным весом.

Оно еще было живо и готово выполнить свою задачу — **УБИТЬ**. Челюсти его дрогнули, покрываясь слоем липкой слюны.

Васкес не стала дожидаться, пока ЭТО вцепится в нее. Она приставила пистолет к башке существа и нажала курок.

БАНГ! БАНГ! БАНГ!

Три пули сорок пятого калибра разорвали темно-зеленую плоть, и вонючий поток хлынул волонтеру на ноги.

Васкес закричала от страшной боли. Еще одна тварь вынырнула откуда-то сзади.

БАНГ! БАНГ! БАНГ! Существо свалилось на пол, как мешок с тряпьем.

— Мать твою!!— Закричала Васкес. Не было ничего, кроме безумной пульсирующей боли.

Она не хотела смотреть туда. Ей было страшно увидеть исковерканные головешки там, где были ее сильные **НОГИ**.

Еще одна тварь ползла по проходу, догоняя ставшего беспомощным человека.

Женщина нажала на курок.

ЩЕЛК! Боек стукнул вхолостую.

Патронов не было. Беспольный пистолет полетел в сторону, и Васкес, цепляясь за пол, поползла, всеми силами пытаясь отодвинуть смерть. Но существо было уже совсем близко.

И она закрыла глаза...

БАНГ! БАНГ! БАНГ! Горман всадил в оскаленную пасть четыре пули и, подхватив обмякшее, и от этого очень тяжелое, тело волонтера под мышки, потащил.

— Горман, уходи! Уходи!!!— Выкрикнула Васкес.

Сзади раздался скрежещущий звук — лопались стены воздухоотвода.

Лейтенант повернулся и выстрелил в приближающееся **НЕЧТО**.

Магазин опустел.

Горман оглянулся. С двух сторон к ним двигались извивающиеся фигуры.

Выхода не было.

И тогда лейтенант, осторожно опустив Васкес на пол, вытащил из кармана

УЗКИЙ ЦИЛИНДРИК КУМУЛЯТИВНОЙ ГРАНАТЫ.

Сбросив пальцем чеку, он сел на пол.

Васкес тоже видела гранату, зажатую в побелевшей ладони.

Она протянула руку и накрыла напряженный кулак лейтенанта своими пальцами.

— Ты всегда был дураком, Горман.— Прохрипела женщина.

Твари были совсем близко, и Горман начал молиться. Губы не слушались, но он все же успел прошептать:

«Господи! Отче наш!», прежде чем вспыхнул огромный кроваво-красный шар в его глазах...

— Сюда!— Они вбежали в гулкое помещение коллектора. Именно здесь сходились основные вентиляционные шахты.

В полу вращалось огромное пятиметровое колесо. Потоки воздуха не давали ему остановиться, и, если в воздухоотвод попадал какой-либо мусор, колесо сбрасывало его в мусоросборную шахту. Пролетев сорок метров — восемь уровней — вниз по почти отвесной отполированной трубе, мусор сыпался в главный отводной канал, где скапливались все отходы, предназначенные для переработки.

Сейчас — Ребекка это знала — отводной канал был залит водой. Сюда стекала вся влага, попадавшая в комплекс через искореженный, пробитый потолок, а также вода из разрушенных коммуникационных трасс.

Теперь оставалось всего ничего. Пустяк. Забраться по

То, что погибла основная часть бойцов, ЕЕ не волновало — здесь, внизу, был достаточный запас яиц. Ей были нужны *инкубаторы*. И только.

ОНА направила телепатическую волну наверх, определяя местонахождение людей.

Еще оставался крошечный шанс. Мог произойти несчастный случай или какая-нибудь другая неприятность, которая задержала бы их внутри комплекса.

Сигнал вернулся. ЧЕЛОВЕК! — барахтался в воде отводного канала на восьмом уровне!

Двое других спускались вниз, видимо, на помощь первому.

Это было сложно понять, несмотря на то, что какая-то часть излучения человеческого мозга считывалась и понималась ЕЮ.

Эту часть человеческой природы ОНА не принимала в расчет.

Ну что ж, тем лучше для НЕЕ.

ОНА чувствовала, как несколько бойцов двинулись к отводному каналу.

Нужно захватить маленького человечка, и тогда остальные вернутся за ним сами. Прекрасно!

Этот МАЛЕНЬКИЙ почему-то очень важен для них. А значит, и для НЕЕ!

ЛЮДИ.

— Сюда! Она уже близко! — Хикс свернул к широкой погрузочной площадке. — Туда!

Уровнем выше закончилась жилая часть комплекса. Здесь начинались рабочие отделения, лаборатории, аварийные склады.

Они пробежали мимо двух грузовых лифтов, миновали энергоблок и оказались в длинном коридоре, освещенном вмонтированными в стену люминесцентными лампами.

Видимо, свет погас только в правом крыле.

Хикс не отводил взгляда от цифр на миниатюрном экране: «14 метров».

— Она где-то здесь!

— Головастик! — Крикнула Рипли, оглядываясь.

— Рипли!!!

Голос шел из-под пола.

— Где ты? Ты слышишь меня? Головастик!

— Я здесь!

Сквозь решетчатое основание перекрытия появились пальцы рук.

Рипли подбежала к девочке и опустилась на колени, пытаясь разглядеть Ребекку через узкие проемы.

— Как ты? Все в порядке? — Она видела испуганные детские глаза.

— Придется резать. — Хикс вытащил из набедренной сумки сварочный аппарат, откинул защитный экран. — Дорогая, пригнись, мы будем резать пол.

— Головастик, не смотри на свет.

Узкая тонкая струя голубого пламени коснулась стальной переборки.

Капли жидкого кипящего металла падали в мутную вонючую воду.

— Уже скоро! — Хикс торопился, стараясь максимально сократить время работы. *Узкая щель, только чтобы пролез ребенок.* — Я почти закончил.

Ожил зуммер треккера. Рипли взглянула на экран.

Пятна! Несколько светлых пятен двигались в их направлении!

— Хикс!

— Я знаю! — Голос капрала звенел от охватившего его напряжения. Мышцы вздулись, словно он сам, своими руками, взламывал стальную переборку.

— БЫСТРЕЕ, ХИКС!!!

— Я ЗНАЮ.

— Головастик! Головастик, не двигайся!!!

Ребекке стало страшно. Она тоже знала, ЧТО означает этот тихий равнодушный писк.

ОНИ ЗДЕСЬ!

Погрузочный пандус опустился до земли, открывая доступ в чрево модуля.

Бишоп прошел вдоль стены комплекса.

Они задерживаются. Почему? Что-то случилось? Возможно. Может быть, им требуется его помощь? Второй закон робототехники: робот-андроид не может допустить, чтобы в результате его бездействия был нанесен вред человеку.

Андроид достиг края посадочной площадки и остановился, глядя на выходной люк.

Что ему делать? Войти в комплекс? А вдруг в это время

ЧУЖИЕ.

ОНА поняла. ЕЕ расчеты не оправдались. Люди уходят. Это было странно, ибо мозг одного из людей — самки — постоянно посылал волны беспокойства.

ОНА считывала эти волны и понимала, что человек думает о...

?РЕБЕНКЕ?

Но тем не менее самка спешила к выходу из комплекса. Почему?

Вероятно, ОНА переоценила материнский инстинкт людей.

Хотя были два символа, которые ОНА не могла понять. Станные, не несущие для НЕЕ никакой информации, а наоборот, вносящие сумбуз в четкий, стройный ряд ЕЕ мыслей. НА ЯЗЫКЕ ЛЮДЕЙ ОНИ ЗВУЧАЛИ ТАК:

«КРЕСТ» И «СМЕРТЬ».

РИПЛИ.

Чувствуя, что сейчас упадет, она передала обмякшее тело Хикса Бишопу.

— Он ранен?

— Сколько времени до взрыва?— Прохрипела Рипли.

— Полно! Двадцать шесть минут. Мы впол...

— Мы никуда не летим!— Она побежала к модулю, быстро, насколько позволяли ноющие мышцы.

— Не летим?— Переспросил андроид.

Рипли сорвала со стены огнемёт, вынула из стойки винтовку и положила их на откидной стол. Вытащив из ящика моток черной изоляции, она принялась обматывать оружие, соединяя его в одно смертоносное целое.

«ПОКЛЯНИТЕСЬ: КРЕСТ НА СЕРДЦЕ. ДО САМОЙ СМЕРТИ».

Бишоп осторожно опустил Хикса на пол, помогая найти опору. Капрал откинулся на стену. Из груди его вырвался глухой стон боли.

— Рипли...

— Я ничего не хочу слышать, Бишоп.— Рипли лихорадочно рассовывала по карманам запасные обоймы и специальные карандаши для обозначения пути — «маркервей».— Ребекка жива. У нас еще есть время.

— Двадцать три минуты. Через двадцать три минуты мы

превратимся в пар.— Андроид спокойно смотрел на женщину.

Рипли перебросила через плечо патронташ, набитый гранатами.

Все? Ничего не забыла?

— Хикс, не давай ему взлететь!

Капрал повернул к ней обожженное, перекошенное болью лицо.

— Он никуда не улетит.

Даже не взглянув на андроида, Рипли выскочила из модуля и побежала к лифтовой площадке.

«ПОКЛЯНИТЕСЬ: КРЕСТ НА СЕРДЦЕ. ДО САМОЙ СМЕРТИ».

ЧУЖИЕ.

Самка возвращалась. Значит, все-таки она была права. Материнский инстинкт у людей заглушает все остальные. Ну что же, торопись. Торопись.

МЫ ЖДЕМ ТЕБЯ.

РИПЛИ.

Лифт показался ей огромным, как грузовой отсек «Счастливого». То ли оттого, что дым, висевший густой едкой пеленой, успел выветриться, то ли от чувства одиночества и неуверенности.

Она отправила кабину на самый нижний, пятнадцатый уровень.

Кейн нашел ЭТО В САМОМ НИЗУ СТРАННОГО МЕРТВОГО КОРАБЛЯ.

Это вышло совершенно непроизвольно, словно какая-то посторонняя сила сама вела ее.

МНЕ НУЖНО НА ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ!

Ведь лежище ИХ располагалось там — на третьем уровне.

И тем не менее она ехала вниз. В самую глубину колониетского комплекса.

По мере продвижения к цели, неуверенность начала расти, заполняя мозг острым беспокойством.

Что это? Мне страшно? Я боюсь?

Я БОЮСЬ! БОЮСЬ!!! БОЮСЬБОЮСЬБОЮСЬ!

ЧУЖИЕ.

ОНА была довольна. То, что ЕЙ удалось сделать, казалось почти невероятным. Вторгнуться в мозг существа, не принадлежавшего к ИХ виду, очень сложно. Но у этой самки оказалось отличное эмоциональное восприятие. Кроме того, ее психологическое состояние крайне разбалансированно. И теперь ОНА перестраивала волны мозга этого человека так, как это было нужно ЕЙ.

Эта самка нужна ее виду. Нужна ЕЙ. Этот человек будет расти в себе эмбрион **КОРОЛЕВЫ!** Это очень важно! **КОРОЛЕВА** вызревает гораздо дольше, чем обычный боец. Это может занять год, два, до десяти лет! И все это время нужно будет беречь это тело. Обеспечивать необходимой пищей и безопасностью. Тело, вынашивающее **КОРОЛЕВУ**, неприкосновенно.

КОРОЛЕВА РОЖАЕТ И УПРАВЛЯЕТ! ОНА — ВСЕ, ОНА — ЖИЗНЬ!

РИПЛИ.

Ей стало спокойней. Неуверенность ушла, осталась лишь ярость и безумное желание убивать ЭТО. Все они должны умереть. Эти твари не имеют права на жизнь. Они — зло, которое нужно истреблять безо всякой жалости.

Лифт продолжал сползать вниз.

Рипли подняла голову. Сквозь решетчатую крышу кабины она увидела высоко наверху маленький — с почтовую марку — прямоугольник серого неба, в котором прыгали бордовые всполохи. Это могло означать только одно — где-то внутри комплекса останавливается движение перерабатывающей станции. Кислород перестает поступать в искусственно созданную атмосферу. Электрические разряды, пробивая изоляцию, калечат металлические перекрытия, испепеляют все, что может гореть.

Конец. Скоро всему придет конец.

И если она не успеет выбраться, то и ей тоже.

Смерть.

ПОКЛЯНИСЬ: КРЕСТ НА СЕРДЦЕ. ДО САМОЙ СМЕРТИ.

Я ИДУ. ГОЛОВАСТИК. Я УЖЕ ИДУ.

ЧУЖИЕ.

Но сперва ОНА должна получить это тело. Выносливое, крепкое, отличное тело. Она будет прекрасным инкубатором для **КОРОЛЕВЫ**.

Его нужно заполучить.

Укутать в липкий теплый кокон. Отвердев, он послужит надежной защитой для будущей **ЖИЗНИ**.

Но этого мало. **КОРОЛЕВЫ РОЖДАЮТСЯ ОЧЕНЬ РЕДКО. ОЧЕНЬ.**

И поэтому рядом с телом собираются лучшие бойцы. Их задача — обеспечить *безопасность*.

Они все могут погибнуть, но ОНА должна жить. ОНА родит на свет новые тысячи и тысячи яиц. Даст жизнь их виду.

ПОТОМУ ЧТО, КРОМЕ НЕЕ, ЭТОГО НИКТО НЕ СМОЖЕТ СДЕЛАТЬ. ОНА ОСТАНЕТСЯ ЕДИНСТВЕННОЙ КОРОЛЕВОЙ В ЭТОМ ПУСТОМ, БЕЗЖИЗНЕННОМ ОКЕАНЕ ВСЕЛЕННОЙ!

РИПЛИ.

Лифт остановился. Указатель известил человека о том, что приказ выполнен. Кабина на пятнадцатом уровне.

Рипли вышла в погрузочный блок.

Куда идти? Где Ребекка?

Цилиндрик попискивал, указывая направление и расстояние: «62 метра».

Под потолком вращались желтые маячки аварийных сигналов.

Равнодушный голос компьютера громкогласно объявил: «Внимание! Тревога!

Голос молодой женщины.

Всем срочно покинуть комплекс.

Лучше бы он был скрипучим и страшным.

У вас есть пятнадцать минут...

Уже пятнадцать? Господи!

...для того, чтобы эвакуироваться на безопасное расстояние!»

Рипли скинула куртку.

Жарко. Как здесь жарко. Или мне это кажется?

Со стен и потолка свисали влажные нити слизи. Она была везде. На полу затвердевшие прозрачные лужицы.

Рипли нажала рычажок под пальцем. Из маленькой горелки огнемета появилась тонкая голубая струйка пламени.
Вперед! Вперед!
КРЕСТ НА СЕРДЦЕ.

ЧУЖИЕ.

Она уже здесь. Совсем близко. Важно только заставить ее двигаться в нужную сторону.

ОНА направила сильную телепатическую волну в мозг самки, но...

неожиданно натолкнулась на мощное сопротивление. Словно человек осознанно защищал себя от мозговой атаки.

Странно и непонятно.

ОНА мгновенно принялась изучать характер волн, определяя их происхождение и мотивацию.

Они не были осознанными. Самка на подсознательном уровне умудрилась создать сильнейшую психоблокаду. И «виновником» этого являлся тот самый...

МАТЕРИНСКИЙ ИНСТИНКТ.

ОНА понимала, что теряет контроль над ситуацией. Мозг моментально переработал информацию и принял оптимальное в данном случае решение:

Нужно сделать так, чтобы человек нашел то, что он ищет. В этом случае вероятность прорыва мозговой атаки значительно возрастет.

Сейчас второй человек —

РЕБЕНОК

— не имеет значения. Его слабый организм не сможет вырастить эмбрион, даже в том случае, если бы КОРОЛЕВУ удалось трансплантировать. Лучше пожертвовать РЕБЕНКОМ.

РИПЛИ.

Она двинулась в направлении, подсказанном датчиком. Ребекка находилась где-то впереди и, судя по показаниям прибора, не очень далеко.

«Внимание! Тревога! Всем срочно покинуть базу! У вас есть четырнадцать минут, чтобы эвакуироваться на минимально безопасное расстояние!»

Быстрее! У тебя мало времени!

Рипли вытащила из кармана «маркервей» и швырнула в остекленную лужицу. Тонкий карандаш вспыхнул ярким белым пламенем.

Отлично. Теперь он будет гореть два часа... Вернее, четырнадцать минут, а после... После здесь вспыхнет всё. Вся эта планета превратится в факел. Огромный атомный факел.

Она побежала вперед.

И ни одной этой твари!

Смутная тревога охватила ее, на мгновение ей показалось, что это ловушка!

Несколько раз она замечала какое-то движение в боковых проходах.

Они здесь! Эти твари здесь!

Но по какой-то причине они не трогают её.

Ловушка! Это точно ЛОВУШКА!!!

Рипли всё яснее и яснее сознавала: она в западне. И, возможно, из нее нет выхода. Но это потом. Сейчас надо найти Головастика.

Взгляд на экран. «49 метров». Электрический разряд проскочил совсем рядом с женщиной. Его голубой хлыст впился в трубу охлаждения, проплавив в ней дыру.

Струя жидкого азота рванулась наружу. Моментально испаряясь, он заполнял коридор тяжелым мутным паровым облаком.

Рипли перестала различать что-то дальше собственной руки.

Плохо. Очень плохо.

Ей показалось, что впереди возникло темное пятно.

Струя, выпущенная из огнемета, на мгновение рассеяла пар и ударила в... стальную панель стены.

Это всего лишь стена... Господи...

Она поспешила дальше, заливая потоками огня переходы комплекса.

Пламя охватывало все, что могло гореть, ползло по потолку. Рипли бросала на пол карандаши. Даже сквозь густой туман их яркий свет был виден круглыми белыми маяками.

«22 метра».

Голос, идущий с потолка, равнодушно сообщил:

«Внимание! Тревога!... Двенадцать минут...»

Быстрее! Быстрее!

По крутой металлической лестнице она спустилась вниз. Еще полметра.

Бегом. Сзади уверенно гудит пламя, набирая силу.
«11 метров».

В сумраке коридора Рипли пытается разглядеть худое маленькое тельце.

«10 метров».

Стены покрыты толстым слоем испражнений и слюны. Большие грибовидные наросты сужают и без того неширокий проход.

«9 метров... 8....»

Где она?

Рипли, забыв обо всем, бежит вперед.

«...4... 3... 2...»

Тяжелая винтовка оттягивает плечо.

«...1... 0...»

Ничего. Ребенки нет. Рипли оглядывает стены, потолок, пол и замечает узкий черный ремешок браслета, торчащий из медленно густеющей беловатой лужи.

Все. Конец. Все напрасно.

Прибор не подвел. Подвел случай.

ЧУЖИЕ.

ОНА чувствовала *отчаяние* человека. Стена блокировки не только не пропала, но стала еще сильнее. Это было невыгодно. Возникла ситуация, ведущая к срыву. Решение созрело мгновенно.

ОНА ощущала второго человека. Его — *ее?* — мозг функционировал нормально. Нужно создать ситуацию, при которой РЕБЕНОК сможет подать САМКЕ сигнал.

ОНА знала: люди не общаются телепатически и не чувствуют друг друга. Их обмен информацией происходит в основном посредством сложного процесса, который они именуют РЕЧЬЮ.

ГОЛОВАСТИК.

Ребекка открыла глаза. Ей стало страшно. Она видела яйцо, стоящее в нескольких метрах от нее. Первым позывом было — бежать. Девочка даже попыталась это сделать, но все ее усилия были тщетны. Застывающая слизь держала крепко.

Ребекка не кричала. В ней жила подсознательная боязнь издавать громкие звуки.

Они сразу же прибегают сюда.

Она еще раз дернулась, стараясь освободиться. Опять неудача.

Внезапно верхушка яйца дрогнула и раскрылась четырьмя лепестками. Внутри пульсировало НЕЧТО. Тонкие бугристые «пальцы» существа ухватились за край лепестка, извлекая на свет бледно-желтое полупрозрачное тело.

Ребекка видела, как оно выползло из своей скорлупы. Медленно и вяло.

Это было странно, потому что обычно ОНИ бросались сразу.

Одним, почти неуловимым для человеческого глаза, рывком твари настигали жертву и прилеплялись к лицу.

И все — живой труп. Снять их, не убив человека, уже невозможно.

Этот экземпляр скорее всего был недоразвитым. Оно выбиралось из яйца, будто преодолевая сонливость. Но, даже такое, существо все равно было очень опасным.

Ребекка в этом не сомневалась.

И, хотя помощи ждать было неоткуда, девочка громко завизжала.

РИПЛИ.

Женщина плакала. Это, наверное, было глупо, но... за несколько прошедших часов Рипли успела *полюбить* Головастика. Слезы текли по щекам. Это не было рыданием. Просто тоскливый беззвучный плач.

До нее даже не сразу дошло, что она слышит... детский визг.

Головастик?

Она завертела головой, пытаясь понять, откуда доносится этот звук.

— Головастик! Головастик!!!

— Риплиииииииииии!!!!

Женщина бросилась на голос. И вовремя. Тварь уже почти выбралась из своей «колыбели». Рипли, от живота, принесла ее длинной очередью из М-40.

Ребекка извивалась в кокон. Слюна тварей густела даже быстрее, чем она думала.

Рипли схватила ребенка за плечи и потянула к себе. Кокон звонко хрустнул. Куски его посыпались на пол. Но чтобы окончательно извлечь девочку, ей пришлось часть

застывшей слюны сбивать руками. Освободив Ребекку, Рипли подхватила ее на руки и заторопилась к выходу. Она уже видела большой огонь «маркервея», но в этот момент с ней что-то произошло.

Словно темная ладонь опустилась ей на глаза. Странная пустота заполнила голову, и вместо того чтобы идти прямо, Рипли свернула в какой-то боковой проход. Головастик доверчиво обняла женщину за шею, не замечая ее глаз.

Глаза эти были пусты. Будто Рипли управлял кто-то другой.

Шаг ее, упругий и сильный, вдруг стал вялым. Она двигалась как сомнамбула, подчиняясь проникшему в ее мозг приказу извне.

Рипли миновала лаборатории и вошла в зал энергохранилища...

Пелена упала с ее глаз.

ДВЕ КОРОЛЕВЫ.

ЕЙ не нужно было смотреть на человека. В сущности, ОНА и не могла этого сделать, потому что была слепа. Зато ОНА могла чувствовать.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ К НАМ!

КОРОЛЕВА понимала и то, что САМКА тоже пока ее не видит. Отчасти из-за размеров, отчасти потому, что была в шоке.

Рипли вздрогнула. Это был огромный ангар, расположенный под землей. В него без труда уместился бы «Счастливчик Люк», и еще осталось бы место.

И всю эту площадь занимала... кладка. Яйца стояли ровными рядами. Везде, куда бы Рипли ни поворачивалась, взгляд наткнулся на облепленные слизью темно-коричневые овалы. Некоторые были свежие, еще дымящиеся теплой слюной. Другие подсохшие, старые. Тысячи и тысячи смертей, закупоренных в толстенные аккуратные оболочки.

Женщине стало страшно. Она увидела ЧТО-ТО в самом центре зала.

ЭТО представляло собой огромную трубу, подвижную и гибкую, подвешенную в воздухе в толстой колыбели, сплетенной из слюны. ОНО напряглось, перемещаясь на еще пока не занятое место, и замерло. Какое-то движение зароди-

лось внутри. Легкая судорога пробежала по этой живой трубе, и... она поднялась, оставив на полу свежее, покрытое слизью яйцо.

ЭТО — ТО САМОЕ СУЩЕСТВО, О КОТОРОМ ГОВОРИЛ БИШОП? МОЗГ? МАТКА? ОНО ПЛОДИТ ИХ?

Это было так, и не так. То, что видела Рипли, было всего лишь частью существа.

Пуповина, которую женщина приняла за трубу, поплыла к свободному месту.

И тогда Рипли вдруг поняла...

Если бы ОНА умела улыбаться, то обязательно улыбнулась бы. ЕЕ мозг, попав в унисон с человеческим, без труда считывал мысли.

Похоже, человек уже осознал, ЧТО перед ним. И теперь постигал величие и могущество КОРОЛЕВЫ. Эта самка еще не понимала, что ей предстоит великая миссия, а именно: выносить в себе продолжателя ИХ рода.

ОНА чувствовала страх и смятение, царившие в мозгу человека. Неудивительно. ЕЕ еще никто никогда не видел.

ЭТА САМКА БЫЛА ПЕРВОЙ.

Это была не колыбель. Это было исполинское тело.

Видимо, ОНО не могло выдержать вес пуповины, и поэтому слюна служила своеобразным гамаком.

Что-то зашевелилось у самого потолка. Костяная пластина, похожая на причудливую корону, дернулась, и из-под нее показалась громадная голова.

Существо было гигантского роста. В высоту — даже сейчас, пригнув шею, — оно достигало примерно тридцати метров. Похожие на колонны задние лапы ткнулись в пол, нащупывая опору.

Господи Боже...

Рипли отступила на несколько шагов. Сказать, что размеры существа поразили ее, значит ничего не сказать.

ЭТО опустило острую морду к полу, поворачиваясь к женщине.

Рипли могла бы поклясться, что тварь чувствует ее. *Телепатия! Бишоп что-то говорил о телепатии!*

Голос девочки вывел ее из состояния столбняка. До

ОНО заметило людей и сейчас спешило к ним, пытаясь успеть до того, как лифт уйдет наверх.

Женщина понимала: если ОНО доберется до кабины, все будет кончено в мгновение ока. Чудовище просто раздает их. Одним ударом хвоста ОНО разнесет лифт в щепки.

«...четыре минуты...»

Сетчатая створка встала на место. Выставив перед собой огнемёт, Рипли судорожно начала поворачивать регулятор мощности подачи топлива.

Пальцы тряслись, не слушаясь ее, но в конце концов Рипли удалось справиться с этой задачей.

Двадцатиметровая огненная струя хлестнула огромное тело существа.

Несмотря на это, оно продолжало двигаться вперед, сокращая расстояние между собой и людьми.

Женщина переместила ствол повыше и еще раз нажала гашетку.

Ее попытка увенчалась успехом. Раскаленный поток попал на морду чудовища. ОНО попятилось.

В ту же секунду захлопнулась наружная створка лифта, и кабина начала подъем.

ОНА замерла, принимая решение, обдумывая, как кратчайшим путем попасть наверх. Ответ пришел сам собой — открылся второй лифт, вызванный человеком.

Рипли выбежала на посадочную площадку и остолбенела. Она не хотела верить тому, что видели ее глаза.
МОДУЛЯ НЕ БЫЛО.

Копившееся в ней отчаяние рванулось наружу громким криком:

— Бишоп!!!! Будь ты проклят!!!!!!

Глубокая шахта, идущая между погрузочной и посадочной площадками, заполнилась электрическими разрядами. Глухо рвались кислородно-перегонные трассы. Пламя бушевало внизу, выбрасывая длинные языки к поверхности планеты. Там, внутри комплекса, рушились перекрытия, стены лопались от невыносимого жара...

«У вас осталось две минуты...»

...Плавилась сталь под ударами электроразрядов. Катаклизм начался. Стальная опора, поддерживающая внешнюю антенну, прогнулась и рухнула на посадочную площадку.

Бетонное основание треснуло, и широкая щель пересекла его по диагонали. От смещения базальтового слоя лопалась земля.

Где-то внизу огромный сгусток энергии требовал выхода.

Секция переработки раскололась на две части и осела. Фундамент комплекса разрушался с катастрофической быстротой. Конструкции, не выдерживая напряжения, рушились, осыпаясь вниз. Обломки падали на исковерканную посадочную площадку. Станция билась в предсмертной агонии.

За спинами людей мотор лифта. Створки раскатились, и из кабины выбралось ЭТО.

Отступать было некуда.

Рипли что было сил прижала девочку к груди.

— Закрой глаза, милая.

Она повернулась так, чтобы Ребекке не было видно надвигающегося на них чудовища.

— Закрой глаза...

Рипли вдруг ощутила себя ужасно уставшей. Даже если бы сейчас в стене открылся проход и она могла бы снова бежать, Рипли не сдвинулась бы с места.

Да и зачем. Через минуту с этим будет покончено. ОНО даже не успеет коснуться Ребекки. По крайней мере, ей очень хотелось в это верить. Пасть существа открылась, и женщина приготовилась к смерти.

— Смотри! Быстрее! Быстрее!!! — Ребекка кричала ей, указывая на что-то за спиной.

Перекрывая все, в уши Рипли ворвался новый звук. Это был самый лучший звук из всех, которые ей доводилось слышать в жизни.

ЗВУК РАБОТАЮЩИХ ДВИГАТЕЛЕЙ МОДУЛЯ.

Складной бортовой трап завис в десяти сантиметрах над их головами.

Рипли буквально забросила Ребекку в модуль и, подтянувшись, вскарабкалась на спасительные ступеньки.

Огромная челюсть клацнула рядом с ее головой, но сейчас Рипли не собиралась сдаваться. Слишком дорого было произошедшее ЧУДО. Дарованная им жизнь.

— Взлетай, Бишоп!!! Быстрее!!!

Тяжелый удар обрушился на крыло модуля. Корабль развернуло и потащило к стене комплекса.

Андроид смотрел на мигающую красную табличку:

«Повреждение».

— Похоже, мы зацепились.— Он спокойно констатировал факт.— Что-то держит наше шасси.

— Бог с ним, с шасси! Взлетай!

Бишоп увеличил тягу до максимума. Модуль задрожал, как живое существо. Раздался хруст под днищем, и корабль резко, свечой, взмыл вверх, оставляя за собой бушующую стихию.

Модуль прошел слой плотных облаков и устремился к сонной громаде «Счастливого».

Рипли отсчитывала секунды.

«...13... 12... 11... 10...»

— Зажмурься, Головастик.

«...5... 4... 3... 2... 1... Взрыв».

Яркая белая вспышка догнала их.

Рипли закрыла глаза, но даже сквозь опущенные веки она видела это сияние.

А когда свет погас, планеты ЛБ-426 уже не существовало...

— Все в порядке.— Бишоп остановился, оглядывая вырванное шасси.

Модуль, подвешенный к аварийной платформе, смотрелся как пойманная в силки раненая птица.

— Эй, мы молодцы.— Рипли улыбнулась Головастику.

— Я знала, что ты вернешься за мной.— Тихо прошептала Ребекка.

Рипли не нашлась, что ответить. Глаза защипало. Или это была реакция на произошедшее?

— Я сделал капралу укол.— Спокойно сообщил андроид.— С ним все будет в порядке. Нужно перенести его в криогенную камеру. Проверить реакцию на анабиоз и обследовать автодоком.

— Хорошо.— Рипли кивнула.— Понадобятся носилки?

— Да.

Интересно, что должно произойти, чтобы Бишоп проявил какие-нибудь эмоции? Наверное, если бы сейчас зазвонил звонок экстренного вызова и сообщили бы, что Компания — мать ее — разберет его на запчасти по возвращении на Землю, он и тогда остался бы совершенно спокоен.

— Мне очень жаль, Рипли, что я напугал Вас. Но там,

на платформе, было слишком опасно. И я летал кругами над комплексом. В этом была необходимость. Мне, действительно, очень жаль.

Рипли чуть не засмеялась.

— Все в порядке. Ты молодец, Бишоп.

И андроид... смущенно улыбнулся.

— Правда?— Это прозвучало так беззащитно, что женщина растерялась.

— Конечно.— Только и смогла ответить она.

Но это было сказано от всей души.

А в следующее мгновение Рипли показалось, что она сходит с ума.

Две маленькие зеленоватые лужицы образовались у самых ног андроида. Он еще не успел заметить их, но зато увидел ужас, написанный на лице женщины.

Лужицы пузырились, разъедая стальное перекрытие палубы «Счастливого», превращая ее в жидкую кашу. *О, Господи! О, ГОСПОДИ!!!*

В груди андроида что-то дрогнуло. Рубашка его треснула, а из дыры показался... длинный костяной шип — окончание гигантского хвоста.

Тварь спрыгнула откуда-то сверху. Здесь, в грузовом отсеке, она смогла выпрямиться в полный рост. Уродливое, страшное, ЧУЖОЕ. Под костяной короной блестели огромные, покрытые слизью зубы.

Одним резким движением чудовище нанизало андроида на хвост и подтянуло к себе.

Из раны и изо рта Бишоп хлынула белая питательная жидкость — кровь. Он попытался прохрипеть что-то, но не успел этого сделать.

Огромные сильные лапы разорвали его пополам, отбросив дергающиеся части в стороны, как сломанную, ненужную куклу.

Верхняя половина тела упала совсем рядом с Рипли, и она увидела обрывки жил и каких-то тонких проводков, торчащих из живота андроида.

За долю секунды женщина успела подумать о многом. О том, что в модуле есть оружие, но в корабле нельзя его применить; о том, что можно было бы укрыться в боковых отсеках, но Ребекка наверняка не успеет добежать до них; и еще о многом, многом другом успела подумать Рипли, пока тварь с яростным шипением поворачивалась к ней.

Головастик замерла, глядя на жуткую громаду, выросшую посреди ангара. Она тоже думала о спасении.

Что нужно сделать для того, чтобы спастись?

— Беги! Беги!!! — Отчаянно закричала ей Рипли, и девочка побежала.

Чудовище обернулось к ней.

— Нет! Сюда! Сюда!!! — Женщина взмахнула руками, пытаясь привлечь внимание существа к себе. — Сюда!

Тварь сделала шаг в ее направлении. Рипли заметила, как Ребекка юркнула в какой-то люк, ведущий под пол, и тогда побежала сама. Так быстро она не бегала никогда в жизни.

До нужной ей двери оставалось не больше двадцати метров, когда чудовище уже настигало ее.

Рипли спасло только то, что стальной щит на складском отделении был почти опущен. Она нырнула под него, и плита с грохотом встала на место. В следующее мгновение гулкий удар потряс корабль.

Женщина остановилась, хватая воздух широко открытым ртом. Перед ее глазами возникло жуткое видение...

ЯРКОЕ УТРЕННЕЕ СОЛНЦЕ СТОЯЛО НАД ГОРИЗОНТОМ, ЗАГЛЯДЫВАЯ В МЕРТВЫЕ ОКНА ДОМОВ И ШИРОКИЕ КАНЬОНЫ ОБЕЗЛЮДЕВШИХ УЛИЦ. НАД ГОРОДОМ ПОВИСЛА СТРАШНАЯ ТИШИНА. МОЛЧАЛИ КЛАКСОНЫ МАШИН, НЕ УРЧАЛИ ДВИГАТЕЛИ, НЕ БЫЛО СЛЫШНО ЛЮДСКИХ ГОЛОСОВ. НА ОКРАИНЕ, В РАБОЧЕМ РАЙОНЕ, НЕ ДЫМИЛИСЬ ЗАВОДСКИЕ ТРУБЫ, УТКНУВШИСЬ В НЕБО ХОЛОДНЫМИ ЧЕРНЫМИ ГЛАЗНИЦАМИ.

НА МЕТРОМОСТУ ОДИНОКО ЗАСТЫЛИ ВАГОНЫ НАДЗЕМКИ С ВЫБИТЫМИ СТЕКЛАМИ.

В АЭРОПОРТУ ЗАМЕРЛИ ТАРЕЛКИ ДОКАТОРОВ. ОГРОМНАЯ СЕРЕБРИСТАЯ СИГАРА «БОИНГА-747» ЗАВАЛИЛАСЬ НА КРЫЛО, РАЗВЕРНУВШИСЬ ПОПЕРЕК ПОЛОСЫ.

УЛИЦЫ, ЗАХЛАМЛЕННЫЕ И ГРЯЗНЫЕ, ЗАЛИТЫ ЗАСТЫВШЕЙ СТЕКЛООБРАЗНОЙ КОРКОЙ. НИГДЕ НЕ ВИДНО ЯРКИХ ОГНЕЙ РЕКЛАМ. ВСЕ ЗАМЕРЛО. НЕТ НИКОГО. ДАЖЕ КРЫС, ИЗВЕЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ БОЛЬШИХ ГОРОДОВ. И ТАК ВЕЗДЕ. НА ВСЕЙ ЗЕМЛЕ НИКОГО.

НО ЗАТО ПОВСЮДУ — НА СТЕНАХ, НА КРЫШАХ, В ТОННЕЛЯХ МЕТРО, ВОДОСТОКАХ И КОММУНИКАЦИОННЫХ ТРУБАХ ПРИТАЙЛОСЬ ОПАСНОЕ

ХИЩНОЕ НЕЧТО. ЗЛОБНЫЕ ПРОЖОРЛИВЫЕ ТВАРИ С ГИБКИМИ ЗМЕИНЫМИ ШЕЯМИ И ТРЕХМЕТРОВЫМИ ХВОСТАМИ. ТЕМНО-ЗЕЛЕННЫЕ, ИСТЕКАЮЩИЕ ЛИПКОЙ МУТНОВАТОЙ СЛИЗЬЮ, ЧУДОВИЩА.

Тварь пригнула голову, пытаясь уловить волны скрывшегося маленького человечка. ОНА быстро поняла, где прячется Ребекка и двинулась в центр ангара.

Девочка скрючилась под полом. Ей было страшно. Гораздо страшнее, чем там — в комплексе. Она слышала, как чудовище гналось за Рипли, и поняла, что той удалось ускользнуть. Тяжелые шаги раздались над самой головой.

Ребекка замерла. Дыхание ее участилось, сердце билось где-то под горлом.

Что ОНО делает?

Внезапно лист покрытия лопнул. Когти чудовища пробили его, как бумагу. Сорвав кусок стального настила, монстр отбросил его в сторону. Ребекка метнулась в темноту, торопясь отползти подальше, под защиту уцелевшей части настила.

Чудовище это не волновало. ОНО продолжало срывать листы, передвигаясь по кругу, словно акула.

Вскоре Ребекку закрывала лишь узкая стальная полоса, с двух сторон которой металась огромная тень.

Бишоп, вернее то, что от него осталось, с отчаянием наблюдал за происходящим. Еще немного — и тварь сорвет последние листы перекрытия. Тогда девочка останется без всякой защиты. Ей некуда будет бежать, и ЭТО убьет ее. А он — несчастный андроид — даже не сможет прийти на помощь. У него больше нет ног, и, хотя он может мыслить, это вряд ли спасет ребенка. Следующий лист отлетел в сторону, отброшенный страшной когтистой лапой. За ним еще один.

Осталось всего два. Два движения. Два квадратных метра спасительной стали.

КРАГ!

Теперь от смерти девочку отделял один-единственный лист. — Полминуты. — Тридцать коротких секунд, бегущих к кровавой развязке.

КРРААААГ!!!

Все.

Монстр опустил змеевидную голову в образовавшееся углубление. Челюсти его подрагивали. Длинные суставчатые пальцы судорожно сжались.

И тогда Ребекка закричала.

Мотор заревел, сдвигая плиту, выпуская на свет тяжелое тело погрузчика.

На его плечах вращались желтые маяки. Бишоп неестественно вывернул голову, стараясь увидеть человека в погрузчике.

Он понимал, что там Рипли, но хотел убедиться, что с ней все в порядке.

Монстр стоял над Ребеккой, покачиваясь, будто от ветра. Его огромное тело нависало над девочкой фантастическим живым монолитом. И Рипли вдруг подумала,

Поверила

что людям не победить его. ОНО неуязвимо.

— А НУ, ОТОЙДИ ОТ НЕЕ, СУКА!!!!

Чудовище повернуло голову на голос. Оно не понимало слов, но чувствовало волны исходящие от человека.

Рипли повезло. *Погрузчик не мыслил, а существо было слепо.*

И хотя от человека исходила странная уверенность, он продолжал оставаться всего лишь человеком.

Маленьким и жалким.

Тварь кинулась на самку, ни мгновения не колеблясь. ОНА была уверена, что сомнет Рипли, разделается с ней. И поэтому растерялась, когда страшный удар свалил ЕЕ на пол.

«Клешня» погрузчика со свистом рассекла воздух, ударив тварь в основание длинной головы.

Чудовище рухнуло на пол, но быстро пришло в себя.

Для своих размеров оно двигалось очень ловко. Не прошло и секунды, как существо было на ногах.

Рипли отвела захват погрузчика в сторону и резким движением направила его вперед.

ШЛАМС! «Клешня» врезалась в темно-зеленую плоть, опрокидывая тварь.

ОНА поняла: человек вооружен, а значит, надо действовать осторожнее.

Рипли сделала шаг в сторону, перемещая погрузчик. Маневр не укрылся от чудовища.

ОНО вновь развернулось к человеку. Но на этот раз не стало приближаться, а пустило в дело хвост.

Огромный живой хлыст ударил погрузчик по правой «клешне». Рипли увидела, как поршни, приводящие в движение захваты, выворачиваются из пазов. Что-то захрустело. Искры пробежали по стальной «руке», и она замерла.

Женщина перевела рычаг, управляющий правым захватом. Мотор заскрежетал, пытаясь сдвинуть сломанную «клешню». Безрезультатно.

Рипли повернулась к чудовищу левой стороной погрузчика. Достаточно того, что, потеряв один из манипуляторов, он лишился половины своих возможностей.

Она сама двинула тяжелую машину вперед, подбегая ближе к монстру. Тварь взмахнула хвостом. На этот раз удар пришелся по стальной предохранительной раме, защищающей кабину.

Рипли вскрикнула. Погрузчик кинуло в сторону, но каким-то чудом женщине удалось выровнять его. Если бы он упал, это было бы полной катастрофой. Поднять машину ей бы не удалось.

На долю секунды перед самой кабиной возникла зубастая морда.

КЛАЦ! Металлические «клешни» погрузчика сомкнулись на шее чудовища.

Рипли могла бы одним движением пальца сплющить ее, разорвать, отделить эту страшную башку от тела.

Но хотя все ее существо вопило,

«УБЕЙ ЕЕ! РАЗДАВИ! УНИЧТОЖЬ!!!»

она убрала палец с клавиши управления манипулятором.

СТОИТ ЕЙ СЖАТЬ ШЕЮ ЧУДОВИЩА СИЛЬНЕЕ, И КИПАЩИЙ ЗЕЛЕНый ПОТОК ХЛЫНЕТ НА ПОЛ, РАЗЪЕДАЯ ЕГО. А ТАМ, ВНИЗУ, ПРОХОДИТ ТРАССА КАБЕЛЕЙ, УПРАВЛЯЮЩИХ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕМ КОРАБЛЯ. ЕСЛИ КИСЛОТА ДОБЕРЕТСЯ ДО НИХ...

Подвижная челюсть щелкнула в сантиметре от лица Рипли.

Чудовище старалось вырваться, используя для этого все возможности.

ШССССССС...— Огромная слюнявая морда проплыла мимо кабины погрузчика.

Не отрывая от нее взгляда, Рипли нащупала на правом манипуляторе блок дистанционного управления и нажала кнопку.

С утробным урчанием открылась беззубая пасть шлюза. Через него контейнеры с мусором сбрасывались в открытый космос.

СТВОРКИ ЧЕЛНОКА РАСПАХНУЛИСЬ, И РИПЛИ ПОЧУВСТВОВАЛА, КАК ПОТОК ВОЗДУХА УСТРЕМИЛСЯ НАРУЖУ, ПЫТАЯСЬ ЗАПОЛНИТЬ ВАКУУМ.

ЧУЖОЙ ПРОНЗИТЕЛЬНО ЗАВЕРЕЩАЛ. ЕГО ТЕЛО НЕУДЕРЖИМО ЗАТЯГИВАЛА ПУСТОТА. ОН УЖЕ ПОЧТИ ВЫЛЕТЕЛ ИЗ ЧЕЛНОКА, НО В ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ СИЛЬНЫЕ СУСТАВЧАТЫЕ ПАЛЬЦЫ ВЦЕПИЛИСЬ В СЕРЕБРИСТУЮ СТВОРКУ.

ЖЕНЩИНА ПОДНЯЛА АРБАЛЕТ И ВСАДИЛА СТРЕЛУ-КОШКУ В ГЛАДКУЮ БАШКУ ТВАРИ.

СТАЛЬНОЙ ТРОС СМАТЫВАЛСЯ С КАТУШКИ ПО МЕРЕ ТОГО, КАК ЧУЖОЙ ВСЕ ДАЛЬШЕ И ДАЛЬШЕ УДАЛЯЛСЯ ОТ ЧЕЛНОКА...

Это уже было!

Рипли потащила бьющуюся тварь к проему шлюза. Она знала, что ей делать. Пятидесятиметровый бункер, ярко освещенный прожекторами, казался бездонной пропастью. Его край возник перед погрузчиком неожиданно, как ловушка.

Тяжелая машина развернулась, и чудовище, потеряв опору, повисло над провалом бункера.

Равновесие было таким шатким, что погрузчик еле удерживался на своих колоннообразных ногах.

Клешни-захваты разжались.

Хвост чудовища в последний раз ударил о стену, а передняя лапа вцепилась в предохранительную раму.

Рипли почувствовала, как машина накренилась, теряя устойчивость и... сорвавшись с края платформы, обрушилась в бездонное нутро бункера.

Удар был очень силен. Но женщину спасли страховочные ремни и то, что погрузчик упал на неуспевшее подняться существо.

Выбравшись из кабины, женщина дрожащими пальцами дотянулась до укрепленных в стене скоб. Чувствуя, как подгибаются ноги, она начала подъем.

За ее спиной отчаянно возилась тварь, пытаясь вылезти из-под тяжелой громоздкой машины.

Рипли успела преодолеть почти три четверти пути вверх, когда «пальцы» существа обхватили ее ступню.

Совсем рядом, в стене, находилась крышка аварийного сброса. Одним движением женщина откинула ее и рванула переключатель вниз.

Истошно завывала сирена, а на световом табло вспыхнула надпись:

«Внимание, опасность! Аварийный сброс!»

В наружной стене «Счастливчика» появилась щель. С каждой секундой она становилась все шире и шире — открывался шлюз.

Бишоп почувствовал резкий отток воздуха, затягиваемого в космическую пустоту.

Обрубок его тела начало засасывать в шлюз. Он скользил все быстрее, пытаясь нащупать какую-нибудь опору. Пальцы его коснулись щели в полу и вцепились в нее, автоматически переходя в положение стопора.

Эту щель прогрызла кислота монстра. Чудовище спасало людей, не подозревая об этом.

Андроид видел, как Ребекка, выбравшаяся из-под пола, катится в эту воздушную трубу. Протянув руку, он поймал девочку за запястье. Теперь обе его руки были заняты, и Бишоп лихорадочно соображал, каким образом можно закрыть шлюз, не погибнув самим. Кро-

ме него этого некому было сделать. Скорость ветра достигла ураганной. В этой ситуации шансов на спасение у Рипли не было. И Бишоп не сомневался:

ОНА МЕРТВА.

Рипли успела заметить, как черно-желтый погрузчик вылетел в космос. Сцепив кулаки в замок, повиснув на скобе, женщина старалась удержаться в плюзе. Вес твари тянул ее вниз, а ветер, сильнейший ураганный ветер, не давал вдохнуть. Ей нужно было ползти вверх, если она хочет выжить.

Рипли было страшно думать об этом. Она прекрасно понимала: стоит разжать пальцы и все будет кончено. Ей не удержаться.

Внезапно женщина почувствовала, как тварь сильнее сжала ступню. Опустив глаза, она увидела, что пальцы существа медленно, но верно сползают с ее ноги.

— ТЕБЕ НЕ УДЕРЖАТЬСЯ, СУКА!!! ТЕБЕ НЕ УДЕРЖАТЬСЯ!!!!

И чудовище «услышало» ее вопль. Пальцы разжались, и оно, кувыркаясь, полетело в пустоту.

Рипли провожала огромную удаляющуюся фигуру взглядом.

Все! Все уже закончилось! ЕЕ больше нет! НИКОГДА ИХ НЕ БУДЕТ НА ЗЕМЛЕ!

Ей даже показалось, что напор ветра начал стихать, успокаиваясь, но это был самообман.

Женщина вцепилась в следующую скобу и подтянула тело вверх.

Ветер по-прежнему был очень силен. Хотя теперь Рипли приходилось удерживать только свой вес, мышцы ныли от напряжения.

Еще одна ступенька. Еще одна.

У самой поверхности ток воздуха был особенно сильным.

Рипли показалось, что он тверд, как стена. Прочный и непроницаемый.

Это всего лишь иллюзия, Рипли! Давай! Сделай это!

Титаническим усилием женщина попробовала вытолкнуть собственное тело из воздушной трубы.

Мало сил и жуткий ветер.

Она рванулась в слабой надежде дотянуться до наружного рубильника, отключающего аварийный режим.

Бишоп не поверил своим глазам, когда Рипли перевалилась через край и рухнула на палубу.

Этого не может быть!

Мышцы людей не способны удержать достаточно тяжелую массу на ветру, скорость которого более ста двадцати метров в секунду.

Это — не — возможно, но тем не менее это так.

Андроид смотрел, как кулак Рипли, пробив защитное стекло, опустился на красную кнопку, закрывающую внешние и внутренние створки.

Ветер слабел по мере того, как многотонные плиты вставали на место.

Гулкий удар возвестил о том, что работа выполнена, мусор сброшен и восстановился нормальный режим.

Рипли несколько секунд продолжала лежать ничком на полу. Ей казалось, что, как только она попробует встать на ноги, сердце не выдержит и разорвется. Тело ломило, словно ее только что пропустили через огромную мясорубку.

Ребекка зашевелилась, и андроид разжал стальную хватку. На запястье девочки красовались фиолетовые пятна.

— Мама! — Ребекка кинулась к Рипли и обвила ее шею руками. Слезы текли по щекам ребенка, оставляя за собой две светлые влажные дорожки.

— О, Господи... — прошептала женщина, поднимаясь и прижимая всхлипывающую Ребекку к груди. — О, Господи...

— Неплохо, для человека. — Голос андроида звучал неровно. В нем было какое-то дребезжание, словно в груди синтетического человека стояла пластинка. И от удара раскололась.

— Мы починим тебя, Бишоп. — Тихо и твердо сказала Рипли. — Обязательно. Обещаю тебе.

— Конечно. — На лице андроида появилось слабое подобие улыбки. Он не обольщался на свой счет. Кому как не ему было знать, что андроидов восстанавливают только в самых крайних случаях. Да и то, при определенных неполадках. Его поломка таковой не являлась.

Бишоп закрыл глаза. Андроид, действительно, жив, пока цел его мозг. Люди знают об этом. Но мало кто из них знает, что он испытывает боль при повреждениях. Как человек.

Бишопу тоже было больно. Очень больно.

У него болели оторванные ноги.

ЭПИЛОГ.

— Мы заснем и будем спать, пока не прилетим, да? — Ребекка, лежа в саркофаге криогенной капсулы, вопросительно смотрела на сидящую рядом Рипли.

— Пока не прилетим.— Повторила женщина и кивнула.

— А можно, мне будут сниться сны?

— Да, милая. Конечно.— Рипли улыбнулась.

Ее палец ткнулся в грудь девочки. Та опустила голову, пытаясь разглядеть, что же там увидела женщина...

И Рипли легонько щелкнула ее по носу.

Ребекка засмеялась.

— Спи крепко, Головастик.

Девочка кивнула и, улыбаясь, отрапортовала, подражая Хиксу:

— Вас понял.

Стеклянный колпак опустился, укрывая маленькое тельце ледяным одеялом анабиоза.

Рипли встала и огляделась. Двадцать четыре капсулы. Из них двадцать пусты. Она прошла вдоль ряда, читая таблички, укрепленные в изголовье саркофагов.

«Лейтенант Роберт С. Горман».

— УХОДИТЕ, КАПРАЛ. ЭТО ПРИКАЗ.

«Сержант Ганс Р. Эйпон».

— А НУ-КА, ЗА РАБОТУ! БЫСТРО! БЫСТРО!!

«Капрал Дейв Р. Хикс».

Перемотанный бинтами Хикс замер в криогенной капсуле.

«Рядовой Роберт Эйч. Хадсон».

— КАК БЫ МНЕ УМОТАТЬ ИЗ ЭТОГО ВЗВОДА ПОДАЛЬШЕ?

«Рядовой Аннета В. Васкес».

— МЭМ, МНЕ НУЖНО ЗНАТЬ ТОЛЬКО ОДНО:
ГДЕ ОНИ...

«Рядовой Дигрих Х. Дрейк».

— ОХ, ПАРНИ, НЕ НРАВИТСЯ МНЕ ВСЕ ЭТО...

«Бёркли Р. Стрейзенд».

— Черт.— Рипли сморщилась, на ее скулах заиграли желваки.

Эти люди могли бы быть живы. Все. Она глубоко вздохнула, успокаивая сердцебиение.

Ладно, Рипли. Остынь. Все уже позади. ИХ больше нет. Они пожертвовали собой, чтобы мир никогда не узнал, что такое ЧУЖИЕ. Мы можем только помнить о них. И сказать:

— Мы уважаем вас, парни. Спасибо вам.

Женщина отвернулась и пошла к криогенному саркофагу, стоящему с откинутым колпаком.

Но перед тем, как уснуть, Рипли еще раз набрала запрос на компьютере и удовлетворенно прочла ответ.

«Блок Эй-Эй-Ви — 337. Все системы жизнеобеспечения корабля работают нормально».

Жизнь погрузилась в глубокий криогенный сон, предоставляя «Счастливчику» самому нести людей к единственной нужной им цели. К Земле.

И поэтому...

никто не увидел, как сильные, покрытые слизью подвижные челюсти, раздробив стекло анабиозного саркофага, оборвали жизнь

капрала Дейва Р. Хикса.

РОДЕРИК ТОРП

КРЕПКИЙ ОРЕШЕК

Данный роман Родерика Торпа «Ничто не вечно» («Nothing Lasts Forever») лёг в основу фильма «Крепкий орешек».

Перевод с английского
Татьяны Телегиной

Редактор русского текста
Н. Капустина

Перевод сделан в ТОО «Версия»

С героями этого произведения Вы встретитесь в следующей книге серии «БГ»: «Крепкий орешек II»

24 декабря

15.49, центральное поясное время

— Вот чего я не понимаю!— кричал шофер такси, стараясь перекрыть стук работающих дворников,— так это о чем думает человек, когда он вот таким образом уродует другого человека!

Он быстро обернулся, взглянув на своего собеседника в ожидании ответа, но в этот момент белый фургон, ехавший впереди футок в тридцати, вдруг резко затормозил, буксуя в море слякоти. Его громоздкий зад неожиданно вырос перед такси, как кит, вынырнувший из глубины моря. Пассажир такси, Джозеф Лиленд, думавший в этот момент о чем-то совершенно другом, ошеломленно вскинул руки, чтобы защититься; водитель мгновенно среагировал, нажав на педаль тормоза и крутанув руль. Такси дернуло вперед, развернуло и с грохотом боком швырнуло на фургон. Лиленд ударился о косяк дверцы и до крови рассек правый висок. Он весь сжался, ожидая нового столкновения с машиной сзади, но ничего не произошло.

— Черт возьми!— закричал водитель, колотя кулаком по рулю.— Черт!

— С вами все в порядке?— спросил Лиленд.

— Да,— и тут он увидел лоб своего пассажира.— У, дьявол! Проклятье!

— Не беспокойтесь, ничего страшного,— на платке Лиленда расплылось пятно крови размером с почтовую марку.

Водителем был молодой негр с высокими скулами и миндалевидными глазами. Они с Лилендом обсуждали зверства в Африке. Снегопад сделал поездку от гостиницы, расположенной у огромных стальных ворот, в центр города бесконечно долгой. За это время Лиленд успел узнать, что таксист приехал в Сент-Луис из Бирмингема еще холостяком в конце пятидесятых годов, а теперь его сын считался одним из лучших бейсболистов города и играл за команду своей школы.

Подъезжая к аэропорту, попали в пробку: машины та-

щились, едва не сталкиваясь бамперами, и беседа переключилась на тему насилия. Выруливая с центральной автострасы на дорогу, ведущую к аэропорту, водитель завел разговор о случаях нанесения половых увечий, недавно имевших место в Черной Африке. «Ламберт-Филд», — сообразил Лиленд, вспомнив название местного аэропорта в тот момент, когда водитель распространялся об отрезанных мужских членах. Конечно же, не «Линдберг», хотя определенное сходство в звучании с аэропортом Сент-Луиса есть. «Линдберг» расположен в Сан-Диего. Опасный аэропорт. За последние пять лет Лиленд десятки раз прилетал и улетал из Сент-Луиса, но сегодня опять перепутал названия аэропортов.

Теперь у него на лбу зияла кровоточащая рана, а ведь для многих людей мужчина зрелого возраста с рассеченным лбом — это всего-навсего пьяница, едва держащийся на ногах. Безрадостная перспектива, но она ни огорчила, ни разозлила Лиленда. Рана была несерьезной.

Он никак не мог вспомнить, что ему пришлось в голову в тот момент, когда произошло столкновение, и это начинало мучить его. Он приложил к ране платок, на котором появилось новое пятно.

— Мне очень жаль, приятель, честное слово.

Лиленд видел, что таксист действительно огорчен. Водитель фургона открыл дверь кабины, высунулся и посмотрел назад. Чувствовалось, что у него нет особого желания вылезать и плестись по этому месиву на дороге. Это был здоровенный толстый усатый человек, ни дать ни взять — человек-гора. Полицейские всегда с опаской относятся к таким громилам. У этого и темперамент оказался под стать фактуре: он зло глянул на водителя такси и резким движением большого пальца, не допуская никаких возражений, ткнул в сторону обочины. Фургон поехал первым, окатив грязью такси с той стороны, где сидел Лиленд.

— У меня через двадцать минут самолет, — сказал он.

— Хорошо. Этот малый сможет найти меня у аэровокзала. Честное слово, приятель, мне очень жаль. Очень.

Таксист притормозил у фургона, перегнувшись назад и опустил стекло с правой стороны. В открытое окно ворвался снежный вихрь, устремившийся в теплое пространство салона, словно его засасывало туда, как в воронку.

— Ставь машину! — заревел громила.

— У пассажира течет кровь, и ему надо успеть на самолет...

— Хватит чушь молоты! Съезжай на обочину!

Лиленд открыл окно со своей стороны.

— Дайте мне доехать до аэровокзала.

Какое-то мгновение мужчина изучающе смотрел на него.

— Не так уж серьезно вы поранились. Вы что, не понимаете, что парень обведет меня вокруг пальца? Съезжай, тебе говорю! — крикнул он водителю такси.

— Он должен успеть на самолет!

— Ты, черномазый, не морочь мне голову, черт тебя побери! Как только он выйдет из машины, ты тут же сможешь!

Таксист нажал на газ.

— Иди ты к черту! — крикнул он. Стараясь закрыть окно, он чуть было опять не справился с управлением. — Я не обязан считаться с этим дерьмом!

— Да он псих, — сказал Лиленд. — Вот моя визитная карточка. Следующие десять дней я буду в Калифорнии, затем вернусь на восток. Если у вас с этим типом будут неприятности, я дам любые показания в вашу пользу.

— Меня беспокоит не то, что будет потом, — ответил водитель, — меня волнует настоящий момент.

— Пока я в машине, — ободряюще сказал Лиленд, — у нас есть козырь про запас.

Водитель посмотрел в зеркало.

— Он выехал на дорогу. Вы что-то вроде полицейского?

— Теперь, скорее, консультант, — Лиленд в очередной раз приложил платок ко лбу. — Важно, что у меня есть оружие. Это делает меня лицом официальным.

— Боже! Никогда бы не подумал. Послушайте, мне всегда хотелось знать: как вы пронесите эту штуку в самолет?

— У меня есть специальный документ. Его нельзя подделывать.

— Ну конечно же, документ, я так и думал. Забавно, как в рекламе. Вы узнаете меня? — спросил он, передразнивая актера в рекламном ролике, и растопырил пальцы рук, изображая пистолет. — Это же самый что ни на есть настоящий «Американский экспресс».

Лиленд усмехнулся.

— Придется запомнить.

Кровь уже почти не текла, но теперь у него стучало в висках, все сильнее и сильнее. Движение на дороге стало не таким интенсивным. Водитель посмотрел в зеркало над

лобовым стеклом, затем перевел взгляд на зеркало на дверце.

— Вон он едет.

Фургон двигался слева от них. Его водитель так развернул машину, что ее чуть не занесло на такси. Лиленд опустил боковое стекло.

— Не мешай, приятель, пожалуйста. Дай человеку доехать до аэровокзала!— крикнул водитель.

— Эти ребята сами себе мешают,— сказал Лиленд, наслаждаясь старым сленгом. Как у большинства чернокожих, у водителя такси был языковой дар — вот ведь, хотел же он знать, о чем думает человек. Лиленда в данном случае поразил его выбор слов. И тут он вспомнил то, чем была занята его голова до инцидента.

— Я офицер полиции,— крикнул Лиленд громиле.— Дайте мне доехать до аэровокзала!

— Я уже сказал черномазому, чтобы он не морочил мне голову! То же говорю и вам!— проревел водитель фургона и так крутанул руль, что фургон опять поехал буквально впритирку к такси. Лиленд припомнил вот такого же малого, который отбивался от десятка полицейских в одном из кегельбанов в Нью-Джерси, швыряя в них шары, словно дыни. Трудно сказать, насколько необуздан нрав у этого. Лиленд достал свой браунинг девятого калибра, убедился, что он стоит на предохранителе, и выставил его в открытое окно, размахивая перед носом водителя фургона. Браунинг был оружием профессионалов: тринадцать патронов — в магазине, есть место еще для одного — в патроннике, но оно сейчас пустовало.

Громила понял, что Лиленд не шутит. Он закатил глаза и высунул язык, загнув его, как канapé. Парень, видимо, решил, что сейчас Лиленд выстрелит ему в лицо... чтобы успеть на самолет.

— Он будет ждать вас у аэровокзала!— крикнул ему Лиленд.

Водитель фургона замер, боясь пошевелиться. Таксист прибавил скорость, слегка задев фургон.

— Боже,— выдохнул он.

Лиленд дрожал, его подташнивало. Он мог попасть в настоящий перепплет — во всяком случае, без серьезного объяснения не обошлось бы.

— Я дал маху,— сказал он быстро водителю.— Было всего-навсего небольшое дорожное происшествие. Если он

попытается запугивать вас, мы скажем, что первым он напал.

— Ладно, приятель, не беспокойтесь. Я не видел никакого оружия.

Лиленд достал из бумажника двадцать пять долларов. Сквозь падающий снег стал виден извилистый съезд к аэропорту.

— Значит, в Калифорнию?— спросил водитель.— Мне ни разу не посчастливилось побывать там.

— Собираюсь навестить дочь в Лос-Анджелесе. Потом прокачусь по побережью до Юрики повидать старого друга.

— Ваша дочь замужем?

— Разведена. У нее двое детей. Ее мать умерла, но мы тоже были в разводе. Развелись задолго до ее смерти.

— Значит, вы будете со своей семьей,— сказал водитель.— Это очень важно. Я тоже буду с семьей. Этот инцидент на дороге не испортит мне Рождества. Вы знаете, мне никогда особенно не везло на Рождество. Когда я был маленьким, мой отец обычно напивался и бил меня. А это никому не понравится...

Над крышей аэровокзала пролетел «Боинг-747», закрыв своей громадой молочно-белое небо и заглушив последние слова водителя. Подкатил фургон, водитель которого устало и сердито смотрел на них. Лиленд достал из бумажника еще десять долларов, затем, подумав,— личный знак, который позволит ему пронести заряженный браунинг на борт самолета. На оружие у него было разрешение, а вот жетон был ненастоящий. Это был жетон нью-йоркского детектива, подаренный друзьями из сысканого отдела; на оборотной стороне его было выгравировано: «Этот человек — мошенник». Лиленд просунул двадцать пять долларов на переднее сиденье.

Водитель остановился у тротуара и сбросил показания счетчика.

— Нет, нет, приятель, эта поездка — за мной.

— Счастливого Рождества,— сказал Лиленд, засовывая ему деньги.— Желаю хорошо провести праздники.

Водитель взял деньги. Фургон припарковался перед такси. Служащий аэровокзала открыл Лиленду дверь. Вылезая из машины, Лиленд дал ему десять долларов.

— Быстро позовите полицейского. И возьмите багаж, я лечу в Лос-Анджелес.

— Хорошо, сэр. Я попрошу кого-нибудь зарегистрировать ваш багаж. Счастливого Рождества.

У Лиленда отлегло от сердца. Сегодня утром в передаче «Доброе утро, Америка» сообщили, что в Лос-Анджелесе 78° (по Фаренгейту). Полицейский протиснулся сквозь толпу пассажиров у регистрационной стойки и направился к автоматическим дверям. Лиленд поднял руку, показывая, чтобы он не выходил.

— Оставайтесь на месте, — крикнул он водителю. — Счастливого Рождества!

— И вам тоже. Спасибо за помощь. Приятного полета.

У Лиленда было чувство, что он бросает парня на произвол судьбы. В здании аэровокзала он показал полицейскому, тоже чернокожему, свой личный знак. Под пластиком удостоверения лежал жетон, сделанный из таинственного сплава редких металлов и тускло мерцающий сейчас в свете аэровокзала.

— Да, все в порядке. Я вас знаю, — полицейский по имени Джонсон посмотрел через плечо Лиленда в направлении улицы и спросил: — В чем дело?

Лиленд объяснил, что во время инцидента он находился в такси, а водитель фургона разошелся и буянит.

Полицейский Джонсон пристально посмотрел на Лиленда:

— Вы угрожали ему оружием?

— Я предупредил его, что у меня есть оружие, — солгал Лиленд.

Полицейский улыбнулся и взглянул на такси:

— Неплохо звучит. А этот парень подтвердит ваши слова? Ладно, это я сам выясню.

Лиленд широко улыбнулся.

— Честное слово. Могу поклясться. Ну вот, опять течет кровь.

— Вам необходимо заняться раной. Идите и не волнуйтесь. Счастливых праздников.

— Вам тоже, — Лиленд держал в руке личный знак, чтобы показать его офицеру у металлодетектора. Он в очередной раз промокнул лоб — на платке расплылось четыре больших пятна. Он посмотрел на себя в зеркало, выставленное в витрине магазина подарков. Действительно порез, но неглубокий, менее полудюйма в длину. Что-то по-прежнему не давало ему покоя. Офицер у металлодетектора тоже был чернокожим. Лопес, Р. А. Отец — испанского происхождения, а мать — негритянка? Такие браки чаще встречаются в Лос-Анджелесе. На долю секунды ему пока-

залось, что он ступил в Зазеркалье, отчего у него кругом пошла голова.

— Каким рейсом летите?

— Девятьсот пятым, на Лос-Анджелес. Лечу первым классом — решил сделать себе рождественский подарок.

— Полет будет чертовски сложным для того, кто попытается захватить и угнать самолет. В экономическом классе до Сан-Диего летят двое из береговой охраны, а вместе с вами в первом классе — начальник федерального управления полиции.

— Куда важнее, чтобы он знал, кто я такой.

Офицер Лопес беззвучно рассмеялся.

— Придется сообщить. А что с вами случилось? Поскользнулись?

— Так, ничего особенного. Небольшое происшествие.

— Счастливого полета. Посмотрим, сколько вам понадобится времени, чтобы вычислить начальника управления.

— Спасибо за приятную перспективу. Люблю загадки.

Часы в зале регистрации показывали 16.04. Пассажиры все еще стекались к центральной стойке. Лиленд спросил служащего, успеет ли он позвонить в другой город.

— Вы просидите здесь еще несколько минут, сэр. Полет отложили на полчаса из-за неисправностей в аппаратуре, пытались доставить новую из Сент-Луиса. Мы закроемся к восьми часам.

— Но не может случиться, что мы сегодня не улетим?

— Нет, — ответил служащий таким тоном, словно Лиленд задал ему идиотский вопрос.

Оператор мгновенно зарегистрировал номер кредитной карточки Лиленда и соединил его с абонентом. К телефону подошла секретарь дочери.

— Мистер Лиленд, она еще на ленче. Вы летите тем же рейсом?

Он совсем забыл о разнице во времени.

— Да, тем же, но мне кажется, что вылет задерживается. У нас метель. Но я не поэтому звоню, — он не знал, стоит ли продолжать. — По пути в аэропорт я попал в небольшую аварию... Я не пострадал, но поранил лоб...

— О, бедняжка. Как вы себя чувствуете?

— Пережил небольшое потрясение, но все обошлось. Я не хочу, чтобы Стефани — миссис Дженнаро — огорчил мой вид.

— Я предупрежу ее, не беспокойтесь.

В телефонную будку постучали. Это была помощник по

полету, женщина тридцати пяти лет, ее крашенные волосы интенсивного соломенного цвета были уложены в стиле времен Кеннеди. На табличке с именем он прочитал, что ее зовут Кэти Лоуган. Увидев, что он смотрит на нее, она ослепительно улыбнулась — пожалуй, по-юношески задорно — и в знак приветствия едва заметно кивнула головой. Лиленд попрощался с секретарем, предварительно терпеливо выслушав ее пожелания счастливого полета, повесил трубку и открыл дверь. Кэти Лоуган проговорила с присущей ее профессии жизнерадостностью:

— Мистер Лиленд? Вы готовы? Мы все ждем вас.

Прошло еще сорок пять минут, прежде чем самолет стал выруливать на взлетно-посадочную полосу. Лиленд должен был оставаться на месте, но Кэти Лоуган принесла ему несколько влажных и сухих бумажных салфеток, свое зеркальце, пластырь и две таблетки аспирина. Узнав, что он летит повидаться с дочерью, она смягчилась, ее поведение стало менее официальным. Это доказывало, что она была неплохим детективом. Он не носил кольца, но мужчина не может ехать на Рождество на встречу с дочерью один, без жены, если он, конечно, женат. До настоящего знакомства с ним было еще далеко, даже если он расскажет о себе все. Она была одинока, чувствовала, что стареет, и это немного пугало ее. Лиленду были знакомы эти страхи, поэтому тем, как она кокетливо назвала свое имя, она понравилась ему еще больше.

Самолет был полон, словно это был южный пассажирский поезд, а не авиалайнер, совершавший перелет через половину континента. Пассажир, сидевший у окна, уткнулся в журнал. Нет, это не начальник федерального управления полиции. Слишком мелковат и жидковат, чтобы сдать экзамен по физической подготовке.

Помогая обрабатывать рану, Кэти Лоуган сообщила, что буяра бушует до западных границ Айовы, поэтому в первый час полета самолет будет ужасно болтать и она не разрешит Лиленду встать с места, чтобы привести себя в порядок в туалете. Сосед слышал их разговор, и Лиленд увидел, как он еще крепче вцепился в свой «Ньюсуик».

С начала войны, на протяжении более чем двадцати лет, Лиленд был летчиком. Последней моделью, которую он освоил перед самым увольнением со службы, была «Сессна-310». Теперь авиация заботила его не больше, чем

любого другого постоянного пассажира, но он знал, что последнее поколение самолетов было самым безопасным. Реальной проблемой сегодня являлась человеческая ошибка.

Что касается воздушного пиратства, то, хотя на протяжении многих лет в США не было зарегистрировано ни одного случая угона самолета, но на борту было достаточно оружия, чтобы перебить всех пассажиров в салоне для некурящих. Лиленду было интересно, знал ли начальник федерального управления полиции, летевший этим же рейсом, что второй вооруженный пассажир первого класса участвовал в разработке программы, в соответствии с которой и была введена его должность. В самый разгар воздушного пиратства Лиленда консультировали специалисты федерального авиационного управления, а теперь он сам оказался в ситуации, которой по разработанной им программе быть не должно: в самолете слишком много оружия. Программа разрабатывалась давно, и он не знал, какие изменения были впоследствии внесены в нее и кто имел право проносить оружие на борт самолета, поэтому он чувствовал себя совершенно неподготовленным, — как офицер береговой охраны в вопросах экономики. Вот так: избыток оружия и отсутствие должной подготовки. Он испытывал нервозность оттого, что слишком много знал.

Самолет должен был взлетать вторым. Мимо пронесся и растворился в темноте «ДС-10» с острым, как у дельфина, носом, но еще долго слышался приглушенный рев его двигателей. «Боинг-747» стал выезжать на полосу, и Кэти Лоуган появилась рядом с ним, стараясь удержать равновесие, пока самолет, раскачивало при движении.

— Не хотите выпить что-нибудь, прежде чем мы поднимемся в воздух? Двойное виски?

Он улыбнулся.

— Я вас разочарую. Можно кока-колу? С сахаром?

— Конечно.

Пилот направил самолет на полосу в тот момент, когда Кэти Лоуган вернулась с кока-колой на подносе. Она еще раз улыбнулась ему и поспешила на свое место у винтовой лестницы, ведущей на второй этаж. Очевидно, сознание того, что он был пьяницей, решившим пока воздержаться от возлияний, не испугало ее. Пилот разогнал самолет. Пробежав половину взлетной полосы, самолет задрал нос, который напоминал теперь повисшую в воздухе перекладину качелей. Затем задние шасси оторвались от земли, и они взлетели.

Лиленд как раз пытался понять, почему он путал аэропорты «Ламберт» и «Линдберг», когда водитель такси задал ему тот, столь поразивший его, вопрос и вынудил Лиленда переключить на него все свое внимание. Он уже был готов ответить водителю, что не знает, о чем думает человек в такой момент, как вдруг понял, что на самом деле знает.

Много лет назад, будучи молодым детективом, он расследовал дело, по которому проходила жертва с отрезанным членом. Лиленд ухватился за версию, построенную на уликах, которые лежали не на поверхности. Преступника долго искать не пришлось: все указывало на бродягу с уголовным прошлым, сожителя жертвы.

Многочасовые допросы сломили бродягу, которого звали Тесла, и он сознался. Это было время, когда людей отправляли на электрический стул каждую неделю. Теслу приговорили к смерти, и вскоре он был казнен.

Благодаря этому делу Лиленд в третий раз в жизни оказался в центре внимания широкой общественности. До войны он был молодым полицейским, но уже успел побывать в перестрелке, в которой было убито трое, в том числе — напарник Лиленда. Потом он служил военным летчиком, воевал в Европе, сбил двадцать немецких самолетов, и этого оказалось достаточно, чтобы один нью-йоркский издатель предложил ему написать книгу. Участие Лиленда в расследовании дела Теслы, привлечшего всеобщее внимание подробностями жизни гомосексуалистов и фактом нанесения жертве ужасных увечий, стало настоящим событием для средств массовой информации, причем задолго до того, как подобным явлениям был вынесен суровый приговор общественного мнения. Вскоре после этого личная жизнь Лиленда дала трещину, и он оказался в тупике, как многие в подобном положении.

Шесть лет спустя, когда Лиленд руководил частным сыскным агентством, к нему обратилась молодая беременная женщина с просьбой расследовать смерть ее мужа, который спрыгнул или упал с крыши здания на ипподроме. Полученные в ходе расследования сведения странным образом переплелись с обстоятельствами личной жизни Лиленда и вновь привели его к делу Теслы. Оказалось, что Лиленд обрек на смерть невиновного.

Истинным убийцей был тайный гомосексуалист, скрывавший свои наклонности, не желавший мириться с самим собой и сжигаемый ненавистью к самому себе. Его жертва, Тедди Лейкман, сожитель Теслы, был проституткой в баре

для голубых. Вечером на квартире Лейкмана, когда несчастного Теслы не было дома, ситуация вышла из-под контроля и убийца не смог совладать с собой.

Он до смерти избил Тедди Лейкмана и разможил ему голову какой-то керамической штуквиной. Однако в драке Лейкман оцарапал ему шею и частички кожи остались у него под ногтями. Решение, которое принял убийца, созрело в глубине его души. Он отрезал пальцы Лейкмана, а чтобы сбить с толку полицию, отрезал и половой член. Уловка удалась, поскольку никому и в голову не пришло, что нанесенные увечья были ничем иным как криком души человека, ненавидевшего самого себя.

Этот чудовищный поступок, совершенный с целью обезопасить себя и скрыть улики, в конце концов, оказался бессмысленным. Шесть лет спустя убийца покончил с собой.

Однако незадолго до смерти он оставил неопровержимые доказательства крупнейшего мошенничества, с которым правоохранительным органам города когда-либо приходилось иметь дело со времен Босса Твида.

Наибольшие страдания выпали на долю вдовы преступника. Простая уличная девчонка, она хотела, чтобы все узнали правду, а она видела связь между тайными страданиями своего мужа и процветанием его сообщников. Ей хотелось, чтобы люди знали, что воровство только отягощает и без того нелегкую жизнь бедняков.

Но ничему этому не суждено было сбыться. Всем соучастникам преступления удалось уйти от тюрьмы. Вместо того чтобы сконцентрировать внимание на афере с жильем, газеты ухватились за старое дело, вспомнили о подвигах Лиленда во время войны, и пошло-поехало. Когда в скандальной хронике появились намеки на роман между неким детективом и его клиенткой, Норма переехала в Сан-Франциско, и Лиленд больше не видел ее.

Путаница с аэропортами «Линдберг» и «Ламберт» началась именно в те годы, когда ему было так неудобно в личной знаменитости, надетой на него средствами массовой информации. «Счастливчик Линди», — не раз называл он себя в отчаянии. Как и убийца, которому удалось обвести его вокруг пальца, он вел двойную жизнь и боялся признаться себе в этом. Его семья разваливалась, и, конечно же, он так и не распутал то важное дело, хотя до последнего времени не знал этого.

Что чувствует человек, о чем он думает? Ни о чем. В та-

кие моменты разум и тело действуют заодно. «Там, в пустоте, — подумал Лиленд, — лежит загадка истории».

15.10, горное поясное время

Прогноз погоды был неверным. Сплошная облачность наблюдалась на всем пути до Скалистых гор, и теперь, когда солнце опускалось за горы, бескрайнее клубящееся покрывало окрасилось в синевато-серый цвет. «Боинг-747» летел на высоте тридцать восемь тысяч футов; отсюда Скалистые горы напоминали заснеженный архипелаг, затерявшийся в фантастическом неведомом океане.

Лиленд по-прежнему любил летать, и, к своему удовольствию, теперь он проводил в воздухе больше времени, чем раньше. Он знал, что не доживет до того момента, когда сможет полететь в космос, но иногда начинал гадать, а насколько ему удастся приблизиться к этому времени, прежде чем он умрет. В глубине души у него еще теплилась надежда совершить путешествие в Европу, и только для того, чтобы лететь на «Конкорде». Его старый приятель Билли Гиббс, который во время войны летал ведомым и теперь жил в Юрике, за тридцать лет ни разу не летал самолетами. Лиленд видел, как он выделял, «бочки» над Ламаншем и при этом ревел как дикарь, но после войны Билли Гиббс навсегда расстался с авиацией. Шекспир утверждал, что за наши ошибки в ответе не звезды, а мы сами. Все, что мы делаем, все, что с нами происходит, является результатом побуждений, в которых большинство людей даже не отдает себе отчета и тем более не понимает.

Когда стихла обеденная суматоха, он прошел в конец самолета в служебное помещение, чтобы лучше познакомиться с Кэти Лоуган. Теперь, после того как она обслужила всех своих пассажиров, Кэти выглядела уставшей.

— Спасибо за помощь.

— Привет. Аспирин помог?

— Да. Вы просто специалист по пластической хирургии. Она внимательно посмотрела на его лоб.

— Нет, выглядит не очень красиво.

— Как вы нашли меня в аэропорту?

— Вы ведь полицейский, правда? Мне позвонили из аэровокзала и дали знать о вас. Офицер сказал, что у вас порез, но я искала человека с оружием. Это был тест.

— И что вы получили за него?

— «Отлично».

Он вспомнил, что в самолете летит начальник федерального управления полиции. Обычно, когда перед ним стояла подобная задача, он успевал решить ее до того, как самолет набирал крейсерскую скорость. Как предписывали правила, разработанные самим же Лилендом, Кэти Лоуган не должна была говорить ему, кто из пассажиров — начальник федерального управления.

— Хотите еще кока-колы?

— Да забудьте вы о своей работе.

— Она мне не мешает. А можно спросить, чем вы занимаетесь?

— Я консультант по вопросам безопасности и разработке полицейских процедур. Только что провел трехдневный семинар в «Макдоннел-Дуглас».

— Не скромничайте. Я знаю, что вы очень большой начальник.

Он широко улыбнулся.

— Меня зовут Джо.

— Кэти. Вы давно бросили пить?

Он попытался скрыть удивление, пораженный ее прямотой.

— Давно. Но я не был горьким пьяницей. Нагружался до бесчувствия только на ночь. Бросил пить, когда стал замечать за собой желание надраться за ленчем. Но не сразу. Катился по наклонной, пока однажды не очнулся в окружной тюрьме города Кларк.

Это в Лас-Вегасе.

— Я знаю.

— Удивлены?

— Теперь нет. Мне это даже начинает нравиться.

Самолет качнуло от очередного натиска ревущей непогоды. Она улыбнулась:

— Вы напоминаете мне одного боксера, с которым я была знакома когда-то...

Он рассмеялся:

— Перестаньте!

— Нет, не перестану. Так вот, он всегда был такой же вежливый и вкрадчивый. Никогда не навязывался другим.

— А каковы были его успехи на ринге?

— Он был чемпионом мира во втором полусреднем весе.

Она смотрела в его улыбающиеся глаза. Знакомство продвигалось трудно, но это ничего, все равно приятно.

Он бросил взгляд на лед, плавающий в стакане, а когда снова поднял глаза, увидел, что она беззвучно смеется над ним.

— Но я не это хотела сказать. Я имела в виду, что он был робкий.

Кэти Лоуган была совладелицей кооперативного дома на побережье к северу от Сан-Диего, у нее была студия со спальней на втором этаже, с камином и застекленной крышей. Звучало красиво. Он жил в пригороде Нью-Йорка в заурядной квартире, а большую часть времени проводил в мотелях штатов Вашингтон и Вирджиния. Он бывал на побережье, но опять же останавливался в мотелях Пало-Альто. Дважды он приезжал в Санта-Барбару. К счастью, она летала на восток через неделю и, поскольку находилась дома в течение семи дней, когда могла ухаживать за своими цветами и поливать их, ее рабочее расписание не создавало ей проблем.

Он верил ей. Она была прирожденной калифорнийкой, полной яростного оптимизма, свойственного всем жителям штата. Она выросла на побережье.

— В ранней юности я не была хиппи, но придерживалась довольно свободных правил. Я долго жила в соответствии со своими представлениями о свободе; так меня занесло на первые выступления Синатры в Лас-Вегасе в качестве очередной подружки чемпиона. Весело было, — ветер яростно ударил в дно самолета. — Я бы с радостью забыла все годы правления администрации Никсона, на которые пришлась моя бурная молодость. Не знаю почему, но вся моя жизнь была сплошное дерьмо.

— Таксист в Сент-Луисе сказал, что Рождество для него — всегда сплошное мучение. Что ж, врезавшись в фургон, он в очередной раз подтвердил это.

Она посмотрела на его пластырь.

Когда Стефани была маленькой, они с Карен называли пластырь, которым заклеивали ее ссадины, «боевыми орденами». Кэти Лоуган почувствовала, что на мгновение он ушел в себя.

— В этом году я собираюсь навестить друзей, — сказала она. — А сегодня везде зажгу свет и буду смотреть телевизор.

— Счастливого Рождества, Кэти.

— Спасибо. И вам счастливо.

Второй девушке нужно было приготовить напитки для пассажиров салона на втором этаже, поэтому Лиленд отошел в сторону и посмотрел в иллюминатор на снег, вихрем срывающийся с остроконечных горных вершин. Люди не могли существовать там, за бортом самолета, а здесь они спокойно летели на большой высоте, сытно пообедав, с напитками в руках, и единственное, что нарушало тишину, — их громкие разговоры.

Книги по географии, которые Лиленд читал в детстве, заставляли его поверить, что Скалистые горы являются величайшим непокоренным чудом природы Америки. Реклама обычно сообщала, что цены к западу от Скалистых гор несколько выше. Лиленд помнил, что он писал Карен во время войны, делясь своими мыслями о будущем мире. Конечно, никто не мог сказать, каким он будет. А теперь ему приходится жить в соответствии с законами этого мира, как выразилась калифорнийка Лоуган, подбирая слова, чтобы точнее передать смысл, как это делал и шофер такси, когда они ехали сквозь снегопад в Сент-Луисе. Во многих отношениях это была все та же Прекрасная Америка, что и всегда. Роберт Фрост объяснил это, сказав, что мы стали частью этой земли и навеки принадлежим ей, — вот тот внутренний стержень, определявший суть таких людей, как таксист и Кэти Лоуган: они были искренними перед самими собой, свободными и не считали себя незначительными — все это составляло лучшие черты национального американского характера.

В сплошной облачности появился просвет, и стало видно, как пустыня растворяется в фиолетово-лиловом мареве сгущающихся сумерек.

Когда у Кэти Лоуган снова появилась свободная минута, они возобновили разговор. Он поделился своими планами проехать по побережью.

— Маршрут номер один, — сказала она и настоятельно посоветовала ему в субботу позавтракать в Санта-Круссе, но не захотела объяснить почему.

Разговор продолжался. Кэти свой отпуск представляла так: провести неделю в Конне, в основном провалявшись на пляже. Она постоянно давала себе обещания обязательно отправиться в какое-нибудь путешествие, но до этого дело никогда не доходило. Джозеф подумал, что не имеет смысла объяснять ей, что его отпуск состоял из конференций, съездов и семинаров, которые заносили его в такие уголки мира, о которых ему даже не хотелось вспоминать.

Внизу появилось озеро Мид, в водной глади которого отражалось небо, и плотина Гувера, сверху напоминавшая крошечный светящийся полумесяц. На севере показался Лас-Вегас, переливаясь слабо мерцающим сиянием и ослепительно яркими вспышками огней. Он мог бы многое рассказать Кэти о Лас-Вегасе, но с этим можно подождать.

Лиленд записал номер ее телефона. Он позвонит завтра вечером и попросит встретить его в Сан-Франциско. «Может быть, он кажется ей слишком пассивным и неинтересным?» Он подумал, что она знает Сан-Франциско лучше, чем он, и что она из тех женщин, которые стремятся сохранить дружеские отношения с мужчиной. Все это могло показаться занудством для особы, жаждущей любовных утех, или для сорокалетнего холостяка, только что сбросившего путы неудавшегося брака, но он всегда был таким и ничего не мог с собой поделать.

Двигатели постепенно сбрасывали мощность, и теперь были едва слышны; самолет стал снижаться, и опытный глаз различал медленно приближающуюся пустыню, плывущую навстречу самолету, словно огромный лифт.

— Я лучше сяду. Завтра у вас будет хороший день. Думаю, мы подружimsя, нам будет хорошо вместе.

Она смотрела на него.

— Мне бы очень хотелось этого.

Лиленд прикоснулся к ее руке. Это был непроизвольный, неосознанный жест прощания. И пока он раздумывал, насколько далеко зашел в своих действиях, она решительно шагнула к нему, чему удивилась не меньше его самого. Он поцеловал ее. Они были одни. Их никто не видел. Когда они отступили друг от друга, Кэти вспыхнула от возбуждения.

— До завтра, — сказал он и подмигнул.

Она засмеялась:

— Пока!

Он вернулся на свое место и только теперь вспомнил о начальнике федерального управления полиции. Этот человек мог знать его. Как он расценит поведение Лиленда? От этой мысли Джозефу стало не по себе. При данных обстоятельствах он не может смотреть по сторонам и пытаться вычислить начальника. Если инцидент в Сент-Луисе и его последствия уже получили огласку, то у этого парня может возникнуть желание сообщить куда надо, что Лиленд больше часа обхаживал одну из стюардесс. Мы бесильны даже в малой степени изменить отношение людей

к подобным вещам. Поначалу Лиленду казалось, что все это сумасшествие началось в тот момент, когда такси свернуло на дорогу, ведущую в аэропорт, но теперь он наконец понял, что находится на ногах с самого утра, и это после трех дней напряженной работы. Ему было очень хорошо с Кэти Лоуган, но от этого он не стал себя чувствовать менее разбитым и усталым. Требовалось лишь одно — выспаться.

Через три месяца после того, как Лиленд передал для публикации все, что знал о том давнишнем, не расследованном до конца деле об убийстве, его компаньон Майк пришел домой днем, раньше обычного, и застал свою жену Джоан занимающейся любовью со старым школьным приятелем. Лиленд и Карен всегда знали, что когда-нибудь Джоан выкинет нечто подобное, но не в такой острый и неподходящий момент. Джоан привыкла к тому, что ей все сходило с рук, и была решительно настроена против тех, кто старался вразумить ее, как это пытались делать Лиленды. К тому времени Лиленд и Карен формально были в разводе, но это мало влияло на их совместную жизнь.

Тогда он еще не знал, что агентство уже приобретало известность по всей стране. Пока они с Майком работали вместе, у Лиленда была возможность расширять дело, поскольку Майк вел учет и занимался повседневными проблемами агентства. Теперь же Майк был морально раздавлен. Прошел еще год, прежде чем Лиленд смог убедиться, что он безнадежен; к этому времени у Майка возникли новые проблемы, так как Джоан подала на него в суд. Лиленд хотел, чтобы Майк вышел из дела, но это означало, что он должен вернуть компаньону сумму, равную двухлетнему заработку, на значительную часть которой претендовала Джоан и ее адвокат. В течение восемнадцати месяцев Лиленд получил семь займов, закладывая и перезакладывая свое имущество, уплатил по счетам, удовлетворив всех кредиторов, в том числе и Майка. К сожалению, между ними произошла личная размолвка. На протяжении десяти лет Лиленд ничего не слышал о Майке.

Лиленд знал, что утряс бы все проблемы с Майком, если бы не его собственные заботы. Все это время он был в крайне затруднительном финансовом положении, и от окончательного разорения его уберегли только собствен-

ное здоровье, опыт и знания. Терпению Карен всегда существовал предел.

На той неделе, когда он выплатил последние долги, мать Лиленда положили в больницу. Отец заверил его, что она поправится, и Лиленду очень хотелось верить в это. Теперь она была необходима ему как никогда, он это чувствовал, но она сгорела буквально за месяц и умерла. Лиленд пережил потрясение, которое невозможно было себе представить. В тот год он выплатил по долгам семьдесят три тысячи долларов и пристрастился к спиртному. Он знал, чем все это может кончиться, но ему было наплевать.

Пилот сообщил, что над районом Лос-Анджелеса наблюдается сплошная облачность, но дождя нет; в 5 часов вечера температура была 65° (по Фаренгейту); эта информация вызвала радостные возгласы пассажиров. Горы Сан-Бернадино лежали справа, возвышаясь над долинами, покрытыми толстым слоем грязно-желтого меса. Затем показались с полдюжины высоченных зданий в центральной части города, утопающих в огнях рождественской иллюминации. Огромная, недавно подновленная надпись на холме была едва видна: «Голливуд». Когда он видел ее в последний раз, она читалась: «Гулливуд». Он чувствовал, что странность Лос-Анджелеса обволакивает и затягивает его. Стефани жила здесь более десяти лет, и она любила этот город. У нее был славный дом на одной из красивых улиц Санта-Моники, но даже в нем он испытывал необъяснимый страх перед причудливыми силуэтами пальм, выступающими на фоне мрачного желтого неба.

Внизу пробегали улицы. Шасси выпущены, и «Бонинг-747», чиркнув, опустился на посадочную полосу аэропорта, известного во всем мире по буквам на багажных ярлыках — ЛАКС. Лиленду казалось, что это в характере города. Его сосед вздохнул, и Лиленд посмотрел на него: человек улыбался так, словно пережил пытку страхом. В последний раз Лиленд обратил на него внимание в уютном и мрачном Сент-Луисе; и вдруг он похолодел, чувствуя, что кто-то преследует его.

18.02, тихоокеанское поясное время

— Мистер Лиленд?

Его ожидал пожилой чернокожий человек со слегка поседевшими усами. Он был одет в ливрею, на голове — форменная фуражка, на шее — черный галстук.

— Меня послали встретить вас, сэр.

— Сегодня, в праздничный день? В этом нет необходимости. Вам следует быть дома, с семьей!

— Мне заплатят, сэр, — сказал он, улыбаясь. — Миссис Дженнаро попросила отвезти вас к ней в офис.

Это меняло дело.

— Мне надо получить багаж.

— Я позабочусь об этом, сэр. Дайте мне квитанции.

Лиленд удивился тому, что Стеффи взяла на себя труд организовать ему встречу, которая несколько не обрадовала его, особенно при виде семидесятилетнего старика, таскающего его чемоданы.

— Пойдемте, — сказал Лиленд. — Может быть, вы успеете попасть домой вовремя.

— Хорошо, сэр.

Потребовалось двадцать минут, чтобы получить багаж, и еще десять, чтобы вывести с парковки огромный черный «кадиллак» и влиться в транспортный поток, направлявшийся на восток. Водитель включил кондиционер и стереомагнитофон. Салон наполнился беспорядочными звуками. Лиленд попросил вырубить и то, и другое. Мотели, вытянувшиеся вдоль бульвара Сенчюри, пестрели сезонными приветствиями, зазывая отдыхающих, о чем свидетельствовали надписи на маркизах. Лиленд закрыл глаза и с надеждой подумал, что, может быть, сегодня Стеффи не затеяла серьезных приготовлений. Она неоднократно говорила, что он становится раздражительным, хотя на самом деле все объяснялось проще — он не совсем понимал и не принимал нынешний образ жизни своей дочери.

Она была помощником вице-президента по международной торговле компании «Клаксон ойл». Не бог весть как звучит, но должность солидная и хорошо оплачивалась. По подсчетам Лиленда, его дочь получала более сорока тысяч долларов плюс дополнительные вознаграждения. Проблема заключалась в том, что она жила на широкую ногу, ни в чем себе не отказывая: большой БМВ, три отпуска в год, кроме того, ресторанные счета, членство в клубах и кредитные карточки — и все это с таким размахом, какой даже трудно

было себе представить. Да, конечно, это была ее жизнь, поэтому он молчал, но в душе он был глубоко убежден, что она не знает меры. Дети были ухожены, у них было все необходимое, и они делали значительные успехи, чем немало поражали Лиленда. Он любил их и посылал им подарки в течение года, но видел, что едва знает их и не понимает их жизни.

Их разделяло не только расстояние, но и время, не считая того, что они и Карен сделали со своей семьей.

Стеффи первый год училась в колледже и не жила дома, когда они подошли к последней черте своих мучений. Он так никогда и не понял, как на протяжении всего времени строились их отношения. Когда-то Карен вместо того, чтобы обратиться к нему, позволила втянуть себя в очень нехорошее дело. Он решил, что она испугалась. Они не виделись в войну несколько лет, после чего им так и не удалось сблизиться вновь, как в дни их молодости, когда они были вместе. Они изменились и продолжали меняться, так и не поняв, что разочарование и чувство взаимной обиды были порождены разрывом. Он сознательно скрывал это, она же считала, что должна поступать так же. В своей жизни он совершил тысячи ошибок, но самой непростительной ошибкой было то, что он не разглядел в Карен личности. А она была личностью!

— Я так больше не могу, — сказала она однажды вечером, держа стакан, поскольку это был период, когда они пили вместе. — Прости, Джо, но я постоянно думаю об этом и больше не могу вынести этого ни минуты. Ты оказался не тем человеком, каким я тебя представляла, когда мы познакомились. Не то чтобы я не знала, кто ты такой. Нет, я знаю, кто ты: ты — деловой человек, который половину времени бывает в отъезде и у которого такая секретная или тайная работа, что он не хочет или не может обсуждать ее со мной, — если бы она хоть чуть-чуть интересовала меня. Но как меня это может интересовать и что это за работа такая? Мне не интересно, имеет ли персонал право несанкционированного доступа к компьютерам. И я не хочу обсуждать, на какой высоте оказалась полиция при сдерживании толпы во время недавних событий в городе Префронталь, штат Небраска. Джо, я понимаю, что все это очень важно, но не для меня, я устала от всего этого. Я устала от того, что после всех этих дел ты лежишь ночью в постели как бревно бесчувственное, ни на что не способный. Я устала ждать будущего, которого никогда не будет. Я хочу вычеркнуть тебя из своей жизни, и чем быстрее, тем лучше. Нельзя сказать, что я тебя не выношу, просто я тебя больше не люблю. Вот так. Когда

у нас дело доходит до постели, я готова убить тебя. Уходи, Джо. Уходи сейчас же.

К рассвету он был пьян и на протяжении следующих двух лет практически никогда не был трезвым более восьми часов в день. Временами он был просто отвратителен. Пьяный, он звонил Карен в полной уверенности, что хочет оправдаться. На самом же деле он искал случая возобновить старые споры. Такой долголетний и неудачный брак, как у них, напоминал дом, наполненный призраками, в котором они поселились, облюбовав комнаты наверху, где в течение двадцати лет никто не жил. И они боролись с этими призраками, постоянно выясняя, кто виноват и в чем.

Стефани была в курсе всех их дел, поочередно выслушивая то одного, то другого. Она бросила школу и вызвала их из Пуэрто-Рико. Это довело до бешенства Карен, которой даже пришлось лечиться, а Лиленд две недели харкал кровью, пытаясь убедить себя, что это убьет их всех. Когда Карен увидела его в следующий раз, он был трезвым и уже прекрасно понимал, что их брак распался окончательно и он должен заново строить свою жизнь. Больше он не сталкивался с ней.

Кто бы мог подумать, что менее чем через восемь лет она умрет!

Ему и раньше доводилось бывать в «Клаксон-билдинг» — сорокаэтажном здании, похожем на колонну, — на бульваре Уилшир. Он достаточно хорошо знал город и понял, что старый шофер выбрал самый лучший маршрут, который пролегал к северу от скоростной автострады, ведущей из Сан-Диего в Уилшир, а затем поворачивал на восток через Беверли-Хилс, мимо магазинов и отелей, неподвижных пальм и сверкающей рекламы.

Девяносто процентов зданий в Лос-Анджелесе состояли из двухэтажных особняков и контор. Лос-Анджелес являлся олицетворением подлинной гражданской гордости, которая выразилась здесь в создании самых красивых в мире жилых районов. Но на облик города сказалось влияние еще одного фактора — кричащей безвкусицы, порожденной безудержной властью денег, охватившей в том числе и Стефани. Следствием этого стало появление пиццерий, этих вульгарных заведений, которые одним своим видом и зазывными надписями типа: «А вы давно ели пиццу?» — вызывали отвращение и чувство брезгливости. Хуже всего было другое: вы уезжали из города с убеждением, что если убрать рекламу, вы-

ключить освещение, а вывески на офисах уменьшить до нормальных размеров, то город будет похож на драную кошку.

Проблема состояла в новизне этого места. Еще совсем недавно, в пятидесятые годы, большая часть Лос-Анджелеса и его пригородов лежала нетронутой. А лет десять назад, когда Лиленд впервые приехал сюда, еще только предстояло возвести самые важные участки скоростной автомагистрали, а в самом городе то здесь, то там велось разрозненное строительство. Теперь Лос-Анджелес считался первым мегаполисом постиндустриального общества, гигантским городом будущего, спавшим безмятежным сном младенца под пенными облаками порочного неба.

— Вы живете в Лос-Анджелесе?

— Нет, сэр. Я живу в Комптоне, штат Калифорния.

Калифорнийцам нравится произносить это слово. Если бы дело происходило в Нью-Йорке или Чикаго, он не услышал бы в ответ: «Вэли-Стрим, штат Нью-Йорк» или «Сисеро, штат Иллинойс». Складывалось впечатление, что здесь, в Калифорнии, люди хотели убедиться в том, что все по-прежнему находится на своих местах, как будто за ночь кто-то мог разбить, разорвать или уничтожить это «все».

Для полиции Лос-Анджелес был сущим кошмаром. То, что город недостаточно разросся и растянулся, объяснялось тем, что Лос-Анджелес — единственный известный Лиленду город, который как бы разрезан горной цепью Санта-Моника, протянувшейся с востока на запад и окаймлявшей такие городки как Бел-Эйр, Шерман-Оукс и Студио-Хилс. Наземное патрулирование во многих отношениях было неэффективным, поэтому полиция пересела на вертолеты. Идея оказалась стоящей. Можно было на время убежать от стрекочущей машины, повисшей у вас над головой, но спрятаться от нее было нельзя.

«Кадиллак» миновал скоростную автомагистраль и теперь направлялся на восток, к Уилшеру, через фешенебельный район Уэствуд. Слева возвышался Бел-Эйр, укрывшийся за фасадами роскошных особняков. На протяжении следующих пяти миль то и дело встречались дома стоимостью в миллион долларов. В этом городе жили люди, у которых раньше не было ни гроша за душой, и вдруг они по-настоящему разбогатели; поэтому теперь они имели все, что хотели, и им было наплевать, сколько это стоило. «Роллс-ройс» выглядел здесь уместнее, чем в Индии в период всемирной славы Раджа Капура. По всему миру руши-

лись старые режимы, и деньги текли сюда непрерывным потоком. За несколько лет Лос-Анджелес превратился в самый дорогой, коррумпированный и опасный город на планете.

— Что вы будете делать на Рождество?

— Буду смотреть телевизор, все программы подряд. Мой сын установил широкоэкранный аппаратуру и проектор.

— Он занимается электроникой?

— Нет. Это мой младший сын, ему двадцать один год. Он артист, но у него золотые руки. Он взял обыкновенный телевизор, линзу, экран, и — пожалуйста, готово. Четыре фута по диагонали, как в кино. Рамы сдохнут от зависти в этом году. Знаете, наш старый мир становится каким-то другим.

Лиленд согласился, но не поддержал разговора. Он уже наслушался сегодня о случаях из личной жизни незнакомых ему людей. Было приятно сознавать, что молодое поколение больше не испытывало страха перед новой технологией, как это бывало с ним, когда предстояло освоить модель «А» или биплан. Но между его поколением и нынешним было существенное различие. Старая технология бросала людей по всему свету и заставляла общаться друг с другом. Современная же — разъединяла; она предназначалась для потребителей, уединившихся в отгороженных ячейках многоквартирного муравейника, и живших, как скот, выращиваемый для бойни.

Даже люди здесь были другие. Встречались эксцентричные, как англичане: они с завидной энергией копались в себе в поисках каких-либо талантов. Отсюда по всему миру пошли хула-хупы. И скейтборды. И рестораны и кинотеатры для автолюбителей на открытом воздухе. Здесь попадались люди, которые столь трепетно относились к изобретениям, сделанным некогда для себя, что каждое Рождество приезжали сюда, чтобы поваляться на пляже и пожариться на солнышке, и неважно, что вода была слишком холодной для купания.

Уилшир выглядел совершенно пустынным. Изредка то там, то здесь проезжала машина. Какая-то женщина тащила за поводок безобразно жалкую собаку. Рождественский город. Один квартал магазинов сменялся другим, в каждой витрине — обилие ненужных украшений; промелькнул Беверли-Хилс и снова — погружившийся в темноту Лос-Анджелес. В Лиленде крепло ощущение, что это — его город. За два квартала до «Клаксон-билдинг» им попался единственный на всю округу автомобиль — грузовик, припарко-

ванный у тротуара. Светофор переключился, и «кадиллак» остановился на другой стороне улицы, напротив главного входа в здание.

— Мистер Лиленд, вы идите, а я отнесу ваш багаж в гараж, в машину миссис Дженнаро. Скажите ей, что ключи будут лежать под передним сиденьем — она знает. А вам я желаю счастливого Рождества.

— Спасибо. Желаю вам того же. И берегите глаза.

— Буду помнить. — Он широко улыбнулся, этот счастливый отец любящего сына. — Спасибо.

Лиленд заметил, как вдалеке кто-то медленно подъехал к тротуару. Это был большой седан марки «ягуар». Когда-то у него был такой же, но, увы, это было в конце шестидесятых годов. Правда, машина доставляла ему одни неприятности, а радости — никакой, поэтому и пришлось избавиться от нее. Эта же была в отличном состоянии. В машине кто-то сидел. На капоте — антенна. «Кадиллак» выехал вперед на освещенное пространство перед «Клаксон-билдинг».

Лиленд попрощался с водителем и поднялся по небольшой лестнице, но снова подумал о машине и обернулся. Человек за рулем держал у лица микрофон переговорного устройства и, несмотря на то, что находился на значительном расстоянии, заметил, как Лиленд смотрит на него. Микрофон поспешно опустился. Значит, Лиленд увидел нечто такое, чего не должен был видеть. Вся беда была в том, что этот парень тоже так подумал. Лиленд пересек небольшую площадку, расположенную на возвышении, и подошел к стеклянным дверям, у которых за столом сидел белый пожилой человек в серой униформе и читал газету. Что ж, возможно, это чистая случайность, но все-таки интересно. Сейчас он находился вне поля зрения «ягуара». Старик увидел Лиленда и поднялся, чтобы открыть ему дверь.

— Меня зовут Джо Лиленд. Меня ждут. Вы бывший полицейский?

— Да, сэр.

— Я тоже. Сейчас достану бумажник.

Старик внимательно ознакомился с удостоверением Лиленда.

— Раньше не приходилось видеть таких, правда, уже пятнадцать лет как я не служу. Солидный вид и печать хорошая, выпуклая. Я знаю, что вас ждут. Чем могу помочь?

Лиленд рассказал ему о «ягуаре». Старик прищурился

и посмотрел в сторону Уилшера, хотя с того места, где он стоял, ничего не было видно.

— На противоположной стороне улицы находятся ювелирный магазин, семейная лавка по продаже спиртных напитков и гастроном. Сегодня все закрыто. Хорошо, я позвоню куда следует. Вам надо подняться на тридцать второй этаж вон на том лифте. Не понимаю, черт возьми, что нынче происходит с людьми. Помните, раньше дежурство в рождественскую ночь было отдыхом? Ну, один-двое порежут кого-нибудь и все.

— Вот-вот. А когда вы приезжали на место преступления, то убийца сидел на стуле и продолжал объяснять своей жертве, как она была неправа.

— Да, такого Рождества уже больше не будет. Все это — в прошлом.

— Сегодня у них много работы? — спросил Лиленд.

— Эх, если бы люди знали, как приходится вкалывать полицейским несколько ночей в году, они согласились бы платить им сумасшедшие деньги. Если у вас есть оружие, мы можем сами потревожить этого типа.

— Ладно, оставим это, — сказал Лиленд. — Столько детей празднуют Рождество, ведь с ними как-то надо управляться? Я посмотрю сверху. Оттуда видно?

— Нет, вечер проходит с противоположной стороны здания.

— Вечер?

— Да, там происходит нечто необыкновенное. Они повернули какое-то дело с арабами или еще с кем-то. Там полно молодежи, детей, да кого там только нет! Около полуночи, перед тем как индюк начнет кулдыкать, я должен подать сигнал.

Подражая индюку, старик сорвался на фальцет. До Лиленда дошло, наконец, что он изображал Гарри Купера в кинофильме «Сержант Йорк», но тут двери лифта закрылись, и Лиленд, щелкнув пальцами, громко выругался:

— Черт!

С кем разговаривал этот сукин сын в «ягуаре»? Где тот находился? Грабить ювелирный магазин или гастроном, им вроде бы ни к чему. Что же они замышляют?

19.14, тихоокеанское поясное время

Лиленд действительно не знал, как Стеффи получила эту работу. Она приехала сюда с Дженнаро, своим мужем,

после окончания колледжа. В тот момент она не разговаривала со своей матерью, а отношения с отцом только начали налаживаться. Дженнаро был поразительно похож на Лиленда: аккуратный, с коротко подстриженными темными волосами — тогда длинные волосы еще не были в моде. Лиленд к тому времени уже почти поседел, но можно было безошибочно сказать, почему его дочь свой выбор остановила на Дженнаро. Возможно, неосознанно, но Дженнаро из кожи вон лез, стараясь произвести хорошее впечатление. Он относился к числу тех парней, которые преданно смотрели в глаза собеседнику. Для полицейских это было верным признаком лгуна, но Лиленд закрыл на это глаза, поскольку переживал период компромиссов с самим собой. Он считал, что замужество, особенно первое, будет для Стеффи шагом вперед.

Дженнаро сообщил ему, что они едут в Калифорнию. У него была степень магистра в области управления бизнесом и кое-какие связи, которые он завязал еще в колледже. Он работал, по его словам, в «проектном совете». «Черт возьми!» — ругался про себя Лиленд, прекрасно понимая, что он уже потерял всякое влияние на дочь.

Теперь Лиленд даже не знал, платит Дженнаро алименты на детей или нет. Какое-то время он жил с одной актрисой в Малибу, посещал все нужные вечера, а несколько лет назад Стеффи сообщила Лиленду, что он перебрался в Энсино — район, расположенный где-то к югу от бульвара, что должно было говорить само за себя. По словам Стеффи, в этот период он старался быть хорошим отцом для Джуди и Марка — ерунда, конечно, поскольку за все время Лиленд ни разу не слышал, чтобы дети упоминали его имя.

По мере того как лифт приближался к тридцать второму этажу, он стал различать едва слышимые звуки. А когда двери с грохотом открылись, на него обрушился шквал пульсирующего диско. На стенах то и дело мелькали яркие вспышки. Боже! И Стефани хотела, чтобы он отыскал ее среди этого сумасшествия! Неужели и дети здесь? Человек шесть гостей с напитками в руках высыпали в коридор. Разбившись на парочки, они начали дергаться в такт музыки. За ними в темноте виднелось помещение, занимавшее, казалось, всю юго-западную часть здания; там пятьдесят-шестьдесят взрослых и подростков дружно топали под оглушительный рев музыки, которая, может быть, и была верхом акустического совершенства, но от всего этого диковатого действа пол, сделанный из предварительно напряженного

бетона, дрожал, как стены деревянной риги во время мольбы.

— Привет,— обратилась к нему блондинка,— счастливого Рождества. Вы не курите эту дрянь? Настоящий товар из Колумбии.

— Доктора в санатории мне не советовали. Вы знаете миссис Дженнаро? Она назначила мне здесь встречу.

— А вы знаете, как она выглядит?

— Это я всегда знал. Все-таки я ее отец.

— Господи Иисусе, простите. Извините. Одну минутку.— Она вышла на середину коридора.— Видите ту дверь? Это офис мистера Эллиса. Последний раз я видела ее там вместе с другими шишками. О, Господи, извините. Забудьте, что я сказала, ладно? Пожалуйста. Передайте ей, что Дорин желает ей счастливого Рождества и шлет свои поздравления.

— С чем?

— С тем.

— Что значит с тем?

— А вы не знаете? Мистер Эллис и миссис Дженнаро только что провернули сделку на сто пятьдесят миллионов долларов. Идите, сами все узнаете. Пусть она вам расскажет, а потом возвращайтесь и присоединяйтесь к нам. Уж мы позаботимся о вас.

— Я староват даже для вашей матери!

— Но не для меня, ох, вы, хитрец!

Он подмигнул ей и послал воздушный поцелуй.

— Это отец Дженнаро,— сказала она, хихикая и, по-видимому, считая, что он ее не слышит. Он не обернулся, потому что ему не очень понравилось, как она произнесла имя его дочери.

Столбы в большой комнате были сдвинуты к стене, чтобы было где танцевать, и Лиленду пришлось протискиваться сквозь плотную толпу зрителей. Дверь в кабинет Эллиса вела через приемную секретаря, обстановка которой отличалась настоящей роскошью и резко контрастировала с кричащей отделкой из металла и пластика за пределами офиса. Толстое ковровое покрытие зеленого цвета, стены, обшитые панелями из красного дерева, потолок из витражного стекла — и все это для секретаря? Как и все, руководители компании «Клаксон» использовали преимущества, предоставляемые новым законом, по которому расходы, связанные с производственными нуждами, не включались в сумму, подлежащую обложению подоходным налогом, по-

этому они создавали себе такие условия и удобства, что у любого фараона от удивления отвисла бы челюсть. Дверь в кабинет была приоткрыта, однако грохочущая музыка, сотрясавшая пол под его ногами, мешала Лиленду слышать, о чем шел разговор. Он постучал по дверному косяку.

— Кто там? Войдите.

Трое мужчин, сидевшие на стульях, повернулись к нему. Стеффи, сидевшая на диване, вскочила.

— Папочка! Счастливого Рождества! Как ты вовремя!— Она бросилась к нему через комнату, обняла и поцеловала в щеку. В его руках она как-то обмякла и потяжелела, что ему не понравилось. Обхватив его за талию, она повернулась к мужчинам, которые уже встали, и представила его. Эллис стоял за своим столом, ему было за сорок; человек одного возраста с Лилендом был родом из Техаса, его звали Риверс, и он был исполнительным вице-президентом по вопросам торговли; молодому человеку по имени Мартин Фишер было за двадцать, и он был новым помощником Стефани.

Риверс первым пожал ему руку.

— Добро пожаловать, мистер Лиленд. Рады видеть вас, это большая честь. Мы слышали о том, что произошло с вами в Сент-Луисе. Но, судя по вашей ране, ничего серьезного?

Стефани посмотрела на его лоб. Риверс обратился к Фишеру.

— Вы знаете, сколько немецких самолетов он сбил?

— Да.— Фишер смотрел на Лиленда, пытаясь вспомнить, что ему говорили о человеке, стоящем перед ним.

— Это уже древняя история,— пришел ему на помощь Лиленд.— Даже ваши родители уже ничего не помнят.

— Неправда,— возразил Эллис, выходя из-за стола.— Это не так. Добро пожаловать. Это очень торжественный момент и самый незабываемый день в нашей жизни.— И он с преувеличенной энергией потряс Лиленду руку, чем сразу насторожил и оттолкнул его.

— Я слышал что-то о ста пятидесяти миллионах долларов.

— Правильно,— сказал Эллис.— Это крупнейший контракт, когда-либо заключенный «Клаксоном», не касающийся поставки продуктов нефтехимии.

— Мы будем строить мост, папа. В Чили.

— Покажите ему те часы,— предложил ей Эллис.

— Он увидит их позже,— последовал ответ.

— Мистер Лиленд, у меня в кабинете наверху есть макет этого моста,— произнес Риверс.

— Зовите меня Джо. А то я чувствую себя седобородым старцем, когда вы обращаетесь ко мне таким образом, будто я Санта-Клаус.

«Или Счастливчик Линди»,— подумал он, уступив натиску внезапно нахлынувших воспоминаний, которые вихрем окружили его, словно листья на ветру.

— Сам я воевал в южной части Тихого океана,— сказал Риверс.

— Была б моя воля, я рассказал бы обо всем в картинах на вкладышах к жвачке,— ответил Лиленд.— Стеф, если можно, мне надо привести себя в порядок. Вот уже четырнадцать часов как я на ногах. И хотелось бы позвонить.

— Что-нибудь случилось?— поинтересовался Риверс.

Лиленд покачал головой. Он действительно думал о старом полицейском внизу, но то, что он увидел на столе Эллиса,— свернутый в трубочку долларовый банкнот — заставило его быть осторожным.

— Хочу позвонить в Сан-Диего,— Лиленд улыбнулся дочери.— В самолете произошло нечто приятное.

— Ах ты, старый развратник,— пожурела его Стефани.— Ты летел рейсом на Сан-Диего? Тогда она еще не добралась до дома.

— У дамы есть секретарь-телефонистка или автоответчик. Правда, она не говорила этого, но бьюсь об заклад, что есть.

— Быть полицейским — значит иметь шестое чувство, не так ли?— спросил Риверс.

— Скорее, уметь сопоставлять и анализировать,— ответил Лиленд, избегая смотреть на Эллиса.

— И кто же она?— спросила Стефани, дергая отца за пиджак.

— Стюардесса,— сказал он.— Не беспокойся, она старше тебя, но ненамного. А что это за часы?

— Я купила себе подарок. Почему ты назвал ее стюардессой?

— Обычно я называю их помощниками по полету. Но в данном случае я хотел, чтобы все поняли: речь идет о женщине.

Мужчины рассмеялись, и это заставило Стефани покраснеть.

— Мы все слышим, — изрек Эллис. — Все мы учимся по-новому смотреть на вещи.

— Надо не смотреть по-новому, а не истолковывать превратно, — ответила она, улыбаясь. Лиленд повернулся к Риверсу.

— Позднее я с удовольствием посмотрю макет.

— Пожалуйста.

«С кем ей спать — это дело Стефани. Она уже в том возрасте, когда знают, что служебные романы кончаются бедой», — но ему не понравилось предположение, что Эллис — кокаинист. Под внешним лоском коммерсанта в нем скрывался самый страшный тип людей, с каким Лиленду когда-либо приходилось иметь дело. Стефани так и не смогла извлечь урок из своей жизни, и Лиленду оставалось лишь одно — смириться и с тяжелым сердцем признать, что он бессилён помочь ей. Он еще раз обнял ее.

— Воспользуюсь твоим офисом. Я знаю, где он находится.

— Я пойду с тобой, — сказала она. — Здесь делать нечего — знай, сидим и только нахваливаем себя.

— Она всегда такая, — обратился Риверс к Лиленду. — А она многое вложила в это дело. Без нее оно не тронулось бы с места.

— Великолепно, — ответил Лиленд.

В офисе Стефани, расположенном в противоположном тому месту, где происходил вечер, углу здания, Лиленд подошел к окну и посмотрел вниз на улицу. «Ягуара» не было. Да, спугнул он парня или заставил изменить свои планы.

Джуди и Марк находились здесь, затерялись в темноте, смешавшись с толпой. Организация вечера была идеей Риверса. Сегодня утром позвонили из Сантьяго, и все будто с ума посходили. Сделка оказалась трудной, переговоры с правящей хунтой велись осторожно, все хранилось в секрете. Усилиями «Клаксона» она оставалась в тени, потому что она была женщиной, и это бесило ее. Риверс убедил ее, что доля вознаграждения, причитающаяся ей, будет не меньше, чем у других. Ну что ж, поживем — увидим.

Лиленд подумал, что Стеффи выглядит усталой. На протяжении многих лет у нее было пять фунтов лишнего веса, теперь, похоже, — все десять. Если она кокаинистка, то ему еще надо радоваться, что она не потеряла аппетит. Но выглядит изможденной. Может быть, через несколько

дней она захочет выслушать его, но не теперь. Единственное, что он хотел сказать ей, — то, как он гордится ею.

— Чтобы связаться с городом, набери девятку, — объяснила она. — Все необходимое найдешь в ванной. Встретимся в противоположной стороне здания.

Лиленд помахал ей. Сначала он нашел служебный телефонный справочник и набрал номер главного входа.

Вахтер приветствовал его.

— Это Лиленд, тот, который только что прибыл. «Ягуар» уехал.

— Хорошо, я сообщу об этом. Не повредит. Может быть, этот парень ошивается где-нибудь по соседству, и они схватят его тепленьким. Как там идет веселье?

— Дым коромыслом, просто оглохнуть можно. Счастливого Рождества.

— К черту, у меня работа.

Лиленд решил позвонить Кэти Лоуган сегодня вечером, но не сию минуту, а попозже. В ванной все свидетельствовало о том, что Стеффи в полной мере научилась пользоваться своими льготами. Все выглядело так, словно здесь был будуар леди, только с душем и полностью оборудованным медицинским кабинетом. Приняв еще две таблетки аспирина, Лиленд снял пиджак и галстук, расстегнул воротник и закатал рукава. Затем расстегнул перевязь и положил браунинг на пиджак. В течение многих лет ему удавалось выходить сухим из воды и обходиться без оружия, но потом сверху был спущен приказ. Безоружный, он был опасен не только для себя самого, но и для других, да и практика показала, что пользоваться браунингом он умеет. Он всегда отлично стрелял, а сегодня, в этом возрасте, благодаря тренировке он стрелял еще лучше.

Лиленд не хотел, чтобы браунинг мозолил ему глаза, поскольку мысли его были заняты Эллисом. Скрученный долларовый банкнот — доказательство того, что он употреблял кокаин, — выдал парня с головой. Вот недоумок. Недоумками их звали в Лос-анджелесском полицейском управлении, поскольку эти ребята были уверены, что в отчаянном стремлении удовлетворить свои дрянные страстишки они могут обдурить власти. Не тут-то было. И Стеффи спала с этим типом! Лиленд хорошо знал свою дочь. Она всегда что-то пыталась доказать — своей матери, ему, Дженнаро, Эллису и всем мужчинам.

В любом случае Лиленду необходимо быть осторожным. В кабинете Эллиса он ушел от разговора о полицейской ра-

боте, потому что увидел долларовый банкнот. Марихуану, не боясь, курили все и везде, особенно в Калифорнии, однако кокаиновый бизнес переживал нелегкие дни преследования, поэтому трудно было предугадать поведение людей, которым вдруг намекнут, что впереди их ждут годы тюрьмы. Лучше быть таким же немногословным, каким, по мнению Эллиса, был Риверс. К глубокому разочарованию Лиленда, Стеффи недооценивала и его, своего отца. Она забыла о его жизненном опыте, который Риверс назвал шестым чувством.

Риверс понравился Лиленду не больше, чем Эллис, и не потому, что так заискивающе молчал эту чушь о войне. Риверс был таким же жуликом, делягой, как и Эллис, только малость получше. Он подкупал своей тexasской простотой, а простота, как известно, хуже воровства. Многим жителям восточных штатов так никогда и не удавалось понять этого, и тexasцы всегда оказывались в выигрыше.

Техас — это другая манера поведения, другой подход, практически другая культура. Техасцу недостаточно просто обчистить кого-то, например вас; вы должны при этом с благодарностью смотреть ему в глаза, улыбаться и пожимать руку. Именно таким и был Риверс — образчик лстеца и подлизы. Одно утешало: Эллис считал себя не хуже Риверса, в чем сильно заблуждался.

Чувствуя себя разбитым после длительного путешествия, Лиленд попытался взбодриться: подставил голову под кран с холодной водой так, чтобы не намочить пластырь на лбу, окатил сзади шею и по локоть ополоснул руки. Потом он энергично растерся, чтобы кровь прилила к коже. Состояние улучшилось, ощущалась лишь внутренняя усталость, но спать больше не хотелось, и он мог еще несколько часов провести на ногах.

Он снял ботинки и носки. В шестидесятых годах, когда он впервые отправился по делам в Европу, он оказался в самолете рядом с пожилым немцем, управляющим американским филиалом одной оптической фирмы, который, начиная с первой четверти двадцатого века, пересекал Атлантику более семидесяти раз. Лиленд сказал, что работал на заводах Форда, изучая экономические преимущества поставки запчастей по воздуху, с тем чтобы сократить число кораблей, занимающихся транспортными перевозками. Старик без умолку разговаривал в течение всего полета

от Вирджинии до Гамбурга, а Лиленд слушал его.

Старик знал Гитлера, которого называл крестьянином, не способным сформулировать собственное мнение. Из всех способов пересекать океан, которые он перепробовал за свою жизнь, этот, по его мнению, был самым безопасным. Почти два дня вы проводите в компании настоящих дам и джентльменов, преодолевая расстояние со скоростью сто миль в час на высоте в тысячу футов. «Да, удивительный был человек, просто кладезь премудрости». Если бы старик спросил его, что он делал во время войны, Лиленд солгал бы.

— Хотите — открою вам один секрет, господин бизнесмен? В конце дня, если вы падаете от усталости, помойте ноги, затем походите босиком минут десять, и вы снова почувствуете себя бодрым. Ощущение будет просто потрясающим.

Старик оказался прав. Поднимаясь и опускаясь на пальцах, в брюках с закатанными до колен штанинами, Лиленд перенес телефон дочери к окну, придерживая, поставил его на колено, набрал девятку, затем единицу, чтобы связаться с междугородней, потом код Сан-Диего и, наконец, номер Кэти Лоуган, который он помнил наизусть.

После двух гудков включился механический автоответчик.

— Привет. Я Кэти Лоуган. Сейчас меня нет дома, но, если вы сообщите свое имя и номер телефона после того, как услышите сигнал, я верну вам ваши десять центов. Или, может быть, позвоню. Так кто вы? Кончайте скалиться и говорите.

Ох уж эта Калифорния! Лиленд громко рассмеялся, когда услышал ее голос. С высоты тридцать второго этажа он увидел, как далеко внизу, со стороны Уилшира в переулок въехал грузовик и быстро спустился по пандусу в подземный гараж, расположенный под площадкой, опоясывающей здание. Лиленд стал перебирать в уме недавние события. Грузовик ехал слишком быстро, но не это привлекло его внимание.

— Кэти, это Джо Лиленд, с сегодняшнего дня — ваш друг из Сент-Луиса. Спасибо вам. Завтра у вас должен быть чудесный день. Я позвоню вечером и попрошусь на встречу с вами. Думаю, мы могли бы встретиться в Сан-Франциско.

Связь прервалась. Лента кончилась? Нет, непохоже. Нет низкого гудка. Телефон молчал. Он постучал по рычажку. Ничего.

Лиленд посмотрел на часы: восемь. Может быть, коммутатор отключается автоматически? Не имело смысла выходить на улицу, чтобы звонить еще раз. Это еще больше собьет ее с толку. Он стоял у окна, уставившись на огни на Голливудских холмах. Кто-то однажды показал ему Лорела Кэниона, но кто это сделал и когда, он не мог вспомнить.

Старый немец не подсказал решения еще одной проблемы — как снова надеть носки. Изменился звук работающей вентиляции, и это заставило его посмотреть наверх. Нет, дело не в этом. Вдруг, неожиданно, смолкла музыка. Он усиленно пытался понять, почему он обратил внимание на грузовик, и тут его осенило: это был тот самый грузовик, который он видел припаркованным в переулке по пути в Уилшир полчаса назад! Теперь ему не казалось странным, что парень в «ягуаре» быстро спрятал микрофон.

Телефон молчал.

И в тот момент, когда Лиленд собрался взять браунинг, он услышал женский крик.

В мгновение ока он был на ногах. Голова была ясной. Он надел перевязь, достал оружие, снял его с предохранителя и дослал первый патрон в патронник.

Лиленд выключил свет и медленно открыл дверь, стараясь сделать это как можно тише. Коридор был пуст, но тут издали до него донесся резкий, плохо различимый мужской голос.

Надо было решать, что делать, и сейчас же. Его ботинки — в ванной. Если голос отдавал приказания участникам вечера, то через несколько минут его команда обшарит все комнаты на этаже. Это всего лишь вопрос времени. «Сколько их?» Лестница располагалась с другой стороны, за лифтами. Перебегая главный коридор, он не более чем на секунду окажется в поле их зрения, но, если они будут смотреть в противоположную сторону, туда, где была вечеринка, он сможет скрыться незамеченным.

«Так, браунинг. Если у него увидят оружие, то будут стрелять. Если выбросить его, они подберут и будут разыскивать владельца». Нет времени прятать его, но и бессмысленно давать им шанс схватить себя именно теперь, когда у него был жетон нью-йоркского управления полиции, пусть и подаренный ему ради хохмы. Босой, держа браунинг наготове, Лиленд ступил на колючую поверхность коридорного ковра.

По мере того как Лиленд приближался к лифтам, голос

становился громче. Для начала, если **удастся**, надо бы разузнать, что происходит, но соблюдая хотя бы минимальную осторожность. За пять футов до лифтов он остановился.

Акцент. Лиленд никак не мог разобрать слова. Акцент был едва уловимый: аккуратно построенные, осмысленные фразы свидетельствовали о том, что говоривший учил язык в школе или позднее. Лиленд метнулся мимо лифтов к двери, ведущей на лестницу.

Их четверо, и одного, черт возьми, он узнал! Дьявол! Все вооружены лучшим в мире индивидуальным стрелковым оружием — автоматами Калашникова — АК-47. Лиленд задышался от ярости, ругая себя последними словами. Надо было действовать умнее!

Он ждал, затаив дыхание. Пока его не обнаружили. Следовало оценить увиденное, а увидел он немало. Необходимо было все обдумать. Первое очевидное препятствие заключалось в том, что, не имея никакой информации, он не мог эффективно действовать. Наконец он принял решение, осторожно открыл дверь на лестницу, вышел и тихо-хонько прикрыл ее.

Легко перепрыгивая через две ступеньки, ощущая босыми ногами холод шершавого бетона, отправился наверх.

20.19, тихоокеанское поясное время

На тридцать четвертом этаже он остановился. Пока достаточно. Основной свет был здесь выключен. Через окна, занимавшие все пространство от пола до потолка и целиком опоясывавшие здание, Лиленду были видны огни города, мерцавшие на фоне мрачного небосвода, и красные потоки задних габаритных огней автомобилей, стремительно бежавшие прочь. Этот этаж отличался от тридцать второго: он был совершенно открыт и здесь нельзя было укрыться или спрятаться. Пока это было ему на руку.

Он понял, что ему предстоит еще очень многое узнать о здании. Прежде всего, он хотел уяснить планировку его центральной части, а она на всех этажах была вроде бы одинаковой: восемь лифтов, по четыре с каждой стороны, расположенные друг против друга, как танцоры в кадрили. В данный момент он не мог сказать, работают ли лифты, но боялся, пустив один из них для пробы, совершенно нехотая обнаружить себя. Четыре лестницы располагались сзади лифтовых секций и выходили к каждому из четырех

углов здания. Вечер проводился двумя этажами ниже в юго-западном углу. Отлично. Если спуститься по этой лестнице, он приблизится к месту событий, но прежде требуется кое-что обдумать.

Он обошел этаж по периметру, изучая улицу. Въехать в гараж можно было из обоих переулков, а пандус прерывался лестницей, ведущей на приподнятую площадку. Вход в здание располагался на уровне второго этажа, как вспомнил Лиленд, он был весь застеклен, поэтому лифты и опорные колонны были как на ладони. Учитывая размеры здания, гараж должен уходить вниз на два или три этажа. На уровне цокольного этажа или под ним размещались отопительная установка, распределительный электрощит и телефонный коммутатор. Очевидно, что защищать здание с нижних этажей было невозможно, но на высоте, на большой высоте, если вывести из строя лифты, его можно оборонять не хуже, чем средневековый замок. Даже штурмовое спецподразделение не сможет захватить его.

Четверо мужчин в джинсах и ветровках, вооруженные автоматами Калашникова, включили флуоресцентные лампы и согнали всех в центр большой комнаты. Лиленд не видел среди них ни Стеффи, ни Джуди, ни Марка, но заметил Риверса и Эллиса. Они стояли, заложив руки за голову.

Кое-кто в этой толпе скоро может сообразить, что среди них нет Лиленда. Больше всего Лиленд доверял Риверсу, несмотря на свое негативное мнение о характере южанина. Риверс знал, что надо делать, чтобы остаться в живых, — в этом Лиленд не сомневался, чего никак нельзя было сказать о его дочери. Когда-то давно она любила отца и полностью доверяла ему. Однако в последние годы он стал замечать, что раздражает ее своей старомодностью, отсталостью, никчемностью. Но в данный момент она находилась не в своей переоборудованной и модернизированной кухне в Санта-Монике и, учитывая ее положение, подвергалась более серьезной опасности, чем могла себе представить. Человек, которого узнал Лиленд, был убийцей, с упоением делающим свое дело. Сегодня вечером он не остановится перед убийством, чтобы показать всем, кто хозяин положения.

Лиленд решил спуститься по юго-восточной лестнице на тридцать второй этаж. Дверь была тяжелая, несгораемая и практически не пропускала звук. Ручка мягко поверну-

лась, защелка беззвучно отодвинулась. Он подождал. Неизвестно, куда они смотрят — в его сторону или в противоположную сторону. Затем он открыл дверь.

Показалась голая стена. Теперь он слышал голос человека настолько отчетливо, что смог разобрать кое-какие слова: «Вы то-то и то-то». Потом нечто вроде «весь мир следит».

Лиленд шагнул в холл. Неплохо было бы знать, что они замысливают и сколько их. За холлом простирался довольно темный коридор длиной сорок футов. Надо обладать необыкновенно острым зрением, чтобы, находясь в залитой ярким светом комнате, разглядеть его в полумраке коридора. Лево́й рукой он сжимал браунинг. Даже если его заметят, он успеет добежать до лестничной клетки, а поскольку они не знают об оружии, то решат, что он для них не опасен.

Он увидел не то, что хотел. В поле зрения попали один из вооруженных бандитов и часть толпы с заложенными за голову руками. Главарь, человек, которого он узнал, по-прежнему говорил. Лиленд прояснил еще кое-что для себя: говоривший прекрасно знал, что, стоя внизу, он находился в безопасности. Лиленд вернулся на лестничную клетку и поднялся на один этаж.

Подозрение подтвердилось: тридцать третий этаж отличался от тридцать второго и тридцать четвертого, где он уже побывал: ряд крошечных помещений, напоминавших сарай для кроликов, из которых можно было попасть в просторные роскошные офисы, тянувшиеся вдоль окон. Кое-где были даже установлены телевизоры. Необходимо было собраться и, не упустив из виду ни одной детали, нарисовать план каждого этажа. Это пригодится на тот случай, если придется бежать сломя голову. Надо знать пути отступления.

Итак, банда. Он видел четверых. Даже при наличии у них радиопереговорных устройств, им необходимы были еще двое внизу: в вестибюле и в диспетчерской. Тот, что в вестибюле, вероятно, в данный момент отсылал обратно полицию. Чтобы пешком спуститься отсюда и выйти на улицу, Лиленду потребуется десять — пятнадцать минут. У него будет преимущество внезапности, и, возможно, ему удастся прорваться. А дальше что?

Что будет дальше Лиленд знал не хуже любого из смертных. Он принимал участие в секретных семинарах и конференциях, на которых разрабатывались планы действия в непредвиденных ситуациях для многих муниципальных

полицейских управлений страны. Единственно с этой целью и были созданы штурмовые спецподразделения. В том конкретном случае речь шла о перестрелке, устроенной некоей освободительной армией. Для борьбы с ней бывший начальник Лос-анджелесского управления полиции Эд Дейвис разработал стратегию, основные принципы которой он сформулировал в полном соответствии со своим подходом к решению проблемы воздушного пиратства, от которого отдавал черным юмором: «Всех повесить в аэропорту!»

Итак, стратегия состояла в том, чтобы всех убить.

Сказано сделано: убежище, где скрывались члены освободительной армии было сожжено дотла, и все, кто находился в нем, погибли.

В Антибе израильский парашютист убил заложника только за то, что тот не подчинился приказу и поднял голову, чтобы посмотреть, что происходит.

Но заложники — уже следующий вопрос. Решить эту проблему можно, поняв природу возникновения такой волны международного терроризма. Лекции, демонстрации слайдов, доклады, составление психологических портретов, материалы, предоставленные десятками правительств и многонациональных корпораций, не оставляли на сей счет никаких сомнений. Все они наталкивали на вывод, что в мире существует широкомасштабная сеть, объединявшая молодых людей в возрасте от двадцати до сорока лет, которые действуют или самостоятельно, или при поддержке других групп. Ими дирижировали, их заботливо выращивали и оберегали в таких заповедниках терроризма как Сирия, Ливан, Южный Йемен и Ливия. Эти люди решили посвятить себя и свою жизнь уничтожению общественного строя в странах некоммунистического мира. По достижении своей цели они собирались создать революционное общество, правда им никак не удавалось договориться по вопросу о том, как они будут это делать. В мозговых центрах разрабатывались различные сценарии возможных последствий на основе опыта Французской революции 1789 года, русской революции 1917 года, продолжительной борьбы китайского народа, а также недавних событий в Камбодже и Вьетнаме: чистки, резня, геноцид, контрреволюция, новые расколы.

Один маленький толстый академик, гордый тем, что был причислен к сонму «светлых голов» исследованием, наделавшим много шума, выдал такой перл: «Мы прогнозируем тридцать три — тридцать восемь процентов вероятности анар-

хии во всем мире против пятнадцати — двадцати процентов в настоящее время».

Больше проку было от психологов, но самой бесценной оказалась для Лиленда помощь психиатра, составившего портреты пяти конкретных человек. Эти ребята не были сопляками, выходцами из среднего класса, каким их обычно рисовали общественно-политические журналы. Среди них был аргентинец, выросший в семифутовом доме, сделанном из пустых нефтяных бочек, картона и виноградных обрешеток. Еще один — палестинец, воспитывавшийся в лагере беженцев в Бейруте и постоянно видевший перед собой высотные многоквартирные дома и первоклассные гостиницы, но не имевший к двадцати двум годам ни одного зуба. Для них жизнь была бессмысленной, но они надеялись найти спасение в смерти, знали, что умрут, и это объединяло их. Перед тем как идти на задание, они кутили до умопомрачения, пуская по кругу девочек... Один японский парень, в упор расстрелявший из автомата Калашникова тех, кто находился в здании аэровокзала, был перепуган насмерть, но уверен, что рай — в двух шагах от него. Поистине эти люди были исчадием ада, они были олицетворением всего самого подлого и отвратительного, что есть в этом мире.

Что касается сопляков из среднего класса, то они чаще встречались в Европе и Америке. Можно было вспомнить немецкую поэтессу Урсулу Шмидт, воспевавшую смерть; итальянских ребят, которые специализировались на медленном умерщвлении политических деятелей, или Кровавого Малыша Тони, тоже из Германии, который упивался драматургией смерти, превращаемой им в некое подобие театрального зрелища. Перед тем как выстрелить в лацкан пиджака своей жертвы, он тщательно расправлял на ней галстук. Он называл это «прикрепить черную бутоньерку».

Таков был Малыш Тони — Антон Грубер, — которого узнал Лиленд в главаре.

По выводам специалистов и по единодушному мнению коллег Лиленда, эти люди были безнадежными психически больными, поэтому они не останавливались ни перед какими зверствами: ракетой сбивали гражданский самолет, отрезали половые члены, казнили пилота после того, как заставляли на коленях молить о пощаде.

В четверг, предпоследний день конференции, когда Лиленд и большинство других участников собрались в зале, чтобы разбиться на комитеты и подкомитеты, они увидели,

что аудиторию — в который раз — обыскивают в поисках подслушивающих устройств. На своем месте перед разложенными бумагами сидел начальник полицейского управления со Среднего Запада. Это был седовласый человек лет шестидесяти с худым бледным лицом, один из самых уважаемых полицейских в Америке. Он настолько плотно стиснул губы, прижав их к зубам, что они выглядели совершенно бескровными. Благодаря его авторитету, конференция шла в нормальном, спокойном русле. Председательствующий предложил нарушить повестку дня, предположив, что возражений не будет, и предоставил ему слово. Больше не было произнесено ни звука, но внимание всей аудитории было уже приковано к начальнику полицейского управления со Среднего Запада. Сидя на своем месте, он приподнял голову и начал медленно говорить.

— Прошу прощения за нарушение повестки дня и обыск помещения, но я провел длинную бессонную ночь. Прежде всего, я хотел, чтобы у вас и у меня была возможность открыто высказывать свое мнение.

— Чем больше я думал об этой проблеме прошлой ночью, тем глубже ощущал необходимость определить собственное к ней отношение. Эта проблема мучила меня ночь напролет, не давая заснуть. И не только потому, что это самое дрянное дело, с каким мне приходилось сталкиваться за всю мою полицейскую практику, но и потому, что это самая страшная проблема, которую надо решить с человеческих позиций.

Он повернулся и посмотрел на молодых людей, сидевших в последних рядах.

— Для вас, кто не знает меня, скажу о себе следующее: в течение восьми лет я только и делал, что открывал и закрывал двери, потом тридцать три месяца служил в южной части Тихого океана. Я видел все в этой жизни и знаю, какой ужасной она может быть. Вот уже тридцать семь лет я женат на одной и той же женщине, которую люблю сегодня больше, чем в пору моей молодости. У нас четверо дочерей, которые получили образование в колледже, и девять внуков. В субботу я в любом случае уезжаю отсюда — только черти меня и видели, — потому что мы устраиваем барбекю в честь моей восьмидесятилетней тетки. Это младшая сестра моей матери. Она решила, что скоро умрет, поэтому и попросила всех собраться. Нас с ней многое связывает в этой жизни, и я знаю, она очень довольна, что повидаться с ней приедут родственники со всех концов страны.

Он встал.

— Эти ребята заставили меня подумать о своей семье. Это очень важно для меня. Они дали ясно понять, что для них не существует ничего святого, и ничто их не остановит перед достижением поставленной цели. Я крайне внимательно слушал выступавшего здесь психиатра и понял, как у этих юнцов формируются представления об устройстве мира. Если бы они просто заблуждались относительно того, как и что происходит, это не было бы страшно. Я, как и они, тоже хочу, чтобы у всех были равные шансы в жизни, но я убежден, что никто не вправе переступить черту дозволенного и прибегать ради этого к убийству. Я не вижу никакой связи между способами чинимых ими расправ и социальной справедливостью, ради которой, как они говорят, и совершаются преступления.

— Я пожил на белом свете и сталкивался с подобными вещами прежде. Когда люди, подобные этим маньякам, начинают убивать, они не могут остановиться. Если они оказываются во главе чего-нибудь, то начинают создавать трибуналы, вершить суд, организуют тайную полицию, что, однако, не мешает проведению массового террора, который превращается в настоящую кровавую бойню, а затем в геноцид. Не надо быть историком, чтобы ясно видеть: как только миром начинают править фанатики, фанатизм становится велением времени. Не будем искать примеры в современном мире. Возьмем инквизицию, которая принесла неисчислимые бедствия Испании и фактически погубила ее.

Эта проблема — моя боль. Я воспитывался с убеждением, что все мы в США — чьи-то дети и что на нас лежит ответственность построить мир таким, каким и хотели бы видеть его эти ребята. Повзрослев, я стал ездить за границу и увидел обратную сторону медали: ведь если все мы члены единой семьи — человечества, — то люди, с которыми мы сталкиваемся в других странах, могут оказаться праправнуками кузенов наших бабушек и дедушек. Таким образом различия между нами чаще всего возвращаются к нам в виде пусть самых незначительных, но ударов судьбы.

Сегодня мы собрались здесь потому, что современный мир переживает необычайно бурные потрясения и наша страна, всегда считавшаяся безопасной, перестала быть таковой. Сейчас такое время, когда члены одной семьи должны держаться друг друга, чтобы выжить. Многим это не удалось. За последние пятнадцать — двадцать лет мы не

раз были свидетелями того, сколько жизней было растрчено в пустую или загублено.

Он отступил назад и рывком поправил ремень.

— Вчера ночью я спросил себя, а какого черта я жизнь положил на это дело? Я — профессиональный полицейский, возглавляю управление, которое отвечает за безопасность почти полутора миллионов человек. Если я хочу быть настоящим профессионалом, то обязан действовать в строгом соответствии с огромным количеством законов, правил, инструкций и прецедентов. У меня в управлении есть, например, инструкция на сорока семи страницах, где разъясняется, как правильно проводить силовое задержание. Информирование общественности — это прекрасно, потому что каждый, кто захочет потрудиться, может заранее определить свое отношение, свою позицию по данному вопросу.

Я сказал, что хочу говорить откровенно. Вчера ночью я пытался объяснить себе, почему я поступаю так, а не иначе, и чем чреват мой выбор. Я вспомнил собственные правила, регламентирующие применение силы. Они предписывают моим офицерам принимать все доступные меры для обеспечения безопасности населения в тот момент, когда полицейские вынуждены стрелять, чтобы предотвратить тяжкое преступление. При любых обстоятельствах.

О чем идет речь? Об иступленном ревностью эск-муже, который держит на прицеле свою бывшую жену и собственного ребенка в их доме? Или о том, что три субъекта ограбили супермаркет? Речь идет о том — знают эти люди или нет, — что мы в подобных ситуациях прежде всего стремимся избежать чьей-либо гибели. Моя многолетняя и многотрудная практика свидетельствует о том, что, когда слишком часто убивают, это крайне отрицательно сказывается на моральном духе сотрудников управления.

Он прогнулся, распрямив грудь.

— Эти головорезы — не кучка неудачников, мечущихся в поисках выхода. Это — крепко сплоченная, постоянно пополняющаяся группа молодых психов, для которых не существует понятий подлости, низости, дикости, если, по их мнению, они своими действиями смогут ускорить наступление эры всеобщего сумасшествия. Я не позволю им превратить территорию моего округа в поле боя. В случае, если возникнет необходимость, я прикажу пресекать любое нарушение спокойствия на подведомственной мне территории, используя все, пусть самые жесткие меры. Эти люди заяв-

ляют, что они борются за будущее. В моем районе у них не будет будущего. Я не потерплю никаких инцидентов, никакой шумихи вокруг них в средствах массовой информации, никаких разрекламированных процессов. Я не позволю, чтобы из этих сумасшедших делали героев. И не допущу захвата заложников, чтобы соучастникам потом не было легче торговаться об освобождении бандитов.

Повторяю, я все тщательно обдумал. Мне не нравится решение, которое я принял, но за это я готов держать ответ перед Создателем. Эти ребята дали ясно понять, что не пойдут ни на какие уступки ради чьего-то там удобства или благополучия, если только это не приблизит их к заветной цели, а это значит, что они могут угрожать моим четырем дочерям, их детям, всему, чего достигла наша семья на протяжении четырех поколений.

— Естественно, не приходится ждать помощи от средств массовой информации. Они не виноваты в этом. Они создают новости. Но если мы будем выставлять заключенных перед прессой, газеты начнут рассказывать, что они ели на завтрак в возрасте семи лет, а если им не удастся узнать что-либо подобное, они придумают это сами. А телевидение лишь показывает то, на что направлен объектив телекамеры.

Я хочу, чтобы меня ясно поняли. Преступник — это злобный, коварный, самоуверенный и ничтожный негодяй. Ему убить человека — раз плюнуть. Человек, который в моем районе пускает в ход оружие, должен знать, что против него будут применены самые крайние меры. Я имею в виду смерть. Если эти люди окажутся на моей территории, их унесут на носилках, не накрыв простыней, чтобы каждый бандит знал, что его ждет впереди. Я не шучу — и Бог мне судья. За это я несу личную ответственность.

Он сел. Один за другим начальники полицейских управлений и их представители начали подниматься и аплодировать. Лилэнд и здоровенный парень, сидевший справа от него, встали последними.

— Умрет много невинных людей, — сказал парень.

На его слова обернулся пожилой человек из предыдущего ряда.

— Через десять — пятнадцать лет эти ублюдки доберутся до атомной бомбы. И, вы думаете, их что-нибудь остановит и они не воспользуются ею?

Теперь все это уже не имело значения. Малыш Тони, человек на тридцать втором этаже, был одним из тех, о ком

шла речь на конференции. Антон Грубер, или Антонио Рохас, Кровавый Малыш Тони, который поправляет галстуки и любит «преподносить подарок смерти» в виде черной бутылки.

И все-таки Лиленд чертовски мало знал. Сейчас было 20.52. Банда находилась в здании более получаса. Они пока не пускали в ход оружие, но это ничего не значило. Что они задумали? Этот налет не был похож на групповое убийство. Уж очень их много. Речь, которую услышал Лиленд, не оставляла сомнений в том, что — какие бы цели они ни преследовали — они придадут делу огласку, а значит, возьмут заложников.

Согнав заложников в кучу и используя их в качестве прикрытия, они смогут увезти на грузовике до сорока человек. Если они вооружены автоматами, то, вероятно, у них есть и осколочные гранаты.

И вдруг Лиленд понял, что слышит шум работающего лифта.

20.56, тихоокеанское поясное время

Он босиком бежал по ковру. Судя по звуку, лифт двигался вверх, и Лиленд хотел убедиться в этом.

Холл на тридцать втором этаже был освещен, как в рабочее время. Он отчетливо услышал шум работающего лифта и приложил ухо к двери, как оказалось, вовремя — где-то очень высоко двери лифта с грохотом открылись.

Сорок этажей. До последнего этажа — семь лестничных пролетов. Если высота одного этажа десять футов, то в общей сложности надо преодолеть семьдесят футов. Он был в хорошей форме, каждое утро делал приседания, много ходил пешком в любое время года. С тех пор, как бросил пить, не курил. Единственное, что он наверняка знал о сороковом этаже: там находился офис Риверса, а возможно, и офисы и других руководителей компании.

В очередной раз он оказался на северо-западной лестнице, прикинув, что услышит, когда лифт пойдет вниз. Он задерживался на каждом этаже, чтобы запомнить планировку. Чем больше информации — тем лучше, а ее явно не хватало. Самое большее, что он мог сделать, — освободить заложников. Он остановился на тридцать восьмом этаже, тоже совершенно открытом, чтобы передохнуть.

Можно попытаться нарушить планы бандитов. Можно

сделать так, что о них узнают раньше, чем они того хотят. Вахтер заметил, что сегодня дежурит очень мало офицеров полицейского управления Лос-Анджелеса, возможно, двести — триста человек на весь город. Штурмовой отряд должен быть приведен в готовность по первому сигналу, однако членов отряда оповещают индивидуально. Но в данном случае полицейскому управлению города понадобятся значительно большие силы, чем штурмовой отряд и капитан в придачу. Лиленд знал процедуру подготовки: не менее трех часов, а руководить операцией будет заместитель начальника.

А все это время, если Лиленду, конечно, удастся выбраться из здания и предупредить полицию, заложники будут оставаться в руках террористов. А что если попробовать оказать на них какое-нибудь давление?

Каким образом? Что можно сделать?

Если дожидаться момента, когда лифт снова пойдет вниз, и нажать на кнопку вызова, он остановится и двери откроются раньше, чем террористы сообразят, в чем дело.

Даже если их будет всего двое, у Лиленда с его браунингом практически нет никаких шансов, поскольку они вооружены автоматами.

Допустим, ему все-таки удастся уложить обоих. И завладеть их оружием. Но по характеру и количеству ран на теле все равно можно догадаться, что их было двое против одного.

Им станет ясно также, что он вооружен пистолетом.

Чем меньше они знают о нем, тем больше у него шансов остаться в живых. И пожить еще.

Тут ему пришлось в голову, что самый большой шанс у него будет в том случае, если он вообще ничего не предпримет, выйдет из этого дела...

Но он мог запросто сорвать их планы. Мог подать сигнал из здания. В конце концов, он мог вызвать огонь на себя.

Эта идея понравилась ему.

Но что делать с браунингом и его чертовой дюжиной патронов? Пусть они думают, что он не вооружен. Чем дольше они не будут знать о браунинге, тем большую роль он сыграет в нужный момент.

Он задержался на тридцать девятом этаже, чтобы записать, что видел ниже. Что ж, он выбрал подходящее место для хранения и последующего извлечения информации, поскольку на тридцать девятом размещался компьютерный комплекс «Клаксона», — целый этаж, сверкающий белой чистотой; банки данных и терминалы.

Лиленд набросал небольшой план, составленный на основе наблюдений и выводов:

- 40-й. Офисы руководства.
- 39-й. Компьютеры.
- 38-й. Открытый — одни столы.
- 37-й. Северная сторона — личные кабинеты; южная сторона — открытая — подготовка текстов.
- 36-й. Небольшие комнаты — стены и прозрачные перегородки.
- 35-й. Открытый.
- 34-й. Открытый.
- 33-й. Небольшие комнаты и офисы; телевизоры.
- 32-й. Заложники.

Ценная информация, но чего она стоит, если ее нельзя передать? Лиленд понимал, что если недооценит сложившееся положение, то он, считай, уже труп. Ведь это нечто иное, чем война. Наверняка у террористов были свои люди в здании. Они подали сигнал, что все приглашенные собрались наверху. То, что они полностью контролируют ситуацию, свидетельствует о получении предварительной информации, например, от какой-нибудь придурковатой секретарши, наподобие той, что прикололась к нему в холле. Он был уверен в этом.

Значит, банда была в курсе, кто из присутствовавших был влиятельным лицом, а кто нет. Вопрос заключался только в том, как много они знали. Лиленду оставалось предположить самое худшее.

Он поднялся на самый верх. Дверь с лестничной клетки вела в холл, более узкий, чем на нижних этажах. Холл был отделан красным деревом и застлан мягким уютным ковром. Горел свет. Лиленд слышал только шум работающего кондиционера. Не этаж, а, по-видимому, настоящий лабиринт из офисов, конференц-зала, столовой, коммутатора и, вероятно, небольшого, но полностью оснащенного спортзала.

Лиленд замер. Что еще?

Макет моста.

Что еще он знает про мост?

Лиленд предположил, что все террористы — немцы или европейцы. Интересно, а как выглядит чилийский молоко-сос? Военная хунта, правившая в Чили, была самым репрес-

сивным в Америке режимом, практиковавшим пытки и отправлявшим людей на смерть с не меньшим азартом, чем диктатор Дювалье на Гаити в наиболее страшные годы своего правления.

Лиленд опять услышал звук работающего лифта. Теперь он так близко находился к крыше и механизмам, приводящим в движение лифты, что уже не мог с уверенностью сказать, какой из них поднялся на этаж. Одно он знал наверняка: бандиты еще не отключили их.

Машина поднялась на самый верх. Лиленд, толкнув дверь, приоткрыл ее.

— Wo sind sie? — спросил знакомый Лиленду голос.

— Durch diese Türen, ganz da hinten.

Знаний Лиленда в области немецкого хватило, чтобы понять, о чем шел разговор: Малыш Тони спросил, где они были, на что в ответ его послали к такой-то матери. Лиленд решил рискнуть. Он вышел в холл и направился, как ему казалось, в противоположную от говоривших сторону.

Все на этаже свидетельствовало о тех привилегиях, которыми пользовалось только руководство компании. Да, здесь будет труднее найти лестничную клетку, чем на нижних этажах.

Лиленд находился в южной стороне здания. Офисы президента и председателя должны были располагаться с северной, чтобы в них не проникал прямой солнечный свет. Учитывая положение Риверса, его офис должен быть там же. Лиленд пытался ориентироваться по огням за окнами.

Вдруг он оказался в небольшом кабинете, без окон, расположенном внутри здания. Еще одна дверь представляла собой массивный монолит. Лиленд достал браунинг.

Дверь была открыта; в следующей комнате было темно, но из щели под дверью на противоположном конце пробивалась яркая полоса неоновых светов, достаточная, чтобы увидеть, что он попал в своего рода читальный зал со столом и стульями. Юридическая библиотека корпорации. На основе того, что он знал о ведущих корпорациях, Лиленд мог в дюймах подсчитать расстояние до офиса президента.

Из-за двери доносились какие-то звуки и, как ему показалось, доносились издали. Ручка изнутри была снабжена замком. Он медленно открыл ее, и первое, что он увидел, были рельефные буквы на наружной стороне двери, указывавшие на то, что это действительно библиотека.

Он оглядел длинный коридор, который тянулся по всей длине здания, на целый квартал, до бульвара Уилшир. Он, оказывается, обошел вокруг лифтового блока. Он уже так хорошо ориентировался, что чувствовал себя здесь, как дома.

Он почти распахнул дверь, как вдруг что-то остановило его и заставило вернуться в библиотеку. В конце коридора появился свет. Лиленд слышал, как колотилось его сердце.

В поле зрения появилось двое мужчин, один из них — Антон Грубер. Они разговаривали. Лиленд затаил дыхание, чтобы расслышать, о чем они говорят. Но они находились так далеко, что их голоса звучали приглушенно, словно говорили по телефону через подушку.

— Besteht eine Möglichkeit, dass er uns helfen wird?

— Ich glaube nicht. Der weiss doch, dass wir ihn umbringen werden, sobald er uns gibt, was wir wollen, Они говорили о Риверсе.

— Ich mag das Töten nicht.

— Je schneller wir ihn umlegen, umso leichter wird uns das Töten in der Zukunft fallen, wenn es notwendig wird. Dieser Mann verdient den Tod. Bring ihn jetzt her und wir erledigen das.

Лиленд переждал мгновение, потом выглянул. Сверх всякого ожидания его охватило странное чувство. Будто смотришь сквозь зеркало. Это чувство не покидало его весь вечер, но когда оно впервые появилось? У Грубера был «вальтер». Он хотел убить кого-то, как тот юнец, психологический портрет которого был точно воссоздан на инструктажах. Перед ним стоял Риверс. Значит, Риверс. Грубер смахнул воображаемую пылинку с его костюма. Риверс не верил в то, что сейчас должно было произойти. Он вообще не понимал, что происходит. Грубер приставил дуло «вальтера» к лацкану пиджака Риверса и нажал на спусковой крючок. На какую-то долю секунды, пока звучал выстрел, Риверса охватил неопределимый ужас. В следующее мгновение он был уже мертв, повалился на пол и растянулся на нем. При падении тела раздался неясный звук, словно уронили мокрое белье.

Теперь Лиленд бежал что есть мочи.

Он добежал до тридцать четвертого этажа и остановился. Ему нужен был открытый этаж. Как будто смотришь сквозь зеркало или нет? Внизу, под ним, текла своим чередом

городская жизнь, безмятежная, сверкающая предрождественская жизнь, а Риверс лежал мертвый, с простреленным сердцем, напоминавшим теперь кусок тушеной говядины. Говорят, что сраженные пулей умирают еще до того, как оказываются на земле. Так говорят охотники. Простреленный олень падает на землю так, словно его сбросили с грузовика. Как в Зазеркалье; впервые это чувство возникло у него в Санта-Луисе, в заснеженном аэропорту Ламберт-Филд. Офицер Лопес, которому следовало быть в Лос-Анджелесе. Лиленд так и не выяснил, кто из пассажиров самолета был начальником федерального управления полиции, но он встретил Кэти Лоуган. Ему захотелось вновь оказаться в самолете.

Ты никогда не прислушивался к себе. Лиленд прочитал это на лице Риверса. За какую-то долю секунды он понял, что произойдет дальше. За Риверсом наступит очередь Эллиса, потом Стеффи. Судьба Эллиса будет зависеть от него самого, от того, как скоро он сообразит, что Риверс мертв. Но от Эллиса не было никакого прока на сороковом этаже, так как его офис и, возможно, его отдел располагались на тридцать втором.

Было одиннадцать минут десятого.

Грубер и его дружки находились в здании больше часа. Необходимо было критически оценить ситуацию и разработать план. Он не мог подать сигнал и при этом не обнаружить себя. Это значит, что он отвлечет на себя одного или несколько человек. Надо сделать так, чтобы они недооценили его как противника. А что потом? Если они ошибутся один раз, сможет ли он заставить их ошибиться вторично? Если да, то сможет ли он извлечь из этого выгоду?

Ему придется действовать, не зная самого главного: увидели ли его сигнал те, кому он предназначался.

Он пытался разработать план действий, который не только даст ему преимущество, но и позволит перейти в наступление. Он запомнил планировку всех этажей, ну а если забудет, то все записано на бумажке, как в школьной шпаргалке.

Если повезет сразу, то в его распоряжении окажутся другие средства связи, не говоря уже об оружии. Ему необходимо заполучить один из автоматов. Но с этим можно повременить, а пока нужен нож.

Нигде не видно световой сигнализации. Возможно, она есть в цокольном этаже или на продовольственном складе. На всех этажах были инструменты для тушения пожара

и шланги. Интересно, можно ли проверить напор? Его интересовало и многое другое, и он чувствовал, что ситуации полностью овладела его воображением. Ах да, зеркало. Он не переступил через него. За него это сделал другой, тот, что лежит сейчас на сороковом этаже, этот рубаха-парень, этот идиот по имени Риверс.

Ножницы! Ему нужны ножницы, чтобы отрезать кусок электропровода!

21.27, тихоокеанское поясное время

Он опять спустился на тридцать четвертый этаж. До этого он побывал на тридцать пятом и сделал его чертеж. Один меткий выстрел, и он — труп. Он готов к этому? Готов, и в большей степени, чем Риверс, который теперь с гордым видом лежит там, наверху, в виде бесформенной кучи. Лиленд видел много трупов, и ему не раз приходилось быть свидетелем того, как умирают люди, но ему никогда не доводилось видеть, чтобы человек был застрелен столь хладнокровно и безжалостно. Размышляя над этим, Лиленд вспомнил, как сам угрожал браунингом здоровенному водителю фургона в заснеженном Сент-Луисе. Интересно, как там у него дела. Он был дома, со своей семьей, поэтому Лиленду нечего было беспокоиться о нем.

Его план — утопия, но попытаться все равно надо. Нельзя допустить, чтобы они узнали о браунинге. Он сделал для себя открытие: можно передать сообщение азбукой Морзе, используя флуоресцентные лампы. Одновременно необходимо наблюдать за лифтами. Двери, ведущие на лестничные клетки, надо подпереть пожарными топорами, которые с грохотом упадут, если их откроют. При первых же признаках приближения кого-либо, он выключит свет. Не очень изящное и остроумное решение, но будет интересно посмотреть, сколько их попадется на эту удочку.

Он посмотрел на Голливудские холмы. Что видно с их высоты? Одинокое стоящее здание, вокруг которого — ни одного строения выше десятого этажа. Слово «КЛАКСОН» своими массивными вытянутыми буквами окаймляет крышу здания; на большом расстоянии буквы сливаются в одну светящуюся полосу. На всех этажах здания горит свет. Лампы на тридцать четвертом этаже, мигающие в ритме морзянки, — три длинные вспышки, три короткие, опять три длинные — на фоне освещенного здания будут казаться

тоненькими, как спички, и едва различимыми. Не приходилось сомневаться в том, что вспышки будут наверняка замечены теми, кто находился внутри здания.

От яркого света резало глаза, сосредоточиться удавалось с трудом. Если верить тому, что пишут общественно-политические журналы, то совершенно бесполезно обращаться за помощью к людям, живущим на этих холмах. Лиленд живо представил себе некоего подвыпившего молодого артиста, который примет мигающие лампы за огни рождественской дискотеки. «Эй, мне это нравится!» Карен всегда казалось, что он осуждает таких людей. Нет!

Они лишний раз напоминали ему, что все, чем он занимается, в сущности, не так уж важно. Это был особый способ существования, образ жизни, который не зависел ни от какой политики, ни от самой цивилизации. Карен никогда не верила, что он видит связь между пьющими артистами и некоторыми людьми его профессии, оставшимися не у дел, как тот вахтер внизу, которого так обрадовала перспектива арестовать парня в «ягуаре». Жители Лос-Анджелеса тратили на парфюмерию и посещение косметических кабинетов больше денег, чем кто бы то ни было. Это особенно забавляло жителей Сан-Франциско, которые значительную часть денег тратили на одежду...

Заработал лифт. Звук гудящего мотора подействовал на него, как электрошок.

Лиленд выключил свет. Он спрятался под стол, сжимая в руке браунинг. Весь лифтовый блок был как на ладони. Звякнул тоненький колокольчик, и над второй парой дверей появился белый свет. Значит, лифт поднялся и остановился. Сами того не желая, они даже подсказали ему, на какие двери обратить внимание.

Из лифта вышел один, всего один; в руках — пистолет-пулемет Томпсона, черт возьми! Надо заставить парня первым проявить себя. Для этого есть старый, как мир, способ. Вот он появился!.. Лет двадцати пяти. Двери лифта закрылись за ним, но кабина не тронулась с места. Это надо запомнить. Парень шел, осторожно ступая и держа палец на спусковом крючке. У него в обойме двадцать патронов. Но он был еще слишком далеко, чтобы попасть в него из браунинга.

— Эй, ты, послушай! Давай выходи, руки вверх! Мы видели, как ты сигнализировал. Выходи, не тронем тебя.

Еще один немец. Нельзя высовываться, надо помнить,

что силуэт может быть виден на фоне света, освещенного снаружи окна. Пригибаясь, Лиленд побежал к западной стороне: там он был недосыгаем для автоматной очереди. Ему бы сейчас очень пригодилось увесистое пресс-панье. Парень шарил в темноте, нащупывая выключатель, который находился далеко от него. Лиленд стал пробираться к лестнице.

— Выходи! Хуже будет! Мы вооружены! Надо будет — пустим в ход оружие!

Цветочный горшок! Небольшой полосатый филодендрон с очаровательными белыми листьями. Лиленд крепко сжал горшок и швырнул его как гранату в направлении окон северной стороны. Из летящего горшка на столы посыпалась земля; возникший при этом шум никак нельзя было принять за топот бегущего человека, но этого оказалось достаточно: парень успел выстрелить пять-шесть раз еще до того, как горшок ударился об пол и разбился.

Затем произошло нечто странное: раздался звук лопающегося и трескающегося стекла. Окна разлетались на куски, рассыпались на миллион крошечных матовых осколков. В комнату со свистом ворвался уличный воздух. Прыгая по столам, парень бросился к окнам.

Лиленд направился к лестнице, к выключателю.

Он располагался почти у самого края стены, и Лиленд мог легко дотянуться до него из своего укрытия. Когда свет зажегся, парень завертелся, пригибаясь, и стал стрелять. Лиленд слышал грохот за своей спиной. Автоматная очередь повредила полуретановое потолочное покрытие, куски которого упали на столы. Лиленд ждал, когда парень, ослепленный ярким светом, высунется опять. Браунинг он спрятал. Его трясло. Он уже заключил сделку со своей совестью и убьет парня, но не уверен, что ему удастся сделать это так, как он задумал.

— Эй ты, дерьмо собачье, я здесь!

Прогремела еще одна очередь, и пули с глухим стуком ударились о пластиковые стены. Конечно, там, внизу, все слышно. Стефани и Эллис понимают, что происходит. Лиленд побежал вверх по лестнице и выскочил на тридцатый этаж. Он отрезал несколько кусков электрического провода, связал их, обмотал стул компьютерными распечатками и с помощью провода подвесил его к окну. Это была паршивая имитация человеческой фигуры, напоминавшая садовое пугало. Лиленд подумал, что после стольких промахов парень, возможно, начнет лучше соображать. И он понимал, что ему не может везти бесконечно. Он крутанул свое сооружение и выбежал на лестницу.

Штуковина медленно вращалась и была хорошо видна. Лиленд слышал шорох на лестнице. Он спрятался за углом недалеко от двери. Появился парень. Нет, он не дурак, сразу не купился. Он шагнул в сторону вращающегося стула, держа «томпсон» наготове. Вот-вот выстрелит. Лиленд ринулся на него, вскинув браунинг, как полицейскую дубинку.

Парень обернулся почти вовремя. Он успел слегка увернуться, но браунинг обрушился на его голову, ударив в висок. Оглушенный, парень повалился на спину. Он был в сознании и пытался выстрелить в Лиленда, когда тот еще раз изо всех сил ударил его. Парень головой ударился о виниловый пол, «томпсон» вылетел у него из рук. Он встал на четвереньки, пытаясь отползти в сторону. Лиленд крепко обхватил его за шею, перехватил дыхательное горло. Парень вскинул руки. Нельзя было терять ни минуты. Лиленд уперся плечом в его шейные позвонки.

Они изучали этот прием по рисункам и диаграммам, но не на практике. «Поверьте мне, что он действует безотказно, — сказал инструктор из ФБР почти четверть века назад. — Но чертовски не хочется, чтобы вам когда-нибудь пришлось им воспользоваться».

Человеческий позвоночник не толще ручки бейсбольной биты. Сосредоточив все свое внимание на том, чему его учили, Лиленд забыл, что перед ним был такой же человек, как и он. Надо резко, всем корпусом согнуться вперед, словно вы ныряете в воду. При этом плечом, изо всех сил давящим сзади на шею, вы отделяете череп от позвоночника, иными словами, вы попросту ломаете шею.

И Лиленд сделал это, выбросив себя вперед, словно прыгнул с трамплина в воду. Он сломал парню шею. Раздался звук, похожий на хруст молодого деревца, безжалостно погубленного руками силача. Голова парня повисла, как у цыпленка, которому свернули шею.

Лиленд чувствовал, что его вот-вот вырвет. Он набрал полную грудь воздуха и задержал дыхание. Ноги парня дергались, кулаки сжимались, как будто не знали, что принадлежали уже мертвому человеку.

Лиленд взял пистолет-пулемет Томпсона и положил его на стол, затем осмотрел содержимое вещмешка. Две полные обоймы — сорок патронов. Небольшая, но ужасно тяжелая рация. И шоклад! Плитка «Млечного Пути» и две плитки «О'Генри». Ни одной гранаты.

Лиленд надел вещмешок на плечо. Было бы безумием считать, что он получил хоть какое-то преимущество. Теперь его будут не просто искать: за ним будут охотиться. Теперь они знают, что имеют дело с серьезным противником.

Считай, что тебе уже не повезет, что удача тебе больше не улыбнется. Надо примириться с мыслью, что ты уже покойник. Так он поступал во время войны, хотя ему безумно хотелось жить. В такие минуты, когда разум и тело действуют заодно, ты забываешь о себе. В этом весь фокус. Карен никогда этого не понимала.

Он подкатил секретарский стул, подхватил тело и с трудом попытался усадить его. Голова парня болталась на груди лицом вниз, скорее даже лицом внутрь. Он вынул оставшиеся патроны из «томпсона» и вставил новую обойму. Затем взял со стола бумагу и ручку...

Когда все было готово, он подкатил тело к лифтовому блоку. На тридцать четвертый этаж поднялся второй лифт; если его не вызвали вниз, то он будет здесь, на тридцать пятом, в один момент. Лиленд нажал на кнопку и нырнул за угол.

Почти сразу звякнул колокольчик, и, когда двери раздвинулись, он увидел, что лифт пуст. Лиленд уперся ногой в дверь, чтобы вкатить тело, и развернул стул.

Он посмотрел вверх, чтобы удостовериться, сможет ли он залезть на крышу кабины и опустить на место крышку до того, как лифт остановится на тридцать втором.

Дулом «томпсона» Лиленд сдвинул крышку люка. Сначала надо забросить туда оружие. Он может выиграть секунд десять, если нажмет на кнопки тридцать четвертого и тридцать третьего этажей. Вопрос заключался в том, хватит ли у него сил забраться в люк. Если это не получится, двери откроются и закроются на тридцать втором, а это значит, что он успеет сделать тринадцать выстрелов, чтобы защитить себя.

Он встал на цыпочки и подтянулся. Забросил «томпсон», потом нажал на нужные кнопки и подождал, пока двери закроются.

Он был уже на крыше кабины, когда та достигла тридцать третьего этажа. Лифт шел вниз, а он все пытался задвинуть на место крышку люка. Он как раз встал на ноги и поднял «томпсон», когда двери открылись на тридцать втором этаже.

Лифт ждали. Охнула женщина, судорожно глотая воз-

дух. Как он и думал, среди них были женщины. Лифт дрогнул, когда в него вошли люди, и двери стали закрываться прежде, чем их успели заблокировать. Лиленд видел только узкую полоску пола не более, чем в футе от дверей. Он знал, что с обеих сторон были лифтовые шахты, но почему-то не испытывал желания посмотреть вниз.

Малыш Тони опять интересовался, что происходит.

— «Теперь у нас есть пулемет», — прочитал он и спросил: — У него сломана шея? Говорите по-английски.

— Может быть, это охранник, которого мы не заметили?

— Зачем ломать шею, если есть оружие. В записке говорится «у нас». Любопытно. Что вы обнаружили в том офисе?

— Пиджак, ботинки и носки.

— Причем одного мужчины. «У нас»? Судя по вашим словам, это мужчина и женщина. Они что, уединились, чтобы заняться любовью, а женщина полностью одета? Любовники, которые ломают шею тем же приемом, что и «зеленые береты»? Нет, не похоже.

— Надо что-то предпринять.

Кровавый Малыш Тони вздохнул.

— Нам придется сказать Карлу, что его брат мертв. Тело поднимите наверх, чтобы его никто не видел. Я хочу, чтобы эти люди как можно дольше чувствовали себя спокойными, — Его почти не стало слышно. — Вызови Карла по рации и скажи ему, чтобы спустился сюда. Пока он будет спускаться, ты и Франко отнесите тело Ганса туда, где лежит тот, другой. Этот тип — или эти двое — имеют теперь одну из наших раций, хотя в записке об этом — ни слова. Малый — не сопляк какой-нибудь и не дурак. Вы с Франко пройдете по лестницам, но будьте все время начеку, оружие держите наготове. Мы расчистим для вас дорогу.

— Карл спускается, — сказал незнакомый голос. — Езжайте.

Двери шумно закрылись, и кабина пошла наверх. Лиленд хотел было убить их прямо сейчас, выстрелив через крышу лифта, но многое было против этого решения. Выстрелы услышат, и он может повредить лифт, причем так, что сам окажется в ловушке и погибнет. Может он не убьет, а только ранит их. Может быть, они оказывают ему настоящую услугу, что везут его на самый верх. Мимо него так стремительно прошел вниз соседний лифт, что ему пришлось одной рукой ухватиться за трос. Остаток пути он проделал, крепко держась за него.

Он дождался, пока они выкатили из кабины тело Ганса, затем перебрался на рабочую площадку, расположенную внутри лифтовой шахты над сороковым этажом, при этом ему пришлось перелезть через двойное ограждение. Он весь вымазался в густой черной смазке. Если не удастся почиститься, то придется быть крайне осторожным, чтобы не поскользнуться и не сорваться. Когда двери лифта закрылись, он оказался в кромешной темноте. Лишь тонкий луч света пробивался через вентиляционное отверстие.

Четыре лифта с одной стороны, четыре — с другой, а что между ними? Бетонная стена. Он пробирался на ощупь, пока не дошел до металлической двери; в центре ее была прикреплена пластина с надписью, которую он не смог прочитать. «Наверное, предупредительный знак», — подумал Лиленд. Дверь с трудом открылась наружу. Из вещмешка он достал один из сорока патронов, просунул его в дверную щель и бросил. За первую секунду патрон пролетает тридцать два фута, за вторую — шестьдесят четыре, за третью — сто двадцать восемь и так далее. Почти через четыре секунды патрон упал, звонко ударившись, но не разорвался, закончив путь. Лиленд нашел систему кондиционирования воздуха. Он улыбнулся. Все, что ему требовалось сейчас — это веревка, ботинки, молоток и крюки, и он мог бы облазить все здание, как крыса. Он пошел дальше.

В дальней стене была еще одна дверь, достаточно большая, чтобы в нее мог пройти человек. Она была не заперта, но что-то придерживало ее снаружи, не давая открыться. Ветер. Он ревел и завывал здесь и, судя по всему, дул в сторону океана. Город сиял. Он посмотрел на юг, в сторону высотных зданий, видневшихся на горизонте. Автомобильные потоки были по-прежнему устремлены к ним. Стефани говорила, что это районы Лонг-Бич и Сан-Педро. Он находился на высоте двух-трех этажей над светящейся кромкой крыши. Ему стало ясно, что вертолет не сможет сесть на крышу. На нее можно высадить подразделение десантников, но заложникам будет не под силу взбираться по гибким лестницам в вертолеты, зависшие на такой высоте.

По лестнице Лиленд спустился на саму крышу. Все четыре лестницы здания, конечно, не могли выходить прямо сюда, но одна должна обязательно. Возможно, кто-нибудь из террористов рассуждает так же, как он, хотя нет причин считать, что кто-то из них догадался, что он забрался на крышу лифта.

Одно было бесспорно: в лице Малыша Тони он имел

достойного, хитрого противника, которому не составит труда понять смысл путаной записки Лиленда. Если Лиленду и дальше не будет сопутствовать удача, то этот парень еще покажет ему, на что он способен и, возможно, обыграет его. Лиленд спросил себя, как бы он вел поиски, будучи на стороне противника?

Теперь он считал непоправимой ошибкой, что не убил тех двоих в лифте. Они ждали, что он воспользуется рацией. Если бы его обнаружили на крыше кабины, то поняли бы что действовать надо крайне осторожно.

Лучше было бы, если лифт поднялся на сороковый этаж с тремя трупами; тогда в создавшейся неразберихе у него было бы больше времени передать сообщение наружу.

Конечно, террористы слышали бы выстрелы, но, если бы он лучше работал головой, если бы он только захотел воспользоваться предоставившейся возможностью, он мог бы изрешетить их, прыгнуть обратно в кабину и успеть покинуть лифт до того, как тот достигнет сорокового этажа.

Его снова затрясло. Неужели он впадает в шоковое состояние? Он до сих пор слышал хруст ломаемой шеи. Нет, он не имеет права думать об этом! Если он поддается чувствам, то его обязательно поймают и убьют — это всего лишь вопрос времени. На сей счет он не должен заблуждаться: если его поймают, его убьют.

В юго-западном углу он обнаружил открытую дверь. За ней оказалась большая комната, в которой были сложные флуоресцентные лампы для вывески на крыше. Там же была лестница, ведущая вниз, в коридор, по которому он проходил здание перед тем, как на его глазах убили Риверса. Если Лиленд правильно понял ход их действий, Карла отправили вниз, поэтому на сороковом этаже должен был остаться только один человек. Часы показывали 22.25. Значит, чтобы найти дорогу и спуститься из лифтовой башни, ему понадобилось почти десять минут. Сколько этажей они успели осмотреть? Лиленду не терпелось узнать, что они делали в помещении руководства. Но гораздо важнее было передать сообщение наружу. Он вернулся на крышу.

Рация имела пять диапазонов рабочих частот, которые кто-то заботливо пронумеровал. Переключатель был установлен на частоте двадцать шесть. Лиленд включил рацию.

— ...вы видите, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Если не сдадитесь к половине одиннадцатого, мы начнем расстреливать заложников. Кто знает, может быть, среди них окажется дорогой и близкий вам человек...

Дерьмо! Малыш Тони Грубер бросил пробный камень. Он же хотел, чтобы заложники чувствовали себя спокойно. Поэтому он не будет расстреливать их. Он даже не знал наверняка, слушает ли его Лиленд. Конечно, если Лиленд ответит, дело получит иной оборот, и не в его пользу. Что-то в связи с этим не давало ему покоя. Да, теперь они знали, что он вооружен, но Лиленд все равно не мог понять, почему Грубер так церемонился с ним, тратя столько сил и энергии.

Они еще не были готовы придать делу огласку. Им позарез нужно то, в чем отказал Риверс здесь, на сороковом этаже.

За две минуты до срока Лиленд включил рацию и нажал на кнопку «вкл.».

— Строчишь, как из пулемета, черт тебя побери. Слово невозможно вставить. Хочу заключить с тобой сделку. Ты слушаешь?

— Да, говорите.

— Дай девушке спуститься вниз. Она ни в чем не виновата и боится, что с ней что-то случится. Пусть она спустится на лифте. Что скажешь? Согласен?

— Хорошо, согласен... Вызовите лифт и посадите ее...

Лиленд не слушал его. Он положил рацию на стол в юридической библиотеке и быстро пошел по длинному коридору, ведущую к двум трупам и помещению руководства. По подсчетам Лиленда, у него была минута времени. Этого достаточно, чтобы они поняли его обман. Кто же из них остался здесь? Лиленд хотел запугать, устроить их, насколько это было возможно. Во всяком случае, вид у него и так был устрашающий, поскольку с головы до ног он был испачкан смазкой.

Когда он дошел до конца коридора, свет погас.

Лиленд замер. Он услышал, как что-то щелкнуло. Далеко, где-то за углом, пытались тихо повернуть дверную ручку. Лиленд отступил назад, развернулся и побежал. Он услышал, как они приближаются, остановился, обернулся, пригнувшись, и дал очередь. В темноте не было ничего видно. Грохот «томпсона» оглушил его, но он чувствовал, какие разрушения причинил выстрел, разорвав обшитую панелями перегородку в противоположном конце комнаты и разбив стеклянные витражи на потолке.

Они вычислили его, поняли, где он находится. Он отступал дальше по коридору по направлению к библиотеке, дал еще одну длинную очередь. Его трясло от сознания того, что в тот момент, когда он откроет дверь, ему выстрелят в спину. Он добежал до двери библиотеки и, споткнувшись на пороге, ввалился внутрь.

Он с трудом поднялся на ноги, плечо занемело от удара о стул. В этот момент коридор прошла очередь ответного огня. Автоматы Калашникова — их ни с чем не спутаешь. Он должен во что бы то ни стало заполучить один из них. Из огненного дула по всей длине коридора сыпался град трассирующих пуль. Лиленд слышал, как под их разрушительным натиском трещали и ломались перегородки комнат в южной стороне здания. Он не собирался соревноваться с ними в стрельбе. Насколько он понимал, его обходили с противоположной стороны. Учитывая, что перегородки были разорваны в клочья, ему приходилось пригибаться. Он выскользнул через дальнюю дверь, повесив рацию на плечо. Он чувствовал себя Робинзоном Крузо, спасающимся бегством от людоедов.

Он пересек этаж по южной стороне, прячась под столами, перебегаая из одной крошечной комнаты в другую. Прозвучали три одиночных выстрела; они находились в библиотеке. Он шел, рискуя нарваться на них. Как они догадались? Где-то он ошибся, но где — не знал. На этом этаже совершенно нельзя было обороняться. Если удастся добраться до северо-западной лестницы, то можно спрятаться на нижних этажах.

Он остановился в коридоре западной стороны. Здесь свет тоже был выключен. До этого он горел! Они гнали его по зданию, как затравленного оленя. Его перехватят на пути к северо-западной лестнице и расстреляют в упор. Интересно, удалось ли им узнать что-нибудь о нем от тех, кто находился внизу? Там был Эллис, босс Стефани. Да, Стефани еще предстоит извлечь урок из всего этого.

Если он так и будет стоять, то здесь и умрет.

Он еще раз бросил взгляд на коридор. Дверь, ведущая на крышу, была в двенадцати футах. Слишком далеко, учитывая, что рация, вещмешок и «томпсон» тянули его вниз, как камень утопленника, и мешали быстро бежать. Он постучал по перегородке, отделявшей его от офиса, расположенного напротив двери. Деревянные панели толщиной около восьми дюймов, внутри — пустота. Если бы было время, он пробил бы ее ногой и прошел бы насквозь, как это делает крыса, прогрызая пластиковую обшивку стен.

Он посмотрел на потолок: если сдвинуть полиуретановые плиты, которыми тот выложен, он сможет перебраться через верх.

Если будет действовать быстро.

Оказавшись по другую сторону перегородки, он повис, ухватившись за металлическую опору, и прыгнул на пол с высоты полутора футов. Решил было поставить на место потолочные плиты, но понял, что его в любом случае быстро обнаружат. Плечо пульсировало. Завтра оно будет деревянным, а «томпсон» в данной ситуации лишь усугубит дело. Ему приходилось стрелять из него во время стажировки в ФБР: ощущение такое, будто ты пытаешься задержать Ларри Чонку.

Дверь в коридор была заперта снаружи. Он отступил назад. Решение перебегать от одной двери к другой оказалось невыполнимым. Когда они дойдут до смежной комнаты и увидят дыру в потолке, то сразу все поймут.

Он загнал себя в угол. Ситуация напоминала садовый лабиринт, который так любят англичане. Они будут стрелять, пока не убьют его. Дик Трейси всегда так поступал.

В отличие от великого чикагского детектива Джо Лиленд оказался в обратной ситуации — плохие мальчики захватили его дочь, да и его самого вот-вот постигнет та же участь. Его, Счастливого Линди! И вдруг он впервые подумал о том, что хочет убить их. Да, он хотел этого!

Замок был закрыт крепкой, начищенной до блеска алюминиевой пластиной. Оставалось надеяться, что заряды в патронах были необлегченные. Не хватало только, чтобы пули рикошетили по всей комнате — тогда уж ему крышка. Он встал сбоку и дал длинную очередь. Дверь распахнулась внутрь, как это обычно описывается в историях про привидения.

Лиленд подумал, что все не так безнадежно. Теперь, когда он обнаружил себя, ему оставалось только гадать, ждут ли его в конце коридора или в соседней комнате. А может быть, его подкарауливают на лестнице, ведущей на крышу?

Даже если он доберется до крыши, неизвестно еще, удастся ли ему уйти. В любом случае раздумывать было некогда. Одним рывком он пересек коридор, и тут же прозвучали пять выстрелов, как ему показалось, из автоматической винтовки. Пули просвистели в футах над его головой.

Он вскочил и побежал в направлении лестницы. Снова

раздались выстрелы. У них было столько боеприпасов, что они могли не только сдержать, но и отразить наступление роты морских пехотинцев, особенно учитывая занимаемую ими позицию. Оказавшись на верху лестницы, Лиленд пригнулся и разрядил всю обойму в открытую дверь внизу, стараясь выиграть время. Он не слышал ничего, кроме грохота автоматных очередей. Чтобы перезарядить «томпсон», потребуется слишком много времени. Человек с автоматической винтовкой появился внизу раньше, чем Лиленд успел выскочить на крышу. На какое-то мгновение силуэт Лиленда обозначился на фоне бледного неба. Лиленд увернулся, но человек опередил его, и две пули просвистели буквально в нескольких дюймах от глаз.

22.40, тихоокеанское поясное время

Сколько их? На сороковом этаже их не могло быть больше двух, но, охваченный паникой, Лиленд допускал и другое. Теперь это не имело значения. Они загнали его, как собака загоняет на дерево кошку.

Он вновь оказался в прохладной металлической поверхности рабочего помоста внутри лифтовой башни. Он надеялся обезопасить себя, прорвавшись на крышу, но они уже поднялись по огороженной лестнице и сами нашли выход туда. Он уже почти скрылся, когда они все-таки заметили его, но не смогли подняться по лестнице, рискуя в любой момент получить пулю, теперь ему уже некуда было отступать. Заглянув в шахту, Лиленд увидел, что они открыли люк на крыше кабины, поняв ход его мыслей, и теперь наступали на пятки. Вот он я, берите! Сам преподнес себя на тарелочке.

Лиленд повернул переключатель рации, поставил его девятый диапазон и затаился в углу за дверью, ведущей на крышу. Он услышит, когда они подойдут. Одновременно можно наблюдать за шахтой лифта, хотя проку от всего этого мало. Им следовало перенести свои действия к другому блоку лифтов, тогда с ним было бы покончено. Лиленд нажал на кнопку «вкл.».

— Помогите, — прошептал он. — Помогите. Сообщите полиции, что иностранные террористы захватили здание компании «Клаксон ойл» на бульваре Уилшир. Взято много заложников. Повторяю. Помогите.

Когда он отпустил кнопку, ему ответили.

— Не думаю, что это поможет. Вы слышите меня? Мы знаем, где вы. Подтвердите, что слышали меня, пожалуйста.

Лиленд нажал на кнопку.

— Что вы хотите?

— Хочу заключить с вами сделку. Настоящую сделку. Между прочим, эти маленькие рации довольно маломощны, и передавать сигналы бедствия, находясь внутри железной клетки, бесполезно. Вы слушаете?

— Да.

— Оставайтесь на месте. Мы больше не хотим крови. Оставайтесь на месте и не мешайте нам. Не вынуждайте нас идти на крайние меры, иначе мы до вас доберемся. Тогда пощады не ждите, вы должны это прекрасно понимать.

Лиленду показалось, что до него донесся какой-то звук.

— Как вы вышли на меня?

— Вы нам в этом помогли; сами подсказали, где вас искать, — ответил Грубер развязно, — когда попросили отправить девушку вниз. Вы слышали наш разговор в лифте. Решили, что я охотно поверю в ее существование? Разговора об одежде, полагаю — вашей одежде, — которую мы нашли, никогда не было. Может быть, вам это кажется бессмысленным, но я люблю использовать ошибки противника, заставляя его действовать на основе неосознанных побуждений. Теперь я вижу, что вы понимаете это. В конце концов, вы сами придумали забраться на крышу лифта. Кто вы? Вы смелый человек...

К чему эти увертки? Нерешительность, которая предвещала слова Грубера о том, что в случае чего его не пощадят, Лиленд воспринял как намек на брата погибшего парня, который наверняка был настроен воинственно и мстительно и, если еще не вышел из подчинения, то готов был сделать это в любую минуту. Видно, у них уйма свободного времени. 22.50. Через час и десять минут наступит Рождество. В Нью-Йорке три часа утра. В Европе десять часов. Папа Римский всегда обращается к пастве с рождественским посланием. Интересно, в этом году он появился на людях? Самым страшным кошмаром для итальянской полиции стало покушение на жизнь папы. Но какое отношение имеет папа к нефтяной компании, строящей мост в Чили?

Лиленд потерял глаза. Он проснулся до начала передачи «Доброе утро, Америка» в Сент-Луисе в семь часов утра, по центральному поясному времени. Сейчас там почти час ночи.

У них уже наступило рождественское утро. Если бы он зашел в самолете, он не познакомился бы с Кэти Лоуган. Она, должно быть, уже дома, думает-гадает, не сломался ли ее автоответчик. Бессмысленно надеяться, что она поймет что-либо из обрывавшейся записи. Они поцеловались, как дети. Ему хотелось выбраться отсюда и поцеловать ее еще раз.

Возможно, они только хотят усыпить его бдительность, убеждая, что ему ничто не угрожает. Разгадав его план, они блокировали последний этаж. У них все было готово для встречи с человеком, который имел глупость обнаружить себя.

Вопрос: что он рассказал им о себе.

Ответ: сказал, что сможет оказать им достойное сопротивление.

Что ж, исходя из этого и трезво оценивая свои силы, можно было предположить, что они будут защищать то, что имеет для них наибольшую ценность. Руководителю банды потребовались считанные секунды, чтобы предупредить своих людей на сороковом этаже о его появлении. Одновременно он занимал Лиленда разговорами по рации. Значит, они работали на нескольких частотах. Надо было сохранять спокойствие и не терять головы. Они еще не были в курсе того, что он понимал по-немецки, хотя и очень плохо. Рация могла сослужить не меньшую службу, чем «томпсон».

Если, конечно, ему еще представится случай воспользоваться и тем, и другим.

Мысли путались, он опять впал в полузабытье. Дик Трейси с помощью «томпсона» всегда выбивал идеальные кресты. Очевидно, что Честер Гоулд никогда не пробовал скакать ни на одной из этих диких лошадей.

Лиленд не знал, стоило ли еще раз попытаться передать сообщение.

Он боялся открыть дверь и выглянуть наружу.

Карен от всего этого была бы в восторге. Это точно. Ей понравилось бы все; начиная с момента прибытия в аэропорт Сент-Луиса и кончая тем, что происходит с ним сейчас. То, как он размахивал браунингом перед носом водителя фургона. То, что он поцеловал Кэти Лоуган. То, как наделал столько ошибок, что теперь не может ни шевельнуться, ни произнести ни слова. Национальная гордость! Национальный герой Америки! Грех гордыни. Прямо как в интервью с одним красавчиком, бейсбольным профи: «Моя

жена была всего-навсего обыкновенной студенткой колледжа, но со временем она научилась достойно дополнять меня».

Лиленда передернуло. За свою жизнь он причинил боль многим людям, но Карен обидел больше всех. Не считая, разумеется, тех, кого убил. Он нажал на кнопку.

— Послушай, фриц. Мне надоела эта дешевка. Сыт по горло. Скажи, что затеяли твои мерзавцы?

Грубей рассмеялся.

— Забавно. Может быть, вам лучше спуститься и сдаться?

— Ты только что сказал, что пощады мне не будет. Карл там? Он слышит меня? Я хочу поведать ему, как сломал шею его брату.

Раздался какой-то звук, и рация умолкла. Лиленд посмотрел на часы: почти одиннадцать. Он взглянул на дверь и прикинул, сможет ли услышать их шаги, когда они будут подниматься по железной лестнице. Он снова задрожал. Температура понижалась; ведь Лос-Анджелес — пустынный город. Его трясло.

Некоторое время он крутил переключатель, стараясь перехватить их разговоры, затем прибавил звук, поймав какую-то рождественскую передачу. Он прислушался. Жители города собирались на празднование. Дети рассказывали, как будут кататься на лыжах во время рождественских каникул. Юта. Кто-то возвращался в Аризону. Ему нравилась размеренная жизнь.

Надо было как-то бороться с холодом. Его отец, который то же был полицейским, учил делать десять глубоких вдохов: это насыщает кровь кислородом, который ускоряет теплообмен. В течение двух лет его мать перенесла два удара, и отец сам ухаживал за ней. Карен была за кем-то замужем, когда умерла, но это — не одно и то же.

Она умерла во сне. Остановилось сердце. Рано утром ему позвонил ее муж, а Лиленд в благодарность за это опять забыл, как его зовут. Они были женаты два года, а он все не мог запомнить имя, словно от этого зависела жизнь. Он понимал, что таким образом хотел похоронить воспоминания о неудавшемся браке. Как они ни пытались, их семейная жизнь, в конце концов, пошла под откос. Не сумели сохранить семью. Дик Трейси получил свое прозвище за то, что, стреляя, выбивал идеальные кресты: ему всегда удавалось

загонять нехороших мальчиков в помещение, а самому оставаться снаружи.

Подобно ребенку, пересчитывающему деньги, полученные на Рождество, Лиленд в очередной раз проверил патроны. Две полные обоймы, плюс отдельные патроны — более сорока выстрелов. Если в следующий раз он окажется с кем-нибудь из них один на один, надо будет обязательно раздобыть еще автомат.

«Ты превосходишь самого себя», — подумал он.

Я никуда не поеду.

После их развода и ее нового замужества, после того как Лиленд бросил пить и восстановил прежнюю форму, он написал Норме Макивер в Сан-Франциско. Их и раньше тянуло друг к другу, но по многим причинам из этого ничего не получилось. В письме он рассказал ей все, что произошло. После развода он несколько раз бывал в той стороне по делам, но не решался связаться с ней, поскольку считал, что он пока не тот мужчина, которого она захочет принять. Теперь он чувствовал себя иначе и хотел видеть ее.

Норма позвонила ему. Они проговорили три часа.

Шесть недель спустя — быстрее он не мог устроить свои дела — он ехал из Международного аэропорта Сан-Франциско в нанятой им машине с откидным верхом. Погода была прекрасная. У Нормы была квартира в Ноб-Хил в двух кварталах от Собора. Ключ лежал в конверте под дверным ковриком. В записке она предупреждала, что не надо пугаться нестриженного тойпуделя и что Джоанна, ее дочь, придет из школы домой без двадцати четыре. Он начинал новую жизнь. Норма была помощником инспектора школ Сан-Франциско, собака оказалась крошечным неугомонным уродцем, а Джоанна — высокой и стройной, как ее отец, и смуглой, как мать.

— Вы сбили столько самолетов, правда? А о моем папе говорится в самом конце книги.

— Он поздно начал воевать. Теперь, когда я стал старше, я понимаю, что все мы были очень смелыми, в том числе твой отец. Особенно он.

Рыбацкая пристань. А через три дня это была уже площадь Джека Лондона в Окленде. Норма стала очень красивой. За десять лет материнства ее характер смягчился, она постройнела; поскольку всего в жизни она добилась сама, то выглядела очень мудрой. Джоанна была идеальным ребенком: умная, любознательная, полная уверенности в себе. Как сказала Норма, она была в курсе, что ее мать и Лиленд будут спать вместе.

Это не имело значения. Они занимались любовью в ту первую ночь, прямо у нее на кухне, быстренько убрав со стола кофейные чашки. Он раздел ее. Никогда в жизни он не был так взволнован. Они занимались любовью с открытыми глазами, при полном освещении, глядя друг на друга. Он считал, что связал свою жизнь с самой лучшей женщиной на свете. Он отнес ее в спальню, и утром, проснувшись, они увидели, что так и проспали всю ночь в объятиях друг друга.

Следующие пять дней они только этим и занимались. Они были любовниками больше года, сохраняя верность друг другу. Но, как оказалось, она не хотела возвращаться на восток, а ему дела не позволяли перебраться на запад. Он был безумно влюблен и надеялся, что проблема как-то решится. Но Норма вдруг все порвала. Она сказала, что поехала бы с ним, не задумываясь, если бы была уверена, что будет значить для него чуть-чуть больше, чем его работа и все, что связано с ней.

— Джо, если ты решил, что можешь все бросить и начать новую жизнь с Джоанной и со мной, то я этого сделать не могу. Ты никогда не говорил со мной об этом, даже не считал нужным обсудить. Я не хочу любить человека, который будет заставлять нас подстраиваться под его работу. Мне этого не надо. Даже Макивер не поступал со мной так. Мне кажется, ты даже не понимаешь, о чем я говорю.

Нет, он знал. Он любил ее, но не настолько, чтобы поддаться чувствам. Через год она вышла замуж за одного типа из Беркли, который был на пять лет моложе ее, и они поселились на острове Сент-Томас в Карибском море, где жили до сих пор, насколько ему было известно. Она была права. Если бы он не упустил шанс, то был бы счастлив. Прошло немало времени, прежде чем он позволил себе вновь думать о Норме. Он по-прежнему был уверен, что упустил возможность хоть как-то спасти свою жизнь.

— Счастливого Рождества, — сказал он вслух.

Он встал и потянулся, подняв автомат над головой. *Что тебе подарили на Рождество, Джо?*

Во время Великой депрессии даже у полицейских были сокращены часы работы. Через день-два после праздника он встречался на углу со своими приятелями. Никто не говорил, сколько купюр получил, но каждый старался представить своих родственников в выгодном свете. «Все в порядке. Получил то, что хотел». Он был единственным сыном у своих родителей. Стефани у него тоже была одна. А у нее

двое — Марк и Джуди. «И пока опасность им не угрожает», — думал он.

Надеялся.

Ты не ответил, Джо. Что тебе подарили на Рождество?

«Подарили то, о чем мечтал, — ответил он про себя, как ребенок, — мне подарили потрясающий настоящий автомат».

Даже отец не понимал, что с ним происходит. «Мне никогда не доводилось пускать в ход оружие», — говорил он в старости, как бы замаливая грехи сына, у которого руки были в крови. — Если бы ты знал, как я жалею, что это случилось с тобой».

Ну, ас, сколько трупов будет теперь?

Он понятия не имел. Он не знал, как вести счет ошибкам — с позиций старого довоенного полицейского, чьему дурному примеру последовал новобранец Лиленд, или с позиций Теслы, которого он отправил на электрический стул вместо настоящего убийцы.

Карен тогда его очень поддержала. «Ты не должен винить себя. Он же сознался. Признание у него вырвали, но не ты это сделал. Кроме тебя, были еще окружной прокурор, судья, присяжные, адвокат. Ты не виноват».

Возможно. Но поскольку он пережил обоих, они являлись ему по ночам во сне. Особенно часто — Тесла. В его сне тот проживал жизнь, которую у него отняли.

Лиленд приложил ухо к двери, ведущей на крышу. Тихо. Заглянул в шахту. Все лифты стояли неподвижно далеко внизу.

До тросов ему не дотянуться. К тому же они были покрыты смазкой. Стенки шахты выложены гладкими блоками из шлакобетона.

Он опять подумал о двери. Если за ней кто-то есть и он увидит, как поворачивается ручка, то уложит Лиленда на месте. Малейшее прикосновение к ручке было связано для него с нежелательным риском.

Нравится ему это или нет, но придется еще раз осмотреть систему кондиционирования воздуха и вентиляции.

Как-то в новостях сообщили, что один парень в Сан-Франциско упал в такую шахту глубиной в тридцать этажей, и остался жив, благодаря поступающему снизу воздуху, который смягчил удар. Лиленду не хотелось бы ставить аналогичный опыт.

Надо действовать как можно тише. Если лязг железной двери услышат, вся свора опять бросится за ним.

От одной мысли о спуске в шахту ему стало тошно. У него чуть не закружилась голова. Как же он заставит себя залезть внутрь? Бросать еще один патрон не имело смысла. Четыреста футов. Это тебе не на самолете летать. Это даже нельзя сравнить с ползанием по пещере. Большая вертикальная шахта должна иметь ответвления в виде меньших по размеру, но все же достаточно просторных горизонтальных труб. Если он попадет в них, то не сможет повернуться, а возможно, и рукой пошевелить, чтобы отодвинуть заслонку, закрывающую вход в канал. Или может очутиться там вниз головой и не сможет двигаться.

Разве что превратиться в жука, путешествующего по дренажной трубе?

Он положил рацию и «томпсон», лег животом на железную площадку и просунул голову и плечи в проем.

Шахта оказалась шире, чем он думал. Гораздо шире. Он сможет опуститься на три с половиной фута. Если он не увидит первое из горизонтальных ответвлений, то, возможно, нащупает его. Нет, не выйдет. Этот номер не пройдет. Ему придется действовать, не зная, на что он сможет опереться. Если эта точка окажется выше него, и не хватит сил, чтобы удержаться, он разобьется насмерть. Он проживет еще четыре секунды — достаточно, чтобы смерть была мучительной. От этой мысли к горлу подкатила тошнота, и он поспешно выбрался наружу.

Лиленд осмотрел свою ношу. Как он все это понесет? Обе руки должны быть свободными.

У вещмешка была парусиновая завязка. В распушенном виде ее длина составляла около пяти футов. Сможет ли он удержаться на ней? Если да, то надо использовать «томпсон» в качестве распорки и подпереть им маленькую железную дверь; тогда он сможет спуститься в шахту. Поскольку руки будут частично заняты ношей, ему, возможно, удастся опуститься футов на десять. Завязку можно чем-нибудь нарастить. Но если она сорвется — ему конец.

Перевязь для оружия была сделана из первоклассной толстой воловьей кожи, вероятно, более прочной, чем парусина. Это давало дополнительных два фута. Браунинг он заткнул за пояс. Может, бросить здесь «томпсон», да заодно и вещмешок? Нет. Вещмешок можно закрепить на конце завязки и спустить в шахту. Когда он найдет точку опоры, попробует выдернуть «томпсон», который будет придерживать дверь. Если не получится, он все же сможет дотянуться и отвязать вещмешок. Если придется расстаться с «томп-

соном» они решат, что он опять безоружен. Надо привлечь к этому их внимание. Но прежде всего необходимо найти точку опоры.

Мальчик, выше головы не прыгнешь.

Он думал. Он сумел перебраться с крышки кабины лифта на рабочий помост шахты, ухватившись за ограждение над головой. «Так, так, думай». Сейчас он мог находиться на высоте пяти футов над коммуникациями, проложенными в потолке. Что из этого? А вдруг они услышат, как он карабкается у них над головой, словно крыса внутри пластиковой стены?

Он должен был решить для себя, что не пойдет дальше, если найдет выход на безопасном уровне. Если он не уверен в надежности завязки и перевязи, нечего и думать лезть туда.

Зажимы, соединявшие отдельные части перевязи, были самым уязвимым местом. Скорее всего, они были сделаны из сплюсненной проволоки. На свету выглядели как латунные. Надо провести эксперимент — лязгнуть «томпсоном» по ограждению. Тихо. Хотя, если они слышали, то уже в пути.

Неплохая идея — размышлять, по возможности, на отвлеченные темы. Это давало голове отдохнуть. Его удивляло, как, оказывается, здорово — разговаривать с самим собой. Он всегда думал, что не имел к этому склонности, однако мать рассказывала Карен, что в детстве с ним такое случалось. Карен была сиротой, приемным, и она часто разговаривала сама с собой. Она лучше помнила свое детство, чем он свое. Он всегда хотел быть полицейским, и все его детство было заполнено мечтами, жизнью в воображаемом мире, играми, радиопередачами. Он жил, не замечая времени, и возвращался в реальную действительность, только когда слышал одно из специальных словечек: «посадить» или «подозреваемый».

Его мать была для него настоящей опорой в жизни, и он воспринимал это как должное. Так прошла первая половина его жизни, а ее жизнь подошла к концу, прежде чем он осознал, что почти никогда не понимал мать. Его отношения с Карен во многом определялись этим осознанием и прогрессирующей старостью его отца. Его мать, красавица, была образом женщины двадцатого века. Она познакомилась со своим будущим мужем сразу после окончания школы, а ее единственный ребенок родился, когда ей не было и двадцати. Всю свою жизнь она посвятила созданию

дома, который в сознании любого холостяка ассоциируется исключительно с понятиями любви, терпения, упорного труда и самопожертвования.

Он опять отвлекся. Даже карикатурный Наполеон, вылезая из сумасшедшего дома через окно, остановился проверить, насколько крепко связаны простыни. Лиленду все-таки придется познакомиться с этим зданием, пусть даже всего за четыре секунды. Он убедился, что «томпсон» стоит на предохранителе, затем перекинул парусиновую завязку через ограждение и привязал к ней вещмешок. Его по-прежнему беспокоили зажимы на оружейной перевязи. Сначала он будет держаться только за завязку вещмешка: внутри узкой шахты очень мало места для маневра. «Не надо забивать голову всякими дурными мыслями, считай, что это все равно, что поменять колесо у машины».

Что бы его мать подумала о нем сейчас? На самом деле его волновал вопрос, что она думала о нем перед смертью. Она всегда говорила, что гордилась им, но позднее, в минуты откровенности с самим собой, он признал, что это было, не совсем так. Он пугал ее. Да, черт возьми, он всех пугал. Всю жизнь люди старались держаться подальше от него и искали контакта с ним лишь в случае необходимости.

Каждый родитель возлагает на своего ребенка определенные надежды, и это открытие сделано очень давно. Сейчас, когда Стеффи находилась там, внизу, в руках террористов, он тоже рассчитывал на нее, на ее благоразумие. Когда она была маленькой, он играл с ней в «Монополию» и всегда надеялся, что она выиграет. Эта игра напоминала реальную жизнь.

Теперь она за компанию с Эллисом стала кокаинисткой. Свои знания о наркотиках Лиленд почерпнул от Нормы, которая начала курить марихуану, когда он жил у нее. Это было время, когда наркотики только стали наводнять страну. Он не поддался искушению, удержался: с его алкогольным прошлым это было наилучшим решением. Удовольствие, которое вы получаете от наркотиков, зависит исключительно от вашей индивидуальности. Именно поэтому Стеффи и беспокоила его. Он достаточно хорошо знал как свою дочь, так и кокаин: наркотик только усилит и подчеркнет все самое дурное и безобразное, что в ней есть. Кокаином увлекались стойкие наркоманы типа Эллиса, которые всегда жаждут приключений, желают ходить по острию бритвы.

Такой была и Стеффи. Он вздохнул.

В шахту! Надо забыть о страхе. Под ним — четыреста футов. Патрон летел так долго, что это даже удивило его. «Томпсоном» он подпер дверь у основания. Дверь была очень тяжелой и не могла сама закрыться и зажать пистолет-пулемет. Лиленд был уверен, что ему в любом случае придется расстаться с оружием. Шахта была слишком широкой, чтобы он мог упираться в ее стены спиной и ногами. Сначала он свесился на руках и только потом ухватился за самодельный канат. Ничто не сместилось, все осталось на своих местах. Теперь он целиком погрузился в шахту.

Понемногу спускаясь, он непрерывно ощупывал вокруг себя стены в поисках прохода. Они были покрыты какой-то тончайшей пылью. Вход в шахту оставался еще в пределах досягаемости. Надо было спускаться ниже, но он уже не верил в эту затею. Ничего не выйдет.

Хватит думать, все равно выбирать не приходится!

Он опускался все ниже, перебирая руками, пока не добрался до вещмешка, потом до середины завязки. Было так темно, что он не видел собственных рук. Отталкиваясь от стен ногами, он ощупывал их со всех четырех сторон. Прохода нет. Значит, надо спускаться ниже.

О, Боже сделай так, чтобы я не упал!

Оставалось не более трех футов парусиновой завязки. Справа стена отступила. Надо было спуститься еще фута на два.

Оказалось, что не надо. Почти сразу его нога коснулась поверхности горизонтальной шахты, высотой не более двенадцати дюймов.

По крайней мере, есть на что опереться. Вокруг крошечная тьма. Ему предстояло решить, стоило ли попытаться счастья в горизонтальной шахте. Как только он выбьет «томпсон», путь назад будет отрезан.

Если эта узкая шахта будет разветвляться, то он застрянет в ней надолго, возможно, навсегда.

Работая поочередно то правой, то левой ногой, он стал забираться в шахту, пока не оказался там на коленях. Он по-прежнему держался за последние дюймы парусиновой завязки. Чтобы выбить «томпсон», подпирающий железную дверь, надо ослабить давление на завязку. Но он пока держался за нее, чтобы сохранить равновесие.

Не спеши, парень.

Лиленд насухо вытер левую руку о брюки и уперся ею в противоположную стену. Потихоньку ослабил давление на

завязку. Сверху донесся глухой металлический звук, который он скорее почувствовал, чем услышал. Теперь он держался за завязку, стараясь не давить на нее.

Он немного свесился вниз головой, проталкивая ноги в горизонтальную шахту как можно дальше и упираясь ягодицами в верхнюю ее стенку. Он залез настолько глубоко, насколько позволяла длина завязки.

Он остановился, чтобы передохнуть.

Перевязь была прикреплена к прикладу «томпсона»: так он будет падать стволом вверх. Он изо всех сил дернул за завязку. Когда она поддалась, он опустил ее еще ниже и как можно дальше втиснулся в узкое пространство. Высота прохода, по его прикидке, была достаточной. Ему удалось протолкнуть бедра, поэтому он уже фактически лежал. Он довольно свободно повернул голову, но наверху было очень темно и не видно, в каком положении находилось оружие. Сейчас все это обрушится на него, поэтому надо как можно дальше углубиться в горизонтальную шахту в тот момент, когда он дернет в последний раз.

Еще одна передышка. Он начал обратный отсчет от пяти.

Изо всех сил отталкиваясь левой рукой, он яростно втерся в горизонтальную шахту и одновременно дернул за завязку. Наверху ее что-то зацепило, потом отпустило, раздался лязг. В этот момент Лиленд потерял точку опоры и стал вываливаться в вертикальную шахту. На его шею обрушился вещмешок, а «томпсон», рикошетом отскочивший от него, больно ударил прикладом по затылку. Его моментально оглушило: он знал, что так и получится. Он так далеко вывалился из шахты, что мог рукой дотянуться до противоположной стенки. Оружие устремилось дальше вниз, увлекая за собой вещмешок, а заодно и завязку. Он ухватил ее, одновременно залезая обратно. Он чувствовал, что голова кровоточила. Он поймал завязку, но это не исчерпало всех сложностей, к тому же у него все плыло перед глазами от удара. Помогая себе свободной рукой, он забрался внутрь шахты и лег. Руки были вытянуты вперед, снаряжение было перед глазами, а «томпсон» все еще болтался в шахте. Он был длинный и не проходил в отверстие шахты поперек. Лиленд почувствовал, что окровавленной макушкой испачкал верхнюю металлическую поверхность шахты. Он лежал, зажатый со всех сторон. По мере того, как он с огромным трудом вытягивал «томпсон», внутри него нарастала ярость. Он ни о чем не думал; его рука легла на предохранитель. Он был настолько зол на себя и на ситуацию, в которой ока-

зался, что уже не отдавал отчета в своих действиях. Он нащупал спусковой крючок, нажал, и «томпсон» выстрелил.

23.24, тихоокеанское поясное время

Прозвучали три выстрела, грохот которых в этом замкнутом пространстве можно было сравнить разве что с разорвавшейся атомной бомбой. Лиленду напрочь заложило уши. Он втянул автомат внутрь, стволом наружу, и снова поставил его на предохранитель. Он не имел возможности вытащить из-за пояса браунинг. Он включил рацию, но не мог согнуть руки, чтобы пододвинуть ее поближе. Вот и придется держать ее между рук и тянуться к ней.

Губами он прибавил громкость.

— Как вы там? Все в порядке? — спросил голос. — Что означает эта стрельба?

Если он будет молчать, они подумают, что он мертв, — покончил с собой или стал жертвой неудачного обращения с оружием. В этом случае им надо подняться по лестнице, расположенной снаружи лифтовой башни. Но такая перспектива может натолкнуть их на мысль о подстроенной им очередной ловушке.

С другой стороны, он не очень представлял себе, насколько хорошо были слышны выстрелы на сороковом этаже. Он был уверен в одном — они знают, где он находится, и попытаются преследовать его. Поэтому надо двигаться дальше.

Он полз задом наперед, поэтому, если бы здесь и было видно хоть что-нибудь, он все равно не мог бы ориентироваться. Но в шахте была крошечная тьма, и он не видел даже собственного тела. Эдак он выберется прямо под дула их автоматов.

Он пробивал дорогу, волоча за собой снаряжение и преодолевая шесть, девять, иногда двенадцать дюймов зараз. Надо было двигаться быстрее. Делал он это шумно, используя каждую возможность увеличить разрыв между ним и преследователями.

Он не знал, как измерить расстояние, которое преодолел. Его страх перед замкнутым пространством можно было сравнить разве что со страхом упасть в шахту. Он должен сохранять ясность ума и перестать думать об этом. «Интересно, как можно точно подсчитать, сколько человек в банде? Надо забыть о своих страхах и сосредоточиться на том, что

происходит». Ему было бы на руку, если бы они по-прежнему думали, что он находится в лифтовой башне. От одной этой мысли он ощутил прилив жизненных сил. Тогда он мог бы бродить по зданию сколько угодно. Он мог бы изменить свою тактику, перестал бы убивать и начал бы считать. Надо воспользоваться их заблуждением насчет того, что он уже вне игры, и подать сигнал — столько раз, сколько ему заблагорассудится.

Он подполз к концу шахты. Не мог же он проделать двадцать футов! Что-то здесь было не так.

Он попробовал посмотреть через плечо, но это оказалось невозможно. Ни малейшего намека на свет. Его босые ноги ощутили холод металлической решетки. Она была толще, чем он думал. Он толкнул ее, но она была крепко привинчена. Комната, куда она выходила, должна быть близко расположена к северной части здания, которой банда придавала такое большое значение. Он в очередной раз толкнул решетку так сильно, что ее прутья врезались ему в кожу, весь напрягся и надавил на нее, что было мочи. Решетка поддалась с одного угла и отстала от стены. Ступнями ног он уперся в верхний ее угол и нажал, как только мог. Решетка отвалилась.

Как только он спустился, то понял свою ошибку, увидев покрытие. Он дал маху, неправильно определив глубину шахты. Он по-прежнему был на крыше.

Он осторожно вытащил снаряжение из прохода. Сидя на корточках, вдел завязку в вещмешок, надел перевязь, вложил браунинг в кобуру. С ног до головы он был покрыт черной пылью, скопившейся в шахте. Несколько часов назад он, как истинный джентльмен ехал в лимузине, а теперь он выглядел, как цирковой клоун, ярмарочный фигляр, балаганный шут, который в перерывах между выступлениями развлекает публику тем, что отрывает головы у живых цыплят.

Он улыбнулся.

Он оставил автомат у вентиляционного отверстия. На крыше были проложены коммуникации, поэтому ему пришлось балансировать, чтобы добраться до южной стороны здания. Уж на этот раз он передаст сообщение, надо только убедиться, что на крыше никого нет. В любом случае ему нужно было захватить кого-нибудь из них.

Спуск в шахту придал ему решимости. Может быть, это произошло раньше, когда он спасался бегством или когда боролся с клаустрофобией, зажатый со всех сторон в узком

проходе. Все это заставило его чувствовать себя униженным и оскорбленным.

Но он был рад, что остался жив. Теперь надо было принять что-то, что придавало бы ему уверенности в собственных силах и помогло выжить.

Погода изменилась. На небе над горами появился просвет, теплый ветер все усиливался. Он видел заснеженные вершины гор, поднимавшиеся выше небоскребов в центре города. Горы были на расстоянии сорока миль. Он вспомнил слова Стефани, что местоположение Лос-Анджелеса было самым красивым в мире. Вероятно, она была права.

Ладно, парень, потом будешь любоваться пейзажем.

Пригнувшись, он обогнул лифтовую башню, направляясь к тому месту, где, как он предполагал, прятался наблюдатель. Здесь, наверху, в темноте, учитывая, что он был весь грязный, его было трудно разглядеть. Превосходно. Ужасно.

Его глаза заметили парня, который сидел на какой-то алюминиевой коробке. Лиленд достал браунинг, снял его с предохранителя, выпрямился во весь рост и двинулся на него. Прошло какое-то мгновение, прежде чем парень поднял глаза. Он был маленький и тщедушный, с буйными и жесткими, как проволока, баками. Какую-то долю секунды он всматривался в темноту, ничего не видя. Но в следующий момент Лиленд уже держал браунинг приставленным к ладкану его куртки, как это сделал Малыш Тони с Риверсом. Парень широко раскрыл глаза. Голубые глаза.

— Говоришь по-английски?

— Да.

— Какого черта вам здесь надо, сукины дети?

Тот медлил с ответом, его глаза блеснули. Он хотел показать себя умником и готов был произнести настоящую речь.

— Нет времени слушать эти бредни, — сказал Лиленд и нажал на курок. Тщедушный человечек отлетел к алюминиевой коробке. Он испустил дух и замер, уставившись в небо широко открытыми глазами.

— Два, — произнес Лиленд.

Он достал рацию и на девятой частоте передал сообщение. Это был запасной канал для экстренных случаев. Все это время он не спускал глаз с двери, ведущей на лестничную клетку. Он убрал рацию в вещмешок и вытащил из рук парня оружие. Этот был совсем молодым, моложе первого. Автоматическую винтовку чешского производства Лиленд

решил не брать. Может быть, у него тоже есть шоколад? Но у парня не было вещмешка, а шарить по карманам Лиленд не собирался.

Нет, черт возьми, не собирался!

Он спрятал оружие за коробку, подхватил парня за запястья и, приподняв, усадил его, придерживая за воротник.

— Когда ты увидишь, Скезикс, что будет дальше, рад будешь, что умер.

Лиленд положил его на плечо и потащил в сторону бульвара Уилшпир. Каркас светящейся вывески «КЛАКСОН» отступал от крыши здания почти на ярд, что было весьма кстати. Лиленд нашел место, чтобы положить тело и перевести дух. Больше он ничего не будет поднимать и таскать. После этого он больше ничем не привлечет к себе внимания. Он столкнул тело вниз.

— Пошел! Давай!..

Надо посмотреть, куда он упал. Пока волок парня по крыше, весь испачкался в его крови. Он должен быть уверен, что тело заметят. Голова Лиленда показалась над вывеской как раз в тот момент, когда тело ударилось о ступени и покатилося на улицу. Оно так деформировалось и перекутилось, словно все кости были переломаны. Лиленду казалось, что он находился слишком высоко, чтобы что-то услышать, но до него донесся звук, громкий, страшный, липкий звук загубленной человеческой жизни. Он почувствовал, что его вот-вот стошнит. Он вернулся на крышу, когда вдруг вспомнил об Макивере и ему подобным, которые сами решились на такое. Они слышали, как труп упал. Лиленд успел согнуться до того, как обед, который Кэти Лоуган подавала ему в самолете, опять подкатил к горлу.

Он отплевался и вытер подбородок рукавом. Теперь ему нужен был «томпсон».

Надо попытаться еще раз. Этого они никак не ждут. Он осторожно спустился с крыши, затем через сороковой этаж прошел в коридор, примыкающий к библиотеке. Он, не задумываясь, пошел по устланному толстым ковром коридору, переступив через Риверса и «номер первый». Кто-то работал в комнате правления. Он остановился слева от двери, готовый к риску, набрал полную грудь воздуха и вошел.

Девушка! Она была одета в военный комбинезон, пилотку, но больше ничего воинственного или крутого в ней

не было. Ее глаза скользнули с Лиленда на автомат, лежавший на столе.

Поколебавшись, она метнулась к нему.

— Не делай этого!

Она почти остановилась, но, взглянув на Лиленда, бросилась на стол, хватаясь за оружие. Лиленд выпустил очередь, которая пробила ей голову и грудь и отбросила от стола, швырнув на стену.

Он выпрямился, сердце его колотилось. Мешкать было нельзя. Что ее здесь привлекло? Он обежал стол и выскочил в соседнюю комнату. Сейф. Всего-то? Большой, роскошный, первоклассный сейф цвета меди, встроенный в стену. Теперь его украшали четыре маленькие блестящие, идеально размеченные дырочки, просверленные вокруг колеса. Около стены были сложены четыре вещмешка. Он знал, что найдет в них. В первых двух лежала взрывчатка в пластиковой упаковке. Он взял три пакета. В третьем находились детонаторы, в том числе ударные капсулы. Этот вещмешок он надел на плечо.

Поднимался лифт. Он побежал по коридору в библиотеку, прислушиваясь к звуку приближающейся кабины. Прихватив взрывчатку и детонаторы, он увеличил свою ношу еще на двадцать фунтов. А ведь он только что дал зарок больше ничего не таскать. Приступ тошноты подкосил его. Убийство девушки отняло последние силы. Ей было года двадцать четыре, совсем ребенок.

«Ну и как это тебе нравится, приятель? И все это сделал ты!»

Он остановился, когда дошел до коридора западной стороны. Голоса. Надо обойти вокруг. Он был уже около северо-западной лестницы, считая ее наиболее безопасным местом, и снова приблизился к комнате правления. Придется рискнуть. Он не знал, как были связаны между собой офисы в этом углу здания, и мог оказаться в ловушке, если какая-то из дверей захлопнется за ним.

Он прошел через роскошные апартаменты, направляясь в крошечное помещение машинистки. Оттуда дверь выходила в просторный холл, который вел в комнату правления. Если дверь приоткрыта, ему будет хорошо слышен их разговор на немецком языке. Он находился слишком близко от них, а это было крайне опасно.

Он приложил к двери ухо.

Они уговаривали Карла взять себя в руки. Мертвую девушку звали Эрика. Они знали и о парне, которого он сбросил.

сил на бульвар Уилшир. Карл хотел лично убить Лиленда. Он сомневался, что им удастся выполнить поставленную задачу. Затем Карл сказал нечто такое, что пролило бальзам на его душу: их осталось всего девять. Всего-то? Что в таких случаях говаривал Степин Фэтчит?

— Я вам еще покажу, откуда ноги растут!

Прежде всего, он спрятал детонаторы. Если его поймают с детонаторами, они вновь примутся за дело. Если он их плохо спрячет, они наверняка найдут их. Поэтому он засунул вещмешок в корзину для бумаги под большим столом в самом дальнем офисе. Теперь надо было сообразить, как они будут искать его. Можно попытаться повлиять на их действия, изменив правила игры.

Он спустился с тридцать шестого этажа, когда услышал наверху выстрелы, громкие и резонирующие. По-видимому, кому-то взбрело в голову, что Лиленд вернулся в свое укрытие в лифтовой башне. Нет, это было бы слишком примитивно, к тому же ему не надо было повторять дважды, что они просчитывают каждый его шаг.

«Теперь они будут вынуждены это делать, черт возьми!»

Поэтому он не будет предпринимать очередную вылазку на тридцать второй этаж, чтобы застать их врасплох. Если Лиленд хорошо знал этого человека, Малыша Тони, Антона Грубера, тот уже отдал приказ по запасному каналу, чтобы его поджидали на всех лестничных клетках.

К счастью, здесь их было всего семеро. Двое находились внизу: один — в цоколе, другой — в главном вестибюле, откуда и мог видеть, как что-то выпало из саней Санта-Клауса на бульвар Уилшир. Лиленду было интересно, видел ли это еще кто-нибудь? Возможно, они убрали тело, но им не удастся смыть кровь со ступеней.

Теперь Лиленд мучился в поисках объяснений, для чего он это сделал. Привлечь внимание. Доказать им, что они имеют дело с человеком, который не очень хорошо обошелся с братом Карла. Если они сочтут его за сумасшедшего, это даже к лучшему. Его мучило все случившееся, и он знал это. Раньше он никогда не убивал женщин. Счастливчик Линди был последним из рыцарей. Что заставило ее подумать, что она сможет убить его? Рубашка Лиленда в тех местах, где она была испачкана кровью Скезикса, присохла к его коже. Девушка, скорее всего, решила, что это кровь Лиленда и что он серьезно ранен. «Следующего так

просто не проведешь», — подумал Лиленд. На это не приходилось рассчитывать.

Он остановился на тридцать четвертом этаже, полностью заставленном рядами столов от одного конца здания до другого. Из всех мест, что он знал, это было, пожалуй, самым безопасным. Перегородки на других этажах пугали его. Они помогали укрыться, но не защищали от опасности. Если бы можно было воспользоваться преимуществами, которые они давали, то он был бы как у Христа за пазухой, но он не знал, как это сделать.

Наверху опять раздались выстрелы. Они спускались вниз, прочесывая все этажи и простреливая их. Лиленд подошел к лифтам, нажал на все кнопки. Ничего; никакого знакомого гудения. Лифты были заблокированы внизу. Что ж, прекрасно, когда-нибудь они должны были это сделать. Он думал об этом с самого начала.

Вероятно, самым безопасным местом был один из углов. Он выбрал северо-восточный, куда начал сдвигать столы, стараясь, как можно надежнее отгородиться от противника. Сколько у него осталось патронов? Двенадцать — в браунинге, полторы обоймы — для «томпсона», но все они могли кончиться за минуту. У него еще была пластиковая взрывчатка. Если в пакеты вставить ударные капсулы, то их можно подорвать выстрелом. А если укрепить пакеты над красными лампами пожарной сигнализации, то у него будет прекрасная возможность нанести по ним удар.

Он глянул на часы. Они показывали 23.51. До Рождества оставалось девять минут. А этих не интересовал ни папа и никто другой за пределами «Клаксон-билдинг». Весь их интерес сосредоточился на сороковом этаже. Он — в который раз — подумал о Стеффи. У них не было оснований связывать ее с ним. Пока они заняты им, ей ничто не угрожало. Может быть.

По столам он забрался в свою импровизированную крепость. Если он правильно прикинул, на его долю оставалось значительно меньше девяти человек. Заложников стерегут как минимум двое. Значит, пять. Теперь, когда детонаторы были у него, они ничего не могли предпринять наверху. И так, максимум пять. Если за ним охотятся пятеро, то у него не остается никаких шансов. Никаких, если он будет сидеть и ждать их.

Но другого выхода он не видел. Они знали, что он вынул потолочные плиты, чтобы перелезть через перегородку на сороковом этаже. Поэтому они будут осматривать и обню-

хивать каждый уголок, где может спрятаться человек, и, судя по выстрелам, они простреливают все, что кажется им сомнительным.

Но впятером они не могли одновременно наблюдать за всеми лестничными клетками и обыскивать несколько этажей сразу. Лиленд колебался. Если им и суждено столкнуться, то это должно произойти только в нужный для него момент. Ему ни к чему устраивать перестрелку на лестнице с кем-нибудь из них, в то время как остальные находятся буквально в двух шагах.

Он сообразил, что если пятеро занимаются его поисками, то у них не осталось никого для проверки лестниц на тридцать втором этаже, по которым он мог спуститься ниже. Может быть, им и в голову не пришло, что он решится на это? Установили ли они его родственные связи? Им нужно было содержимое сейфа. Но они хотели, чтобы заложники сохраняли спокойствие. Они засели здесь надолго, и у них достаточно времени, чтобы поймать его.

23.56. Он позволил себе расчувствоваться из-за девчонки. Кровь на его рубашке ввела его в заблуждение, и она решила, что он ранен. Возможно, грязь на его лице помешала ей увидеть его глаза. Симпатичная малышка. После того как он усадил в нее очередь патронов сорок пятого калибра, она выглядела не лучше, чем Скезикс после падения на бульвар Уилшир.

Он включил рацию на двадцать шестой частоте.

— Ты слышишь меня? Отвечай!

Лиленд нажал на кнопку «вкл.». Он посмотрел в окно: его взгляд скользнул от бульвара Уилшир до холмов — то там, то здесь слабо мерцали рождественские огни.

— Что вы решили?

— Поймать вас. Верните наше снаряжение. Если окажете сопротивление, мы начнем расстреливать заложников.

— Не пудри мне мозги! Ты же хочешь, чтобы эти люди сохраняли спокойствие.

— Нет, вы не понимаете! Мы их приведем к вам, где бы вы ни оказались, и расстреляем у вас на глазах. Поскольку вы ничего не имеете против убийства женщин, мы начали подумывать о ребенке...

— Подожди, не отключайся, меня вызывают на другой частоте, — Лиленд выключил рацию. Он смотрел на небольшую скалу в Лорел-Кэнион, не спуская с нее глаз. Да, так оно и есть: раз, два, три, четыре вспышки света. Снова темно. Он начал считать. Девять секунд. Раз, два, три, четыре.

Надо выбраться отсюда и дойти до выключателя рядом с лестничной клеткой, если он хочет ответить на сигнал. Четыре? Что означают четыре вспышки? Он выбрался из-за столов. Теперь интервал составлял десять секунд. Раз, два, три, четыре. Да, но что это значило? Он спешил. Он кинулся к окну, не спуская глаз со светящейся точки на холме. Когда он щелкнул выключателем, свет ослепил его. Превосходно! Четыре вспышки, пауза, еще четыре. Все происходило очень быстро. Потом возникшая светящаяся точка больше не гасла, а замерла, слабо подрагивая. Она была на расстоянии трех миль. Потом точка описала в воздухе круг. Четыре. Четыре вспышки означали четыре. Ясно: 10:40, или 22.40. В это время он передал по радиации сообщение. Значит, его услышали.

Он заплакал.

0.02.

— Счастливого Рождества, — прошептал он и включил рацию. — Ты слышишь меня? Извини, что заставил ждать. Теперь и без меня у вас будут неприятности. Мне передали, что к зданию направляется полиция.

— Меня этим не удивить. Мы можем продержаться здесь дни и даже недели, если понадобится.

Лиленд ничего не ответил. Если это так, то зачем ему нужно было говорить об этом? В самом деле, зачем? Если они готовы просидеть в здании не одну неделю, то единственной проблемой, единственным фактором, который они не могли контролировать, оставался сам Лиленд. Они знали, что делают, даже когда вели с ним переговоры по радиации. Им надо было укрепить свои позиции. Им нужны были детонаторы и он — мертвый — причем, желательно, до того, как полиция поймет, что к чему.

25 декабря

0.04, тихоокеанское поясное время

Ситуация стала проясняться для него. Он поработал на славу. И стал для них хуже чумы; благодаря ему их ряды поредели и им пришлось притормозить свою деятельность. Они готовились к осаде, при этом заложникам отводилась определенная роль. И вся эта карусель завертелась из-за того сейфа. Он знал только одно: кто-то из честолюбивых дельцов нефтяной компании только что продал мост военной хунте в Чили.

Одного этого было достаточно, но Лиленд как старый полицейский чувствовал, что здесь что-то не так. В нем опять проснулся полицейский — что ж, пристегнуть жетон — не плохая мысль. Если в захвате здания будут участвовать сотрудники Лос-анджелесского полицейского управления, то его жизнь, считай, спасена. Он достал жетон из бумажника и повернул его к свету обратной стороной: «Этот человек — мошенник».

Он прикрепил его. Сейчас неплохо было бы выпить горячего кофе и съесть в придачу горячих булочек.

Чашка кофе не помешала бы. Самые блестящие решения полицейские принимали за отвратительным горячим кофе, который они пили из грубых керамических кружек. Если ему удастся проскользнуть мимо них на тридцать втором этаже, то это поставит их в тупик. Им придется долго соображать, куда он делся. Но цена может оказаться слишком высокой: жизнь Стеффи и внуков ставилась под угрозу. Заложникам оствалось уповать на судьбу, какой бы она ни была, а она зависела от того, как пройдет штурм здания спецподразделением или, что гораздо хуже, Национальной гвардией.

Но если он останется на этажах выше тридцать второго, то они обязательно поймут его, получат детонаторы и продолжат свое дело. Лиленд знал, что в этом случае ждет его, для этого ему не надо было вспоминать свой разговор с таксистом в Сент-Луисе.

Был еще третий выход, связанный с определенным риском. Судя по тому, как развивались события, от него будет больше пользы, когда в игру вступит полиция. Спрятаться можно было только в том месте, которое они уже обыскали, а единственные не блокированным бандой оставался, собственно, тридцать второй этаж.

Рискнуть стоило. Он мог бы наблюдать за Стеффи и другими заложниками. У него была рация. Проблема состояла лишь в том, чтобы его не перехватили.

Снова раздалась стрельба, прямо у него над головой. Пока к черту взрывчатку. Он запомнит, где она лежит, и не забудет о своей импровизированной крепости в углу.

На тридцать третьем этаже он прошел через лабиринт офисов в сторону, выходящую на бульвар Уилшир. Никого. Транспорта не было на улице уже пять часов назад. Уже столько времени он находится в здании. Он ждал, не появится ли хоть одна машина; тогда бы он понял, что район еще не оцеплен.

Показалась патрульная машина № 149. Цифры были написаны на ее крыше, поэтому были хорошо видны сверху. Здесь полицейские машины были черно-белого цвета, поэтому их так и называли — черно-белые. Машина ехала со скоростью пятнадцать миль в час. Лиленд почти мог различить лицо офицера, сидевшего за рулем. Тот смотрел на здание, но смотрел осторожно, стараясь казаться спокойным. Такой взгляд на лицах полицейских Лиленд видел во всех странах мира. Водитель посмотрел на ступени. Они все поняли, поэтому и были здесь. Однако, прежде чем они сумеют собрать необходимые силы, пройдет не один час. И следующую информацию он получит не раньше рассвета — может и такое случиться. Когда кончился световой день? Около семи вечера. Целых семь часов назад.

Заработали лифты, и, судя по звуку, заработали все сразу. Они сказали правду — начали готовиться к схватке с полицией. Теперь было самое время трогаться с места, пока их внимание было занято другим. Но тут на него накатила смертельная усталость. Если все это протянется до рассвета, то придется найти место, куда можно будет залечь и поспать.

На лестничной клетке тридцать второго этажа из всех светильников были вывернуты лампы. Лиленд затаил дыхание, он не слышал ничего, кроме шума поднимающихся лифтов. У них, видимо, был какой-то план, связанный с ним, но пока, судя по всему, они бросили свою затею.

Он тихо шел, держа вещмешок под рукой, чтобы тот не шуршал при ходьбе, и «томпсон» наготове. На лестнице было темно, как в вентиляционной шахте. Лифты остановились, кажется, все сразу, на тридцать втором этаже. Если он собирается найти укромное место, то это надо сделать немедленно.

Он сразу понял, что произошло, как только почувствовал стекло под правой ногой, но ноша увлекла его вперед, и он не сразу смог остановиться. Стопы обеих ног оказались порезанными — левая сильнее, чем правая. Банда подготавлилась к встрече с ним. Он стоял неподвижно, крепко держась за перила и стараясь не расплакаться.

На левой ноге был большой, глубокий порез. Винить было некого, сам виноват. Они взяли флуоресцентные лампы, сложенные на лестничной клетке над сороковым этажом, разбили их и разбросали по всем лестницам. Он должен был предвидеть это. Спускаясь с крыши, он не заметил, что трубки исчезли. Когда он поставил левую ногу на

следующую ступеньку, то почувствовал, что кровь буквально хлещет, стекая с кончиков пальцев. Инстинктивно он понимал, что надо быть осторожным, но знал и то, что необходимо спешить. Теперь он будет оставлять за собой кровавый след, по которому они легко найдут его. Надо было подняться наверх, но он не представлял себе, что делать с ногами. Все необходимое для оказания первой помощи, насколько он знал, было в офисе Стефани. В правой стопе торчали куски стекла, которые при ходьбе впивались, причиняя ужасную боль.

Он пытался идти быстрее, но при каждом новом шаге кровь из раны на левой стопе начинала хлестать еще сильнее. Он прыгал на одной ноге или шел, подпрыгивая, стараясь не наступать на нее, при этом стекло все глубже впивалось в правую ногу. Он поднялся на тридцать четвертый этаж, где, по крайней мере, мог спрятаться в своей крепости.

Прямо за дверью раздались выстрелы. Он остановился на лестнице, приподняв левую ногу. Рана кровоточила, боль усиливалась. Завтра он вообще не сможет стоять. Он встал обеими ногами на бетонный пол, перевел дух и рывком открыл дверь.

Свет был включен. Звук открывшейся двери заставил обернуться девушку, стоявшую посередине комнаты. Она застыла в нерешительности, напуганная внезапным появлением Лиленда. Короткая автоматическая очередь отбросила ее на стол позади нее.

Послышался грохот другого автомата, и Лиленд увидел, как слева от него подпрыгнули и разлетелись вдребезги потолочные панели. Лиленд мог спрятаться на лестнице только в том случае, если никто не обнаружит его там, спускаясь или поднимаясь. Передвигаясь на четвереньках, он спрятался за стол. Он знал, откуда стреляли; из северо-восточного угла, рядом с его укреплением. Он переполз западнее, к другому столу, пригнул голову и выстрелил из «томпсона» в тот момент, когда парень прыжком попытался преодолеть заграждение, устроенное Лилендом.

Он там один? Вокруг ступней Лиленда образовались лужи крови. Пластиковая взрывчатка с детонаторами, которую он прикрепил к пожарной сигнализации, была справа от него и вне досягаемости. Преодолев некоторое расстояние, он еще раз выстрелил по своей крепости и пригнулся. Пока парень стрелял в ответ, он достал из вещмешка последний пластиковый пакет, вставил внутрь детонатор

и придал ему форму шара. Еще немного — и парень придет в себя, передаст по рации о своем местонахождении и запросит помощи.

Лиленд продвинулся еще немного. Теперь на его счету было четверо убитых, что само по себе было неплохо, учитывая неравенство сил. Пластиковая взрывчатка обладала мощным разрушительным действием, слишком мощным для сейфа, что, как казалось Лиленду, делало ее применение в данном случае просто бессмысленным. Сейчас парень возьмет рацию. Лиленд пригнул голову и выстрелил, стараясь пробить им же созданную линию обороны. Он сдвинул три-четыре стола ближе к северо-западному углу, чтобы видеть пожарную сигнализацию с прикрепленной к ней взрывчаткой. Парень выстрелил опять, разбив окно позади Лиленда. Полицейские внизу наверняка балдели от всего, что здесь происходило. Ну кто из них не любит побывать в перестрелке?! Поэтому, когда они слышат выстрелы и не могут принять личное участие в стычке, они просто сходят с ума от ярости.

— Эй, подонки! Говоришь по-английски?

— Говорю, падаль.

— Тогда хорошенько посмотри на лампы пожарной сигнализации возле лифтов!

Тот засмеялся:

— Я смотрел этот фильм, «Сержант Йорк» он называется. Там Гарри Купер изображал, как кричит птица.

Лиленд не это имел в виду, но вдруг вспомнил, как старик внизу кричал по-птичьи. Что эти люди могли сделать с ним?

— Посмотри еще раз, болван!

Лиленд видел, как он поднял голову.

— Стой! — закричал парень. — Не стреляй!

Лиленд уже приноровился к «томпсону». Первые пули угодили парню в шею и грудь, потащили его назад, прошли насквозь и вдребезги разбили окно сзади него. Лиленд встал и разрядил в него всю обойму, не давая упасть. Пятясь назад, парень наткнулся на разбитое окно и вывалился, упав вниз с высоты трехсот сорока футов. Лиленд еще раз взглянул на пластиковую взрывчатку. Парень все понял, и это насмерть перепугало нового товарища Скезикса по несчастью. «Ладно, взрывчатка может подождать, сначала надо заняться ногами. Но как?»

Выходя с этажа, он бросил «томпсон» и поднял автомат Калашникова — наконец-то! — и три полные обоймы к нему.

Лиленд спустился на тридцать третий этаж в поисках офиса, своего личного кабинета, в надежде найти там что-нибудь полезное, помимо бумаги, полотенца и косметических салфеток. Он пошел, но ходьба усиливала кровотечение. Он держался за левую сторону, считая, что сейчас банду больше занимал бульвар Уилшир, где стояла патрульная машина.

Он извлек последний кусок стекла из правой ступни и стал рассматривать левую. Порез проходил по подошве немного ниже пальцев: он был рваный и глубокий. Давно он не видел на себе таких ран. Если ее обработать как положено, порез быстро заживет. Но сможет ли он найти что-нибудь подходящее для временной повязки? Он вспомнил, что лучшие офисы размещались в углу.

Он нашел турецкое полотенце, сложил его пополам и попытался перевязать ногу, но оно оказалось коротким. В нем опять закипала ярость. Он хотел убить всех их! Затем вдруг понял, что рад, потому что все-таки не убил.

Он остановил себя. Сначала надо было перевязать ногу. Он сел и огляделся — где, черт возьми, он находится? Это — служебный кабинет. На одной ноге он проскакал через комнату к столу и взял пригоршню круглых резинок. «Хорошо. Ловко сработано!» Толстое полотенце смягчало давление резинок.

Теперь ему было интересно послушать, что происходит в эфире. На двадцать шестой было тихо. Он переключился на девятую.

— Ответьте, — шептал голос. Это был глубокий голос молодого негра без всякого акцента обитателя гетто. — Если человек, просивший по радию о помощи, слышит меня, пусть подтвердит это по возможности.

Лиленд нажал на кнопку:

— Вас понял. Слушайте: семь иностранных националистов, вооруженных автоматами, имеющих взрывчатку и, возможно, еще что-то, взяли в заложники примерно семьдесят пять гражданских, которых удерживают на тридцать втором этаже. Одного они убили. Его труп лежит на сороковом этаже. Помимо двух пташек, слетевших прямоком на землю, я убил еще троих, в том числе двух женщин. Пауза.

— Вы не хотите назвать себя?

— Не могу. Когда представится случай, я сброшу вам свой бумажник.

— Что вы еще можете сказать?

— Главарь банды — немец по имени Антон Грубер,

иначе Антонио Рохас, или Кровавый Малыш Тони, объявлен к розыску в ФРГ. У него достаточно взрывчатки, чтобы сровнять здание с землей, что, по-видимому, он и сделает, если не получит то, что ему нужно. Но я забрал у них детонаторы.

— Выбросьте их.

— Сейчас не могу этого сделать и думаю, это неразумно. Пока он надеется поймать меня и выяснить, где детонаторы, он не пустит в ход свою последнюю карту — заложников.

— Вы говорите так, словно знаете что-то. Я хочу, чтобы вы выбросили детонаторы. Первейшая задача — по возможности, предотвратить несчастье.

— Это я и пытаюсь делать, если они не поймают меня. Я вот что хочу сказать. Они заблокировали лифты на тридцать втором этаже. Если вы начнете пробиваться, сверху или снизу, они начнут убивать женщин и детей. Позвоните своему начальству и спросите, хочется ли ему, чтобы на Рождество в городе расстреливали детей?

— Послушайте меня...

— Нет, это вы меня послушайте: я ранен, и по кровавому следу они ищут меня. Но я принял меры и больше следов не оставлю. Я хочу сам себя защищать и остаться в живых.

Он выключил рацию. Что-то он засиделся на одном месте. Надо было собраться и заново оценить сложившуюся ситуацию. Ему хотелось еще пообщаться с полицией.

Он хромал, но передвигаться мог. Это было похоже на хождение по хлебным булкам. Ощущение в левой ноге было такое, словно ее разрезали пополам. Он почувствует, если кровь опять начнет идти. Он поднимался по юго-восточной лестнице, ускорив шаг, чтобы быстрее проскочить тридцать четвертый этаж, потом пошел медленнее, с трудом преодолев следующие два этажа. Он очень устал, и ему требовался отдых.

Из всех самолетов, с которыми он имел дело после войны, лучшей была «Сессна-310». Во время войны он летал на различных моделях, начиная с учебных самолетов; затем — «Сандерболт», грозное чудовище, на котором было очень тяжело садиться, и «Мустанг», лучший из поршневых самолетов, обладавший неограниченными возможностями. Он чувствовал себя на седьмом небе от счастья, когда думал

о самолетах и о том, что может летать. Однажды он прилетел на своей «Сессне» в конце рабочего дня, высадил коммивояжера и вырулил обратно на взлетно-посадочную полосу. Дежурный диспетчер пожелал ему счастливого полета — он знал, какое хорошее настроение было у Лиленда в тот день...

Тридцать шестой этаж был копией тридцать третьего и представлял собой ряд крошечных комнат, окруженных такими же миниатюрными офисами, которые давали ясное представление о месте их владельцев в иерархии компании — в крупных корпорациях каждый точно знает свое место.

Сейчас это не имело значения: повсюду виднелись изрешеченные пулями, сломанные панели и битое стекло. Он прошел на северную сторону, сел на пол, укрывшись за столом, и посмотрел вниз на бульвар Уилшир. За три квартала от него он увидел ослепительно яркую светящуюся точку. Над холмами появился вертолет; он покружил немного и направился на север, к долине Сан-Фернандо.

Лиленд ел шоколад «Млечный Путь». Сначала он уничтожил две плитки «О'Генри», оставив плитку «Марса» на потом. Он чувствовал себя ребенком в кинотеатре или молодым полицейским, который, сидя в патрульной машине, поедает шоколад для восстановления сил...

Набрав высоту в тысячу футов, он направил «Сессну» в сторону моря. Он летел над окраинными районами Нью-Джерси, охваченными депрессией и вследствие этого пришедшими в упадок. То там, то здесь он видел заброшенные и заросшие тиной бассейны, брошенные фуругоны, станки, поблескивавшие на солнце металлом. Из его самолета, летевшего на высоте тысячи футов со скоростью сто пятьдесят миль в час, вся округа напоминала одну огромную свалку.

Миновав Нью-Джерси, он оказался над океаном. Удалившись от побережья на две мили, он снизился до пятидесяти футов, пролетев десять миль, — до пятидесяти футов. Скорость превышала двести узлов — так быстро он еще ни разу не летал за последние двадцать лет. Был ясный день. В высоком небе виднелось всего несколько далеких облаков. Солнце было у него за спиной, поэтому вода казалась черной и такой близкой, что вот-вот ударит в днище самолета. Он пролетел над спортивными и рыболовными судами

и покачал крыльями. В этот момент они с «Сессной» составляли одно целое; она была его двойником, его вторым я, только это «я» было снабжено баками для горючего, расположенными на концах крыльев. Она была прекрасна и восхитительна, насколько это вообще было возможно для летательного аппарата, она была полностью оснащена аппаратурой для выполнения полетов вслепую, в том числе — одним из первых маленьких радаров, — все это наполняло его уверенностью, что он может все, даже невозможное.

В 30 милях от берега он заметил два грузовых судна на расстоянии пяти миль друг от друга, направлявшиеся в Амброз-Лайт. Используя их надпалубные сооружения в качестве ориентира, он выполнил «восьмерку»; когда команды высыпали на палубу, он покачал крыльями, набрал высоту, сделал «бочку», потом заглушил мотор и стал падать. Только у самой поверхности воды он вывел машину из штопора и между судами сделал полную петлю. Держа курс на материк, он видел, как люди на палубах махали ему...

Он нажал на кнопку.

— Ребята, вы слышите меня?

— Да, как вы? Что вы делали?

— Воспользовался случаем, чтобы посмотреть на улицу.

Последние десять минут предавался воспоминаниям.

— Хорошо. Кое-кто из наших слышали, как вы раньше выходили в эфир. Вы — мужик, что надо. Мы полагаемся на вас. Как вы оцениваете ситуацию?

— Крышу легче оборонять, чем захватить. Они вооружены до зубов.

— У вас есть оружие?

Лиленд подумал о браунинге и о том, что Малыш Тони тоже слушает их разговор.

— Я остаюсь в игре, — ответил он.

— Как мы узнаем вас?

Лиленд улыбнулся.

— Я черный, хотя до начала этой заварухи был белым.

— Понял вас. Об этом поговорим потом. Что с рацией? Как она у вас оказалась?

Они не поняли, что это его трофей.

— Я раздобыл ее тем же путем, что и игрушку, которая называется автоматом Калашникова. Вам не кажется логичным предположить, что они настроены на нашу волну? Вы знаете, кто такой Малыш Тони?

— Обычно я все узнаю от Холленбека, но я только что возвратился домой и еще не видел его.

— Хорошо, — сказал Лиленд. — Он является представителем третьего поколения западногерманской фракции «Красная Армия». После смерти Андруса Бадера его люди ушли в глубокое подполье. Никто не знал, где они снова появятся, но ходили упорные слухи, что они замышляют крупное дело. И вот вам, пожалуйста.

Лиленда вдруг осенило, что начальник федерального управления полиции, летевший вместе с ним из Сент-Луиса, мог получить какую-нибудь сногшибательную информацию, потому и направлялся в Лос-Анджелес. Если бы тогда Лиленд придал этому факту большее значение и сказал, кто он такой, то, может быть, всего этого и не было.

— Откуда вы все это знаете?

— Просто, как и Холленбек, я многое знаю. Послушайте, я нужен им, они ищут меня, поэтому не стоит долго оставаться в эфире.

— Хорошо. Мы еще дадим им прикурить.

Лиленд застыл на месте. Полиция так и не поняла всей сложности обстановки. Он был уверен, что Малыш Тони слышал их разговор. Лиленд приблизился к окну, и тут до него донесся слабый шум работающего лифта. Одного. Он не был уверен, что это не за ним. Нет, такая непродолжительная поездка, как эта, должна была иметь достойное завершение!

Они слышали их разговор! Они спустились вниз, готовые к схватке с полицией.

Лиленд нажал на кнопку:

— Наш разговор перехвачен. Они спускаются к вам.

— Понял, — ответил черный голос. — Большое спасибо.

Поскольку их оставалось всего семеро, им, пожалуй, будет не до него. Он встал. Ему нужна была палка или даже костыли. Он передвигался от одной двери к другой. Если он по-прежнему хочет помочь делу, то надо найти способ отвлечь банду на себя. Бессмысленно оставаться у окна. Если на улице завяжется бой, здесь его наверняка убьют. К тому же не следует забывать, что полицейские снайперы — на основе его же информации — могут получить указание стрелять по любой мишени, движущейся выше тридцать второго этажа.

Надо было как-то напомнить о себе, чтобы у банды не сложилось впечатление, что он серьезно ранен. Если они

найдут его в нынешнем плачевном положении, когда он ранен и практически беззащитен, это будет означать конец. Но ему удастся продержаться продолжительное время, если он заставит их поверить в то, что по-прежнему им не по зубам.

Ему нужен был стул на роликах, электрическая машинка и пожарный топор. На этаже было тихо. Кровотечение остановилось, но боль усиливалась. Он взял шар, который сделал из пластиковой взрывчатки, и сформовал его заново, вложив в середину детонатор. Он положил его на сиденье стула, сверху осторожно поставил электрическую машинку и привязал ее к стулу электропроводом. Затем подтолкнул стул в направлении лифтов.

С улицы доносились хлопки выстрелов. Расположение лифтового блока в вестибюле на первом этаже, а также местоположение въездов в гараж ограничивали террористам сектор обстрела во всех направлениях на уровне улицы, но сверху, с высоты третьего и четвертого этажей, они могли вести непрерывный огонь, не давая полиции возможности даже приблизиться к зданию.

Банда была готова к тому, что против них пустят бронированные машины. Въезды в гараж закрывались железными воротами, и, если такая машина с ранеными застрянет внизу, ее не удастся сдвинуть с места. Но сейчас — не военное время, когда можно было отдать приказ взорвать ее. Полицейские не убивают друг друга при исполнении своего долга. Этого общество не вправе требовать от них.

Из лифтовой шахты доносилась ружейная стрельба. Он ждал, когда раздастся звук поднимающейся кабины. У него будет мало времени, а подготовиться заранее нельзя, поскольку придется топором рубить дверь. Как только на тридцать втором этаже услышат стук, они бросятся за ним. Он услышал, как на улице затрещал автомат.

Он достал рацию.

— Как вы там, ребята?

— Теперь я вижу, что вы были правы, хотя некоторые считали вас ненормальным. Они тут такое устроили, что от страха можно в штаны наложить. Вы сказали, их двенадцать?

— Теперь семь.

— Хорошо. Хочу сказать, что вы чертовски крепкий мужик: вас голыми руками не возьмешь.

— Оставайтесь на этой частоте, — сказал Лиленд и от-

ложил рацию. Он подкатил стул и с топором направился к дверям лифта. При первом же ударе его левую ногу пронзила такая резкая боль, что он чуть не уронил топор. При следующем ударе лезвие топора с треском вонзилось в двери и что-то сломало внутри. Двери раскрылись и сразу же с силой захлопнулись. Он повернул ручку топора так, что они приоткрылись. Этого оказалось достаточно, чтобы просунуть руку и широко открыть их. Ручкой топора он заблокировал двери, чтобы они не закрывались.

Он заглянул внутрь шахты, и тут же в верхнюю часть двери ударили пули. Поднимавшаяся кабина находилась далеко внизу. Надо было ответить на огонь и показать, что он еще в строю. Он просунул автомат в шахту и выпустил очередь по кабине. Кто-то выстрелил по нему из поднимавшегося лифта, но пуля ушла вверх. Лиленд встал позади стула и осторожно вкатил его в шахту, как детскую коляску. Если они увидят, как эта штука падает, они могут принять ее за Лиленда и выстрелят. Но даже если она не взорвется от выстрела, его импровизированная бомба пробьет крышу кабины.

Вдруг шахта наполнилась ослепительно ярким светом, и в какую-то долю секунды, прежде чем он услышал взрыв, Лиленд понял, что перестарался. Он никогда в жизни не слышал столь мощного, оглушительного рева. Взрывной волной его бросило через весь коридор и ударило о дверь лифта на противоположной стороне. Он был в сознании и, съезжая по двери на пол, чувствовал, как здание продолжало гудеть и трястись. Пол ходил ходуном, как школьный спортзал во время танцев. Ему показалось, что здание накренилось. Ему не почудилось — внизу действительно пронзительно кричали люди.

Все стихло, но он усиленно соображал, что же такое сделал. Надо было заставить себя двигаться, прежде чем браться за рацию. Взрыв совершенно обессилил его, но он надеялся, что не только его, но и остальных тоже.

1.43, тихоокеанское поясное время

Надо было подниматься наверх. Стрельба прекратилась. Какого черта он на всех нагнал страху, в том числе и на себя? Подниматься по лестнице было для него настоящей мукой, причинявшей ужасную боль; какое-то время он шел задом, но скоро мышцы задубели. Это сказывалась уста-

лость. Он прошел тридцать седьмой этаж. Теперь этим людям оставалось только удивляться, насколько они недооценили его. Он чувствовал, как у него меняется к лучшему настроение. Ему не хотелось думать, что в результате устроенного им взрыва кто-то пострадал. Да и чего стоит эта коробка в сравнении с жизнью людей, которым угрожает опасность! Он смутно помнил, что он делал и для чего. Убить вторую девушку оказалось легче, чем первую. Хиросима и Нагасаки — никто не помнит о Нагасаки... Хватит убивать. Этим он сыт по горло.

Он добрался до тридцать девятого этажа, где были установлены компьютеры. Этаж был защищен даже от дневного света, и вся аппаратура освещалась тусклыми лампами аварийной сигнализации. К его удивлению, все машины были целы. Или террористы испытывали перед компьютерами такой же благоговейный страх, как все другие смертные, или они планировали использовать их для осуществления бредовых замыслов, которые они называли революцией.

Лиленд читал ориентировку на Антона Грубера десятки раз. Прозвище «Кровавый Малыш Тони» должно было окружить его ореолом романтизма. Ему было за тридцать, он был сыном штутгартского промышленника, воспитывался няньками, учился в частных школах. К восемнадцатилетию ему подарили «мерседес», к девятнадцатилетию — другой. В конце шестидесятых годов он убежал из дома с компанией бездельников — выходцев из богатых семей, которые проводили лето в Сен-Тропезе, а зимы — в Гштаде. Некоторые из них принадлежали к богемным кругам и были замешаны в делах банды Бадера — Майнхофа, в которую постепенно втянули Антона Грубера. Он осудил своих родителей и обвинил отца в лицемерии, самодовольстве и высокомерии, назвав это преступлением.

Более того, Грубер-отец был во время войны офицером СС, как, впрочем, многие из преуспевающих ныне немецких бизнесменов. Автомобилестроение, электроника — бывшие наци присутствовали везде, предпочитая молчать о прошлом и бахвалась настоящим. Они были проклятым поколением, чьи дети ненавидели ложь своих родителей, вынужденных все время оправдываться. В Америке дела обстояли несколько иначе. Жизнь Стеффи тоже отравили ее собственные родители своими бесконечными попытками сохранить семью, которая существовала только в их воображении.

Риверс был шестой или седьмой жертвой Грубера. С доктором Хансом Мартином Шлейером, таким же промышлен-

ником, как и отец Антона, Грубер расправился аналогичным путем, всадив пулю в лацкан пиджака. Как слышал Лиленд, западногерманская полиция располагала сведениями, что Грубер с особым злорадством выбирал себе жертву исключительно среди хорошо одетых людей, чтобы было куда прикрепить черную бутоньерку. Смерть завораживала и восхищала Антона Грубера, он наслаждался моментом ее наступления, упивался ее реальными проявлениями.

Он был не одинок в своих привязанностях. Среди них была и эта поэтическая гнида по имени Урсула Шмидт, которая в одном очерке, определяя свой «окончательный выбор в пользу насилия», писала «о своем чреве смерти, куда мужчины возвращаются, чтобы обрести вечный покой».

Лиленд мог бы убить ее.

Он не знал, кого убивал раньше: наверно, у них были отцы, дяди, возможно, матери. В этом здании находился человек, потерявший из-за него брата, если только что Лиленд не убил и его самого...

Офисы на этом этаже были обнесены прозрачными перегородками, через которые были видны компьютеры. Это объяснялось всеобщим сумасшествием, царившим вокруг компьютеров. Верховные жрецы должны были постоянно лицеизреть своих священных коров. Он усмехнулся про себя, представив реакцию операторов, которые обнаружат завтра, какую дребедень он заложил в память машин. Ему следовало занять позицию у окон, выходящих на Уилшир, хотя это было крайне опасно. Возможно, ничего не произойдет: они уже знают ему цену и решат, что он не настолько глуп, чтобы соваться в окно. Он покачал головой — так думать нельзя, иначе его убьют.

Даже с такой высоты было видно, что террористы прекрасно подготовились к бою. Разбитая патрульная машина стояла у фонарного столба, а ее водитель лежал на асфальте лицом вниз. Лиленд поднял глаза. Над зданием на высоте двухсот футов рассеивалось большое серое облако. Конечно, взрыв был слышен по всей округе: по всему городу светилось раз в десять больше огней, чем несколько минут назад. Лиленд как будто вспомнил о чем-то. Он растянулся позади стола и включил рацию.

— Как вы думаете, сколько стоит это здание?

— Двенадцать миллионов или двадцать — кто знает! Как вы там?

— Меня оглушило. Я взорвал один из их пакетов со

взрывчаткой. Осталось еще два. Говорите осторожней, потому что они перехватывают наш разговор.

— Понимаю, теперь понимаю.

— Не беспокойтесь. Здание горит?

— Не видно. Хотелось бы знать, что произошло.

Лиленд рассказал, как все было.

— Я увидел одного из них в лифте. Они последовали моему примеру и открыли аварийные люки. Теперь их осталось всего шесть.

— Один из наших сообщил, что видел, как в лифт селись двое. В цокольном этаже они соорудили нечто вроде баррикады.

— Нет, я видел одного. Будем считать, что их осталось шестеро. Я не могу полагаться на то, в чем не уверен. Теперь скажите, что со зданием?

— Взрывом полностью разрушены семнадцатый и восемнадцатый этажи, во всем здании выбиты стекла. Они собираются извлечь парня.

— Кто-нибудь ранен?

— Взрывом — нет. У нас двое раненых. Взрывной волной многие вещи разбросало по всему району. Сила у этой взрывчатки просто убойная. Я видел, как стол и стул перелетели через весь бульвар. Оставайтесь на связи. Не уходите.

Пока Лиленд ждал, он поискал глазами разрушительные последствия взрыва. В щите, рекламирующем сигареты, была пробита дыра размером с небольшой автомобиль, а на противоположной стороне улицы стояло небольшое приземистое здание, фасад которого напоминал истерзанную жертву разгульного мятежа.

— Эй, непобедимый наш, вы меня слышите?

— Счастливого Рождества, — ответил Лиленд.

— Я тоже желаю вам счастливого Рождества. Передаю рацию своему командиру, капитану Дуэину Т. Робинсону, хорошо?

Он говорил так, словно представлял приглашенного оратора.

— Хорошо, — засмеялся Лиленд.

— Говорит Дуэин Робинсон. Как вы себя чувствуете? Прекрасно.

— Я не об этом. Кто вы? Как ваше имя?

— Сейчас я не могу этого сказать.

— Почему?

— Следующий вопрос.

— Вы передали нам некоторую информацию. Как вы ее получили? Почему оказались в здании?

Лиленд молчал. Этот парень хотел контролировать ситуацию, находясь на улице, если ему это удастся, вот именно — если. Старина Дуэйн Т. явно плохо соображал.

— Вы слышите меня?

— Да. Позовите того, другого парня. Я буду говорить с ним.

— Нет, здесь приказываю я. Мы больше не нуждаемся в вашей помощи. Я хочу, чтобы вы сложили оружие и укрылись где-нибудь. Ваш взрыв причинил огромный материальный ущерб и угрожал жизни очень многих людей. Это законный приказ полицейского, а если вы не подчинитесь, вас придется арестовать и подвергнуть наказанию.

— Позовите к рации того парня, — сказал Лиленд, — с вами я не буду разговаривать.

— Послушай, ты, мерзавец!..

— Нет! — пронзительно крикнул Лиленд. — Это ты послушай меня. Шесть психов держат под прицелом семьдесят пять человек. У них столько мощнейшей взрывчатки, что они весь район сотрут с лица земли. Но у них нет детонаторов. Они у меня. Пока я остаюсь в игре, они не могут сделать то, за чем пришли сюда. Думаете, находясь за пределами здания, вы сможете остановить их? Ну, ответь мне, ты, ублюдок! Если ты думаешь, что я буду выполнять твои дерьмовые приказы и не заставлю твое начальство послать тебя к чертовой матери, то, значит, ты не знаешь меня. Передай рацию тому парню! Сейчас же!

Молчание.

— Я слушаю, — сказал чернокожий. — Как самочувствие?

— Надо бы поберечь силы. Что это за дерьмо?

— Давайте не будем говорить об этом. Понимаю, что вы устали и находитесь в постоянном напряжении, но нам кажется, что вы несколько перестарались. Вы понимаете, о чем я говорю?

Было что-то успокаивающее в здравомыслящих словах этого парня, который на несколько десятков лет моложе его.

— Очень сожалею о случившемся. Но вы говорите об этом спокойно, нормально, не то, что этот...

— Понимаю вас, напарник. Расслабьтесь, отдохните немного, хорошо?

— Давно меня не называли напарником. Вы патрулируете улицы?

— Нет, работаю в помещении.

— Все годы, что работал в полиции, я был патрульным.

— Сколько вам лет?

— Я вам в отцы гожусь.

Он засмеялся:

— Только не мне!

— Вы бы посмотрели на меня сейчас! Чем вы занимались по заданию Холленбека?

— Подростками. Там было настоящее торжество.

— Вы любите детей?

— Да, люблю. Послушайте, с кем можно связаться, чтобы подтвердить вашу личность? Когда мы убедимся, что вам можно доверять, мы займемся этими людьми.

— Очень мудроно изъясняетесь, но я вас понял. Позвоните Билли Гиббсу. Он живет в Юрике, Калифорния. Расскажите ему, что произошло и где, и он вам сразу назовет мое имя.

— Понятно. Еще кто-нибудь?

— Мисс Кэти Лоуган, — Лиленд назвал код ее округа и номер домашнего телефона. — Скажите ей, что я желал ей счастливого Рождества, когда оборвалась связь. Она поймет.

— Сделаю все в точности, как вы сказали. Об этом не беспокойтесь. Почему бы вам не отдохнуть?

— Нет, надо переговорить с противником.

— Как вы это делаете?

— На двадцать шестой частоте. Будьте начеку. Они понимают по-английски.

— Мы слышали только немецкую речь, но никто из нас не владеет языком. Мы все записываем на магнитофон. О чем вы с ними говорили?

— Малыш Тони считает, что может перехитрить меня и убедить в чем-то. Я вам сказал все, что знал. Все объясняется очень просто: он думает за меня, а я за него.

Опять раздался смех.

— Я настроюсь на эту частоту.

— Что за черт! Люди умирают, а вам все шуточки.

— Вот именно.

Лиленд переключил рацию.

— Тони, ты слышишь меня?

— Да, мистер Лиленд. Мне понадобилась всего минута, чтобы перехватить вас. Мистер Лиленд, вы слышите меня?

— Да. Да,— едва прошептал он.
 — Здесь ваш коллега, мистер Эллис.
 Лиленд закрыл глаза.
 — Как вы себя чувствуете, Эллис?
 — Нормально, Джо,— в его голосе слышался ужас.
 Лиленд не помнил имени Эллиса.
 — Послушайте меня,— сказал Эллис, повторив слова Лиленда, которыми тот пытался вразумить Дуэйна Т. Робинсона, капитана Лос-анджелесского управления полиции.— Послушайте меня.
 — Это звучало как сигнал бедствия.
 — Послушайте, вы должны сказать им, где детонаторы. Они знают, что нас слышат. Им нужны детонаторы, или они убьют меня, Джо. В последнее время я сделал вам немало одолжений. Подумайте об этом. Вы понимаете, Джо. Вы слышите меня?

«Одолжения? Он хотел сказать, что прикрывает Стеффи, но разве это называется одолжением? Если Лиленд не вернет детонаторы, он скажет, кто такая Стеффи, и останется жив?»

— Да, я слышу.
 — Скажите им, где детонаторы. Полиция уже прибыла. Это ее дело.

— Я не могу сказать. Мне придется показать. А что потом? Что будет со мной?

— Мистер Лиленд,— это был Малыш Тони.— Мистер Эллис постеснялся сказать вам, что мы убьем его прямо сейчас, если вы не вернете детонаторы.

— Здесь люди, Джо,— сказал Эллис. Он имел в виду Стеффи. Он уже дал понять, что не выдал ее. «Он угрожает? Лиленд закрыл глаза.— Прощай, Эллис».

— Я им не верю,— сказал Лиленд по рации. «Господи, прости меня»,— подумал он.

По рации выстрел прозвучал так, словно просвистел порыв ветра, а раздавшиеся затем пронзительные крики доносились, казалось, издалека.

Лиленд нажал на кнопку.

— Хорошо. Я верну все, что вам надо.

— Нам нужны детонаторы,— сказал Малыш Тони.

— Мне надо взять их и положить туда, откуда вы их заберете.

— Прекрасно. И где это будет?

— Я брошу их и скроюсь, потом скажу по рации, где это.

— У вас есть пять минут.
 — Мне надо больше времени,— сказал Лиленд.— Далеко идти, а я не совсем в форме.
 — Десять минут.
 — Нет, мало, не так скоро.
 Пауза, затем Тони спросил:
 — Сколько времени вам нужно?
 — Двадцать, может быть, тридцать минут.
 — У вас есть 20 минут, после чего мы расстреливаем следующего. Возможно, на этот раз — женщину.
 Молчание. Лиленд нажал на кнопку.
 — Вы все слышали?
 — Переключитесь на девятый канал,— решительно сказал чернокожий офицер.

— Теперь я знаю, что они слышат меня, но мне хотелось бы знать, чем, черт возьми, вы там занимаетесь? — это был Дуэйн Робинсон.— Сначала вы отказываетесь назвать себя, а потом этот подонки именует вас Лилендом. Это ваша фамилия?

— Да. Билли Гиббс расскажет вам остальное.

— Мы побеседуем с ним. Но к чему все это? Я требую объяснений сейчас же!

Лиленд молчал. Все, что он скажет, окажется на руку Малышу Тони.

— Послушай, ты, сукин сын,— зарычал Робинсон.— Все, о чем ты говорил с этим подонком, записано на пленку. Из-за тебя погиб человек. Мне плевать, кто твои друзья, но я найду способ засадить тебя за решетку. Я сделаю это.

— Иди ты к чертовой матери! — крикнул Лиленд и выключил рацию.

Он знал, что это убьет его, но не видел другого выхода. Надо было выйти из укрытия, идти напролом и не делать глупостей. На одной ноге он доскакал до юго-западной лестницы, решая на ходу, стоит ли попытаться подняться наверх и выбить всех, кто там есть. Если он победит, у него будет хорошая позиция.

Сколько времени? Было почти три утра, самое темное время перед рассветом, когда умирают люди. Он не хотел умирать. Он не был к этому готов. Сначала он хотел бы принять ванну. В морге покойников обмывают, а вот гробовщик протирает, как правило, только голову и руки да так и хоронит — грязным.

Он не хотел умирать, пока опасность угрожала Стеффи и внукам. Эта мысль приводила его в ярость. Не он первым начал убивать. Первым умер Риверс. И разве он плохо сделал свое дело? Он уложил пятерых еще до прибытия полиции. Если бы ему пришлось начинать заново, он поступил бы точно так же. Черт возьми, а как можно было поступить иначе?

Он знал, что выдохся. «Приятель, ты же мошенник», — проговорил он вслух. Он не спал уже двадцать два часа и по опыту знал, что дальше будет еще тяжелее, но, когда рассветет, он опять будет как огурчик. Организм привык спать, но одну ночь можно было и перетерпеть. Надо бы поберечься в ближайшие три-четыре часа, если, конечно, он проживет столько.

Он остановился у лифтового блока. Если взрыв снес два этажа, то ступ, должно быть, ударился о крышу кабины в тот момент, когда лифт находился между или почти между этажами. Лиленда интересовало, что стало с восточным блоком. У лифтов на обоих этажах должны быть сорваны двери, но кабины и, что важнее, тросы располагались выше взрыва. Если остаться над этими этажами, то все должно сработать отлично. Конечно, банда услышит шум работающего лифта, если не заглушить его.

У него был план, но он не знал, как его осуществить.

Он чувствовал, что от него ничего не осталось, настолько он был измотан. Ему нужен был новый импульс, чтобы собраться и завести себя.

Он включил рацию.

— Тони, Тони, ты слышишь меня?

— Мистер Лиленд, у меня есть к вам вопрос и не из праздного любопытства: откуда вам известно мое имя и вообще так много о нас.

— Просто тебе не повезло, что ты нарвался на меня.

Лиленд знал, что не стоило произносить эти слова, звучащие, как вызов. В них не было и намека на капитуляцию и желание вернуть детонаторы. Лиленд почувствовал, как этот ублюдок закрипел зубами.

— Скажите, мистер Лиленд, почему вы так старательно скрывали от нас свое имя?

— Я так много знаю о вас, что у меня не было уверенности, что вы ничего не знаете обо мне.

— А какая разница?

— Тогда с самого начала вы отнеслись бы ко мне значительно серьезнее.

— Да, верно. Вы коварный противник.

— Слушай, я вызвал тебя, чтобы сказать: я делаю, как обещал.

— Знаю, — его голос поплыл. — Рация плохо принимает.

«Сукин сын. — Лиленд думал о парне, который сделал своему отцу широкоэкранный телевизор. — Откуда это? Ах да, рассказал водитель лимузина. Спит в своей постели, слава богу, если только не разбудил взрыв».

— Зачем ты убил Эллиса?

— Зачем вы дали ему умереть?

Лиленд двигался в направлении лестничной клетки, зная, что именно этого ждал Грубер: только там они могли слышать его голос.

— Этот номер не пройдет, нет, Тони. Я видел, как ты убил Риверса, хотя для этого не было никаких причин. Ты хотел, чтобы он открыл сейф, но ты сам мог сделать это. Тебе просто не терпелось убить кого-нибудь, что ты и сделал на сороковом этаже, чтобы не видели заложники. Весь ветер ты старался успокоить их и вдруг неожиданно изменил свои действия.

— В этом виноваты вы сами, мистер Лиленд. Вы должны понимать это. Вы, видать, стреляный воробей и знаете, что у нас нет другого средства доказать им, что мы в состоянии достичь своей цели.

Лиленд уже был на лестничной клетке.

— Ты знаешь, как делаются такие дела, Тони. Ты должен был убедить своих людей, но тебе это не очень удалось. Карл рвется в бой, не так ли? Ты допустил ошибку, когда позволил Карлу нажать на себя. В тот момент, как ты начнешь демонстрировать заложникам свою жестокость и беспощадность, с тобой будет покончено. Ты — живой труп, Тони. Тебе уже пора начать свыкаться с этой мыслью. Ты — мертвец.

— Хотелось бы перебраться с вами несколькими словами, мистер Лиленд, — это был Холленбек со своей приятной, непринужденной манерой говорить.

— Вообще-то я собирался отключиться.

— Отлично: Мы записываем их многочисленные переговоры по-немецки на тридцатой частоте.

3.10, тихоокеанское поясное время

Лиленд продолжал подниматься. Карл победил, и теперь они действительно идут за ним по пятам. Если они убьют его, то овладеют ситуацией. Мышцы болели от перенапряжения, поскольку он не мог практически ступить ни на одну ногу. Он непрерывно взбадривал себя. Полицейский это делает автоматически, вспоминая, чему его учили, но, поскольку шутка несколько затянулась и продолжалась уже восьмой час, ему это давалось все труднее. Как-то несподручно было острить с закрытым ртом. Он уже вспоминал о «Сессне-310». В двадцатом веке, когда разобщенность между людьми достигла максимума, они стали искать утешения в вещах, хотя это еще никогда не помогало. Он хотел думать о Карен, хотел вспомнить ее. Какая-то частичка его не могла осознать ее смерть. А если бы их жизнь сложилась счастливо.

Он хотел попробовать выбраться на крышу, если они не опередят и не убьют его. Ему хотелось думать, что они медлили из осторожности. Они знали, что он ранен. Если он доберется до крыши, то сообщит об этом Холленбеку. Может быть, полиция воспользуется моментом и проникнет в здание?

Он услышал, как внизу, совсем рядом, открылась дверь. Он находился между тридцать девятым и сороковым этажами, а ему еще надо было выйти к лестнице, ведущей на крышу. «Минутку! На связи Холленбек? Может быть, Робинсон отсутствовал, поскольку полиция готовила еще одну атаку? Они перехватили переговоры немцев и поняли, что те замышляют. Может быть, у него будет передышка? Ну же, ну!» Ему захотелось прокричать это вслух.

Он отчетливо слышал шаги, стук ботинок, ступающих по бетонным ступеням. Он не знал, слышны ли его шаги. Он даже старался дышать тише. Если парень приблизится, он будет стрелять по лестнице, чтобы того поразило рикошетом. Его самого так чуть не убило, когда он сбросил заминированный стул в шахту лифта.

Он стал терять нить происходящих событий. Что же он натворил? Скезикс упал на бульвар Уилшир. Девушка, работавшая у сейфа. Еще тот, которого он послал им в лифте, усадив на стул. Он был первым. И тот парень у окна, который не купился на вопли индюка, но все равно проиграл единоборство с Лилендом и сообщил ему кое-что о взрывчатке. «Да, длинная ночь. И никто не заплатит сверхурочные».

Лиленд вспомнил, что на крыше у него был припрятан небольшой арсенал — автоматическая винтовка Скезикса и его сумка с боеприпасами. В общей сложности у него было сто тридцать патронов. Если занять для обороны выгодную позицию, то этого могло хватить надолго.

Он спешил на сороковой этаж, при ходьбе опираясь на стену. Замок громко щелкнул, когда он отпустил ручку. Надо было торопиться. Поймет ли человек внизу, что это всего-навсего дверной замок, а не его очередная ловушка? У него было важное преимущество: он хорошо знал дорогу к лестнице, ведущей на крышу. Здесь его уже обстреливали. Теперь ему хотелось проделать весь путь до конца и выжить. Он сделал чертовски много. Когда взойдет солнце, весь мир увидит и поймет, что эти люди не так уж умны и непобедимы, как они пытались убедить самих себя и всех, кто имел хоть малейшее желание слушать их. Им противостоял всего один человек. Он перечеркнул все, чем они так любили хвастаться. Ему одному удалось перечеркнуть все их планы.

Сзади хлопнула дверь. Он побежал вприпрыжку, но потерял равновесие и упал на стол. Кто-то несколько раз выстрелил, и раздался звук бьющегося стекла. Если он ответит, то обнаружит себя. Сколько еще офисов придется пройти, прежде чем он выберется в холл? Два, три? Теперь два.

Издалека доносилась стрельба, грохотало тяжелое автоматическое оружие банды. Отлично. В холле горел свет, но надо было рискнуть. Он уже двинулся вперед, когда позади услышал девичье хихиканье.

— Бросьте оружие, пожалуйста.

Он бросил.

— Теперь повернитесь.

Это была маленькая блондинка в военном комбинезоне, который был ей непомерно велик. Она держала оружие обеими руками. Увидев на нем полицейский жетон, она от удивления широко раскрыла глаза.

— Вы полицейский? Где детонаторы? Живо отвечайте.

— На крыше.

— Ясно. Пожалуйста, достаньте пистолет, но только двумя пальцами.

Он отдал ей пистолет, который она бросила в вещмешок.

— Теперь скажите, в каком месте на крыше?

— Справа. Там лестница, ведущая в лифтовую башню, а напротив алюминиевая коробка...

Она махнула револьвером.

— Покажите.

Он открыл дверь. Пока они поднимались по лестнице, она держалась сзади. Все лампы, за исключением нескольких флуоресцентных, были вывернуты. Первая ошибка. Он не знал, что будет делать, когда они доберутся до оружия Скезикса. Она ведет себя очень осторожно и не даст приблизиться к коробке.

— Все это ужасно, — сказала она. — Вам, видимо, доставляет удовольствие много убивать. Но вы всего лишь хорошо обученная ищейка. Вы хотели спасти здание, но разрушили его.

— Детка, плевать мне на здание, — он стоял на верху лестницы. — Надо открыть дверь.

— Минуту, — она щелкнула переключателем рации. Некоторое время она говорила по-немецки. Выслушав ответ Малыша Тони, сказала:

— Нет, нет.

Это прозвучало очень по-женски: она давала мужчине понять, что в помощи не нуждается. У Лиленда появилась мысль.

— Теперь откройте дверь, — сказала она.

Со стороны холмов дул сильный, порывистый теплый ветер. Все небо очистилось.

— Ты не спросила меня, почему мне плевать на здание.

— Что ты говоришь, дедуля? Давай, топай!

— Не любите вы работать головой. Ну почему я не спустился вниз, чтобы выбраться из здания?

— Просто сгораю от любопытства. Выкладывайте все. Теперь вам остается только оправдываться.

— Детонаторы лежат с той стороны коробки, Урсула.

— Что? Меня не так зовут... — он бросился на нее, но она успела выстрелить, ранив его в левое бедро. Но он уже валился на нее, и, когда раздался второй выстрел, почувствовал, как ему обожгло руку. Она упала, сильно ударившись. Он боялся, что она выстрелит еще раз, поэтому откатился влево. Он ударил ее по лицу, но она все же попыталась поднять оружие. Он ударил ее вторично. Она больно укусила его за большой палец и хотела ударить коленом в пах. Здоровой рукой он схватил ее за волосы и ударил головой о крышу. Она открыла рот. Он ударил ее еще раз. Слава богу, хоть ноги у него не сломаны. Он ударил ее еще три раза и, когда она уже не сопротивлялась, вырвал из рук оружие, встал и выстрелил ей в правый глаз. Его трясло от ярости, облегчения и безумной радости победы. Он снова выстрелил.

Разрядив в нее всю обойму, он еще трижды нажал на курок и последнее, что помнил, это как сбросил ее тело с крыши, чтобы Тони знал, что у него еще есть порох в пороховницах. После этого Лиленд потерял сознание.

Он не знал, сколько времени пролежал без сознания. Часы показывали 3.38, но это ему ни о чем не говорило. Пуля задела бедро: на нем на расстоянии пяти дюймов друг от друга были видны две маленькие аккуратные дырочки в тех местах, где она вошла и вышла. Блеснула лужица крови размером с десертную тарелку. Он заполз за алюминиевую коробку и положил оружие Скезикса. Завязкой от вещмешка как жгутом перетянул рану. На улице раздалась оружейная стрельба.

Возможно, он был без сознания менее минуты. На этот раз он ничем не выдаст своего затянувшегося здесь присутствия. Ему подумалось с тоской, что эти люди не знают усталости. У них наверняка был амфетамин, кроме того, они могли найти кокаин Элиса. Тупицы — они стоили друг друга. Ему хорошо были видны двери, что вели на лестницу и в лифтовую башню. Он наблюдал за обеими. Пока не было никаких неожиданностей.

— Ханна, — вдруг позвал кто-то.

По лестнице поднимался человек. Возможно, он слышал выстрелы. Этот будет восьмым. Дверь открывалась наружу, в сторону Лиленда.

— Ханна!

Дверь широко открылась, но никто не появился. Она начала закрываться, и Лиленд выстрелом захлопнул ее. Он ждал.

— Мы оставляем тебя здесь, пока, — крикнул Малыш Тони. — Но не волнуйся, когда рассветет, мы вернемся и убьем тебя. Я лично убью тебя — поверь, так будет лучше для тебя.

С улицы донесся грохот длинной автоматной очереди.

— Привет, Холленбек.

— Привет, дружище. Как вы?

— Я на крыше. Мне кажется, они закрыли дверь на замок. Меня ранило в ногу, но несерьезно. Ах да, еще одного вывел из строя.

— Шутите!

— Нет. Звали ее Ханна.

— У, черт!

— Это третья женщина. Я уже почти привык к этому. Что происходит у вас, внизу?

— На связь выходил наш немецкий ас и подробно изложил программу своих действий. Мы тут много чего наслушались, пока они говорили по рации, но о женщинах не было сказано ни слова. Это просто гадко, мерзко и отвратительно.

— Не будьте таким старомодным.

— Он сказал, что они ловят вас, и Робинсон попытался отвлечь их. Хотелось бы точно знать две вещи: во-первых, вы уверены насчет их числа? Мы приняли твердое решение готовиться к захвату здания.

— Я слышал, как они говорили об этом. Что это, на Робинсона нашло просветление?

— Теперь мы знаем, кто вы! Он по-прежнему кроет вас последними словами, но, по крайней мере, он — и все мы — уверены в вас. Вы знаете, что делаете. Во-вторых, немец обмолвился, что у вас есть жетон. Что это значит?

— Так, одна штука. Я прикрепил его, чтобы вы меня узнали.

— Им нужен этот жетон. Не снимайте его. Здесь находится заместитель начальника, он полностью проинструктирован и будет руководить операцией. Билли Гиббс говорит, что хочет рассказать о вас газетчикам. Не отключайтесь.

Он по-прежнему держал палец на кнопке и услышал, как Холленбек сказал:

— Он убил еще одного, седьмого.

— Сукин сын, — на мгновение рация умолкла. — Джо? Это Винс Крейн. Два года назад мы встречались в Новом Орлеане.

— Как вы? — Он был в Новом Орлеане на конференции два года назад, но не помнил Крейна в представительной делегации от Лос-Анджелеса.

— Нормально. Я думаю, что именно благодаря вам все пройдет отлично. Мне бы не хотелось встретиться нос к носу с этими двенадцатью. Послушайте, теперь пусть они поговорят. Держитесь по мере сил и возможностей. Мы все понимаем и, поверьте мне, действуем с должной осторожностью. Вы будете молодцом?

— Когда поедут за едой, закажите мне кофе и булочку. Тот засмеялся.

— Об этом не волнуйтесь. Передаю рацию сержанту Пауэлу.

— Эй, напарник, — сказал Лиленд.

— Я польщен. Но вы нас надули. Есть новости. Я разговаривал с Кэти Лоуган. Она не помнит вас, совершенно не помнит.

— Это ты выдумал, парень.

— Нет, она наговорила о вас много хорошего. Но она знает о вас только то, что вы в каком-то здании воюете с какими-то мерзавцами. Кроме того, радио и телевидение уже в курсе и вещают на полную катушку. Они хотели бы передать ваш с Кэти разговор по рации. Вы стали популярной личностью.

— Мне не нужен цирк.

— Теперь уже поздно об этом говорить.

— Мы еще поговорим, потом, Пауэл.

— Зовите меня Эл.

— Джо. Итак, договорились? Потом.

— Конечно. Теперь будьте осторожны.

4.53, тихоокеанское поясное время

Он проснулся от боли. Еще не открыв глаза, он знал, где находится, но не сразу вспомнил, что произошло, поскольку память только начинала возвращаться к нему. Он не мог пошевелиться, настолько был весь изранен. Ныл даже большой палец в том месте, где Ханна укусила его. Похолодало, хотя скорее всего его организм просто перестал сопротивляться. Перед тем как заснуть, он прикинул, что потерял около пинты крови, — столько обычно сдают на донорских пунктах. Для него при данных обстоятельствах это — чертовски много. Небо по-прежнему было темным. До рассвета оставалось еще часа полтора.

Он решил попробовать встать. От мучительной боли в левой ступне хотелось расплакаться. Бедро горело. Когда-то в юности пуля всего лишь царапнула его, но ощущение было такое же. Он мог идти, но, чтобы добраться до противоположной стороны крыши, где раньше лежало тело Хан-ны, ему потребовалось пять минут. Он остановился — какого черта его потянуло к этому месту? Необходимо было рас-считать каждый шаг. Он достал рацию и, переждав мгнов-ение, включил ее.

Что-то смутно беспокоило его. Полиция спрашивала его о численности банды. Почему? Ее удивило, как они оборонялись? Но эти ребята обучались своему ремеслу

в партизанских лагерях, разбросанных по всему Ближнему Востоку. И они умели ставить заградительный огонь не хуже морских пехотинцев. Эл мог и не знать этого, поскольку двадцать четыре часа в сутки занимался своей рутинной.

Лиленд решил только слушать. На двадцать шестой было тихо. На девятнадцатой женщина по-немецки повторяла какие-то слова и цифры. Девятая молчала. У полиции были свои рабочие частоты, но банда могла прослушивать их, если имела соответствующую аппаратуру.

Надо было готовиться к встрече с противником. Они явятся не раньше, чем через час, дождавшись, когда над горами взойдет солнце. Больше всего его угнетало отсутствие информации о Стеффи. Он не допускал мысли, что она умрет раньше него. Он пережил Карен и не представлял, как можно пройти через эту муку еще раз. Он не вынесет этого.

Он покачал головой. Через час его придут убивать, а он сокрушается, что так долго живет. Он приблизился к краю крыши, но из-за пораненных ног не смог забраться на вывеску, чтобы посмотреть на бульвар Уилшир. В очередной раз он подумал, правильно ли сделал, что не вышел в эфир, ведь у полиции могла быть для него информация.

Казалось, теперь по всему городу горело значительно больше огней. Он купил «Сессну-310» после развода. Он знал, что это его последний самолет, и мало пользовался им. В жизни всегда наступает такой момент, когда приходится расставаться с вещами. Последние шесть-семь лет жизни он всецело посвятил работе. Хорошей, интересной работе.

Он входил в состав группы, разработавшей первый генеральный курс, направленный на борьбу с терроризмом и угонами самолетов. Он создал систему обеспечения безопасности для одного из новых стадионов, которую с тех пор не раз копировали и которой строго придерживались. Он привык скрывать от людей, что именно он посоветовал властям магазинов заставить производителей мелких штучных товаров, например шариковых ручек, прикреплять их к большим картонкам, которые нельзя засунуть в карман. Люди настолько не любили связываться с картонными или пластиковыми упаковками, что не принимали никаких объяснений, хотя воровство в магазинах во всем мире расцвело таким пышным цветом, что всерьез угрожало розничной торговле.

Из мира уходило понимание необходимости бережного отношения к другим людям. Добрососедские отношения были уже редкостью. Жизнь не сближала, а разводила лю-

дей в разные стороны. Они чувствовали себя гостями на своей собственной планете. Проектировщиков этого здания больше интересовала возможность потакать амбициозным замыслам кучки нефтяных воротил, что выразилось в создании помпезной площадки-подиума, чем забота о людях, для которых можно было бы посадить несколько деревьев и поставить ряд скамеек, где они могли бы просто посидеть и поговорить. Он включил рацию.

— Эл?

— Подождите. Он уже проснулся.

— Джо? С тобой все в порядке?

— Что значит «он проснулся»? Я здесь, например, писал письма и приводил в порядок кое-какие дела.

— Меня подменили на радиоперехвате. А ты бы просто посидел, отдохнул.

— Я и так отдыхаю, а вот у тебя голос усталый. Послушай, они собираются подняться за мной...

— Мы работаем над этим. Тебе будет оказана поддержка с воздуха.

Лиленд молчал. Если полиции удастся взять под контроль крышу, они высадят на нее людей. Для этого им потребуется помощь Лиленда, его поддержка, черт возьми; он должен будет прикрывать их. Если будет надо, он умрет. Какое громкое название они придумали для этой операции — поддержка с воздуха. Теперь у банды появилась еще одна причина желать его смерти. Они так давно заперли его здесь, что, может быть, их уже не интересуют разговоры на одиннадцатой частоте?

— Мне кажется, у вас ничего не выйдет. На этой крыше столько всего нагрождено, что они всегда найдут, где спрятаться. Пойми, они пришли сюда, чтобы здесь остаться. Я больше чем уверен: у них есть реактивные снаряды.

— Ну, чтобы проверить это, есть только один способ, не так ли, брат?

«Теперь они стали братьями», — подумал Лиленд. Но он чувствовал, что Эл что-то не договаривает.

— Послушай, давай говорить откровенно. Выкладывай все и не морочь мне голову.

— Мне следовало сказать тебе, Джо. Радио и телевидение ведут отсюда прямую трансляцию. Они передают все, о чем мы говорим.

Лиленд вздохнул:

— Значит, мне причитається?

— Не думаю.

— Тогда этим ублюдкам придется попытать счастья с теми, кто останется в живых.

Голос Эла прозвучал сдержанно:

— На востоке уже рождественское утро, Джо. Маленькие дети смотрят телевизор.

— Им положено быть в церкви. Если кто-то действительно хочет сделать для меня что-нибудь, он должен пойти в церковь.

— Не надо так, Джо. Все знают, что ты прошел через ад, но не надо отыгрываться на мне. Всем счастливого Рождества! Джо, мы не шутим. Как только рассветет, над зданием будут постоянно висеть вертолеты. Они прикроют тебя.

— Послушай. Хорошенько послушай и подумай! Я до сих пор жив лишь по одной причине — они контролируют ситуацию. Им бы очень хотелось сбить вертолет.

— Нет, Джо. Они требуют эфирного времени. Они хотят прорваться на радио и телевидение. Им хочется через спутники связи вещать на весь мир.

— Ну и что же?

— Мы тут переговаривали кое с кем. Они говорят, что это очень трудно сделать и почти невозможно удовлетворить их требования. Мы пытаемся объяснить им это.

Когда забрезжит рассвет, вертолеты попытаются высадить на здание остатки спецподразделения. Если все пройдет успешно, они с боем будут пробиваться к заложникам, многие из которых к тому времени будут убиты. Среди последних могут оказаться Стеффи, Джуди и Марк.

Но у полиции ничего не выйдет. Тогда на смену ей придут армейские части, которые будут пробиваться сверху и снизу. Армейская операция завершится успешно, но при этом погибнут все. Лиленд решил, что спорить все равно бесполезно.

— Джо, ты достаточно бодр, чтобы поговорить с другом?

— Ты говоришь так, словно выступаешь по телевидению.

— Не цепляйся к словам, приятель. Мне не терпится пойти домой и посмотреть, что Санта-Клаус положил для меня под елку.

— А мне все дарят автоматы, — он переменял положение, стараясь не показывать голосом, как ему больно. — Теперь их шесть.

— Мне показалось, ты сказал семь.

— Семерых я убил. Последней была Ханна.

— Откуда ты знаешь ее имя?

Полиция должна была иметь полную картину того, что здесь произошло.

— Я хотел поговорить с ней о поэзии. Так что там с другом? — перед ним стояла любопытная дилемма: когда рассветет, ему уже не придется действовать вслепую, но при этом у него практически не останется шансов выжить.

— Ты можешь выбирать между Билли Гиббсом и Кэти Лоуган.

— Скажи Билли Гиббсу, что я по-прежнему летаю. Он поймет.

— Значит, ты хочешь поговорить с мисс Лоуган?

— Да, с ней.

— Но тебе придется делать это перед всей страной. Билли Гиббс слышал тебя по телевизору и просит передать, что солнце должно вставать у тебя из-за спины, если ты понимаешь, что он имеет в виду.

— Это значит, что Билли знает, кто здесь капитан, — совет старого друга был весьма кстати. Лиленд с трудом перебрался на восточную сторону здания.

— В этом звании ты служил во время войны?

— Ты дашь мне поговорить с Кэти или нет?

— Придется, а то телезрители завалят меня ругательными письмами.

— Я все время забываю, что у нас есть аудитория. Жаль, что они пропустили половину зрелища.

— Опять ты об этом. Ты уверен, что убил семерых?

— Да.

— И что их всего двенадцать?

— Они сами это сказали, я слышал, и сказано это было не для меня.

— Что ты имеешь в виду?

— С девяти вечера вчерашнего дня мы здесь играем в кошки-мышки. Если кто-нибудь из них останется в живых, то в будущем году мы устроим встречу. Будем есть пиццу и мирно беседовать. Ладно, давай Кэти Лоуган.

— Слушай, какое счастье, что я не патрулирую вместе с тобой.

— Джо? Это Кэти. Ты слышишь меня?

— Так хорошо, будто нахожусь в кондитерской лавке за углом. Хочешь пойти в кино? Как ты?

— Мне до смерти хочется в кино. Чувствую себя замечательно. А ты? У меня работает телевизор. Складывается впечатление, что у вас там настоящая война.

— Нет, просто один неразговорчивый полицейский пытается утихомирить своих соседей.

— Эта правда, что они говорят? Ты все это сделал?

— Да.

— Нет, это невозможно.

— Понимаю. Послушай, это моя профессия. Здесь одна девушка назвала меня дрессированной ищейкой. Эти люди не привыкли видеть в противнике человека. Тебе все равно, что нас слушают?

— Другие? Все равно. Мне интересно слушать тебя.

— Да, я натаскан, тренирован, специально обучен. Но я не собака и вообще не зверь. Я человек, однако, по всей видимости, до них это не дошло.

— Я согласна с тобой, Джо, но я не такая смелая, как ты.

Глазами он искал, как лучше проникнуть в здание с крыши. Если пятеро оставшихся в живых сейчас слушают их разговор, пусть себе думают, что он просто болтает с девушкой. Он слышал аромат ее духов. Он чувствовал вкус ее губ. Слава богу, судьба не отняла у него хоть этой возможности.

— Хорошо, это личный разговор. Ты прослушала пленку?

— Да.

— Меня прервали эти люди. Они не знали, что я ушел с вечера, чтобы позвонить тебе. Я поднялся наверх и увидел, как они убили человека по имени Риверс. Антон Грубер прострелил ему сердце. Я свидетель этого. Зажигая лампы, я пытался азбукой Морзе передать сигнал бедствия, но они послали одного парня убить меня. Я сломал ему шею и отправил обратно. Ты должна знать, кто я. Я проработал здесь патрульным почти тридцать пять лет. Полиция хочет знать все, что здесь произошло. Ты понимаешь, почему я так поступил?

— Да.

— Мне хотелось бы поговорить только с тобой, — он определил, что с крыши невозможно проникнуть внутрь. — Я все время думаю о том месте на берегу. Не скоро я смогу опять ходить, ну да ничего.

— Почему ты не можешь ходить?

— Я тебе потом расскажу, — единственным возможным путем, который он знал, был путь через вентиляционную шахту, но оттуда он не сможет двинуться ни вниз, ни вверх. Даже если бы у него были целы ноги.

Ему казалось, что, если убедить Малыша Тони в своей полной недееспособности, это сыграло бы ему на руку. Ему придется огнем прикрывать вертолеты, если только по какой-либо причине не потребуются опять доказывать банде, что он может сам себя защитить. Сколько времени? 5.30. Через пятьдесят минут начнет светать.

Он все говорил, будто читал наизусть в классе, вслух перечисляя, сколько человек убил. Он решил провести инвентаризацию всего своего имущества, включая пустой револьвер Ханны. У него было два вещмешка, автоматическая винтовка чешского производства Скезиса и почти три обоймы патронов. На ноге были намотаны полотенца. Может быть, они тоже пригодятся. Что еще? А от него самого что осталось?

До рассвета было еще далеко. В свободные минуты из-за своей усталости он будет просто всматриваться в чернильную темноту, которая буквально давит на глаза. Летчикам, морякам и водителям это ощущение знакомо.

Он сказал Кэти, что не знает, кто подал ему сигнал, сообщив, что полиция направляется к зданию. Но ему хотелось верить, что это был какой-нибудь актер, который вместе с красивой женщиной принимал водный массаж в своей ванной. Наверное, сигнарила она, а он давал ей указания, как это делать. Кэти подыграла ему и сказала, что знакома с этим парнем и что он с радостью предоставит им свою ванну. Лиленд не понимал, о чем это она.

— Я ценю это, Кэти. В самом деле.

— Когда все кончится, я хочу увидеть тебя. Я хочу, чтобы ты остался жив.

Он вспомнил совет Билли Гиббса. Интересно, теперь, в этом состоянии, он испугается высоты в четыреста футов?

— Я тоже хочу жить. Эл, ты на связи?

— Я старался держаться на почтительном расстоянии. Чем могу быть тебе еще полезен, помимо того, чтобы заказать шампанское и икру? Только не требуй, чтобы я обслуживал тебя за столом.

— Ну и юмор у тебя. Я готовлюсь на тот случай, если у вас ничего не выйдет. Мне нужно, чтобы солнце находилось сзади меня.

— Оно появится примерно на десять градусов левее небоскребов в центре города. Я обожаю тебя. Ты понимаешь? Я с тобой.

— Спасибо, Эл. Билли Гиббс расскажет тебе, какой я напарник. Кэти, ты там?

— Да, Джо.

— Ты следишь за событиями по телевизору и знаешь, что вертолеты появятся на рассвете, если не раньше, — он прикидывал, сколько сможет нести на себе. Нет, взять следовало только самое необходимое. Надо было составить план и действовать, исходя из того, что Малыш Тони все слышал и теперь обдумывал, как Лиленд попытается обставить его. Ладно, к черту; Билли Гиббс дал самый стоящий совет. Если солнце будет у него за спиной, он попытает счастья.

Билли знал, что Лиленд будет наступать. И он был прав, прав, черт возьми. Из-за этих скотов он стал главным действующим лицом фильма ужасов. Если бог будет милостив, он поможет ему убить всех их. Эта мысль приходила к нему уже не в первый раз, но теперь он желал этого как никогда.

— Так или иначе, — сказал он Кэти Лоуган и всем, кто слушал их, — я повернусь к солнцу спиной, чтобы оно слепило их. Мы всегда так делали во время войны. Тогда я смогу держать под прицелом двери, что ведут на крышу и в лифтовую башню. С тех пор как я последний раз видел тебя, Кэти, я переехал в «Тауэр» компании «Клаксон». Теперь я знаю его как свои пять пальцев, чего не могу сказать о большинстве людей.

— Джо, я хочу, чтобы ты жил.

— Ты уже говорила об этом.

Из всех вещмешков он вынул завязки. На этот раз он прикрепит их к перевязи, пока она на нем. На ноги рассчитывать не приходилось. Значит, придется обойтись без них. Когда крыса попадает в ловушку, то, чтобы выбраться из нее, она перегрызает себе лапу.

Он бросил перевязь на крышу. Нет, это не пойдет. Если он не будет смотреть фактам в лицо, он умрет. Он умрет, если останется на крыше. Но на этот раз он не мог рисковать и полагаться на ненадежные зажимы перевязи, которые наверняка не выдержат неожиданно навалившегося на нее большого веса. У него оставалось меньше получаса времени.

— Ты все еще там?

— Да, я здесь, Джо.

— Кэти, оставайся на связи. Эл, дай поговорить с Винсом Крейном.

— К сожалению, это невозможно.

— Почему, черт возьми?

— Его нет, Джо. Не волнуйся, хорошо?

Лиленд все понял: Крейн был мертв. И опять всем за-

правлял Дуэйн Робинсон, пусть на какое-то время. Это была его идея высадить на крышу десант, и, если Лиленд во время операции погибнет, Робинсону все сойдет. Лиленд нажал на кнопку.

— Эл, кто из офицеров в настоящий момент руководит операцией? Я хочу, чтобы это было зафиксировано на пленке.

— Джо, нам не нужна будет твоя помощь. Ты и так много сделал.

— Эл, я хочу знать имя этого человека.

— Капитан Дуэйн Т. Робинсон. Ну же, Джо, ты и так на грани срыва.

— Не дурачь меня. Все это время ты так легко обо всем говорил, а Винс Крейн был уже мертв. Расскажи, какая обстановка на улице.

Он двигался к лифтовой башне. Его левая стопа ничего не чувствовала, спина раскалывалась от боли. Он искал пожарные шланги.

— Ты мне скажешь, какая там обстановка, или нет?

— Мистер Лиленд? — это был новый голос, громкий и отчетливый.

— Кто говорит?

— Неважно. У меня тут небольшая станция в горах. Она достаточно мощная, чтобы вещать на всю Канаду. Вас показывают по телевидению. А гараж набит взрывчаткой.

У Лиленда появилась мысль.

— Вы хотите участвовать в этом?

— С огромным удовольствием.

— Вы хорошо слышите меня?

— Черт, я принимаю вас в стерео. Если бы Федеральная комиссия связи увидела мою аппаратуру, она бы заставила меня съесть ее.

Лиленд улыбнулся.

— Они не всесильны.

— Джо, это Дуэйн Робинсон. Я требую, чтобы вы немедленно прекратили всякие действия. Вы слышите, требую! Вы воевали целую ночь, с вас хватит.

— Я исполню свой долг, — сказал Лиленд.

— Джо, укройся где-нибудь, — это был Эл Пауэл. — Ты и так сделал невозможное. Поставь себя на наше место.

— Именно это я и делаю.

В металлическом ящике он нашел шланг, но тот был слишком тяжел. Надо было размотать его, чтобы добраться до муфты и подсоединить его к крану. Какая у него длина?

Сорок футов? Его невозможно было разрезать, да этого и не требовалось.

— Кэти?

— Да, Джо.

— Если тебе тяжело, скажи об этом.

— Мне сказали, что сюда направляются операторы.

Они уже выехали.

Размотанный шланг лежал поперек крыши.

— Эй, парень с мощным передатчиком, как тебя зовут?

— Тако Билл. Я бы рассказал почему, но дети слушают.

Раздался еще один голос.

— Джо, это Скот Брайан из «Новостей». Может быть, вам интересно узнать, что церкви на Восточном побережье переполнены?..

«Муфта замерзла. Надо разбить лед прикладом». Он поднял рацию.

— Эй, Брайн. Я был бы вам очень признателен, если бы вы не занимали этот канал...

— Простите, но мы тут все болеем за вас...

— Катись к черту!

Ему потребовались два дополнительных захода, чтобы разложить шланг до края крыши. Часы показывали 5.45. Он Малышу Тони дорого достанется. Если сдвинуться севернее на пять — десять градусов, то ему удастся контролировать обе двери. Он еще пощекочет им нервишки здесь, на открытом воздухе, хотя сомнения все больше одолевали его. Они затаились и, по-видимому, уже все спланировали.

Лиленду тоже надо было составить план действий, для чего желательно забраться на металлическое обрамление вывески. Последние полчаса он старался не думать об этом, а теперь, когда этот момент наступил, почувствовал, как внутри него закипает ярость. Он не знал, сможет ли вообще забраться туда, а ведь ему придется проделать это не один раз.

Он подтянулся на руках, как ребенок. Четыреста футов. Снизу все еще поднимался дым. Тело убитого офицера убрало, но улица напоминала поле боя. Однако не это интересовало его.

Ему пришлось свеситься с одной стороны, чтобы посмотреть вниз. Надо было измерить расстояние, на которое он должен будет спуститься, прикинуть траекторию, по которой будет лететь, определить место, куда попадет, а затем все

эти прикидки перенести на длину шланга. Если он надежно закрепит его, все будет хорошо. Свободный конец шланга можно будет намотать на пояс, чтобы его длина составила триста семьдесят футов. Он будет болтаться над улицей, как мишень в тире.

Первые моменты будут самыми критическими. Учитывая его состояние, ему придется скатиться с крыши. Он будет крутиться и раскачиваться, ожидая момента, когда сила инерции втащит его в здание. Но надо все рассчитать так, чтобы попасть на сороковой этаж. Когда возобновятся боевые действия, он там будет в безопасности, если только террористы обо всем не догадаются. Тогда ему придется опять карабкаться и ползти, чтобы спасти свою жизнь.

Страх застилал ему глаза. Он едва видел, что делает. Он втащил шланг на вывеску «КЛАКСОН», отмерил нужную длину, затем еще раз проверил расчеты. Если он не сделает этого, он умрет. Он понял, что шланг в момент прыжка должен быть разложен, а не скручен, иначе Лиленду придется разделить участь тех, кто имел несчастье упасть в люк, — он попросту сломает позвоночник.

Он собирался использовать массивный латунный соединитель, чтобы закрепить конец шланга, перекинув его через одну из опор вывески. Другой конец он закрепит на поясе с помощью металлического наконечника шланга. Все это выглядело довольно сомнительно, так как при падении наконечник мог невзначай вонзиться ему в грудную клетку. Если ему действительно удастся забраться в здание, он может не успеть отцепить шланг до того, как его начнет выталкивать наружу.

Он надел перевязь и убедился, что браунинг лежит надежно. Затем сложил вместе завязки от вещмешков, и получилась веревка, что само по себе еще не решало проблемы быстрого отсоединения шланга. Он снял брючный ремень.

В 6.05 он занял позицию — свою позицию. Он опять перевесился через край вывески, чтобы наметить и запомнить окно. Сейчас нельзя сказать, сколько у него будет времени, когда возобновится стрельба. Возможно, несколько секунд. Этого явно недостаточно, чтобы открыть окно. Под таким углом это будет непросто сделать. Когда рассветет, будет видно лучше, но нет уверенности, что полиция не начнет акцию раньше времени, до рассвета. Шум вертолетов предупредит его об этом. И не только его. Поэтому Лиленду приходилось исходить из того, что банда находит-

ся прямо за дверь, ведущей на крышу, в ожидании первых звуков летящих вертолетов.

Лиленд находился на ничейной территории. Он был вне закона. В этом положении ему были необходимы такие люди, как Тако Билл. Лиленда привезли сюда на лимузине, он был в костюме и при галстуке. А сейчас люди отшатнулись бы от него в ужасе, увидев, за кого они болеют и переживают. Дело в том, что разница между героями и негодьями определяется, как правило, со временем.

Учащиеся университетов в Германии больше десятилетия радостно приветствовали этих мерзавцев. Они были не совсем неправы. Полиция пыталась обманом вынудить Лиленда положить свою жизнь ради бессмысленной цели. И сейчас они молчали, потому что знали, что дальнейшие разговоры обнажат их полную беспомощность и несостоятельность. Они не владели ситуацией. Поэтому и не приказали Тако Биллу прекратить радиопередачу. Слава богу, что суверенитет небезграничен.

Конечно, самой большой удачей в предстоящий час для Дуэйна Т. Робинсона могла бы стать смерть Джозефа Лиленда, что впоследствии избавило бы его от необходимости отвечать на каверзные вопросы. Мир просто задышался от таких вот робинсонов, которые любили загребать жар чужими руками и использовали любую возможность для организации собственных успехов и возвышения. Они паразитировали на обществе так же, как Малыш Тони и ему подобные, а возглавлял список этих негодяев Ричард Никсон. Эти люди лишили цивилизацию даже ее прошлого, поставив под сомнение все. Теперь уже никто не знал, во что верить и зачем.

Да, Робинсон был крутым малым. Как полицейский, он прекрасно знал, что сделают с каждым из тех, кто погиб или еще погибнет. Когда судмедэксперт закончит вскрытие, тело будет напоминать судно, выжженное до ватерлинии. Поэтому вскрытые трупы так и называли — каноз. Голову скальпируют — кожа отходит от костей как кожа. Если Лиленд умрет, его так же распотрошат, а потом, к ночи, зашьют.

Он услышал клаксоны автомобилей. Это к зданию съезжались зрители. Ему хотелось думать, что это типично только для Лос-Анджелеса, но он знал, что люди вели себя так повсюду. Лиленд находился на ничейной территории. Он даже не знал, за что собирался воевать. Рассвет еще не наступил.

6.41, тихоокеанское поясное время

Вдалеке над горами он увидел три мигающие красные точки. Лиленду было интересно, что террористы знали о тактике вертолетной поддержки и высадки десанта. Одна из запасных обоев лежала перед ним на вывеске, а рация с приглушенной громкостью — поверх обоев. Вторая обояма была в заднем кармане. На небе над небоскребами появились барашковые облака. Горы были отчетливо видны: вот так они простоят еще десять тысяч лет. Лиленд поднял рацию.

— Тако Билл?

— Слушаю вас.

— Расскажи, что показывает телевидение.

— Послушайте, вы просто гвоздь программы. На улице собрались тысячи людей.

— Что еще?

— Все остальное держится в тайне. Показывают здание, которое сильно пострадало от вашего взрыва, а с виду осталось, как прежде, даже все лампы как горели, так и горят. Я повторяю то, что говорили по телевизору. А на востоке люди идут в церковь.

— Джо, мы могли бы помочь...

— Подожди, Эл. Билл, будь готов в любую минуту выйти на связь со мной.

— Хорошо.

— Джо, ничего не предпринимай. Остановись и ты будешь жив.

— Если бы я верил в вашу затею, я принял бы твое предложение, — вертолеты все еще висели на одном месте. — У меня нет другого выхода. Я объяснил тебе, что произойдет. Если бы ты увидел меня, ты бы поверил. А так тебе придется поверить мне на слово.

Он откинулся назад, чтобы завязки натянулись на грудной клетке. Надо было, чтобы они не стесняли движений. Вертолеты стали набирать высоту. Возможно, они будут действовать осторожно, но это не решало другой проблемы. Если при таком освещении и практически полном отсутствии видимости они будут пикировать на здание, то его как пить дать подстрелят. Он понял, почему банда не поднялась на крышу: они все видели с нижних этажей и пока решили не рисковать. Вертолеты по-прежнему набирали высоту.

Надо было следить за дверьми. Солнце появится у него за спиной через пятнадцать — двадцать минут, а вертолеты

находились в пяти минутах лета отсюда. В этом и состоял план?

- Эл, пусть они заходят из-за западной башни.
- Мы свяжемся с пилотами.
- Как ты, Кэти?
- Смотрю на себя по телевизору. А как ты?
- Хреново.
- Ты не можешь сделать так, как говорит полиция?
- И остаться в живых? Нет.
- Наконец, они отвязались от меня. Посмотри на север.

— Вижу. И не я один.

На улице нарастал ропот возбужденной толпы, томимой ожиданием, как это бывает во время соревнований. Лиленд вспомнил приятеля Кэти, боксера второго полусреднего веса. Он хотел спросить, была ли у него хоть одна столь изматывающая схватка или раунд.

Лиленд подошел к краю вывески. Он видел людей за баррикадами за три квартала отсюда, очень близко. В случае чего они пострадают. Но полиция ничего не могла поделать с этим, они были бессильны. Включили прожекторы. Если бы он руководил операцией, он поступил бы также, поскольку надо было видеть, что происходит.

Огни, толпа, камеры — все это вполне соответствовало современным представлениям о событии. Люди должны были видеть, что происходит. Это началось после покушения на Джона Кеннеди. Если бы люди дали себе труд задуматься, они бы поняли, что с нетерпением ждут от телевидения подобных зрелищ. Это было частью их убежденности в том, что с человеком можно не считаться и ни во что его не ставить. Они привыкли к полицейским типа Дуэйна Робинсона, которые желали подчинить себе все и вся, даже собственный здравый смысл.

Вертолеты зависли западнее здания. Небо слегка посветлело, и он уже различал их очертания. Лиленд нажал на кнопку:

- Кэти, я не хочу, чтобы ты волновалась.
- Понимаю.

Он решил на время прервать связь. Вертолеты находились на западе так высоко, что освещались розовым светом солнца, которое еще не вышло из-за гор. Морозный воздух в этот час бодрил, и Лиленду почти хотелось оказаться там, с ними. Почти. Он переключился на тридцатую, затем вернулся на прежнюю волну.

— Билл, начини обратный отсчет от десяти, а потом глуши тридцатую.

— Тридцатую. Считаю.

Лиленд переключился на тридцатую частоту, поставил рацию на полную громкость и швырнул ее как можно дальше к южной стене. Первый вертолет направился к югу. Рация орала, извергая органную музыку, — это Тако Билл наложил на тридцатый канал трансляцию рождественской службы. За первым вертолетом двинулись два других. Все три в первых лучах восходящего солнца оказались белоголубыми. Под носом у них были отчетливо видны большие прожекторы.

Рация лежала в двадцати футах от него на воображаемой линии, проведенной между дверью на крышу и тем местом, где находился Лиленд. Ему был необходим этот отвлекающий маневр. Вертолеты, растянувшись на полмили, были еще слишком далеко, чтобы их можно было услышать.

Лиленд быстро посмотрел через край крыши, лишней раз проверяя свои расчеты. Шланг был сделан из грубой парусины, и он закрепил его так, чтобы узел не ослаб и не соскочил; он не знал, что будет делать, когда он повиснет над улицей, удерживаемый приспособлением, которое сам же и сделал.

Выбора не было. Полиция позаботилась об этом, и теперь многие из них умрут. Пока он будет болтаться на высоте четырехста футов. Хотелось думать о чем-нибудь другом. Первый вертолет пошел на заход, пикируя. Солнце осветило верхушку лифтовой башни, которая мешала первым лучам упасть на крышу. Лиленд надеялся, что он точно выбрал момент.

Вертолет стал снижаться, а следующий все еще находился за три-четыре мили от цели. Лиленд слышал бухтение их двигателей. Он подполз ближе к краю крыши и услышал вопли толпы. Его по-прежнему скрывали светящиеся буквы надписи «КЛАКСОН». Когда он перевалится через них, ему придется одновременно держаться за автомат и за шланг. Если он упустит шланг, то от резкого толчка при падении завязки могут соскочить у него с плеч. И тогда он полетит вниз и проделает весь путь менее чем за четыре секунды.

Ничего не выйдет!

Солнечный свет сбегал по лифтовой башне. Лиленд не решался посмотреть в противоположную сторону, чтобы солнце не ослепило его. Дверь, ведущая на лестничную клетку, как будто, сдвинулась. Если они прослушивали перего-

воры по рации, то теперь ждут, что он сразу начнет стрелять. Но, может быть, они догадались, что весь его треп был лишь уловкой? Ему хотелось, чтобы они по-прежнему думали о нем с уважением. Он переместился на пять градусов для того, чтобы солнце, встающее из-за гор, светило им прямо в глаза.

Первый вертолет находился менее чем в миле, а лестничная дверь, накануне ночью изрешеченная Лилендом, опять шевельнулась. Они следили за приближением вертолетов через дырки, и сверху эти дырки не были видны. Лиленд примерил чешскую автоматическую винтовку, держа ее выше пояса. Он будет выжидать до последнего. Орган умолк, и мужской голос, резонируя в большом зале, пригласил всех подняться в знак признания апостольской веры.

Дверь приоткрылась на шесть дюймов, и показался оружейный ствол, выстреливший по Лиленду. Очередь прошла поверх его головы. Лиленд выпустил две короткие очереди, так как надо было беречь патроны на тот случай, если не удастся вставить новую обойму. Следующая очередь ударила в стену на расстоянии пяти футов от его пальцев.

После первых выстрелов вертолета с лифтовой башни посыпалась пыль. Вертолет быстро снижался, и Лиленд уже видел людей, сидевших в нем. Он успел выпустить по двери еще одну короткую очередь, прежде чем вертолет загрохотал над его головой, затем перегнулся через край крыши и из винтовки прицелился в выбранное им окно. В полумраке он не видел, что делает.

Начал заходить второй вертолет, на этот раз дверь стремительно и широко распахнулась, и террористы ответили огнем. В тот момент, когда Лиленд решил прикрыть вертолет, он увидел трубу пускового устройства. По нему непрерывно били автоматы, но они не знали точно, где он находился. Скоро у него кончатся патроны, и ему придется менять обойму, иначе его здесь прибьют.

Выстрелами со второго вертолета сорвало алюминиевые трубы коммуникаций и выбросило их на бульвар Уилшир. За ним, снижаясь, шел третий вертолет, который выстрелами разбил вывеску на южной стороне здания. Первый вертолет развернулся для второго захода, сбавил скорость и пошел по более крутой траектории. Лиленд опять выпустил короткую очередь по открытой двери.

За ней он увидел двоих. Если полиция будет прорываться снизу, то заложников останется стеречь только один. Но

не следовало забегать вперед. Он выпустил еще одну короткую очередь в тот момент, когда вертолет пошел на заход. На время террористы забыли о нем, и он, перегнувшись через край крыши, разрядил обойму в окно. Оно все побелело, покрылось плотной паутиной трещин, напоминавших пену, с шипением оставляемую волнами на берегу.

Террористы выстрелили по нему, пробив каркас вывески. Лиленду пришлось дожидаться появления второго вертолета, чтобы заменить обойму. Над его головой свистели пули. Второй вертолет открыл огонь, и Лиленд потянулся за новой обоймой, перебросив пустую через край крыши. Это было непростительной ошибкой, поскольку он увидел, как она стремительно удалялась, тая на глазах, и исчезла в темноте. Его чуть не стошнило.

На улице послышалась стрельба. Лиленд обстрелял лифтовую башню. Ему надо было беречь патроны. Он не мог избавиться от мысли, что упадет. Шланг не хотел натягиваться. В перестрелке он перепутал направления. Из распахнутой двери автоматы поливали огнем вертолет, затем раздался оглушительно громкий свист, и мимо пронесся столб белого дыма, тонкий и плотный, как флагшток. Вертолет взорвался, охваченный пламенем, окрасив крышу в багровый цвет. Один из террористов выбрался на крышу. Лиленд выстрелил в него, но было уже поздно. Для спасения у него был только один путь, и он должен был пройти его.

Обхватив руками винтовку, он вцепился пальцами в парусину шланга и перевалился через ограждение крыши.

Он пронзительно закричал и зажмурился, чтобы ничего не видеть. Он раскачивался и крутился, его швыряло то вверх, то вниз. Когда он открыл глаза, раздался еще один взрыв, более мощный, чем первый. Казалось, что все, что находилось в нескольких футах над ним, было охвачено пламенем.

Крутясь, он то удалялся от здания, то снова приближался к нему. Он видел, как под ним вращалась улица. Оконное стекло почти рассыпалось. Левой рукой он ухватился за оконную раму, порезав осколками ладонь, но сила инерции оторвала его и понесла в сторону. Если он не остановится, то так и будет раскачиваться взад-вперед до бесконечности, пока не опустится на уровень тридцать девятого этажа на расстоянии пяти футов от здания.

Он отпустил шланг и автоматическую винтовку и потянулся к окну сначала правой, а затем левой рукой. Ухватившись за раму, он повис лицом к улице. Винтовка, раскачив-

ваясь, легла на подоконник прямо у него под ногами. Чтобы отсоединить шланг, он должен держаться за раму одной рукой, одновременно другой отстегивая свой ремень. Даже если все пройдет гладко, оставалась опасность упасть вниз, если он неудачно приземлится на винтовку и поскользнется на ней, как на банановой кожуре.

Шланг неумолимо тянул его в сторону улицы, и он не знал, хватит ли у него в руках сил удержать его, пока он будет отстегивать ремень. Он чувствовал, как шланг тащит его навстречу смерти. Он плакал, он стонал, крепко зажмурившись, более не в силах контролировать себя. Дрожащей левой рукой он нащупал ремень, пытаясь расстегнуть его. Он почувствовал, как тот поддался и ослаб, но на все это уходило слишком много времени.

Борясь с пряжкой, он обломал все ногти. Когда у парашютистов не раскрывается парашют, они так впиваются в свою одежду, что прорывают ее насквозь.

Шланг отсоединился. Лиленд оттолкнулся от него в надежде запрыгнуть в комнату как можно дальше. Он снова заорал, переполненный страхом и яростью. Он окончательно перетрудил себе руки и, не в силах более держаться, разжал их.

Он упал спиной на винтовку, ударившись руками об оконную раму, при этом ноги и бедра его вывалились из окна. Все это вышибло из него последний дух, страх заманил ему сознание. Он вопил что было мочи. При падении его рука попала на винтовку, и он почти выбил ее из-под себя. Он перекатился на живот и, рыдая, вполз в комнату.

На полу кто-то лежал! На спине.

Лиленд, окаменев, смотрел в мертвые глаза Риверса. Он сорвал себе глотку, сердце почти остановилось. Он чувствовал это. Затем он опять услышал его глухие, тяжелые удары. Он отступил, скуля, хватая ртом воздух, схватил автомат и стал стрелять в Риверса, всадив в него целую обойму.

Он посмотрел вниз на улицу, где штурмовое спецподразделение спасалось бегством от падавших на них горящих обломков, и оскалился. Он был жив, спасся — в который раз! Он не был полицейским, и неважно, что он думал. Он был жертвой. Жертвой! Малыш Тони и его банда поставили себе цель прикончить его; его сердце почти остановилось, но он все равно остался жив. У него был еще браунинг и последняя запасная обойма к автоматической винтовке.

Он осмотрелся: банда не рассталась с надеждой проник-

нуть в сейф. Вся мебель в холле была сдвинута, чтобы поглотить взрыв. У него кружилась голова, его мутило, в спине занозой застряла боль. Хромая и спотыкаясь, Лиленд опять побрел в проклятое здание.

7.04, тихоокеанское поясное время

Он стал спускаться вниз. Каждый шаг напоминал удар кинжалом в спину. Его левая нога ничего не чувствовала, и, может быть, он теряет ее, но в данный момент это его мало беспокоило. О ноге он будет волноваться потом.

Он получил некоторое преимущество, и надо было не только воспользоваться им, но и попытаться развить его. У банды не было оснований считать Лиленда живым, если Только Малыш Тони не сумеет в этой неразберихе углядеть следы его присутствия на сороковом этаже в виде разбитого окна и среди изуродованных трупов.

Он не собирался выводить из заблуждения и полицию — пусть его считают погибшим. Может быть, и стоило дать банде возможность увидеть трупы и сыграть на этом. Пусть они уверяются, что имеют дело с рехнувшимся субъектом. Лиленд понимал, что он сделал и почему. Но теперь не время было что-либо объяснять и жаловаться. **ЭТОТ ЧЕЛОВЕК — МОШЕННИК.** Сейчас это помогало ему выжить.

Неужели он для этого готовился и учился всю жизнь? Взгляд полицейского на мир был непонятен окружающим. Человечеству так было угодно, его это устраивало. Никто не хотел знать, как в действительности выглядит жизнь и смерть, когда они ходят рука об руку. Каждый день для нужд этой страны забивалось семьдесят пять тысяч голов скота, четверть миллионов свиней, миллион цыплят, но на сотню человек не нашлось бы и одного, знающего в лицо тех, кто этим занимается. Люди считали, что лиленды, живущие среди них, должны разделяться с малышами тони так же просто и естественно, как мясники превращали живых тварей в отбивные котлеты. Однако не следовало слишком переоценивать и придавать большое значение стремлению людей выглядеть вполне цивилизованными. Если у вас рука в крови и в ваших глазах застыла смерть, вас должно наказать. Он уже понял это. Он был по-прежнему один, один и останется до тех пор, пока не выберется из этого здания. Лиленду хотелось жить. Как и любой другой человек, он имел право на жизнь, а все остальное не имело значения.

Гудение лифтов он услышал раньше, чем стала затихать стрельба. Их оставалось всего пятеро, и если ему суждено было умереть, то его смерть должна была стать платой за смерть всех пятерых. Это был единственный способ спасти заложников, в том числе — дочь и внуков. Эллис хотел заставить Лиленда поверить в то, что он благодетель. Дуэйн Робинсон был не в состоянии понять всю серьезность и опасность ситуации. Системы наведения, которые использовали террористы для запуска ракет, сбивших два вертолета, не испугали бы своей сложностью того парня, который сделал для своего отца на Рождество широкоэкранный телевизор. Неужели не нашлось ни одного человека, сумевшего честно признать, что строительство высотных зданий под конторы осуществлялось в нарушение всех законов даже после того, когда стало ясно, что страдает пожарная безопасность.

Спускаясь все ниже, Лиленд пытался припомнить, где сможет разжиться новым снаряжением взамен брошенного на крыше. Если банда считала его мертвым, у него был шанс убить их всех. Больше всего на свете ему хотелось именно этого: убить их — всех — до одного.

На тридцать шестом этаже в северо-восточном углу, где он соорудил импровизированную крепость, которой так и не успел воспользоваться, и где подстрелил номера пятого, когда тот поднял голову, чтобы посмотреть на пластиковую взрывчатку, Лиленд нашел рацию. С ламп пожарной сигнализации на лестничной клетке он снял два пакета взрывчатки. Солнце поднялось над небоскребами в центре города, отражаясь в них ослепительно ярким светом, и офис, точнее то, что от него осталось, наполнился теплым розовым светом. Лиленд добрался до западной стороны здания в поисках того, что можно позаимствовать у номера четвертого, девушки, которую он застал врасплох своим неожиданным появлением с лестницы. Ее вещмешок присох к луже крови, в которой она лежала. От нее ему достался автомат Калашникова и вторая рация.

У нее было немного шоколада, но ему было противно даже думать об этом. Он был голоден, и, стоя над ее изуродованным телом, он мечтал о настоящем завтраке, пусть самым простым — яичнице с ветчиной или колбасой.

Опять послышалось гудение лифтов. Вертолетов в небе прибавилось, но все они были высоко и далеко. Лиленд ото-

шел от окна. Если полиция считала его мертвым, она могла дать указание снайперам стрелять по любой движущейся цели выше тридцать второго этажа. Он поставил переключатель рации на восемнадцатую частоту: там читали молитвы. На двадцать шестой кто-то орал во все горло. Девятая оглушила его пронзительным монотонным гудением. На тридцатой тоже читали молитвы.

Только одному богу известно, что творилось на частотах, которые он не мог принимать.

С одного из столов Лиленд взял бумагу для записок, написал записку, вложил ее в свой бумажник и с ним подошел к окну. Крыша одного из домов на противоположной стороне улицы была охвачена пламенем, которое разгоралось все сильнее. Ему надо было как-то привлечь к себе внимание. В четверти мили небольшой вертолет, наращивая скорость, повернул к зданию. Лиленд размахнулся и выбросил бумажник из окна. Вертолет набрал высоту и с грохотом пронесся над его головой. Лиленд свернул к лестнице. На улице раздался шум — опять толпа. Люди вопили. Радостно визжали. Он знал почему. Он весь похолодел, осознав свою ошибку, — он испытывал судьбу.

В очередной раз он спустился на тридцать третий этаж и доковылял до офиса в северо-восточном углу. Там был телевизор. Со стороны гор раздалось тарыхтение двух огромных красно-белых вертолетов, под брюхом которых висели большие баки. Они снизились, развернувшись справа от Лиленда, и направились в сторону пожара на противоположной стороне улицы, заливая квартал содержимым баков, которое накрыло все окружающее красноватой массой. Лиленд включил телевизор и прикрутил громкость.

На экране появились вертолеты пожарного подразделения, которые покидали место события. Судя по ракурсу, камера была установлена на одном из вертолетов, зависших на значительной высоте. Раздавался оглушительный треск радиопередач, которые велись в микроволновом диапазоне. На экране появился корреспондент. Он находился на улице; сзади него виднелись четыре-пять патрульных машин, изредка мимо пробегал офицер в пуленепробиваемом жилете. Режиссер ограничился показом кадра, на котором вертолет тушил дымившуюся крышу, а корреспондент отметил, что пожар был несильным.

Затем пошла запись ночных событий с желтыми словами

внизу кадра «отснято ранее». Появилась патрульная машина, которая, дойдя до середины экрана, вздрогнула, завертелась, потеряв управление, и врезалась в фонарный столб. Лиленд вспомнил эту картину и выключил громкость. Экран осветило огненное дуло стрелявшего автомата одного из террористов. Бежали полицейские. Затем картинка задергалась, стала быстро перемещаться и остановилась на здании, верхние этажи которого были окутаны дымом. Затем снова пошли кадры утренних съемок, сделанные уже после рассвета, с надписью «прямая трансляция». На них было видно, каким разрушениям подверглась прилегающая к зданию территория. Это было делом его рук; ничего себе, отделал он зданию! Он прибавил громкость.

— С рассветом полицейские вертолеты пришли на помощь бывшему полицейскому, оказавшемуся в безвыходном положении, который, по его словам, убил семерых бандитов. Пока обнаружены три трупа — мужчины, найденного прошлой ночью на лестнице главного входа; второго мужчины, который был застрелен и выпал из окна, как полагают, тридцать шестого этажа, и женщины, сброшенной с крыши. Полиция сильно сомневается в достоверности сведений, предоставленных Лилендом о численности банды и количестве убитых им террористов, поскольку на рассвете, всего несколько минут назад, они устроили самый настоящий бой.

— Надо было снимать скальпы, — мрачно заметил Лиленд.

— Необходимо сказать, что запись не очень хорошего качества, поэтому просим у телезрителей прощения...

Пошли кадры, съемки которых велись на улице: в пред-рассветном полумраке было видно, как пули ударяли в стены домов и тротуары. Камера запечатлела панораму неба и часть крыши «Клаксон-билдинг». Затем в небе обозначились три точки, которые, увеличиваясь в размерах, превратились в вертолеты. Лиленд быстро определил то место, где должен был находиться, но он не попал в кадр, поскольку был левее, и с такого расстояния камера не могла запечатлеть все то, что он сделал. Полицейские вертолеты взрывались один за другим. Ни одна камера не смотрела в его направлении.

— Полиция обращается с настоятельной просьбой ко всем радиолюбителям в районе Лос-Анджелеса прекратить, повторяю, прекратить глушение сороковых частот городской системы радиовещания. Вы помните, что Лиленд попросил таинственного Тако Билла заглушить одну из частот,

на которой велась передача на немецком языке. Пока точно неизвестно, что случилось с Лилендом, однако полиция не располагает сведениями о том, что он погиб. На крыше его не видно. Повторяю: полиция просит прекратить глушение...

Лиленд переключил телевизор на другую программу. Блондинка в голубом халате смотрела на свое изображение на телеэкране. Это была Кэти Лоуган; волосы ее были распущены по плечам. Лиленд даже не узнал ее сразу. У Кэти появился микрофон.

— Вы что-нибудь видели?

Она наклонилась к микрофону:

— Нет.

— Что вы думаете по этому поводу?

— Он сказал, чтобы я не волновалась. Думаю, он жив. Мы с ним почти не знакомы, но это необыкновенный человек.

— Он сказал, что исполнит свой долг, — заметил корреспондент, сделав изумленное лицо. Кэти Лоуган, не отрываясь, смотрела на себя по телевизору.

— Обстоятельства вынуждают его к этому. Вообще-то ему несвойственно так говорить, но знающие его люди утверждают, что он живет по собственным правилам даже в тех случаях, когда это сопряжено с огромными трудностями.

— Он говорит, что убил семерых. Что вы чувствуете по этому поводу?

Теперь она повернулась.

— Я надеюсь, что Господь простит их грешные души, поскольку они нуждаются в этом. Человек, находящийся в этом здании, немолод, и он один!

— Вероятно, в «Клаксон-билдинг» есть телевизоры, и, может быть, в настоящий момент он смотрит нашу передачу. Вы не хотите что-нибудь сказать ему?

Она свирепо сверкнула на него глазами.

— Но мы только что говорили!

— Нет, я имею в виду — передать по телевидению, — на тот случай, если он сейчас видит нас, если у него есть такая возможность.

— Я хочу только сказать, что прав он, а не эти хулиганы, эти громилы, и что большинство людей в стране разделяют мое мнение. Мы не хотим убийств, мы не хотим, чтобы нам угрожали автоматами или бомбами. Мы имеем право жить в мире и должны прямо сказать об этом. Я не оригинальна: большинство людей думают точно так же.

Корреспондент приложил руку к уху.

— Спасибо. Возвращаемся в «Клаксон-билдинг» в Лос-Анджелес.

На экране появился другой корреспондент. Он стоял рядом с чернокожим молодым человеком с полицейским жетоном на пиджаке — Элом Пауэлом. На вид ему было лет двадцать. Лиленд улыбнулся. Они стояли на фоне целой батареи телевизоров, и Пауэл держал рацию.

— Спасибо, Джим. Это сержант Эл Пауэл, который самым неожиданным для себя образом оказался участником этих событий. Именно вы поддерживали связь с этим человеком в здании, Джозефом Лилендом?

— Да, но последние несколько минут связи нет.

Лиленд смотрел в глаза Пауэлу, а тот даже не догадывался, что он наблюдает за ним по телевизору.

— Мы просим всех прекратить глушить частоты городского радиовещания. Телефоны в здании отключены, и Лиленд может связаться с нами только по рации. Этот человек оказал нам неоценимую помощь, и мы уверены, если он еще в состоянии действовать, то сделает все, что в его силах.

— Недавно что-то выпало из одного окна. Что это было — записка?

— Нет, просто наверху очень сильный ветер, и из разбитых окон все время что-то вылетает.

— Так что это был за предмет?

Эл Пауэл улыбнулся.

— Как говорится, находка принадлежит нашедшему, не так ли? Взгляните на эти потрясающие телевизоры, которые я раздобыл. Может быть, мы заключим выгодную сделку? Давайте посмотрим на ваши часы.

Лиленд рассмеялся. Взволнованный корреспондент понял намек Пауэла.

— Это ваш центр связи?

— Вообще-то он ваш, мы позаимствовали его на время, а видеопленки мы получаем со студии.

— И что с ними делаете?

— Просматриваем для сбора информации.

— Вы на Рождество где-то были?

— Моя жена уверена, что я всю ночь был здесь.

Журналист улыбнулся, пытаясь скрыть свою неловкость.

— Извините. Как вы думаете, что будет дальше?

— Я знаю не больше вашего. Люди, захватившие здание, сообщили, что мы получим от них известие в десять часов. Вот тогда и узнаем.

Лиленд выпрямился.

— Это единственное сообщение от террористов?

— Да. Всего несколько минут назад они передали единственную фразу: «Мы дадим о себе знать в десять часов».

— Значит, переговоров не будет?

— В данной ситуации мы будем ждать.

Корреспондент объявил рекламную паузу, и Лиленд убавил звук. После праздничных поздравлений от персонала телестанции пошла реклама нефтяной платформы, принадлежащей одному из конкурентов «Клаксона». Лиленду не терпелось подойти к окну и посмотреть, что происходит на улице, но он опасался, что его засекут с вертолетов и расстреляют всем и вся, что он жив. Пауэл это знал. В записке, которую Лиленд вложил в бумажник, он попросил прекратить глушение, добавив: «Я хочу поговорить с тобой первым. Вертолетная атака провалилась. У противника потерь нет».

Складывалось впечатление, что полиция начинала прислушиваться к нему, хотя полной уверенности в этом не было. Причина и следствие не всегда связаны между собой. Он хотел, чтобы прекратили глушение, и полиция, кажется, делала все возможное для этого. Но теперь его мысли были заняты другим, что непосредственно не имело отношения к происходившим событиям. Его опять занимал сейф, заложники и здание. Что, если бы Лиленд не оказался здесь? Если бы он ограничился телефонным звонком к Стеффи и полетел до Сан-Диего?

На экране телевизора появился актер, изображавший служащего заправочной станции, который неправдоподобно трогательно прижимал к щеке банку с моторным маслом. Когда реклама кончилась, Лиленд прибавил звук, продолжая думать о своем. Террористы все равно взяли бы заложников, засели бы в здании и добрались до сейфа, что в общем-то и произошло. Принимая во внимание мощность пластиковой взрывчатки и число детонаторов, они откроют сейф, что тогда? Если они откроют сейф, то главная цель операции будет достигнута.

Корреспондент на улице читал полученные ранее сведения о том, сколько человек убил Лиленд. Он подчеркнул, что это непроверенные данные. Лиленд решил, что следующего он спустит на улицу в корзине.

Эти люди мнили себя революционерами, борцами за свободу. Когда они добьются своего, они уйдут. Лиленд постукал пальцами по ручке кресла. На экране телевизора снова появилось здание, почерневшее и дымящееся.

Пока они находятся в здании, они не взорвут его. Они могут подорвать его на расстоянии, если у них есть для этого соответствующий передатчик. Если действительно существует угроза, то они сделают это, что ж, пусть попробуют.

У банды достаточно взрывчатки, чтобы уничтожить не только «Клаксон-билдинг» и семьдесят пять человек, но и все, что находится в радиусе одной мили. Если они уйдут через крышу и их подберут с воздуха, они позаботятся о том, чтобы бомба взорвалась не раньше, чем они будут сидеть в набирающем высоту вертолете. Это было ясно, как божий день. Насколько он понимал, именно по этой причине они и выбрали Лос-Анджелес. Полиция не сможет проникнуть в здание снизу, даже через коллектор, и банда прекрасно знала об этом.

Полиция никак не хотела верить Лиленду. Пауэл сказал, что они по-прежнему нуждаются в его помощи. Дожидаясь десяти часов, они будут просматривать карты подземных коммуникаций и видеозаписи, но они никак не хотели верить, что он убил семерых, когда он говорил: «семь», когда «пять». Они не верили ничему, что бы он ни говорил. Кэти Лоуган поняла все. Он был один. За него эту задачу не решит никто — только он сам.

Он смотрел телевизор еще двадцать минут, переключаясь с одной программы на другую, пока корреспонденты не начали повторять друг друга. Один из каналов показал пленку, отснятую в Германии; на ней были запечатлены некоторые члены банды, в том числе — Ханна и Скезикс, настоящее имя которого было Вернер или что-то в этом роде. Был здесь и Карл, брат того парня, которого Лиленд отправил им в лифте (номер первый). Карл оказался здоровенным детиной, блондином с волосами до плеч: он походил на ударника рок-н-рольного оркестра. Кэти больше не показывали: возможно, режиссер нашел, что она была слишком расстроена, чтобы притворяться перед телекамерой. Мысли путались как у пьяного. Он чувствовал, что засыпает и надо встряхнуться. «Стареешь», — подумал он про себя. Это было изначальной ошибкой — поверить, что у него хватит сил, чтобы пройти через все это. Герои не только оказываются не у дел, но и стареют.

Тут его осенило, что в здании должно быть полно еды. Всю жизнь ему только и говорили, какой он умный, однако

самые блестящие идеи посещали его именно в те моменты, когда он ясно понимал, что безнадежно глуп. Всю ночь он уходил от смерти, пользуясь ошибками этих молокососов. Он убил Скезикса и Ханну, воспользовавшись их молодостью и неопытностью. Ему помог опыт, и от этого он чувствовал себя мерзко. В столах секретарей и машинисток было полно еды: каждая двадцатилетняя девушка в стране имела на работе свой продовольственный запас. Диетические хлебцы, крекеры, домашнее печенье, пакетики с супом, банки с растворимым кофе. И посуда. Он широко улыбнулся — он опять проскочил. Если он сможет передвигаться, балансируя на одной ноге, и не сделает этого, то потом будет ругать себя последними словами.

8.42, тихоокеанское поясное время

Прошло немало времени. Пусть они думают, что он забился в какой-нибудь угол и умер. Его опять одолевала невыносимая боль, сильнее, чем прежде. Рация молчала больше часа. Никто не пытался связаться с ним. Правильно. Так и надо.

Он поднимался, делая за один раз по шагу. Он выпил чашку отвратительного кофе, потом завернул в женский туалет, где заодно и умылся. Он все проделывал в темноте, не зажигая света, поскольку ему не хотелось видеть себя. Он боялся этого. Зеркало попало ему на глаза раньше, чем он увидел выключатель.

Он поднимался, опираясь на перила, как на костыль. Он был настолько грязен, что ощущал это при каждом моргании глаз, при каждом движении ног. Если он останется жив, то не забудет эту боль до конца дней своих. Из лифтовых шахт не доносилось ни звука. Ему почему-то казалось, что безопаснее всего будет где-нибудь посередине между тридцатым вторым и сороковым этажами. Он решил остановиться на тридцать седьмом. По его плану, в северной части этажа, располагались офисы, а в южной — своего рода машбюро.

Он все время был на чеку. Он крутил переключатель рации с девятой, которая молчала, на девятнадцатую: там изредка раздавался треск едва слышимых передач. Он с трудом пытался разобрать их, и это лишний раз напоминало, где он находился и сколько времени, что придавало ему уверенности. Полотенце на левой ноге пропиталось кровью. Теперь это не имело значения. Сидя перед телевизором, он

пытался думать о Кэти Лоуган, ожидая ее появления на экране, но, когда он мысленно представлял ее себе, она почему-то становилась Карен, настолько он был измотан. Когда-нибудь наступит время, когда людям не придется платить такую огромную цену за право жить.

Он расположился у лифтового блока на тридцать седьмом этаже. Ему было все равно, сколько придется ждать. Если удача улыбнется ему, на этот раз он уложит двоих, а то и троих. Они его уже списали. Ему это нравилось. Ему нужны были Малыш Тони, Карл и та женщина, что повторяла по радиации слова и цифры. Тогда можно считать, что дело сделано. Ему не терпелось услышать гудение работающего электродвигателя. Оказавшись в лифте, вы никогда не знаете, где он остановится. Тридцать восьмой этаж: отделы женского белья, кухонной посуды и игрушек; тридцать седьмой этаж — смерть.

Надо было найти способ спрятаться от огня, но он не мог согнуть левое колено. Единственным его преимуществом было то, что люди в лифте не знали, что тот может остановиться. Может быть, он застанет их за разговором о том, что теперь, когда они избавились от него, все пойдет гладко.

Он прождал еще двадцать минут, прежде чем заработал один из лифтов. Снизу поднималась кабина. Прихрамывая и ковыляя от двери к двери, он пытался определить, какая из четырех кабин с правой стороны поднималась. Как только двери начнут открываться, он просунет автоматическую винтовку и начнет стрелять. Он нажал на кнопку вызова и вытер грязную руку о рубашку, вернее, о то, что от нее осталось. Его внешний вид тоже был ему на руку.

Винтовка выстрелила три раза и дала осечку. Когда двери кабины широко открылись, Лиленд выхватил браунинг, но в лифте никого не было. Двери стали закрываться. Он ударил стволом браунинга по резиновой прокладке и, когда двери открылись вторично, заглянул внутрь.

На полу лежал небольшой чемодан, а в углу, под щитком с кнопками, на алюминиевой треноге стояла камера. Двери снова стали закрываться. Лиленд схватил камеру и вытащил ее из лифта. Из-за телекамеры он лишился последнего автомата и рисковал собственной жизнью, так что не будет большего греха, если она останется у него. Надо было уходить, потому что сейчас все начнется сначала.

Он потащил ее к лестнице.

Ему пришлось раздвинуть столы, чтобы пробраться к открытому окну. Он держался в тени и включил радию на девятой частоте.

— Пауэл, ты там?

— Ну Джо, где ты был все это время?

— Так, бродил тут. Послушай, я хочу послать тебе еще один сувенир, но не хочу показываться, пока не буду уверен, что никто из этих молодых гениев не всадит в меня пулю.

— Хорошо. Подожди, — рация умолкла. — Все в порядке. Давай, что там у тебя?

Лиленд объяснил ему.

— Ты говорил, что они хотят выйти в эфир? У них было телевизионное оборудование.

— Черно-белое или цветное? Я занимаюсь этим делом.

Было бессмысленно говорить Пауэлу, что он видел его по телевизору.

— Но я испортил им обедню. Правда, я не думал об этом, но так получилось.

Он швырнул телекамеру в яркий утренний воздух. Наблюдая, как она стремительно, словно стрела, падала на улицу, Лиленд подумал: неужели Малыш Тони был таким законченным самовлюбленным эгоистом, что собирался выступать по телевидению безо всяких на то оснований? Нет, основания у него были. Стоя у окна, Лиленд поднял над головой свою испорченную винтовку. Если Тони смотрит сейчас телевизор, он убедится, что их поединок еще не закончен. Пилот полицейского вертолета прижал руку к пластику фонаря кабины в знак приветствия. Пора было отходить от окна.

Он думал о Тони... и о сейфе. Увидев Лиленда в проеме окна в позе борца за свободу, Тони решит, что тот опять собирается взять инициативу в свои руки. У Лиленда оставался только браунинг, но взрывчатки было столько, что он мог «Клаксон-билдинг» превратить в каньон Уилшир. Тони тоже не мешало бы подумать о взрывчатке. Может быть, он, наконец, убедился, что Лиленд собирается что-то предпринять. Надо вывести его из равновесия. Ситуация не изменилась. Несмотря на все видимые преимущества, которые имела банда, Лиленд оставался независимым от них. Пусть себе Тони думает, что он всего-навсего дрессированная ищейка, избившая и застрелившая Ханну. По тому, как обстояли дела, Тони, по всей видимости, считал, что Лиленд все еще пытается пробить их оборонительные

сооружения, которые они возвели против полиции. Лиленд отправился на тридцать третий этаж, где Тони не будет искать его. Пора было освобождать заложников, причем это надо было сделать до того, как кольцо вокруг банды начнет сжиматься.

Винтовку безнадежно заклинило. Ему нужны были инструменты, чтобы залезть внутрь, поломка могла быть серьезной. Он положил ее в ящик стола: мертвый груз не нужен, а оставлять ее на виду глупо.

Он включил телевизор, приглушив громкость. Лиленд услышал звук работающего лифта и решил, что его пытались выманить таким образом. «Интересно, что они придумали на этот раз?» Может быть, они хотели его заинтриговать, зная, что его уже ничем не испугаешь?

Рация по-прежнему молчала. На телеэкране возбужденно тараторил корреспондент, глядя вверх. Режиссер ограничился показом здания с надписью «прямая трансляция». Камера остановилась на окне, в котором только что стоял Лиленд. Ну и зачем это делать? Опять корреспондент. Картинка пропала, затем вновь появилось здание и надпись «снято ранее».

Это был тот же кадр, но теперь Лиленд видел черную оборванную фигуру, державшую над головой заклинившую винтовку. На экране он выглядел скорее трагически, чем устрашающе. Он производил впечатление узника, только что выпущенного из концлагеря. Затем режиссер показал полицейский вертолет на фоне здания. Снова кадр, где он стоит с поднятым над головой оружием. Лиленд убрал громкость. Надо было придумать, как использовать телевидение для передачи сообщения, не раскрывая при этом существа замысла.

Даже не слыша текста, звучавшего за кадром, Лиленд знал, о чем шла речь. У Тони был телевизор. Руководство телепрограммы сообщило и показало всему миру, в каком месте Лиленд находится, и это в тот момент, когда его жизнь по-прежнему висит на волоске!

Он написал еще одну записку, прикрепил ее с помощью круглых резинок и пресс-папье и положил все в вещмешок. Полиции было удобно подбирать записки, брошенные с северо-восточного угла. По пути он прихватил с пожарного щита топор, чтобы разбить окно.

То, что он задумал, было непросто осуществить, поэтому

он хотел, чтобы ему ничто не мешало. Если вертолет телевидения будет находиться на четверть мили восточнее, он спустится к окнам тридцать четвертого этажа и сделает вид, что сдвигает столы. Телевизионщики запечатлят его на пленке, которая впервые пойдет в эфир точно в 9.28 с надписью «прямая трансляция». А они с Пауэлом добавят к этому диалог по рации. Конечно, Малыш Тони быстро догадается, что это всего лишь очередная ловушка, но Лиленд надеялся успеть за это время смести полотенцем битое стекло с лестницы, чтобы спуститься на тридцать второй этаж.

Разбить окно топором оказалось труднее, чем он думал; издав звук, похожий на взрыв, оно все-таки рассыпалось. Люди, находившиеся за квартал от бульвара Уилшир, побежали в укрытие. Повсюду в домах близлежащих кварталов были выбиты стекла и почернели стены. Он выбросил пресс-папье и пошел назад, неся топор, как лесоруб. Ему нравилась его затея. На этот раз все должно получиться. Заложников начнут спускать по лестнице в 9.45, поэтому необходимо было отсидеться где-нибудь еще девять минут.

Опять заработал лифт, и не один. Двери открылись, и кто-то закричал по-немецки. Лиленд успел опуститься раньше, чем началась стрельба; раздался звук бьющихся стеклянных перегородок. Они видели по телевизору, как он выбросил в окно пресс-папье. Он оставил топор и пополз через офис. Опять послышались выстрелы. Им так не терпелось заполучить его, что плевать было на реакцию с улицы. Следующий офис вел прямо к лифтам. Он вытащил браунинг и спрятался под стол спиной к бульвару Уилшир. Стрельба приближалась. Следующая очередь прошла над столом, и он почувствовал, как куски потолочного покрытия и стальных перегородок посыпались на него. Лиленд весь сжался, прикрывая голову.

Следующая очередь ударила в другом направлении. Кто-то закричал, прогремела еще одна очередь, как ему показалось, где-то вдалеке. Повсюду слышался треск лопающегося и разлетающегося стекла. Над зданием прогрохотал полицейский вертолет. Надо было выбираться из-под засыпавших его обломков и уходить отсюда. Он буквально выполз из-под них. Вот так он проползал всю ночь и опять — на четвереньках, уже днем. Он поднял топор. Вокруг него не осталось ни одной прозрачной перегородки, но и видно никого не было. Вертолет улетел, а два террориста или ушли на лестницу, или спрятались где-нибудь здесь. Он положил на место браунинг и направился к лестнице. Надо было

подняться на один пролет для заветного randevu. У него было еще шесть минут времени.

В стекле на противоположной стороне здания он увидел отражение одного террориста, стоявшего за лифтовым блоком. Тот подпирал стену в ожидании вертолета и не видел Лиленда. Лиленд зашпешил, стараясь побыстрее спрятаться.

Молчавшая до этого рация террориста вдруг взорвалась голосом Малыша Тони, говорившего по-немецки. Он говорил слишком быстро и взволнованно, чтобы Лиленд мог понять его. Лиленд дошел до северо-западной лестницы, и звук пропал.

Он колебался. Тони поступил очень умно, отправив на поиски Лиленда двоих, после того, как телевидение выдало, где он находится. О чем он говорил по рации? 9.24 — оставалось еще четыре минуты. Он хотел остаться незамеченным до последнего мгновения. Банда была еще не в курсе, что у него больше нет автомата. Или, может быть, Тони уже понял это?

В 9.26 он открыл дверь и осмотрелся. Никого. Он уже отвык существовать при дневном свете. Он начал спускаться по лестнице, когда дверь внизу, прямо под ним, открылась.

Он не мог сдержать улыбки. Он отступил на тридцать четвертый этаж и осторожно прикрыл за собой дверь. Если Бозо выйдет на этот этаж, он дождется его; если он будет подниматься выше, надо будет воспользоваться моментом, когда тот окажется спиной к двери. Это его тоже устраивало.

Последнего он прикончил более четырех часов назад. На какое-то мгновение Лиленду показалось, что он потерял вкус к убийству. Он поднял топор над головой. Парень стоял за дверью, было слышно, как его ботинки скрипели на бетонных ступенях. Если бы Лиленда не подвела интуиция, он раздобыл бы чьи-нибудь ботинки с самого начала. Но он не мог надеть ботинки, снятые с мертвеца. Для этого он был слишком хорошо воспитан. Дверная ручка медленно повернулась, что заставило Лиленда действовать вдвойне осторожно. Вдруг он понял, что Тони кое о чем догадался.

Дверь на лестничную клетку легко открылась. Сначала показалось дуло автомата Калашникова, принадлежащего Бозо, тому парню, которого Лиленд видел только что на тридцать третьем этаже и который на пару с другим пытался убить его. Лезвие топора опустилось на руку парня, выбив у

него автомат и отбросив от двери. Ошеломленный ударом, тот потерял дар речи. Он покатился на пол, держась за руку, и Лиленд ударил его вторично. Это оказалось легче, чем заколоть цыпленка. Парень не мог кричать. Он был еще жив, беспомощно таращился на Лиленда, и в этот момент топор безжалостно опустился на его голову.

— Я снова в деле.

Часы показывали 9.28. У него оставалась минута, достаточно, чтобы спрятать тело Бозо или хотя бы затащить его под стол. Очень хотелось, чтобы у Тони зародилось подозрение, что в его рядах появились дезертиры.

У Бозо оставалось полторы обоймы патронов. Больше Лиленду и не было нужно. Он направился к восточной стороне здания, стараясь соблюдать осторожность. Теперь он знал то, чего не знали другие: в банде оставалось всего четыре человека. Но на этот раз он не хотел ни с кем делиться этой информацией.

Когда он повернул за угол, то заметил, что на небе к востоку ничего не было видно. Он подошел к окнам поближе: на всем протяжении до гор небо в этом направлении было чистым.

Он обернулся и посмотрел на запад. Вдалеке виднелись два вертолета, но они были так далеко, что нельзя было определить, кому они принадлежали. Он хотел поближе подойти к окну, но передумал, вернулся на лестницу и включил рацию.

— Пауэл, ты где?

— Здесь, Джо.

— Нет это я здесь.

— Ничего не выйдет, Джо.

— Чем вам не понравилась моя идея?

— Поставь себя на наше место, Джо. Мы не можем возложить на тебя такую ответственность, хотя до этого ты здорово поработал за нас. Джо, сложи оружие. С тебя хватит.

Лиленд спускался по лестнице, думая о другом. Он нажал на кнопку.

— Я хочу поговорить с Кэти Лоуган.

Тишина.

— Вы что, издеваетесь надо мной? — спросил он. — Я же объяснил вам, насколько безнадежна ситуация! Но вы никак не хотите верить мне! Полицейские погибли, потому что вы не послушали меня! Ну, вы хороши! Что вас волнует? Ваш добропорядочный имидж?

— Послушай, Джо...

Его голос был заглушен другой передачей, отчетливой и громкой.

— Создается такое впечатление, что они дураят вас,— это был Тако Билл.— По телевизору все было видно. Мы видели, как вы сбросили записку. Приятель, вы просто по уши в дерьме. После того как вы за них все сделали, они не хотят иметь с вами дела. Я бы послал их ко всем чертям. Вы хотите поговорить со своей девушкой? Я вижу ее на экране телевизора. Я могу связать вас, если там есть такая рация.

— Ты можешь связаться с Сан-Диего? — ответ он знал заранее; он вышел на тридцать третий этаж и направился к офису, где работал телевизор с приглушенной громкостью.

— Могу и сделаю это на свой страх и риск,— сказал Тако Билл.— Я вижу ее на экране, ей только что дали переносную рацию. Кэти, вы слышите меня? Говорите в микрофон, а я сниму звуковой сигнал со своего телевизора и передам его вашему приятелю.

— Большое спасибо,— это была Кэти, и ее было так хорошо слышно, словно она находилась в одной комнате с Тако Биллом.

Весь этаж был разрушен, но телевизор работал, и он видел Кэти. Он слегка прибавил звук.

— Привет, Кэти,— что ж, начали. Была не была.— Билл, прибавь громкость, если можешь, а то она меня не слышит.

Он отошел от телевизора к восточной стороне здания. В помещении не было ни одного целого окна, и зимнее солнце наполнило весь этаж ослепительно-белым светом.

— Ты слышишь меня? Ты выглядишь потрясающе.

— Минутку, Джо,— он смотрел на нее из другого офиса — через разбитую стеклянную перегородку. Она выключила радиотелефон, потянулась к телевизору и включила его на полную громкость.— Теперь я тебя прекрасно слышу.

— Я тоже.

По мере того как он удалялся от этого места, его начал душить хохот. Тони, конечно, догадается обо всем, но не Тони сейчас беспокоил Лиленда. Бозо имел несчастье пойти по роковой для него лестнице. Но Тони отправил на поиски Лиленда двоих, и их остановили только полицейские вертолеты. Тони что-то предчувствовал. Он был умен. Он чувствовал, как зверь. Может быть, он уже знал, что Бозо нет в живых.

Лиленд нажал на кнопку.

— Кэти, скажи, ты поняла, что здесь произошло?

— Поняла,— он слышал ее обоими ушами, поскольку звук шел и от телевизора, и от его рации. Он приглушил рацию; это не должно было повлиять на громкость его передачи.

— Видишь ли,— сказал он, продолжая отходить,— мне надо о многом тебе сказать, и я хочу это сделать сейчас, поскольку, может быть, такой возможности у меня больше не будет. Я не знаю, что ты видела в последние несколько минут, но впечатление складывается такое, что удача изменила мне.

— Не говори так,— сказала она.

Он почти дошел до восточной стороны здания. Все, что было между ними, кроме поцелуя, произошло случайно. Даже то, что она помогла ему заклеить пластырем порез. А может быть, и поцелуй был случайностью. Теперь между ним и телевизором было четыре-пять неразбитых стекол. Они могли сыграть решающую роль при дальнейшем подсчете убитых. Он чувствовал, что у него опять сдают нервы. Он нажал на кнопку.

— Ты слышишь меня? Ответь.

— Слышу,— он уже не слышал телевизора. Хорошо, что Тако Билл передавал усиленный сигнал на нужную частоту. Он понимал, что выдаст себя, если попросит Билла постоянно поддерживать громкость.

— Представь, что мы одни,— сказал он по рации.— Я хочу представить, что мы разговариваем одни, и больше никто нас не слушает. Самое ужасное, по-моему, это когда один человек использует другого,— он понизил голос.— Ужасно, когда отношения между людьми начинаются с этого. Ты понимаешь меня?

— Да.

— Ты не только слушай, ты говори. Я хочу слышать твой голос,— это даст ему возможность осмотреться. Ему показалось, что он услышал звук, похожий на хруст, как будто кто-то шел по битому стеклу.

— Я понимаю, что ты делаешь, Джо,— сказала она. Он еще прикрутил громкость рации и переключился на девятнадцатую частоту. Молчание. Жаль, что он не слышал телевизора. Он переключился обратно на девятую.

— Важно, чтобы ты помнил, что все мы здесь знаем и уверены в твоей правоте, как бы страшно это ни было. Мы знаем, что ты сделал это ради нас.

Ему нужно было что-то сказать.

— Я знаю, тебя угнетает все случившееся, ведь они почти дети, — не молчи, говори, говори! Он вернулся на двенадцатую частоту и прислушался к тому, что происходило в комнате. Опять хрустнуло стекло. Лиленд почти лег на пол, сгруппировавшись, как черепаха, ожидая, когда он подойдет поближе.

— Nein! Nein!

Голос Тони по рации то приближался, то удалялся; но в следующую секунду, словно его уже ничто не могло остановить, заговорил автомат. Лиленд вскочил и открыл ответный огонь, расстреляв целую обойму. Сквозь бьющееся и осыпающееся стекло, которое летело, как снег с крыши, он видел судорожно извивающуюся фигуру парня, дергавшегося при каждом новом попадании. Перед тем как пойти дальше, Лиленд вставил оставшиеся пол-обоймы. Он поднял рацию и нажал на кнопку.

— Я делаю тебе большое одолжение, Тони, и сообщаю, что все еще жив.

— Ты глупый хвастун...

— Тони, мне не терпится убить тебя.

— Это мы еще посмотрим.

— Ладно. Мне надо еще кое с кем переговорить. Сегодня ведь Рождество, ты не забыл? — он переключился на девятую частоту. — Кэти, ты слышишь меня? Теперь возьми радиотелефон.

— Да, я сейчас.

— Ну что, Билл, как ты?

— Я весь внимание. Когда будет что-нибудь важное, я дам вам знать. Как вы себя чувствуете?

— Нормально. Кэти, мне жаль, мне искренне жаль. Когда я говорил, что одни люди используют других, именно это и я собирался сделать с тобой. Но у меня не было другого выхода.

— Я поняла — для чего. Я это чувствую теперь.

Лиленда передернуло: он опять искушал судьбу.

— Билл, я должен разделить свой успех с тобой и Билли Гиббсом...

Он смотрел на свою девятую жертву. С девяти часов вечера вчерашнего дня он убил девять молодых мужчин и женщин. Этому три пули вошли в грудь, а одна — в щеку ниже правого глаза. Лицо было перекошено, кровь все еще текла. Но парень был жив. Лиленд почувствовал, как подкатывает тошнота. Он достал браунинг и добил его. Сколько

ни искушай судьбу, от нее не уйдешь. Его мучило дурное, страшное предчувствие.

— Билли всегда знал, что надо делать, чтобы остаться в живых, — сказал он по рации рассеянно, скорее про себя.

— Он сказал, что пора возвращаться на базу, Джо, — это был Пауэл. — Почему бы тебе не прислушаться к его совету?

— Пока я слышу тебя, а не его.

— Хочешь с ним поговорить?

— Может быть, Билли не знал, что Стеффи в здании. Он мог сказать что-нибудь такое, из чего Тони поймет, что она его дочь.

— Нет, я не хочу с ним говорить. Я в порядке.

— Здесь находятся мэр города и президент компании.

— Скажи мэру, что я его не выбирал, но меня трогает его внимание. Что касается того, другого, передай ему, что мои обязательства по выплате страховки не распространяются на подобного рода террористические акции или боевые действия.

— Джо, пожалуйста...

— Да, пока не распространяются.

— Хорошо, мистер Лиленд, — сказал Малыш Тони. — С вами хочет поговорить ваша дочь.

— Папочка! — голос Стеффи звучал умоляюще. — Послушай его!

10.00, тихоокеанское поясное время

— Я слушаю, — ответил Лиленд, в очередной раз спускаясь по лестнице, держа перед собой левую ногу и фактически прыгая на одной правой. Их оставалось всего трое. Знали они это или нет, но теперь они напоминали ему чудовище, лапы которого обхватили здание снизу и сверху, а голова помещалась на тридцать втором этаже. Ему нужна была голова. Это давало заложникам последний шанс уцелеть.

Он настолько боялся за Стеффи, что готов был разрываться. Она называла себя, она выдала себя. Она, должно быть, это сделала в надежде спасти детей. Ему нужны были всего две минуты, значительно меньше, чем если бы полиция согласилась на ранее предложенный им план. Он остановился у двери, ведущей на тридцать второй этаж.

— Давай, о чем ты хотел говорить? Послушаем, что ты скажешь.

— Не страшайте меня, мистер Лиленд. Мне просто не терпится поговорить с вами,— голос Тони звучал на удивление отчетливо, и это насторожило Лиленда.— Что же вы замолчали? Я знаю, что вы рядом. Вас удивляет это?

Лиленд отпрянул от двери.

— Ну же, мистер Лиленд. Или вы теперь боитесь нас? Я знаю, что вы прошли через ад, но этим вы ничего не доказали. Ханна даже не представляла себя, насколько была права. Но вы не просто дрессированная ищейка. Вы живете в мире условностей и иллюзий, который сами себе придумали, и ищите в нем смысл жизни. Ну, и чего вы добились своими действиями?

Лиленд молчал. Его рука лежала на ручке двери.

— Не делайте из себя посмешище,— продолжал Малыш Тони.— Вы просто не понимаете, что натворили, не так ли? Вы защищали миллионы долларов, украденные у обездоленного народа Чили, вы защищали собственность крупнейших жуликов в мире, стремясь сохранить в тайне гнуснейшую сделку между властью и жадностью. А что же ваша дочь? Ваша дочь все знала. Вам придется немало потрудиться, чтобы доказать, что вы ничего не знали.

Лиленд открыл дверь. Коридор был пуст. Слева находился офис Стеффи, а справа от него — большая комната, куда, как он видел, банда согнала заложников. Надо было что-то предпринимать.

— Ты не сказал ничего конкретного.

— Немного терпения.

Как это ни странно, но теперь Лиленд точно знал, что Тони не было в пределах нормальной слышимости. Скорее всего он находился у лифтового блока.

Сверху раздался сильный взрыв; здание слегка трянуло, и он услышал, как где-то справа охнули люди и раздался плач. Банда не желала отступать: их осталось всего трое, но им все-таки удалось взорвать сейф. Теперь он знал расстановку их сил. Он широко улыбнулся и двинулся направо.

Да, теперь в этой толпе не чувствовалось того веселья и оживления, что накануне вечером. Мужчины были без пиджаков, а женщины снимали свои неудобные туфли. Они сидели или лежали на полу, в основном, повернувшись лицом к дальней двери. Одна из женщин увидела его и рукой прикрыла рот, чтобы не закричать. Он показал на свой жест и поднес палец к губам.

— Потрясите своего приятеля за плечо,— проговорил он одними губами, одновременно показывая, что надо делать. Она сделала, как он просил, и он кивком предложил им подняться. Новость быстро облетела комнату, но тут одна женщина закричала.

— Ложись! Ложись!

Лиленд ринулся через людей, падающих направо и налево. Он услышал что-то по рации. По стене в коридоре скользнула тень, и он выстрелил по ней. У него оставалось всего шесть патронов. Тень Тони исчезла. Он знал, что это должны быть Тони и Стефани. Если ему удастся на минуту задержать Тони, заложники смогут выйти на другую лестницу.

— Назад!— крикнул он.— Назад, и спускайтесь по лестнице. Не спешите, за вами никого нет!

Тони выставил из-за угла дуло своего пистолета-пулемета и дал очередь, ранив женщину в живот. Лиленд выстрелил в ответ и двинулся вперед. Люди бежали, вопя.

— Дедушка!

— Джуди, уведи отсюда брата!— он не смел повернуться, чтобы посмотреть на нее.

— А что будет с мамой? Он сказал, что всех нас убьет, и тогда она встала.

Тони угрожал им из-за Лиленда.

— Идите. Я позабочусь о маме.

— Сначала мы решили, что ты — один из них.

Он обернулся: Джуди изменилась в лице и стала очень похожа на свою покойную бабушку.

— Идите же, идите!

Тони снова выставил дуло. Лиленд выстрелил. Автоматной очередью Тони пробил потолочные плиты. Лиленд включил рацию.

— Заложники освобождены и спускаются по лестнице. Вы можете захватить нижнюю часть здания. Вы поняли?

— Поняли. Сколько их осталось?

— Внизу — один. До встречи.

С улицы доносились радостные крики. У него осталось всего два патрона. Мужчина пытался вытащить из-под огня раненую женщину.

— Помогите мне, это моя жена.

— Он захватил мою дочь!

— Посмотрите на себя! Вы весь в крови!

Лиленд оскалится:

— В основном, по счастью, это не моя кровь.

Мужчина отвернулся, разговаривая сам с собой. Не все заложники успели выйти. В углу, у входа лежало тело мужчины, а вторая женщина корчилась на полу, держась за ногу. Восторженные крики на улице становились все громче и почти заглушили звук работающего лифта. Лиленд нажал на кнопку.

— Есть раненые на тридцать втором этаже.

— Сколько?

— Трое, один, может быть, мертв.

— Что там происходит? Что это был за взрыв?

— Тони это знает не хуже меня. Поговорите с ним сами.

— Нет, мистер Лиленд. Я буду говорить с вами, — голос Тони звучал на фоне гудения лифтового двигателя. — Сегодня всю ночь вы совершали кровавые, неслыханные по своему злодейству убийства.

— Нет, ты первый убил Риверса. Я видел, как хладнокровно ты застрелил его.

— История нас рассудит, — ответил Тони.

Слушая его, Лиленд пересек здание, направляясь к офису Стеффи.

— Мистер Лиленд, сколько человек вы убили этой ночью?

— Еще немного, Тони, и это будет точно известно.

— И вы не стыдитесь себя?

— Нет, — в офисе Стеффи все было перевернуто вверх дном. Они что-то искали. Он с трудом отыскал свой пиджак и не потому, что здесь царил такая неразбериха. Просто его брюки стали совершенно другого цвета. Он прошел в ванную.

— Весь мир узнает, какой вы варвар! — кричал Тони. — Вы сломали парню шею! Вы сбросили двух человек с крыши!

— Послушай, ты, сукин сын! — заревел Тако Билл. — Отпусти его дочь!

— Не, лезь, Билл, — сказал Лиленд.

— Его дочь — взрослый человек, и она несет ответственность за то, что самый репрессивный в мире диктаторский режим получает оружие и держится у власти, угнетая миллионы незащитных крестьян. Вы слышите, мистер Лиленд? Что вы делаете, мистер Лиленд?

— Принимаю две таблетки аспирина. У меня болит голова.

Он уже сделал это. Он решил больше не умываться, чтобы не занести грязь в глаза. С головы до полотенец на ноги

был весь покрыт смазкой, пылью, грязью и потемневшей засохшей кровью. Смазку и засохшую кровь он снимал с волос, как сливочный сыр с ломтика хлеба. Он открыл медицинский кабинет, думая о том, что будет дальше. Что-то точило его изнутри, не давая покоя. Он снял перевязь.

— Мистер Лиленд, на кого вы работаете?

— На самого себя, — он достал браунинг. Чем грязнее он будет, тем лучше. В браунинге оставалось одиннадцать патронов. — Послушай, Тони, теперь все замкнулось на мне. Давай мы с тобой заключим сделку. Честную. Тебе нужен заложник. Возьми меня вместо моей дочери.

— С удовольствием. Вы просто читаете мои мысли.

Лиленд проверил, не будет ли это мешать при движении. Страшно было решиться на это, но, может быть, пронесет.

— Как мы это сделаем?

Снизу послышалась стрельба. Он был прав в своем предположении: один находился внизу, Тони — второй, а третий оборонял крышу. Их оставалось трое, в том числе одна женщина. Он понял это, услышав, как она читала по рации слова и цифры. Он еще раз убедился, что пластырь мешать не будет.

— Вы знаете, где я нахожусь, — сказал Тони. — Спуститесь на лифте, без оружия. Когда вы будете здесь, ваша дочь войдет в лифт и сможет отправиться на все четыре стороны.

— Великолпно задумано.

— Не соглашайтесь, Джо.

— Билл, именно к этому я стремился всю ночь.

— Джо, мы входим в здание, — сказал Эл Пауэл. — Подумай, прежде чем сделать что-нибудь.

— Сообщи мне, когда вы будете внутри. А пока я вынужден сотрудничать с этим парнем. Что мне еще остается делать?

— Джо, — сказал Билл, — судя по тому, что показывает телевидение, полицейские еще не вошли в здание. Кто-то ставит такой заградительный огонь, что они не могут проваться.

— Дайте мне поговорить с ним, — сказал Эл Пауэл. — У них укрепленная и очень выгодная позиция на третьем этаже; оттуда они ведут обстрел в северном и южном направлениях, а большего им и не нужно.

Лиленд молчал. Тони и Стеффи были наверху одни? Маловероятно, что тот, кто взорвал сейф, так быстро спустился вниз. Но и подняться он не мог. Тони и Лиленд хоро-

шо изучили друг друга. Тони хотел убедить его, что он на сороковом этаже. Лиленду не понравилось, что Тони хотел проверить трюк, который не удался Лиленду: ты садишься в лифт и не знаешь, где он остановится. Уж больно просто. Он поднял рацию.

— Эл, вы должны принять семьдесят пять человек, которые спускаются по лестнице, и вы должны занять нижнюю часть здания.

Над зданием завис вертолет, по которому с крыши открыли огонь из тяжелого автоматического оружия. Значит, один по-прежнему был наверху. Так сколько нужно времени, чтобы до полиции дошло, наконец, что один человек бегаёт вверх-вниз, помогая удерживать две позиции?

— Я хочу, чтобы вы знали, что у нас еще остались снаряды для поражения вертолетов!— крикнул Тони.— Людям, опускающимся по лестнице, мы позволим выйти на улицу. Мы не хотим больше крови. Мистер Лиленд, вы готовы?

Лиленд уже карабкался по лестнице.

— Что я должен делать?— один был наверху, другой внизу, и Тони. Он не мог одновременно стрелять по вертолету и держать Стеффи за руку.

— Садитесь в лифт.

— Мне придется идти от офиса моей дочери, и у меня порезана нога.

— Понимаю.

— Это грязная сделка, Джо,— сказал Билл.

— Пусть он говорит, пусть выскажется.

— Если бы вы, мистер Лиленд, не вмешались и не устроили это кровопролитие, мы бы доказали всему миру, что ваша дочь и ее партнеры, Риверс и Эллис, занимались деятельностью, однозначно запрещенной вашим правительством, а именно: они продавали оружие Чили. Одна из ошибок капиталистической прессы состояла в том, что она уверяла своих читателей в нашей глупости. Но мы не дураки.

Лиленд дошел до тридцать четвертого этажа. Надо было пройти еще один, потом он вызовет лифт. Ему плевать было на Риверса, Эллиса и их оружие. Сообразительные ребята. Идиоты. Стефани даже не знала, получит ли она свою часть вознаграждения. Они связали ее по рукам и ногам, запутали ее. Они хотели всех перехитрить, а перехитрили самих себя, и теперь их путь лежал в морг. Он вспомнил, что сделал с трупом Риверса,— парню вторично не повезло. Если ты не можешь снять обувь с убитого, то как ты смог так изуродовать его тело? Его мысли снова вер-

нулись к дочери: какой же она стала! Неужели все происшедшее не заставит ее измениться и изменить свой образ жизни?

Тони опять вышел в эфир, обращаясь ко всему миру.

— Мы давно знали о секретных условиях контракта, только что заключенного между «Клаксон ойл» и кровавым режимом Чили. По этому контракту, который теперь стал достоянием общественности, «Клаксон ойл» обязуется построить в Чили мост за сто пятьдесят миллионов долларов, которые чилийский режим получит от Соединенных Штатов и их марионеток — ведущих международных организаций. Сто пятьдесят миллионов долларов за один ненужный мост в стране, где миллионы людей живут в жутчайшей нищете! Это уже само по себе плохо, но этим дело не ограничилось. В течение следующих семи лет «Клаксон» должен поставить чилийскому фашистскому военному режиму миллионы единиц оружия для поддержания его незаконной власти, захваченной при непосредственном участии США, что зафиксировано в документах.

Дойдя до тридцать пятого этажа, Лиленд вызвал лифт. Тони не мог настолько залюбоваться собственным голосом, чтобы не услышать, как работает лифт. Лиленд не знал, что они задумали, но Тони должен был предчувствовать, что он, Лиленд, едет за ним. Он решил воспользоваться тем, что Тони находился в эфире. Если он попытается отыграть на Стефани за то, что сделал Лиленд, он лишится всякого сочувствия аудитории, которую так старательно пытался разжалобить. Он знал это. Лиленд не сомневался, что Тони говорит правду. Но трагедия Тони состояла в непонимании того, что он сам был следствием сложной неразрешенной проблемы, равно как и женщина, которой он угрожал оружием.

Приехал лифт; Лиленд нажал на кнопку сорокового этажа и, волоча ногу, заспешил на лестницу. Он услышит, что произойдет. Снизу опять раздалась стрельба. Хорошо. Может быть, это убедит Тони в том, что ситуация меняется. Лиленд был уже на лестнице, когда лифт снова остановился и почти сразу же послышалась стрельба. Все стихло. Лиленд нажал на кнопку.

— Тони, ты устал. Я проделал такую же штуку час назад, и у меня ничего не получилось. Ты меня разочаровал.

Тони вздохнул.

— Мистер Лиленд, откуда вы знаете, что ваша дочь еще жива?

Тако Билл взорвался:

— Только тронь эту женщину! Я лично убью тебя, сукин сын!

— А вот знаю, — сказал Лиленд. — Отпусти ее, если ты хочешь убить меня.

Он продолжал подниматься: судя по тому, сколько времени шел лифт, Тони был на тридцать восьмом этаже. Это был открытый этаж, со всех сторон окруженный уличными окнами.

Парень, ты лучше подумай, что будешь делать дальше.

— Мистер Лиленд, ваша беда состоит в том, что вы не знаете, за что деретесь и в каком веке живете. Ваше благородство здесь неуместно. Вы не Робин Гуд, а этот балбес со своей радиоаппаратурой не Маленький Джон. Ваша дочь — одна из главных участников заключения незаконной сделки по продаже оружия. Вы хорошо осведомлены о всемогуществе многонациональных корпораций. В США, да и по всему миру накоплено столько смертоносного оружия, что его обменивают на потребительские товары, словно это свинина или зерно. У нас есть документы, подтверждающие факты незаконного перевода денежных фондов, перекачки средств из одной страны в другую, попыток исказить или утаить данные. Сейчас, когда я выступаю с речью на вашем драгоценном дурацком празднике, в международных водах находятся корабли, держащие курс на Чили. Они якобы загружены сельскохозяйственными машинами и станками, а на самом деле везут автоматическое оружие, снаряды и другое вооружение. Они отплыли вчера утром, поскольку подтверждение о первой выплате этой компании было получено ровно в 9.00, после чего был дан сигнал. Шесть миллионов долларов — шесть миллионов народных денег. Все это время они лежали в этом сейфе, мистер Лиленд. Мы собираемся вернуть их людям. Эти шесть миллионов свидетельствуют о полном пренебрежении «Клаксона» к человеческим жизням и правам человека в погоне за богатством и властью. Своим поступком мы хотим показать, какую власть над всеми вами имеет «Клаксон». Вы все пляшете под его дудку.

— Да заткнись ты, и засунь эти деньги себе в задницу, — сказал Тако Билл.

Лиленд опустился на руки и правое колено и пополз к окнам восточной стороны. Браунинг, несмотря на свои внушительные размеры, закрепленный пластырем между лопатками, держался надежно.

Лиленд и его дочь жили на разных концах страны и виделись раз в год, редко чаще. Каждый месяц они общались по телефону, когда не забывали это сделать или когда он останавливался в какой-нибудь гостинице. Будучи в Атланте или Бостоне, где уже наступила ночь, он звонил в Санта-Монику, где вечер только начинался, и говорил всем: «Привет». Он знал, что Стеффи любила его, но наступал момент, когда она от него уставала. Хотел он в это верить или нет, но с течением времени стал старомодным. Ей досталась нелегкая жизнь, и в определенной степени он был в ответе за это, но разве он был виноват в том, что в ее жизни появился Эллис и что, поступаясь совестью, она позволила втянуть себя в это дело?

Лиленд думал не о вине, а об отчуждении между людьми. Он многого достиг в жизни, у него были деньги и положение, но, оказавшись в Атланте или Бостоне, он в конце дня чувствовал себя таким же одиноким, как бродяга, устроившийся на ночлег в парке. Когда люди узнавали, кто он, чем занимался и в каких странах мира побывал, они завидовали ему, но им невдомек было поинтересоваться его личной жизнью. А ведь ему нужно было то же, что и миллионам других. Возможно, этот Тако Билл, кем бы он ни был, встретясь с Лилендом нос к носу, не смог бы поддерживать и пятиминутного разговора, если бы он не касался, конечно, радио, наркотиков, секса или рок-н-ролла. Но общаясь с ним сейчас, Лиленд чувствовал, что это живой, нормальный человек.

— Мистер Лиленд, — голос Тони звучал совсем рядом. — Мне казалось, вы хотели встретиться со мной.

Лиленд убавил громкость:

— Я по-прежнему на лестнице.

— Я знаю.. Что-то вы не очень разговорчивы.

— Мне и раньше доводилось беседовать с убийцами. Так что ничему новому ты меня научить не можешь.

— Ну вот вы опять за свое. Риверс был международным преступником. Здесь совершалось преступление, господин полицейский. Разве не долг гражданина остановить его? Разве ваши действия с позиций нравственности отличаются или превосходят наше стремление оповестить весь мир, что у руководства одной из крупнейших многонациональных корпораций руки по локоть в крови? Что касается вашей дочери, то такая дрессированная ищейка, как вы, могла породить только такую кровожадную суку.

«Тони убьет ее». Лиленд двигался вдоль восточной сторо-

ны, находясь на уровне лифтовых блоков. Он был уверен, что Тони затаился между ними, но, если бы это было так, Лиленд услышал бы его голос еще в комнате. Он нажал на кнопку.

— Что, Тони, страшно становится? Ты чувствовал себя уверенно, когда владел ситуацией, а теперь ты выпустил ее из рук, — Лиленд продолжал продвигаться вперед. — Как ты думаешь, что это значит? Если ты уверен в своей правоте, то должен был действовать решительнее. Может быть, тебе страшно, потому что я подошел так близко к тебе? Ты велел мне подняться безоружным, после чего расстрелял кабину лифта, уверенный, что я еду в нем. Ты, имея оружие, прикрываешься моей дочерью и при этом дрожишь, как осиновый лист. А где «вальтер», которым ты застрелил Риверса? Это должны знать все. Это ты принес в здание автоматы и пулеметы. Мы были безоружны.

— У вас нет оружия?

— Ты же этого хотел.

— Тогда встаньте, пожалуйста. Я вас и так хорошо слышу. Выключите рацию.

Лиленд выключил рацию до того, как Тако Билл или еще кто-нибудь начали протестовать. Он все еще не знал, где точно находится Тони. Но это не имело значения — пока, во всяком случае. Он хотел убедиться, что Стефани в полной безопасности. Только затем он выхватит браунинг.

— Я стою.

— Руки вверх.

Медленно поднимая руки, Лиленд сморщился от боли, которая действительно терзала его. Малыш Тони появился из-за столов со стороны, выходящей на бульвар Уилшир. Лиленд сделал шаг: он хотел, чтобы Тони видел, как у него волочится нога. Тони жестом приказал Стефани встать. Она поднялась, когда увидела отца, и Тони схватил ее за руку.

— Со мной все в порядке, дорогая, — сказал Лиленд.

— Очень благородно, мистер Лиленд, — сказал Тони. — Сюда, пожалуйста. У вас уже вид покойника. Ну? Что у вас с ногой?

Лиленд не ответил. Он демонстративно тяжело припадал на правую ногу, в результате чего его рука поднялась к голове. Тони и Стеффи стояли в восьми — десяти футах от окон, а Лиленд был достаточно далеко, чтобы Тони попал в него из своей игрушки. Для Лиленда с его браунингом Тони был тоже недосыгаем. Лиленд всегда был отличным стрелком; на этот счет существовала какая-то психологи-

ческая теория, которая утверждала, что меткость зависит от того, насколько в человеке развито чувство эгоизма. Стефани, не отрываясь, смотрела на него, но не потому, что он сейчас что-то сделает. Его вид почти сломил ее. Когда они виделись в последний раз, у ее отца был нормальный человеческий облик.

— Папочка, я так виновата, что втянула тебя в это!

— Мститель, — фыркнул Тони. — Непримируемый и безжалостный. Ваш отец живет иллюзиями. У него же спрятан пистолет. Полицейский хотел заставить меня поверить, что он безоружен, и теперь он думает, что спасет вас. Он просто круглый дурак.

— С дороги, Стеффи!

— Мне доставит огромное удовольствие убить вас обоих, — сказал Тони.

Стеффи не пыталась оторваться от него, напротив, она набросилась на Тони. Воспользовавшись моментом, Лиленд сделал несколько прыжков вперед на одной ноге. Он хотел, чтобы ее здесь не было. Это было его дело.

— Уходи!

Солнце по-прежнему было у него за спиной. Он выхватил браунинг, обмотанный пластырем. Тони отбивался от Стефани, не спуская с него глаз. Лиленд подошел уже достаточно близко. Он развернулся и стал боком, готовясь стрелять так, как его учили десятки лет назад, допотопным способом, медленно опуская руку и одновременно прицеливаясь. Первый выстрел должен быть самым метким, без отдачи, желательно куда-нибудь в середину тела, где ранение будет смертельным.

— Убей его, папа! Убей!

Она повернулась к Тони и ударила его в лицо. Он наставил на нее пистолет, когда Лиленд выстрелил, ранив его в правую сторону груди. Тони смотрел на Лиленда, не веря в случившееся, но тут вторая пуля попала ему в плечо, отбросив назад. Стефани опять кинулась на него.

— Уходи, детка! Теперь он мой, и он знает это!

Тони попытался выстрелить ей в живот, не отпуская ее руки. Она повернулась к Лиленду, когда Тони пытался прицелиться в него.

— Застрели его! Он сказал, что убьет тебя!

Она снова ударила Тони. Лиленд выстрелил в третий раз и промахнулся. У него оставалось восемь патронов. Тони отступал, держа Стефани. Лиленд встал в исходное положение и приготовился стрелять снова. Первый удар

пришелся Тони в желудок, в трех дюймах от пупка. Лиленд выстрелил еще раз, вынуждая его отступить назад, к окну. Третья пуля легла между первыми двумя и прошла насквозь. От ее удара стекло покрылось матовыми трещинами. Тони не отпускал Стефани и валился назад. Лиленд выстрелил еще три раза, не промахнувшись.

Тони упал на окно и выбил стекло спиной. Он ухватил Стефани за руку, зацепился пальцами за ее запястье и, падая из окна, потащил за собой. Он был почти мертв. Пока они летели вниз, Лиленд слышал, как пронзительно кричала Стефани.

А люди на улице ликовали и визжали от восторга. После того, как Стефани умолкла навеки, Лиленд еще долго истощно кричал, вторя угасшему крику своей дочери.

10.38, тихоокеанское поясное время

Он все кричал, уставившись на открытое окно, за которым простиралось сверкающее небо. Он повернул браунинг и заглянул в дуло. Если бы она послушалась его, она была бы жива, цела и невредима. Она должна была довериться ему.

Но она даже не слушала его. «Застрели его, папа!» — крикнула она.

— Стеффи!

Что теперь ему надо было делать? Чего еще ждали от него, дрессированной ищейки? Толпа все вопила и визжала. Что им надо? Жаждали еще крови или денег?

Или они злились, не веря, что получают деньги? Ему не хотелось подходить к окну. Он не хотел видеть, что произошло там, внизу. К тому же не было нужды демонстрировать всем, что он опять остался жив.

Он не был уверен в этом. Ему было все равно. Теперь он вообще не знал, что могло иметь значение.

Он не двигался. На него навалилось знакомое чувство. Он пережил его, когда умерла мать, когда распалась семья, когда умерла Карен. Это чувство подсказывало ему, что пора уходить, что лучше умереть. Сейчас оно сновахватило его и с такой силой, словно никогда не покидало его и все это время жило рядом. В человеке всегда живет мысль о смерти. Ему нет никакого прощения, никакого прощения в этой жизни. Что можно сказать о мужчине, если он пережил всех женщин, любивших его когда-то? О мужчине с оружием в руках? Оружие означало смерть и ничего больше.

Шаркая, он побрел к восточной стороне здания и поднял рацию.

— ...внутри. Джо, если ты слышишь меня, повторяю: мы находимся внутри, и некоторые заложники уже спустились.

Он решил оставить рацию включенной. С улицы доносились голоса, требовавшие денег. Как таких крикунов называют на стадионе? Луженые глотки. Шесть миллионов долларов. На вооружение, на оружие. *Застрели его, папа*. Миллионы на строительство моста. Миллионы и миллионы, как будто в этой безумной жажде денег и накопительства был какой-то смысл. Как будто деньги могли хоть на день продлить вашу жизнь. Как будто вы будете есть больше двух яиц на завтрак, по выражению Стейнбека. Как будто деньги исчерпывали все представление о жизни. Что Стефани искала в этой жизни? Что толкнуло ее на это? Что заставило Малыша Тони поверить в революцию?

Шесть миллионов долларов. Президент «Клаксона» находился там, на улице, взирая на руины своей штаб-квартиры и гадая, удастся ли его страхователю уйти от выплаты компенсации. Лиленд работал на страховую компанию и знал, что в этом ничего невозможного не было. Оружие — это совершенно отдельная статья, оно — вне закона и не учитывается в общей сумме риска, которая должна покрываться страховым договором. Мысль об этом заставила Лиленда улыбнуться. Разве можно причинить боль нефтяной компании? На ней это никак не отразится, если только акционеры не потребуют, чтобы виновные были отправлены в тюрьму. У него оставалось два патрона. Это было все, что нужно. Всем счастливого Рождества! Он стал опять подниматься по лестнице, плача, как ребенок.

Когда Стеффи была маленькой, они играли в шашки и «Монополию». Она родилась во время войны, и в первые четыре года ее жизни они мало виделись. Был период, когда он отсутствовал дома два года. Когда он вернулся, они с Карен решили восполнить ей все, что она недополучила, чувствуя, что война травмировала ее не меньше, чем их самих. Они хотели дать ей все...

Среди забот и суматохи повседневности, вы забываете, что память, как правило, хранит как наибольшую ценность самые незначительные и будничные моменты вашей жизни. Шашки и «Монополия». Их отношения испортились, когда он начал пить, но, когда она поняла, что он завязал навсегда, они улучшились. Ему не нравился ее муж, Дженнаро.

Она осталась бы жива, если бы он сдался и сделался

сторонним наблюдателем или покинул здание, чтобы вызвать полицию. Нет, он не был в этом уверен. Он с трудом понимал, почему столько всего натворил за ночь. Самое лучшее было бы опоздать на самолет в Сент-Луисе. Инцидент по дороге в аэропорт мог бы задержать его. Мог бы, если бы он покорился судьбе. Но, верный своим принципам, он взялся за оружие. Надо было слушать, что ему говорили. А его несло, как безумного, словно ему не терпелось увидеть, как умрет его дочь.

Любой полицейский вам скажет, что рано или поздно, вы осознаете каждую допущенную вами ошибку. Жизнь вынуждала его делать ошибки. Человеческой натуре свойственно ошибаться, а также создавать ситуации, которые порождают ошибки. Может быть, у Малыша Тони было время подумать, где он ошибся? Тони понял, что у Лиленда за спиной оружие, и все-таки он умер. Стеффи помогла ему всаживать в Тони одну пулю за другой. Она винила себя за то, то произошло с ее отцом. Она несла за это ответственность. Никто не подумал об этом.

Если бы он целился Тони в голову, он мог бы убить Стеффи. Если бы она вырвалась, он разрядил бы в него весь браунинг. Это помогло бы. Может, в перестрелке Лиленд и погиб бы, но это было бы лучше, чем то, что произошло.

Он ввалился на сороковой этаж, держа браунинг в руке. Прятаться было не к чему. Он прошаркал мимо комнаты правления, стол в которой был завален пачками денег, и двинулся к лестнице, ведущей на крышу. Надо было действовать быстро; если полиция была в здании, то они уже поднимались вверх, пусть медленно, осторожно, но поднимались. А это значило, что его свободе действий наступает конец.

Дойдя до начала лестницы, он постарался двигаться тише. Он чувствовал, что девушка находилась там, уверенная, что ей ничего не угрожает снизу. Он напомнил себе, что оказался жертвой, что его дочь — если бы не эти люди, в том числе эта девчонка, — была бы сейчас жива. Если бы он поймал ее, она бы уже давно была мертва. Лиленд с самого начала отдавал себе отчет в рискованности этого дела; Стеффи, может быть, тоже понимала это, но не смогла до конца оценить всю сложность положения.

Торопиться не надо. Может быть, они и догадаются, кто был виновником всего происшедшего за последние несколько минут и как все это случилось, но он не допустит никаких свидетелей, которые потом будут оспаривать его

версию событий. Всю жизнь он носил то один жетон, то другой, не задумываясь, какой он полицейский — хороший или удачливый, но одно теперь он знал наверняка — как совершаются преступления. Кто-то сказал, что человек, оказавшийся жертвой преступления, не несет ответственности за свои действия. Этот довод не помог Патриции Херст, а ему поможет.

Итак, правило первое — никаких свидетелей.

Он не собирался садиться в тюрьму из-за шести миллионов корпорации-жулика. При данных обстоятельствах, когда погибли Тони и девять его подчиненных, а также Стефани, он не собирался падать «Клаксон». Он еще заставит страдать этих людей, насколько это будет в его силах.

Он вскинул браунинг, наставив его на лестницу.

— Стоять!

— Камарад!

— Говорить по-английски. Руки за голову!

Это была маленькая девушка, пухленькая, розовощекая, с зелеными глазами. Она была чуть постарше Джуди, та была даже выше ростом. Наверху лестницы были установлены пусковые устройства со снарядами и лежало другое вооружение, которое позволило бы им удерживать здание целую неделю. Если бы сегодня утром они были в полном составе, они бы вышли из здания, отбросив полицию, нанеся ей серьезные потери и уничтожая все на своем пути.

— У тебя здесь есть автоматическая винтовка или автомат?

Она растерялась на мгновение, потом кивнула. У нее был вид приходящей няньки. Сколько ей лет? Двадцать? Двадцать два?

— Я хорошо вижу тебя, — сказал Лиленд. — Ты понимаешь, что я хочу сказать, — от чувства гадливости к самому себе у него начали сдавать нервы. — Подними оружие за ствол и возьми две обоймы к нему. Не спеши.

Она сделала это, как ему показалось, с чувством облегчения. Он не так хорошо видел ее, как сказал: его слепил дневной свет, проникавший через дверь за ее спиной. У нее были красивые пышные темно-каштановые волосы до плеч.

— Спускайся, делая по шагу.

Он дрожал. Он ждал, когда она подойдет поближе, чтобы одним выстрелом прикончить ее, прежде чем она поймет что к чему. Не надо сентиментальничать из-за нее; он не знал, кто она, что делала, кого убивала. Если на рассвете она была здесь, то это она убила людей, находившихся в вертолете.

И пыталась убить его. Еще одна ошибка. Такова была цена поражения. Держа автомат, она спустилась по лестнице, испуганно глядя ему в глаза и сию секунду улыбаясь. У нее были превосходные зубы. Его пистолет был опущен, чтобы она не подумала, что он целится в нее. Он задрожал, его лихорадило. Он поднял пистолет, и она поняла, что он подарил ей эти несколько секунд жизни только для того, чтобы получить оружие. Она начала кричать. Лиленд понимал, что она еще совсем не жила, что она умрет, ничего не испытав в этой жизни. Но он вспомнил о своей погибшей дочери и застрелил эту суку, всадив ей пулю в основание переносицы.

Рация молчала. Стрельбы не было слышно. На столе лежали не только шесть миллионов, здесь были документы, письма, справки корпорации, на некоторых стояла подпись Стеффи, похожая на цветок. Он не собирался забивать себе голову полицейскими проблемами. Больше его ничто не волновало. Интересно, кто-нибудь выстрелит в него, когда он будет разбрасывать деньги над городом? Может быть, полицейские сразу решат, что он тоже из банды. Или сразу сочинят какую-нибудь историю? Решение вопроса, кто прав, а кто виноват зависит исключительно от точки зрения, с которой он рассматривается. Если вы находились в вертолете, то тоже могли нажать на спусковой крючок, потому что деньги для вас были недостижимы. И вы не сможете объяснить, почему так поступили.

В два приема он перевез часть денег к открытому окну, используя стул на роликах. Он вез деньги мимо изуродованных трупов Риверса и парня со сломанной шеей. Здесь он был единственным живым. Десяти-, двадцати-, пятидесяти- и стодолларовые купюры были сложены в пачки, перевязаны и надписаны неизвестными банковскими служащими из Сантьяго. После того, что произошло, их следовало убить тоже.

Ему пришлось распечатать все пачки. Трупы Риверса и парня со сломанной шеей уже окоченели и успели посинеть. Они лежали как пара накрахмаленных и подсиненных сорочек. Умники. Доумничались.

Нога опять давала о себе знать изводящей болью. Он не знал, хорошо это или плохо. Первые пачки быстро растворились в утренней дымке, и он открыл еще пять, прежде чем бросить их. На улице раздались крики, радостные возгласы, визг. Лиленд слышал, что приближался верто-

лет. Он отодвинул стул, чтобы его не было видно, и распечатал оставшиеся пачки. Ветер вырвал банкноты из раскрытого окна, подхватил и понес вверх разноцветное облако. Люди на улице визжали, машины гудели, и он отправился за второй порцией денег. Шесть миллионов, и еще шесть миллионов, за здание.

Над зданием кружил вертолет из которого свисал человек с телекамерой. Лиленд отошел от окна, чтобы его не видели. Может быть, они и догадаются, кто разбрасывал деньги из окна, но пусть попробуют доказать это. Он распечатал все пачки, прежде чем провезти их мимо двух трупов, подкатил стул к окну, откуда они устремились вверх, словно последний залп фейерверка на Четвертое июля.

Лиленд слышал, как по всему городу гудели машины. Он собрал все свои пожитки, готовый спускаться вниз.

На тридцать девятом он зарядил автомат и встал между компьютерами. Он остановился, осознав всю бессмысленность задуманного. Он был почти готов расстрелять обе обоймы и изуродовать все оборудование. А зачем? Чего он этим достигнет? Он тоже поддался магическому воздействию этих загадочных машин, так хорошо знакомому молодому поколению. Теперь ему было все равно. Все, что он разрушит, будет быстро заменено или работу передадут куда-нибудь еще. Что ж, возможно, люди, работающие здесь, и оценят его благородный порыв.

Он бросил автомат. Пусть полиция поищет отпечатки его пальцев, посмотрим, насколько успешно они справятся с этой задачей. Одного он точно не допустит — он не позволит полиции и «Клаксону» сделать из него козла отпущения.

Даже из-за этого фальшивого жетона. Шесть миллионов, пущенные на ветер, и разрушенное здание было ощутимым ущербом. Возможно, в общей сложности он составит двадцать пять миллионов долларов — достаточно, чтобы посеять панику на Уолл-стрит. Президент «Клаксон ойл» даже представить себе не мог, в какую пучину неприятностей ввергнет его Лиленд. Не мытьем, так катаньем.

Но что бы он ни сделал, ему ничто не вернет Стефани. Он мучился вопросом, когда — как давно — он упустил ее.

Он прибавил громкость.

— Говорит Лиленд. Я спускаюсь.

— Привет, Джо, — это был Эл Пауэл. — Где ты?

Он не хотел, чтобы его уличили во лжи.

— На тридцать девятом этаже. Спускаюсь с сорокового. Только что убил последнего. Вы уничтожили того, что был внизу?

— Мы никого не видели. Что ты имел в виду, сказав, что убил последнего?

— Я уже говорил, что их было двенадцать. Я вел точный подсчет. После девяти утра, когда я прервал связь, я убил еще четверых, в том числе Малыша Тони.

Тако Билл издал воинственный вопль.

— Мы видели двоих, — сказал Эл. — Они упали на патрульную машину.

— Нет. Один из них — Малыш Тони. Другая — женщина, которую он убил, — моя дочь, Стефани Лиленд Дженаро.

— Успокойся, Джо.

— Нет, я хочу, чтобы была полная ясность. Помимо Тони, я убил еще троих — двух мужчин и женщину. Женщина была последней. Она лежит на сороковом этаже. Я считал и знаю, что убил одиннадцать человек.

— Послушай, Джо...

Он дошел до тридцать восьмого этажа.

— Нет, ты меня послушай, черт возьми! Один из них был внизу. Если вы его не видели, то надо выяснить, где он. Его зовут Карл. Я убил его брата, и он знает об этом. Это здоровенный озлобленный ублюдок, с ног до головы в грязи и крови, как и я. Найди мою внучку. Она расскажет, что один из них был весь грязный и окровавленный. Он — единственный, кого я не убил. Ты понял? Судя по описанию, такой мне не попадался.

— Джо, почему бы тебе не сесть и не дожидаться нас. Если, как ты говоришь, на крыше никого не осталось, мы высадим на нее людей...

— У меня остался один патрон, а этот парень слушает нас. На каком вы этаже?

— Заложники спускаются по всем четырем лестницам. У нас нет доказательств, что ты убил столько человек и что их было всего двенадцать. Это мы знаем только с твоих слов. Я прошу тебя, Джо, я убедительно прошу тебя понять наше положение. Дай нам сделать свое дело.

— Значит, остался еще один, — сказал Лиленд.

Боль усиливалась, и он, чтобы хоть как-то ослабить ее, приспособился к медленному ритму движения, опираясь на перила руками и плечами. Он окончательно выдохся, и надо было выбираться отсюда. Ему срочно требовалась

медицинская помощь. Если полиция будет двигаться с такой скоростью, они доберутся до него не раньше, чем через несколько часов, даже если высадят десант на крышу. Они могут попытаться поднять его на вертолет и при этом невзначай уронить. Всякое случается. Все заинтересованные в этом деле стороны вздохнули бы с облегчением, если бы оно так и осталось тайной.

Лиленд удивился самому себе: он боялся упасть даже после того, что случилось со Стефани. Опять подкатила тошнота. У него оставался один патрон, Карл бродил где-то здесь, а полиция все никак не решалась подняться наверх. Складывалось впечатление, что всем была нужна его смерть. Особенно президенту «Клаксона». После минувшей ночи список убитых Лилендом значительно расширился.

Спускаясь вниз, он силился припомнить все события кровавой ночи и вспомнить, где находились тела убитых им террористов, но настолько вымотался и устал, что сильно сомневался, что память вернется к нему даже после отдыха. «Ладно, пусть другие беспокоятся об этом». Он будет спать, ни о чем не думая. На все вопросы он ответит потом, после разговора со своим адвокатом.

На тридцать втором этаже он решил было еще раз заглянуть в офис Стефани, но выкинул эту мысль из головы, понимая, чем это было чревато. После того, как ему окажут медицинскую помощь, он примет ванну, поест и отдохнет — именно в таком порядке. Ему хотелось увидеть внуков. Он хотел поговорить с Кэти Лоуган. У детей был отец, но Лиленд сомневался, что они захотят жить с ним. Они были уже не маленькие, а Лиленд — еще не стар. В них заключался теперь смысл его жизни.

На двадцать восьмом этаже он остановился передохнуть. Он тяжело опустился, вытянув левую ногу поперек лестницы. Болело все — обе ноги, спина, грудь, руки. При ходьбе он пытался снять напряжение с одной части тела, отчего боль сразу же перекидывалась на другую, скручивая ее до спазмов. Он знал, что справится с этим. Он заставит себя сделать это, как только предстанет перед людьми, перед камерами. Он соберется. Ему хотелось скорее выздороветь, поправиться; он мечтал о куске жареного мяса и печеном картофеле, а на закуску он съел бы ассорти из креветок.

Он поднялся.

Ему пришлось вторично остановиться на двадцать втором этаже. Он лег спиной на лестницу, чтобы расслабились и отдохнули мышцы грудной клетки. Здесь, в двух шагах от лестницы, открывалась неведомая для него земля — лабиринты комнат и офисов, служившие своего рода важными бастионами на границах канцелярских территорий. Что если он войдет туда и обнаружит другие компьютеры, еще более дорогостоящие, загадочные и непостижимые для него? Он шел, думая, что пожилой человек сохраняет веру в себя, несмотря на меняющиеся обстоятельства, несмотря ни на что.

На девятнадцатом этаже он услышал, что его вызывают по рации. Он выключил ее, поскольку предстояло пройти опасную зону. Он гадал, в каком именно месте заминированный стул упал на кабину лифта. Судя по разрушениям, которые он видел по телевизору, опасность могли представлять все четыре лестницы. Если заложники укрылись в середине здания, то почему же он не видел их? Он не хотел видеть их. У него оставался один патрон, и жаль было истратить его, разmozжив голову невинному.

Лестница была цела. Ударная волна, по-видимому, ушла через окна. Может быть, и здание не так уж сильно пострадало. Он не стал осматривать два этажа, зная, что это связано с неоправданным риском. У Карла вряд ли было богатое воображение, но, чтобы взять под наблюдение два этажа, которые могли заинтересовать Лиленда, особого воображения не требовалось.

На пятнадцатом он еще раз отдохнул, растянувшись на полу. На потолке не хватало плит, стекла были выбиты, но во всем остальном это был обычный офис, готовый в понедельник принять своих служащих. Он сел на стол, откинулся назад, чтобы ничто не давило на бедра, потом лег. Ему пришлось тщательно протереть стекло на часах, чтобы узнать время. Был почти полдень, если они шли правильно.

Ему хотелось остаться здесь, на этом этаже.

Но надо спускаться. Его дочь умерла. Ее дети осиротели. Он должен идти, останавливаться нельзя.

Он поднялся с огромным трудом. Мышцы дрожали от перенапряжения, как будто его вздернули на дыбу. Солнце стояло уже высоко, и свет, лившийся в окна, играл перламутром. Кто будет убирать комнату его дочери? Когда его родители умерли, ему пришлось взять на себя все заботы. Может быть, поэтому Господь пощадил его, и в последний путь Карен снаряжал другой. Он не хотел касаться тела Стефани, не имел права вторгаться в ее интимную жизнь.

Карен бы это тоже не понравилось. Он опять был на ногах и шел.

— Билл? Я могу поговорить с Кэти?

— Конечно. Все, что угодно.

— Джо? С тобой все в порядке?

— Ты знаешь, что случилось?

— Да. Мне очень жаль. Скажи, я могу тебе помочь?

— Я убил всех, кроме одного. Он мечется где-то здесь.

— Телевидение сообщило об этом. Полиция сомневается в твоей информации. Ты не можешь остаться на месте? Сообщи, где ты, и жди их.

— Этот тип слушает нас. Он где-то здесь.

— Джо, им займется...

— Она права, Джо,— вмешался Эл Пауэл.— Послушай, я верю тебе. И не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось...

— Да я не ищу его! Я хочу выбраться отсюда!

— Пожалуйста, Джо...

«Ты впустил прожил свою жизнь. Что у тебя осталось? Все, что у них с Карен было самого дорогого, ради чего они жили, что уцелело после их мучительного разрыва, ушло навсегда и теперь принадлежало истории и времени». Он нажал на кнопку.

— Что там происходит? Что показывает телевидение?

— Улицы Лос-Анджелеса запружены машинами,— сказала Кэти.— Люди гонятся за деньгами, которые ветром несет на восток. Здание расположено между Беверли-Хилс и тем направлением, куда несет деньги, поэтому «роллс-ройсы» никак не могут объехать автомобильные пробки. Если после всего того, что ты пережил, ты устроил и это, если ты разбросал деньги из окна, я безумно люблю тебя.

— Я ничего не знаю о деньгах. Я их даже не видел.

— Ты хочешь, чтобы я приехала?

— Сначала мне нужно в больницу. А ты отдохни. Не надо спешить.

— Я буду ждать тебя,— сказала она.

Он забыл, что внизу его поджидало телевидение. К нему начал подбираться незнакомый ему страх. Эл Пауэл прервал их разговор.

— Джо, послушай. К нам спускаются заложники — по двое, по трое. Они говорят, что наверху остались еще люди: то ли они выдохлись, то ли перепуганы насмерть, но идти не могут. Спустилось около сорока человек, но твоих

внуков среди них нет. На основе твоей информации капитан Робинсон разработал план. Мы отправляем по всем лестницам группы офицеров. Они вооружены до зубов. Дойдя до каждого этажа, они будут информировать меня об этом по рации, а я сообщу тебе. Не надо говорить, где ты. Когда они дойдут до тебя, сядь на лестницу и заложь руки за голову. Мы спустим тебя, я обещаю тебе это, напарник.

Прошло еще целых сорок минут; они действовали с крайней осторожностью. Он был уже на шестом этаже, когда услышал их голоса и скрип их ботинок. Он сел, заложил руки за голову и позвал их.

Ощущение было такое, словно он отсутствовал — не общался с людьми — долгие годы. После того как они разоружили его и Эл подтвердил, что это тот самый человек, двое офицеров подняли его и понесли вниз. Всего их было шестеро, и все они говорили в один голос. Ему было все равно, поскольку самому нечего было сказать. Он с ужасом ждал минуты, когда придется говорить. Он сильно потерял в весе, что сразу почувствовал по той легкости, с какой они несли его, передавая затем своим товарищам.

— Как вы себя чувствуете?

— Нормально, все хорошо.

— Скажите, если будем очень трясти вас.

— Нет, все отлично.

Он услышал гул голосов, проникавший и доносившийся до второго этажа даже через стальную дверь, ведущую в вестибюль. Он что-то пробормотал, а офицер, несший его справа, сказал, что теперь ему надо привыкать к этому.

— Вот он! Вот он! Назад!

Дверь открылась, и он увидел стену людей, полицейских, операторов и корреспондентов; все кричали ему что-то, отталкивая друг друга. Яркий свет на время ослепил его. Врач стал разрезать штанину на левой ноге. Поставили носилки.

— Мне хочется постоять немного.

— Как вы себя чувствуете? — спросила женщина-корреспондент.

— Вы правда всех их убили?

— Где Эл Пауэл?

— Здесь, — он стоял сзади, в футах шести, держа руку на прикладе оружия тридцать восьмого калибра. Его глаза шаржили поверх голов толпы, ища кого-то.

Лиленд улыбнулся:

— По телевизору ты выглядишь лучше.

— Я запомню это, — он посторонился, стараясь не смотреть на низкорослого темноволосого белого мужчину, стоявшего от него слева. — Это капитан Дуэйн Робинсон.

— Мы вынуждены задать вам несколько вопросов, Лиленд. Мы просматриваем видеозаписи, и нас очень интересует, кто разбросал деньги и почему.

Лиленд увидел, как Пауэл покачал головой: на пленках ничего не было.

— Я не отвечу ни на один вопрос без советов моего адвоката, — сказал Лиленд. — Думаю, прежде всего он посоветовал бы мне заняться здоровьем.

— Дайте нам поговорить с ним, — потребовал усатый корреспондент.

Лиленд сразу понял, что произошло, когда услышал первый звук, донесшийся от двери, ведущей на северо-восточную лестницу. Он хотел упасть на пол, но Робинсон мешал ему, прижав к стене. Карл закричал и начал стрелять по корреспондентам, чьи крики и визг заглушили грохот. Впечатление было такое, словно Лиленд смотрел на себя в зеркало. С головы до ног Карл был покрыт грязью и кровью. Он хотел убить всех. Охваченный безумием, он обрушил на них всю свою ненависть. Карл не успокоится, пока не перебьет всех, и кто-то должен его остановить. Хотя Стефани не смогла остановить Лиленда; даже ее смерть не смогла этого сделать.

Наконец-то Карл нашел Лиленда. Они смотрели друг на друга, как на свое отражение. Карл не видел никого, кроме Лиленда, и Лиленд знал это. Робинсон держал оружие в руках, но не стрелял. Карл выстрелил первым, и в этот момент Эл Пауэл схватил Робинсона за плечо и, толкнув, поставил под пулю, которая предназначалась для Лиленда. У Пауэла было такое свирепое выражение лица, что Лиленд не мог поверить, что это тот самый человек, которого он недавно видел по телевидению. Робинсон отпрянул назад и упал на Лиленда, причинив ему ужасную боль. Прежде чем он оказался на полу, погребенный под телом Робинсона, Лиленд увидел, как Пауэл, не торопясь, прицелился и сделал два метких выстрела, снеся Карлу верхнюю часть головы и разбрызгав повсюду мозги и кровь.

Лиленд пытался выбраться из-под Робинсона. Двумя руками Пауэл откатил тело Робинсона и вытащил Лиленда за штанины брюк, которые были все в крови, словно ему на колени вылили чашку супа.

— Врача! Врача!

Врач лежал мертвый рядом с Лилендом и Робинсоном. По всему вестибюлю стали подниматься люди. Увидев трупы, они закричали.

— Дай-ка мне этот чертов ремень,— сказал Пауэл и растегнул его.— Надеюсь, ты не умрешь у меня, во всяком случае, не теперь.

Он крепко затянул ремень вокруг бедер Лиленда.

— Здорово ты нырнул за Робинсона.

Лиленд, не отрываясь, смотрел на него.

— Он умер, как герой,— сказал Пауэл.— Не забудь это.

— Лучше бы ты ничего не делал.

Пауэл посмотрел на него.

— Знаю. Но как-то не хочется, чтобы думали про меня так, особенно человек, которого я считаю своим напарником.

— Робинсон совершил ошибку,— сказал Лиленд вслух, но скорее самому себе.

— Он отдал жизнь за тебя,— сказал Пауэл.— Так надо относиться к случившемуся. Кровь у тебя уже не течет. Ты будешь жить.

— Ты чертовски хороший полицейский,— сказал Лиленд.

— Рядом с тобой я вообще никакой не полицейский,— он плакал. Вокруг Лиленда столпились полицейские, вытягивая шеи, чтобы взглянуть на него. Установили бутылку с плазмой. Появилось новое лицо.

— Держи ремень, парень.

— Сержант,— поправил его Пауэл.

— Извини, сержант. Именно так. Держи его, не отпускай.

— Успокойся,— сказал он Лиленду.— Ты еще сто лет проживешь.

Лиленд не ответил ему. Он хотел что-то сказать, но вдруг потерял всякое желание говорить. Пусть все катится ко всем чертям, он будет бездумно лежать. Вся прожитая им жизнь пронеслась в его памяти. Его подняли и быстро покатали к двери. Кто-то держал бутылку с плазмой и бежал рядом с ним и Пауэлом. Пауэл улыбался. Теперь он не имел ничего общего с тем человеком, лицо которого несколько минут назад было искажено выражением звериной жестокости.

Лиленд закрыл глаза. Теперь он будет думать о том, как хорошо летать.

РОБЕРТ ГОВАРД

КОНАН-ВАРВАР

ТВАРЬ В СКЛЕПЕ

Глава 1. КРАСНЫЕ ГЛАЗА

Два дня волки неотступно следовали за ним.

Посмотрев мельком назад, подросток увидел их лохматые, нескладные серые тени, трусившие в сумерках. Усталое тело требовало отдыха, и он понял, что не может с ними сражаться, как раньше.

Вокруг молчаливыми солдатами заколдованной армии поднимались стволы деревьев — легионы черных елей. Тусклый снег еще вздымался серыми холмами, но, разбуженные весной, повсюду журчали сотни ручейков. Этот темный даже в начале лета мир сейчас выглядел еще более мрачным.

Подросток взбежал наверх по заросшему лесом склону и остановился, чтобы перевести дух. Он спасался от многих преследователей после схватки с Гиперборейскими работорговцами. Несмотря на киммерийское происхождение, он попался банде грабителей Ассира, промышлявших на границах Гипербореи. В этой суровой земле они устраивали ловушки для проезжих, и юный Конан впервые познал горечь оков, привычных рабам.

Но ошейник раба он носил недолго. Воспользовавшись крепким сном наломавшихся за день невольников, подросток сломал одно из звеньев цепи, которое было послабее. Сильная буря с дождем помогла ему вырваться на свободу. Вертя над головой четырехфунтовым обрывком цепи. Конан убил надсмотрщика и солдата, пытавшихся его задержать, и исчез в густых зарослях орешника. Дождь укрыл его от работорговцев, помешав собакам напасть на след.

Освободившись, Конан, обнаружил, что находится на землях племен, враждебных его народу. До родной Киммерии было очень далеко. Он принял решение пробиваться на юг, через дику гористую страну, отделенную болотами от Гипербореи с ее плодородными долинами, и от идущих дальше Бретонии и Турании. Где-то на юге, он слы-

шал, лежало чудесное королевство Замора, с прелестными темноволосыми женщинами и башнями — обиталищами ученых жрецов. Мрачной славой пользовались в королевстве столица Шадизар, называемая городом злодеев, города воров Арэнджун и Иезад, и город Бога Пауков.

Годом раньше юный Конан впервые попробовал роскошь цивилизации. Однажды, в кровавом безумии, орды киммерийских кланов подступили к стенам Вонарума. Варвары захватили город, и Конан, впервые принимавший участие в набеге, узнал цену многому. И это только возбудило его аппетит. Не имея стремления к чему-то определенному, не строя никаких планов, он смутно грезил о приключениях в южных Землях, способных принести ему богатство и славу. Он видел сверкающее золото и драгоценности, обильную пищу и питье, и горячие ласки прекрасных женщин благородного происхождения, — как награду за доблесть и отвагу. Он считал, что на юге сила и честолюбие принесут ему удачу. И потому отправился в путь, дабы испытать судьбу.

Теперь Конан не имел снаряжения; одежда его превратилась в лохмотья, а из оружия был только обрывок цепи.

Волки упорно шли по его следу. Он, конечно, не боялся волков. Но в конце зимы изголодавшиеся звери были готовы на все. Они уже пробовали напасть на Конана, застать его врасплох, но были вынуждены отступить перед вращающейся цепью, оставив одного из собратьев на снегу со сломанной спиной и другого — с пробитым черепом. Кровь окрасила снег. Стая упорно преследовала подростка, но звон страшной цепи заставлял их держаться на расстоянии.

Конан продолжал движение на юг. На закате солнца волки снова напали, на этот раз на льду замерзшей реки. Он сражался с ними на скользком льду, разя окровавленной цепью. Когда самый отчаянный волк поймал цепь челюстями и, дернув ее изо всех сил, провалился под лед, вместе с ним, сброшенные Конаном, в полынью соскользнули еще несколько волков, и быстрое течение мгновенно взяло их жизни. Тогда уцелевшие волки отступили.

Конан тоже провалился и едва не утонул, но все же выбрался из полыни у противоположного берега, обронив в воде цепь. Зубы его стучали, мороз сковал тело, но, оглянувшись, он с радостью увидел, что стая осталась на другом берегу. Целую ночь он шел на юг, пока звери снова не появились за спиной.

Холодный горный воздух обжигал легкие, каждый вдох уже причинял сильную боль. Ноги в сандалиях давно пере-

стали что-либо чувствовать, ступая по льду и снегу с неодолимым упорством.

Конан знал, что с голыми руками у него теперь немного шансов выстоять против дюжины лохматых убийц. Его злое киммерийское наследство ничего не давало — он был обречен, на его лице уже появился отпечаток смерти.

Опять пошел снег. Тугие ветви невнятно шелестели и больно хлестали по телу. Тут и там возвышались гигантские валуны, по самую верхушку засыпанные старыми хвойными иглами. Местность становилась более скалистой. В этом был шанс на спасение. Появились возможность сражаться против волков, прислонившись спиной к скале, и может быть, даже шанс на победу. Но, как понимал Конан, весьма слабый шанс — он хорошо представлял выносливость и силу стальных челюстей лесных разбойников. И тем не менее это был шанс!..

Лес становился реже, и склон скоро круто повел вверх. Конан устремился к большому массиву скал, пробивших острыми вершинами кожу холмов. Между ними открылось ущелье, точно вход в сказочный замок. Теперь волки будут вынуждены идти по его следам поодиночке.

Конан уже слышал топот звериных лап. Горячее дыхание обжигало спину.

Глава 2. ДВЕРЬ В СКАЛЕ

Сквозь белое марево крутящегося снега Конан увидел темное пятно между двумя склонами и бросился туда. Волки уже настигали его. И все же он успел проскользнуть в щель. За ним прыгнул волк, крупный рыжеватый самец, но его челюсти схватили только холодный воздух.

Что дальше?

Конан ощупал камни вокруг, ища что-нибудь, что можно было бы использовать как оружие. Волки тяжело дышали у входа в пещеру после долгого бега, и в досаде кусали стебли сухой прошлогодней травы.

Голодные звери чуяли затаившуюся добычу. Но ни один не полез в пещеру, как будто их что-то пугало в ней. Конан не понимал, что могло остановить хищников...

Скоро он обнаружил, что находится в узком проходе. Там было темно. Только призрачный свет, струящийся

через расщелину, позволял что-то увидеть. Неровный пол пещеры был усыпан мусором, скопившимся за столетия принесенным ветром и животными: хвойные иголки, листья ветки, несколько обглоданных костей и обломки скал. Во всем этом хламе не было ничего, что он мог бы использовать для боя.

Вытянув руку как можно дальше, Конан стал на ощупь, словно слепец, исследовать стену. Вскоре он наткнулся на другой ход, ведущий куда-то в крошечную тьму. Под пальцами был не обычный камень, а камень, обработанный резцом. У самого входа он нащупал нечто, что можно было бы принять за вырезанную в скале надпись. Но Конан не умел читать — как всякий юноша северных варваров, он презирал учение и поклонялся силе.

Конану пришлось согнуться вдвое, чтобы пролезть в внутренний ход, но, миновав дыру, он снова мог выпрямиться в полный рост. Ступив на пол галереи, он замер, напряженно вслушиваясь в темноту. Было тихо, но инстинкт предостерегал его, подсказывая, что он не один. Конан ничего не видел, не слышал, не различал никаких запахов, но ему казалось, что здесь кто-то присутствует. Нечто, отличное от всего, что он встречал ранее.

Тренированный слух киммерийца ловил отзвуки малейших шорохов. Эта пещера была большой, намного больше первой. Здесь пахло древней пылью и пометом летучих мышей. Звуки отражались от монолита посреди пещеры. Воображению подростка представлялось, будто все предметы в этом месте сильно отличаются от виденных им снаружи.

Конан сделал большой шаг вдоль стены и наступил на что-то в темноте. Вещь раскололась под его тяжестью. Сучок от сломанного дерева поранил кожу, добавив еще одну царапину к тем, что уже имелись от веток елей и волчьих челюстей и когтей. Конан выругался и, нагнувшись, тронул рукой разрушенный предмет. Им оказался стул, настолько прогнивший и ветхий, что не выдержал прикосновения.

Исследования свои подросток продолжил более осторожно. Его вытянутые руки нащупали другой, больший предмет, опознанный им как колесница. Колеса были давно разрушены временем, а остатки верха колесницы лежали на полу среди обломков ободов и спиц.

Затем руки Конана наткнулись на что-то твердое и холодное. Он решил, что перед ним скорее всего какая-то металлическая часть колесницы. Это навело его на мысль...

Во внешней пещере, где, по сравнению с внутренней было намного светлее, Конан собрал хворост и, найдя подходящий камень, вернулся к обломкам. Сложив хворост в кучу, он что есть силы ударил камнем по металлу. После нескольких неудачных попыток юноше удалось высечь огонь. Вскоре он раздул маленький чадающий костер и стал кормить его деревом от сломанного стула и обломками колесницы. Теперь можно было прийти в себя, после утомительного бегства через суровую страну, и согреть свое замерзшее тело. Пламя остановит волков, вздумай они сунуться в пещеру. «Но, похоже, они к этому не очень стремятся», — думал он.

Огонь дал телу тепло, желтый свет затанцевал на грубо обработанных каменных стенах. Конан осмотрелся более внимательно. Помещение было квадратным и гораздо просторнее, чем показалось сначала. Высокий потолок исчезал в густых тенях и клочьях паутины. Несколько древних колесниц стояли у стен, рядом с ними громоздились лопнувшие сундуки, где когда-то, наверное, хранили одежду и оружие. Огромная каменная комната дышала смертью и тлением.

Вдруг волосы Конана поднялись дыбом, и он почувствовал, что вся его кожа покрылась пупырышками страха: в углу помещения на огромном каменном троне возвышалась фигура воина, на коленях которого лежал меч. Высушенное лицо человека было повернуто в сторону Конана, и на мгновение ему показалось, что в глубине глазниц мертвеца горят зловещие огоньки. Или это всего лишь отблески костра?

Рассмотрев гиганта, Конан понял, что тот мертв уже в течение долгих веков. Кожа огромного тела стала коричневой и высохла. На торсе она сморщилась и висела лохмотьями, обнажая ребра.

Мертвец! Подростка охватил ужас. Он не боялся войн, схваток и поединков, был готов вступить в бой с любым человеком или диким зверем. Ничто его не пугало. Но он был варваром с северных земель далекой Киммерии. Как и все варвары, он опасался сверхъестественного. Он боялся ужаса могил и темноты со всеми их страхами, демонами и чудовищами, порожденными Древней Ночью и Хаосом. Все это было по ту сторону бесхитростного костра варвара. Конан предпочел бы встретиться с голодными волками, чем остаться наедине с мертвецом, который, казалось, смотрит на него со своего каменного трона, оживая в колеблющемся свете,двигающем тени в пустых глазницах.

Глава 3. ТВАРЬ НА ТРОНЕ

Несмотря на суеверный ужас, Конан заставил себя удержаться от каких бы то ни было опрометчивых поступков. Прокляв ночные страхи, он на твердых ногах обошел могилу, рассматривая давно высохший труп.

Трон, на котором восседал мертвец, лишь отдаленно напоминал обычное кресло и был сделан из черного, похожего на стекло, камня. Человек, наверное, умер до того, как был принесен сюда. Одежда его частично распалась. Бронзовые пряжки и обрывки кожаных ремней лежали у ног. Ожерелье из бесформенных золотых самородков висело на шее. Неотшлифованные драгоценные камни сверкали в золотых перстнях на пальцах клешнеподобных рук, сжимавших подлокотники трона. Рогатый бронзовый шлем, покрытый зеленой патины, венчал голову над коричневым кошмаром лица.

Конан, сжавшись, заставил себя подойти ближе и всмотреться в изъеденное временем существо. Глаза мумии провалились, оставив две черные дыры. Кожа почерневших губ сохла, обнажив желтые клыки в злой усмешке.

Кем был этот мертвец раньше? Воином древних времен, каким-нибудь великим вождем, которого боялись при жизни и усадили на погребальный трон после смерти? Теперь этого никто сказать не может. После гибели Атлантиды, погрузившейся восемь тысяч лет назад в изумрудные воды Западного океана, многие племена и народы осели по обе стороны гор. Судя по рогатому шлему, труп мог быть когда-то вождем ваниров или ассиров или забытым королем древнего гиперборейского рода, давно исчезнувшего в реке времени и погребенного в пыли веков.

Взгляд Конана остановился на мече, лежавшем на коленах трупа. Это грозное оружие с обоюдоострым лезвием было больше ярда в длину, и выковали его из железа, а не из меди или бронзы. Конан вспомнил рассказы о временах, когда его племя не могло получить железо и воевало бронзовым оружием. Меч в руках древнего воина прошел долгий путь времени, которое его не уничтожило, а только нанесло множество зазубрин, полученных в жестоких битвах. Это было сохранившееся в веках Великое Оружие!

Подросток чувствовал, как сильно бьется его сердце. Кровь рожденного для войны закипала в его венах. «Настоящий меч! С таким клинком можно выступить против

голодных волков, визжащих и царапающих скалы снаружи», — решил он.

Когда Конан протянул руку и взялся за рукоять меча, ему почудилось предостерегающее мерцание в пустых глазницах трупа.

Конан взял меч. Тот оказался очень тяжелым, словно отлитым из свинца: герои древности носили его, какой-нибудь легендарный бог демонов, подобный королю Куллу или королю Вуоксия, какие правила во времена Атлантиды.

Подросток взмахнул мечом, ощутив силу и радость обладания драгоценной вещью.

Боги, вот это оружие! С ним даже дикий полуголый варвар из холодной Киммерии мог прорубить себе дорогу в мире, проплывая по рекам крови к достойному месту среди величайших земных владык.

Конан отвернулся от трона и принялся рассекать воздух мечом, чтобы почувствовать форму рукояти в своих твердых пальцах. Вертя старый меч и нанося удары несуществующему противнику, подросток носился по skleпу, пробуя руку и привыкая к своему новому приобретению. Свет костра играл на старинном лезвии, отражаясь в нем как маленький метеор. Да, теперь Конан мог столкнуться не только с преследовавшими его волками, но и с волками всего мира.

Киммериец напряг грудь и издал боевой клич своего народа. Эхо крика заметалось меж стен пещеры, беспокоя древние тени и старую пыль. «Такой клич, — подумал Конан, — в таком месте, как это, может разбудить тварей, проспавших много веков среди серых камней».

Конан остановился, как завороченный. А эхо дикого призывного крика полетело под каменным сводом, отразившись от трона. Обернувшись, варвар увидел... и кровь льдом застыла в его венах. Все первобытные страхи и ночные фантазии, какое-то время сдерживаемые волей, наполнили его разум — разум суеверного дикаря — тенями безумия и ужаса.

Мертвая тварь ожила!

Глава 4. КОГДА МЕРТВЕЦ ВОССТАЛ

Медленно, подергиваясь, труп поднялся с каменного трона и устался на варвара. В недавно еще пустых темных

глазницах его теперь беспокойно сверкали живые внимательные глаза.

Конан не мог понять — сбылось ли древнее заклятие, или он сам своим криком невольно разбудил мертвого.

Тишина в склепе нарушалась только злобным бормотанием восставшего мертвеца. Усмехавшиеся губы двигались, открываясь и закрываясь в ужасном подобии речи. Подросток слышал невнятный шорох и скрежет высохших мускулов. Для варвара это было намного страшнее, чем если бы мертвый заговорил.

Ужасно заскрипев, труп шагнул со своего трона и, повернув голову в направлении Конана, опустил взгляд на меч в его руке. Затем, неловко ступая, двинулся через комнату, словно новая форма воплощенного ужаса — безумный друг привидений. Вытянув тело и выставив когти, он устремился к мечу, который когда-то ему принадлежал.

Молодой варвар медленно пятился, отступая. Свет костра придавал тени мертвеца на стене чудовищный черный свет. К треску, с которым пламя пожирало дерево, добавился треск и шуршание мускулов трупа.

Тварь приближалась к подростку. Тот затаил дыхание, не зная, что предпринять.

Внезапно коричневая длань толчком вытянулась вперед. Реакция варвара была мгновенной. Лезвие меча, со свистом разрезав воздух, ударила по руке, сломавшейся как палка. Хватая пальцами пустоту, рука со стуком упала на пол. Крови, бьющей фонтаном, не было.

Такое ранение могло остановить любого воина, — но живого, а не медленно бредущего мертвеца. Тварь просто отдернула обрубок и вытянула другую руку.

Дико, словно загнанный зверь, Конан отпрыгнул от стены и, вращая мечом, принялся изо всей силы рубить чудовище.

Первый удар отшвырнул тело в сторону. Ребра затрещали, будто тонкие ветки, и труп шумно рухнул на пол. Конан стоял, тяжело дыша, в центре склепа, обхватив рукоять меча вспотевшими ладонями. Расширенными глазами он смотрел, как мертвец снова поднялся. Рука его снова вытянулась, стараясь схватить варвара.

Глава 5. ПОЕДИНОК СО СМЕРТЬЮ

Противники медленно двигались, кружа по склепу. Конан страстно желал отогнать мерзкое видение из прошлого. Отступая шаг за шагом, он держался на расстоянии от мертвой твари, подбиравшейся все ближе и ближе.

Чудовище попыталось дотянуться до меча, но его клешня промахнулась. Конан увернулся, потеряв при этом равновесие, и, пока возвращался в боевую стойку, мертвец поймал его за краешек туники. Ткань разорвалась, и холодная рука коснулась тела. Конан рванулся, оставшись обнаженным, сохранив лишь сандалии и набедренную повязку из шкуры льва.

Мертвец снова устремился вперед. Варвар замешкался и оказался в смертельных объятиях. Изворачиваясь, он стремился нанести сокрушительный удар мечом, но удалось только снести один из рогов шлема. Второй удачный удар сбросил шлем на землю, и тот, гремя, откатился в угол пещеры. Следующий удар пришелся точно в сухой коричневый череп. В то же мгновение чудовище вонзило свои черные когти в человеческую плоть.

Меч пронзил ребра трупа и, застряв на несколько мгновений в позвоночнике, позволил Конану выкарабкаться и отбросить от себя дергающуюся, прогнившую, высушенную, странным образом ожившую отвратительную массу. Но ничто, казалось, не могло остановить тварь. Мертвец не умирает. Чудовище вновь встало и двинулось к Конану шаркающей походкой, не обращая внимания на дюжину ран, от которых живой и могучий воин давно бы корчился в грязи.

«Как можно уничтожить уже мертвую тварь?»

Этот вопрос безумным эхом звучал в голове Конана. Противники по-прежнему двигались кругами. Сердце киммерийца бешено стучало, легким не хватало воздуха, и они были готовы вырваться из груди. Ко всему еще добавился страх перед надвигающейся ужасной тварью...

Конан снова нанес удар мечом. Он решил отрубить трупу ноги, лишит его возможности передвигаться. Лезвие обрушилось со страшной силой, просвистев в воздухе, и рассекло древнюю плоть. Кости треснули, и чудовище рухнуло в пыль на каменном полу. Но сверхъестественная жизнь не могла так просто отступить. Мертвец приподнялся на единственной целой руке, оперся на обрубок другой,

и медленно пополз к варвару, волоча за собой то, что осталось от ног.

Конан еще раз ударил: половина лица чудовища, отсеченная острым лезвием, словно ненужная ветошь полетела в угол комнаты. Но мертвец не остановился. Несмотря на ужасные раны, он упорно двигался вперед, стремясь настичь осквернителя могил. Конан очень хотел бы сейчас оказаться снаружи и встретиться даже не с десятком, а с сотней волков, только бы эта тварь снова стала мертвой, — мертвой по-настоящему.

Чудовище тем временем схватило подростка оставшейся рукой-клешней за лодыжку. Желая сохранить равновесие, тот отшатнулся назад и снова оказался на полу, при этом сильно ударившись. Труп цепко держал его за ногу, пытаясь подобраться ближе. Поняв, что мертвец собирается делать, Конан замер от страха, и тотчас ужасная боль пронзила его тело — мертвец впился зубами в обнаженную плоть ноги.

Варвару показалось, что он сходит с ума от боли, но была ли то боль физическая или душевная, он не мог определить.

Разрушенное временем и мечом лицо трупа выглядело кошмарно. Злобные глаза прожигали насквозь, а хищная рука-клешня уже тянулась к горлу Конана. Киммериец действовал замедленно. Только невероятным напряжением воли ему удалось оторвать взгляд от притягивающих, давящих глаз чудовища. Изо всей силы он обрушил обе ноги, обутые в сандалии, на сморщенный живот мертвой твари, склонившейся над ним. Подлетев в воздухе, мумия с треском упала позади Конана, прямо в огонь.

Высушенное бесконечной чередой столетий тело вспыхнуло, словно хворост. Сверхъестественная жизнь, пожираемая огнем, стала угасать. Объятое белым пламенем чудовище превратилось в живой факел, потом встало из костра, но, лишенное ног, не смогло выбраться и, разваливаясь, рухнуло обратно. Объятая огнем рука поднялась в грозном жесте. Отвалившаяся голова горящим пнем покатила по углям. За несколько мгновений мумия была уничтожена. Костер, пожирая новую пищу, взметнулся к потолку склепа.

ЛЮДИ ИЗ ЧЕРНОГО КРУГА

Глава 1. СМЕРТЬ ПОРАЖАЕТ КОРОЛЯ

Король Виндии умирал. Последний путь — в чистилище — ему предстояло совершить душей жаркой ночью.

Воздух был наполнен колокольным звоном и ревом труб-раковин. Эхо доносило отзвуки этого шума в золотой куполообразный зал, где, распростертый на бархатных подушках, боролся со смертью король Бунда Чанд. Его пальцы судорожно сжимали золотую ткань, покрывавшую царственное ложе. Король был еще молод, его смерть не была следствием яда или удара дротиком. Никто во дворце не мог объяснить внезапный недуг. И вот глаза Бунды Чанда широко раскрылись, словно он увидел приближающуюся к нему неумолимую гостью. Перед ложем, однако, трепеща и не смея шелохнуться, стояли девушки-рабыни. Здесь же, склонив голову, стояла сестра короля, Деви Юасмина и один из придворных — возам.

В порыве гнева и отчаяния сестра короля вскинула голову, когда траурный грохот барабанов долетел до нее:

— О, эти несносные священники и их шум! — воскликнула она. — Где их прославленная мудрость и сила? Они просто беспомощные пиявки! А мой несчастный брат умрет, так ничего и не сказав. Я не в силах ничем помочь ему!

— Его убивает не человек, — откликнулся возам, — а, наверное, Дьявол или его помощники! Может, все-таки яд?..

— Нет, это не отравление! — крикнула девушка. — Ведь с самого рождения его охраняли так тщательно, что даже самые искусные отравители Востока были не в силах добраться до него. Пять раз моего брата пытались отравить, негодяи были уверены в успехе, и что же? Их выбеленные солнцем черепа красуются на башне Бумажного Змея! К тому же ты и сам знаешь, что десять мужчин и десять женщин обязаны пробовать еду и питье, приготовленные для моего брата, и пятьдесят вооруженных стражников

сторожат их. Теперь-то ты понимаешь, почему я уверена, что это — не отравление, а страшное черное колдовство.

Неожиданно она прервала свою страстную речь, увидев, что умирающий пытается что-то сказать. Посиневшие губы не повиновались ему, и казалось, он не узнает склонившихся к нему людей. Голос, слабый и утасаживающий, прозвучал откуда-то издали, как бы с вершины утеса.

— Моя сестра, Юасмина, где ты? Я не вижу тебя! Здесь так страшно, непроглядная тьма, ужасные ветры.

С криком: «Брат! Я здесь! Узнаешь ли меня?!» — Юасмина кинулась к королю, сжав его слабую руку. Но с губ умирающего сорвался лишь стон. Распростертые на полу рабыни зарыдали от страха, и Юасмина в муке ударила себя в грудь...

В другой части города на решетчатом балконе стоял человек и наблюдал, как по длинной улице взад и вперед сновали факельщики. Колокольный звон, рев раковин, грохот барабанов сливались в один протяжный вой.

Человек пожал плечами и вернулся в роскошно убранные палаты. Он был высокого роста, атлетического сложения. Богатую одежду он носил с небрежностью привыкшего к достатку человека.

— Уже поют погребальные песни, хотя король, конечно, не умер, — произнес он.

Эти слова предназначались мужчине, сидящему на корточках на коврик в углу комнаты. Одежда того контрастировала с великолепными одеяниями собеседника и состояла из коричневой накидки на верблюжьем меху, зеленого тюрбана и сандалий. Его спокойствие граничило с безразличием. Пристальный взгляд ничего не выражал.

— Однако, люди знают, что ему уже не суждено видеть новую зарю, — отозвался он.

Первый окинул его внимательным, изучающим взглядом и сказал:

— Я не понимаю только одного: почему мне пришлось так долго ждать удара твоих повелителей. Если они убивают короля сейчас, то что им стоило убить его раньше?

Человек в зеленом тюрбане ответил:

— Всем можно управлять, даже искусством, которое вы называете колдовством, а управляет им Космическое Равновесие. Звезды определяют судьбы, и даже мои повелители не могут влиять на Звезды. Пока расположение небес-

ных светил не пришло в определенный порядок, они не могли помочь в осуществлении этого замысла.

Длинными тонкими пальцами он стал чертить на мраморном полу карту созвездий:

— Наклон Луны предвещает зло для короля Виндии. Звезды в таком смятении, какого я давно не наблюдал. Вот змея в Доме Слона. Во время такого противостояния невидимые защитники удаляются от Бунды Чанда. Следовательно, открывается путь в невидимое королевство. И когда будет установлен контакт, в самом конце пути вступят в сражение невидимые силы.

Человек в роскошной одежде попросил:

— Не покажете ли вы, как именно устанавливается контакт? Кажется, это локоны короля?

— Да. С человеческого тела все сброшено. Правители Азии мало что знают об Истине, но я вижу отчетливо, что все почти уравновешено. Беспольные часы королевской семьи распадаются в прах. Родичам нужно молиться за принцессу Кхосала, преданно любящую Бунду Чанда. Расставаясь, он оставил ей на память локон своих прекрасных длинных черных волос. И вот, по велению моих правителей, произошла замена: вместо настоящего локона короля в золотом, инкрустированном драгоценностями ящике в нужный момент окажется камень, который постепенно, меняя свою субстанцию, превратится в локон. Принцесса, прячущая перед сном ларец с локоном под подушками, никогда не узнает правду. А тем временем подлинный локон будет путешествовать с караваном в Пешкахаири, затем вверх в Зхайбарский проход и в земли, лежащие дальше.

Вельможа пробормотал:

— Я так ничего и не понял, только про локон с голы.

— В каждой душе встает заря из бездны этого пространства, — произнес человек в тюрбане, продолжая вычерчивать карту.

Дворянин тщательно изучал расположение небесных светил, затем сказал:

— Я никак не пойму, кто ты, Кхмья? Человек или демон? Не многие из нас на самом деле являются тем, что мы видим. Например, я известен как Керим Шах, принц Ирана. Я не умнее тех, кого считают гениями: все они предатели, независимо от путей, по которым идут. К тому же, половина из них не знает, что они являются слуга-

ми. Бесспорно то, что я — слуга короля Юездигера из Турана.

— А я — Черный Пророк из Юинша, — отозвался Кхмеля, и величие моих повелителей затмевает ваших: ведь они смогли показать свое искусство лучше, чем сотни тысяч мечей Юездигера!

Снаружи во дворец проникали мучительные стоны тысячной толпы.

Эти звуки, дрожа, поднимались вверх к звездам, озаряющим светом виндианскую ночь. Рев раковин нарастал: казалось, что огромное стадо быков мычит от невыносимой боли.

Сады дворца озарились блеском полированных доспехов и золотых украшений плащей: здесь собрались все дворяне и телохранители. В каждой арке ворот стояло по пятьдесят воинов с луками. Но все это воинство не смогло остановить Смерть, шествующую через королевские покои неслышной поступью.

Лежащий на возвышении под золотым балдахином король снова закричал в страшных муках. Казалось, это уже не его голос, а голос самой смерти доносится с предсмертными хрипами из горла.

Стоны короля как будто звучали со дна громадной пропасти.

— Помогите мне, Юасмина! Я на пути в свой последний смертный дом! Колдуны с помощью ветров тьмы отдали ночи мою душу. Теперь им нужен только серебряный шнурок, соединяющий плоть с духом. Помогите, слуги мои, сестра моя! Пальцы колдунов иссушают меня, жгут, как огонь! Они хотят убить мое тело и проклясть душу! Что еще они несут мне?! Помогите!

Охваченная ужасом от этого беспомощного зова, Юасмина не могла больше сдерживаться: она закричала и прижалась к брату, пытаясь хоть своими объятиями облегчить его муки.

Король плакал, пена выступила на его искривленных агонией губах. Бесчувственными пальцами он обхватил плечо девушки. В его взгляде, казалось, мерцало пламя, и он посмотрел на сестру, узнавая ее.

Юасмина зарыдала:

— О, мой бедный брат!

— Скорее! — король задыхался от невыносимых стра-

даний, но его речь была связной и осмысленной. — Я знаю, что спешу к погребальному костру. Я помню, как в далеком путешествии я поссорился с колдуном Гимелианса. И вот теперь они оторвали мою душу от тела и тащат ее в каменное подземелье. Это их усилиями разорвалась серебряная нить жизни, и сейчас они, сотрясая воздух заклинаниями, вызывают силы ада. О! Я уже чувствую, как они тянут меня! Кричите, кричите же, сожмите руки, тяните меня назад! Я скоро уйду, я это знаю. Моя душа еще цепляется за тело, но оно уже слишком слабо. Быстрее — убейте меня до того, как колдуны вытащат мою душу!

— Я не могу! — плакала Юасмина, ударяя себя руками в грудь.

— Скорее! Я приказываю тебе! — в слабеющем голосе умирающего послышались привычные повелительные нотки. — Вы не смеете ослушаться меня. Так исполняйте же мою последнюю волю! Это мой последний приказ! Очистите мою душу от колдовства, пошлите ее в Асалу! Спешите же, оставьте вашу нерешительность, преградите мне путь в зловещую тьму. Убейте же меня, я приказываю вам!

Не переставая рыдать, Юасмина схватила богато инкрустированный кинжал и с размаху погрузила его в грудь брата. Умирающий замер, его губы озарила мрачная усмешка.

Юасмина упала вниз лицом на роскошный ковер. Где-то послышались размеренные удары гонга, и в зал торжественно вошли священники, неся в руках медные ритуальные чаши.

Глава 2. ВАРВАР С ХОЛМОВ

Повелитель Пешхаури, Чандер Шан, отложив золотое перо, внимательно прочел текст на пергаменте, скрепленном его официальной печатью. Он привык взвешивать каждое слово, написанное или произнесенное, потому-то и правил страной так долго. Опасность развивает осторожность, а в этой дикой стране, где знойные равнины Вендхии прилегают к Гимелианским скалам, только осторожный человек может прожить долго.

Всего час езды на восток ли, на север ли — и ты уже

пересек границу и оказался в стране, где люди живут по первобытному закону ножа.

Правитель сидел за инкрустированным столом в полном одиночестве. Широкое окно, несущее в комнату прохладу, позволило ему любоваться голубым небосводом с искрящимися белыми звездами — этой чудесной картиной гимилианской ночи. Смутным контуром казался примыкавший парпет, и туманное мерцание звезд едва освещало дальние зубцы и амбразуры крепостной стены.

Крепость правителя была мощным укреплением, и располагалась она возле стен города, который должна была охранять. Слабое дуновение ветерка шевелило гобелены и доносило отголоски звуков с улиц Пешхаури — обрывки заунывных песен и бряцание лиры.

Читая сделанную запись, правитель шевелил губами и закрывал глаза от желтого света бронзовой лампы. Через распахнутое окно он слышал цокот конских копыт и повелительный окрик стражи, но, поглощенный письмом, не придал этому значения.

Письмо было адресовано возаму Вендхши при королевском суде Айодхьи и, после положенных по этикету приветствий, гласило: «Довожу до сведения Вашего Превосходительства, что я со всей тщательностью выполнил Ваши инструкции. Семь дикарей бдительно охраняются в тюрьме. Время от времени я посылаю известия в Холмы, желая, чтобы их главарь знал о переговорах по их освобождению. Но он не предпринял никаких действий, не считая письма с угрозами сжечь Пешхаури и обтянуть свое седло моей кожей, если его соплеменники не будут освобождены. Так как этот человек вполне способен осуществить задуманное, я утроил число охранников. Так как человек этот не является уроженцем Гулистана, я не могу наверняка предугадать его последующий шаг. Но, так как это желание Деви...» Правитель неожиданно вскочил с кресла слоновой кости и одним движением повернулся к сводчатой двери. Мгновение — и изогнутая сабля, лежавшая на столе в роскошных ножнах, сверкнула в его руке. Увидев, кто нарушил его уединение, он остановился.

В комнату без стука вошла женщина, красоту и изящество которой подчеркивала роскошная одежда из тончайших тканей. Лицо вошедшей закрывала прозрачная вуаль с золотыми шнурами, а на голове красовалась золотая диадема в виде полумесяца. Внимательно посмотрев на пра-

вителя прекрасными темными глазами, она величественно взмахнула рукой и, потянув вуаль, открыла лицо.

С криком: «Деви!» правитель распростерся на полу перед ней. Его удивление и смятение выглядели искренними, но картинность позы заставляла усомниться в этом. Повинуясь жесту Деви, он встал и поспешно проводил ее к креслу, все время кланяясь. Однако первые же его слова содержали упрек:

— Ваше величество! Вы действуете очень неразумно. Вы же знаете, как беспокойна граница, как неожиданны набеги с Холмов. С надежной ли охраной вы прибыли?

— Свиту, сопровождавшую меня лишь до Пешхаури, я разместила там же, а в крепость приехала со служанкой Гитэйрой.

Чандер Шан от ужаса застонал:

— Ах, Деви, вы не понимаете степени опасности! Всего в часе езды отсюда, в Холмах, обитают сотни варваров, занимающихся убийствами и грабежами: женщин крадут, а мужчин убивают. Не забывайте, что Пешхаури совсем не то, что ваши южные провинции!

Женщина нетерпеливо прервала его:

— Однако я здесь и со мной все в порядке. Когда я показала твое кольцо с печаткой, стража у ворот и около твоей двери беспрекословно пропустила меня, думая, что я — твой секретный курьер из Айдохина. Так что не стоит терять время. Получил ли ты ответ от главаря варваров?

— Я не получил ничего, кроме его угроз и проклятий, Деви. Он очень подозрителен и осторожен. И, если он считает, что это ловушка — в этом не только его вина. Ведь кшатри далеко не всегда выполняют обещания, данные людям Холмов.

— Так заставь его принять твои условия! — закричала Юасмина. Она с такой силой сжала кулаки, что суставы пальцев побелели. — Я не понимаю...

Правитель только покачал головой:

— Помнишь, когда я взял в плен этих семерых варваров с Холмов, я, как и положено, доложил о них возаму. Прежде чем я успел повесить их, пришел приказ отложить казнь и связаться с главарем варваров. Я выполнил приказание, но, как я уже говорил, этот человек не желает идти на сближение. Сами варвары из племени Афгулис, но их вождь — Конан, пришелец с запада. Я пригрозил повесить захваченных завтра же на рассвете, если он не явится для переговоров.

— Отлично! — воскликнула Деви. — Ты все сделал пра-

вильно. Я объясню тебе, почему я отдала такой приказ. Дело в том, что мой брат...

Она замолчала, и правитель склонил голову в привычном жесте скорби по ушедшему королю.

Сделав паузу, Девы, наконец, произнесла:

— Король Виндии был уничтожен колдовством. Я поклялась посвятить свою жизнь поискам и мщению его убийцам. Умирая, он дал мне ключ, и, кажется, я на верном пути. Прочитав Книгу Скелоза, поговорив с многими отшельниками из пещер Хелая, я поняла, как и кем он был уничтожен. Слушай же! Его враги — Черные Пророки Горы Уисмы!

Поблуднев, Чандер Шан смог лишь прошептать:

— Азура!

Глаза девушки метнули молнии, казалось, пронзившие правителя:

— Ты их боишься?!

— А кто их не боится, Ваше Величество? — отозвался он. — Ведь это черные дьяволы, появляющиеся в Холмах за Заиббаром. Однако, согласно преданиям, они редко вмешиваются в дела смертных людей.

— Я не знаю, почему они убили моего брата — призналась Девы. — Но я дала обет на алтаре Азура, что уничтожу их! Поэтому мне и нужна помощь человека за границей, ведь сама армия Кшатри никогда не сможет достичь Уисмы.

— Да, — прошептал Шан, — это суцая правда. За каждый шаг пути армии придется бороться с волосатыми варварами, с каждой скалы забрасывающими вас валунами, и в каждой долине налетающими на вас с ножами. Когда-то туранцы установили дорогу через Гимилианы, но многие ли вернулись обратно в Хурусай? Лишь немногим удалось избежать сабель Кшатри после того, как твой брат разбил их войска на реке Хумба.

— Вот потому-то я и должна иметь людей по ту сторону границы, — упрямо повторила принцесса, — мне нужны люди, знающие путь к Горе Уисма.

Правитель невольно воскликнул:

— Но и племена боятся Черных Пророков, и всячески избегают страшного места.

— А Конан? — спросила Девы. — Он тоже боится их?

Правитель уверенно ответил:

— Ну, если уж говорить о главаре, то я сомневаюсь, существует ли хоть что-нибудь, чего бы боялся этот дьявол. Так, по крайней мере, мне говорили. Я должен еще раз поговорить с Конаном о выкупе его людей. И прекрасно будет,

если ценой их свободы будут головы Черных Пророков!

Принцесса кивнула в знак согласия. Казалось, она дрожит от охватившей ее ненависти. Она походила на воплощение страдания.

Правитель, зная, что женщина, подвластная захлестнувшим ее эмоциям, опасна для окружающих, как слепая кобра, вновь опустился перед ней на колени.

— Все будет согласно воле Вашего Высочества.

Подождав, пока та немного успокоится, он осторожно заметил:

— Однако я не могу предсказать, какими будут действия Конана. Дикари беспокойны постоянно, и у меня есть доказательства, что это эмиссары из Турана подстрекают их к набегам на наши границы. Вашему Величеству хорошо известно, что туранцы поселились в Секредичаме и других северных городах, тем не менее племена, обитающие в Холмах, остаются непобежденными. Король Юездигер давно уже стремится на юг и, вероятно, ищет иные пути для захвата сокровищ, которые ему не удалось отнять силой оружия. Я полагаю, что и Конан может оказаться одним из его бесчисленных шпионов.

— Посмотрим, — ответила Девы. — Если он честно служит своим хозяевам и любит своих соплеменников, то уже на рассвете он прибудет к воротам крепости для переговоров! Я же проведу ночь здесь. Я приехала тайно в Пешхаури, свиту разместила в гостинице, а не во дворце. Так что, кроме моих людей, только ты знаешь о моем присутствии в крепости.

— Позвольте, я провожу Вас в ваши комнаты, Ваше Величество, — обратился правитель.

Как только они переступили порог комнаты, Чандер Шан жестом поманил стражника, стоящего у двери, и тот немедленно встал позади маленькой процессии, подняв копы для приветствия.

Около двери их ждала служанка принцессы. Ее лицо, как и лицо Девы, окутывала вуаль. Она бесшумно последовала за ними. Процессия вошла в коридор, который освещали огромные дымные факелы, и достигла покоев, предназначенных для особо почетных гостей — губернаторов и генералов — ибо никто из королевской семьи до сих пор не приезжал в крепость. Правитель переживал, что комнаты мало пригодны для такой важной фигуры, как Девы, и был очень рад, когда она отпустила его, хотя принцесса и не высказала ему никаких претензий. Откланявшись, Чандер

Шан собрал всех слуг крепости и повелел им, чтобы исполнили малейшее желание царственной гостьи (хотя он и не раскрывал ее инкогнито). Перед дверью поставил отряд своих личных телохранителей. Погруженный в хлопоты, он забыл вызвать для себя другую охрану.

Спустя некоторое время, когда правитель уже ушел в свои покои, Юасмина вдруг вспомнила, что забыла обсудить с ним важное. Это касалось некоего вельможи Керим Шаха, жившего раньше в Пешхаури, откуда затем тот перебрался ко двору в Аудхье. Она видела его в Пешхаури этой ночью, и в ней снова проснулось смутное подозрение и недоверие к этому человеку. А что, если он последовал за ней тайно из Аудхьи? Озаренная этой догадкой, она не стала снова вызывать правителя, а торопливо вышла в коридор и последовала к его комнате.

Возвратясь в свои покои, Чандер Шан закрыл дверь и подошел к столу. Он взял написанное им письмо и тщательно изорвал его. Вдруг он услышал стук, как будто что-то упало на паркет у окна. Он присмотрелся и увидел фигуру, мелькнувшую на фоне голубого купола неба. Затем какой-то человек вскочил к нему в комнату. Оружие в его руке слабо поблескивало.

— Тихо! — предупредил незнакомец. — Только без глупостей, не то полетишь к дьяволу!

Первой мыслью правителя было схватить со стола саблю, но потом он передумал: люди с Холмов славились своей быстрой реакцией, правитель рисковал получить от вошедшего удар длинным заиббарским ножом. Ночной гость был высоким, сильным и стройным мужчиной. Хотя он был одет как варвар, черты лица и сверкавшие голубые глаза отличали его от дикарей. Даже Чандер Шан никогда не видел таких лиц — видимо, это был какой-то дикарь с Запада. Но его поведение столь же внушало ужас, как если бы он был обычным волосатым варваром с холмов Гулистана.

После некоторого молчания правитель произнес:

— Ты, как вор, пришел ночью.

Голос Чандер Шана был спокойным, хотя он вспомнил, что рядом стражи нет. Впрочем, дикарь мог этого и не знать.

Пришелец ответил глухим голосом:

— Я взобрался на бастيون. Охранник очень кстати вынул голову, чтобы получить от меня удар рукояткой ножа. Я пришел на твой зов.

— Так ты Конан?

— Ну да! Ты ведь послал в Холмы известие, что желаешь переговорить со мной. Вот я и пришел. Эй, подальше от стола, или я вспорю тебе живот!

— Я просто хочу сесть, — объяснил правитель и, отодвинув кресло от стола, осторожно опустился в него.

Конан беспокойно следил за ним, подозрительно оглядывая дверь и поглаживая острие своего трехфунтового ножа. Он совершенно не был похож на афгулийца, и там, где восточный человек привычно хитрит, бесстрашно шел напролом.

— Итак, у тебя семь моих людей. Я предложил за них выкуп, ты отказался. Какого дьявола тебе надо?

Чардер Шан ответил:

— Давай обсудим условия.

— Что? Условия? — варвар едва сдерживался от нарастающего гнева. — Что ты имеешь в виду? Я ведь предложил тебе золото.

Чандер Шан засмеялся в ответ.

— Зачем мне золото? В Пешхаури больше золота, чем ты вообще когда-либо видел!

Конан спокойно возразил:

— Ты лжешь. Я видел золото купцов Хурусана.

Чандер Шан поспешил поправиться:

— Вернее, больше, чем афгулиец когда-либо видел. И ведь это — только малая доля сокровищ Виндии! Теперь ты видишь, что нам ни к чему золото! Гораздо выгоднее для нас повесить семерых разбойников!

При этих словах гибкое лезвие задрожало в руке дикаря, на руках вздулись бугры мускулов.

— Я сейчас раскрою тебе череп, как перезрелую дыню!

В глазах варвара мелькали дикие огоньки, однако Чандер Шан спокойно пожал плечами, хотя и продолжал следить за ножом.

— В твоей власти сейчас легко убить меня, и, возможно, тебе даже удастся убежать из крепости. Но спасет ли это жизнь твоим людям? Их все равно повесят завтра утром, а ведь они — вожди афгулийцев!

— Я знаю это! — прорычал Конан. — Все племя воет на меня, как волки, из-за того, что я не освободил их. Говори ясно, чего ты хочешь, ради Крома! И, клянусь, если не будет другого выхода, я подниму всю орду и приведу ее к самым воротам Пешхаури!

Глядя на этого варвара, сверкающего глазами и яростно

сжимающего нож в руке, правитель не сомневался, что тот выполнит обещание. Хотя правитель и не думал, что какая-нибудь орда способна приступом взять Пехшаури, однако он не хотел разорять провинцию.

— Есть дело, которое ты должен будешь исполнить, — ответил он, подбирая слова очень осторожно. — Есть...

Конан в одно мгновение отпрыгнул, повернувшись к двери: чуткое ухо варвара уловило быстрый стук женских туфель по деревянному полу. В следующее мгновение дверь распахнулась, и в комнату быстро вошла стройная, укутанная в шелка женщина. Притворив дверь, она резко остановилась, заметив постороннего.

Чандер Шан вскочил, сердце его разрывалось от ужаса, невольно он вскричал:

— Деви!

Подобно рычанию сорвалось с губ дикаря:

— Деви! — и в свирепых голубых глазах ночного гостя снова запылал огонь.

Застонав от бессильного отчаяния, правитель схватил свою саблю, но дикарь обрушился на него, подобно урагану, и Чандер Шан упал на пол от сильного удара рукояткой ножа.

Затем, схватив ничего не понимающую принцессу одной рукой, Конан прыгнул к окну. Оглушенный Чандер Шан отчаянно пытался встать на ноги. Он увидел, как на мгновение замер человек в окне, сжимая в железных объятиях пленницу, и услышал его грозный крик:

— Посмей только повесить теперь моих людей!

И варвар исчез. Правитель услышал только сдавленный крик. Шатаясь от сокрушительного удара, он встал на ноги, рывком распахнул дверь и выскочил в коридор. Его крики эхом разнеслись по переходам крепости, и прибежавшие воины с удивлением взирали на окровавленную голову своего правителя.

— Немедленно выпустите пленников! — проревел он. — Произошло похищение!

В бессильном гневе он не сразу смог сообразить, что не следует говорить всю правду. Поэтому внезапно замолчал, услышав донесшийся с улицы стук копыт, злобный вопль и женский крик.

Правитель побежал к лестнице, сопровождаемый недоумевающими стражниками. Во дворе крепости уже гарцевал целый отряд всадников, ожидавших лишь приказа, чтобы броситься вдогонку за похитителем. Чандер Шан сам

возглавил погоню за беглецом, хотя из-за сильного головокружения был вынужден вцепиться в седло двумя руками. Он все еще не называл имя похищенной, а просто объяснил, что главарь афгулийцев выкрал благородную женщину.

Похититель уже скрылся из виду, и даже стук копыт его лошади не был слышен. Но погоня знала дорогу, которую тот выберет: прямо к холмам Заиббара. Ночь была безлунной, только хижины крестьян темнели в звездном свете. Уже далеко позади остались и крепостные бастионы, и башни Пешхаури. Перед отрядом маячили черные, злоеющие скалы Гимилиана.

Глава 3. ХЕМСА ПРИМЕНЯЕТ МАГИЮ

В общей суматохе, царящей в крепости, никто не обратил внимания на то, что сопровождавшая Деви служанка проскользнула в огромные крепостные ворота и растворилась в темноте. Подвязав полы одежды повыше, она стремглав побежала в город. Однако она не воспользовалась дорогой, а бежала напрямик, через поля, обходя заборы и перепрыгивая через канавы уверенно и легко, как хорошо закаленный бегун.

Шум погони уже замер на дороге, ведущей к Холмам, когда служанка достигла городской стены. У больших ворот, опершись на копыя, стояли стражники. Они строили догадки о неожиданном переполохе в крепости. Девушка скользила вдоль стены, пока не добралась до места, где над стеной возвышался шпиль башни. Здесь она остановилась и, приложив руки ко рту, издала странный низкий звук...

Сразу же из амбразуры высунулась голова и со стены к ее ногам упала веревка. Девушка схватила веревку, просунула ногу в петлю на ее конце и помахала рукой. По этому знаку ее быстро и плавно подняли наверх. Мгновение — и она уже вскарабкалась на зубцы крепостной стены, откуда легко спрыгнула на крышу соседнего дома.

Мужчина, одетый в накидку из верблюжьей шерсти, спокойно сматывал веревку; он совсем не устал от подъема взрослой женщины на высоту в сорок футов.

Еще не отдышавшись от долгого бега, девушка возбужденно спросила:

— Где Керим Шах?

— Спит внизу в доме. Ты принесла новости?

Запинаясь и задыхаясь, служанка сообщила:

— Конан выкрал Деви и увез ее в Холмы!

Даже после этого Хемса не утратил спокойствия, а просто кивнул головой.

— Керим Шаху будет приятно услышать это.

— Подожди! — воскликнула девушка и обняла его за шею смуглыми руками. Она дышала тяжело, но не столько от усталости, сколько от возбуждения. Глаза сверкали подобно алмазам. Запрокинув лицо, она прижалась к мужчине, но он не ответил на ее немой призыв.

— Не рассказывай ничего хирканианам! — попросила она. — Давай сами воспользуемся этой новостью. Правитель во главе отряда бросился догонять Конана, но с таким же успехом он может гнаться за призраком. К тому же правитель никому не сказал, что похищенная женщина — Деви. Так что, кроме нас, никто в Пешхаури и в крепости не знает этого.

— Но какая польза нам от этого? — недоумевая, спросил мужчина. — Ведь мои хозяева послали меня и Керим Шаха помогать ему всеми средствами...

Девушка яростно воскликнула:

— Да помоги же себе, наконец! Скинь свое ярмо!

Не веря своим ушам, он переспросил:

— Неужели ты имеешь в виду — восстать против моих хозяев?

Девушка почувствовала, как он весь задрожал и похолодел. В страстном порыве она тряхнула его:

— Ну! Ведь ты тоже волшебник! Так почему же ты обязан быть рабом, а власть свою использовать для возмездия других?! Используй, наконец, свое искусство для себя!

— Это запрещено! — от ужаса он трясся, как в лихорадке. — Ты забыла, что я не принадлежу к Черному Кругу. Поэтому я могу использовать знания, полученные от хозяев, только по их приказу.

— Но все же ты можешь применить свое искусство! — страстно возразила служанка. — Делай так, как я тебя прошу! Конечно же, Конан забрал Деви как заложницу, чтобы спасти жизни семерым соплеменникам, заключенным в тюрьме правителя. Тебе нужно уничтожить пленников, чтобы Чандер Шан не смог обменять их на Деви. Затем отправляйся в горы и забери принцессу у афгулийцев — они не смогут противостоять твоему колдовству. Тогда как выкуп за Деви мы потребуем все сокровища Виндианских королей;

а затем, получив сокровища, обманем правителя и продадим их королю Турании. Только представь себе: мы будем богаты, как в несбыточном сне! На золото мы найдем воинов, захватим Хорбул, прогоним туранцев с холмов и равнин в южные страны, и тогда станем королями Империи!

Хемса задыхался в ее объятиях, трясся, как в ознобе. Пот выступил на его лице, казавшемся серым в тусклом свете звезд.

— Пойми же, наконец, я люблю тебя! — яростно закричала девушка. Она с силой прижалась к нему, обнимая колдуна страстно и нежно. — И я сделаю тебя королем! Разве я не предала свою госпожу за твою любовь? Теперь ты должен ради меня предать своих хозяев! Что тебе Черные Пророки? Забудь свой страх. К тому же, полюбив меня, ты уже нарушил один из законов. Так нарушь и остальные! Помни — ты так же могуществен, как и они!

Ее страсть и ярость могли растопить даже айсберг. В страстном порыве Хемса обнял ее и покрыл поцелуями ее запрокинутое лицо.

— Да, любовь моя, я сделаю это! Я поставлю свое искусство на службу себе, а не хозяевам, и мы будем правителями мира!

Он задыхался от захлестнувших его чувств и шатался, как пьяный.

— Тогда пошли! — приказала женщина.

Ловко выскользнув из его объятий, она взяла его за руку и подвела к люку.

— Помни: прежде нужно уничтожить пленников-дикарей, чтобы правитель не смог выкупить Деви на афгулийцев.

Хемса двигался, как слепой, пока они спустились по лестнице и оказались в комнате. Здесь на кушетке лежал Керим Шах, закрыв рукой глаза, словно пряча их от яркого света бронзовой лампы. Служанка дернула Хемсу за руку и провела ладонью по своему горлу. Хемса поднял было руку, но затем с выражением ужаса отпрянул назад.

— Нет, я не могу это сделать! — пробормотал он. — Ведь я ел его хлеб и соль. К тому же он не будет мешать нам.

Они вышли через дверь, ведущую к винтовой лестнице. Когда затих шум их шагов, мужчина, лежавший на кушетке, поднялся и отер пот с лица. Он не так боялся удара кинжала, как самого Хемсу, внушавшего ему ужас.

Керим Шах негромко сказал:

— Людям, плетущим заговоры, не мешает говорить тише. Итак, Хемса повернулся против своих хозяев, а ведь он единственный посредник между мной и Черными Пророками. Следовательно, я не могу больше рассчитывать на их помощь. Что же, прекрасно, теперь я должен заботиться о себе сам...

Вскочив, он быстро подошел к столу, достал из-за пояса пергамент с пером и быстро написал всего несколько строк:

«Хосри Хану, правителю Секундерама. Киммериец Конан, как мне стало известно, похитил Деви Юасмину и увез ее в поселок афгулийцев. Воспользуемся же этой счастливой случайностью, чтобы захватить принцессу, как этого желает наш король. Немедленно высылай 3 тысячи всадников, которых я встречу с проводником в долине Гурушах».

Закончив, он подписался другим именем. Вынув из золоченой клетке голубя, Керим Шах прикрепил скатанный в трубочку пергамент к ножке птицы золотой проволокой, открыл окно и выпустил птицу. Голубь замахал крыльями, выровнялся и растворился в ночи.

Керим Шах завернулся в плащ, взял шлем и саблю и поспешно вышел из комнаты.

Тюремный квартал Пешхаури, отделенный от остальной части города мощной стеной с единственной, окованной железом дверью, был тих и пустынен. Над дверью горел красный факел, отбрасывая на стены зловещие блики, а рядом стоял стражник в доспехах. Он оперся на копье и время от времени зевал. Вдруг воин резко выпрямился: ему показалось, что он заснул, и теперь, проснувшись, заметил прямо перед собой незнакомца в накидке из верблюжьей шерсти и зеленом тюрбане. В неверном свете факела стражник не мог разглядеть его лица, но заметил лишь хищный блеск его глаз. Воин выставил вперед копье:

— Кто идет? Кто ты?

Хотя острие копья коснулось груди незнакомца, тот не смутился и не испугался и по-прежнему пристально смотрел на воина:

— Что ты обязан делать? — спросил он воина странным низким голосом.

Стражник заученно ответил:

— Охранять ворота.

Странный человек поднял руку с растопыренными пальцами.

— Ложь! Ты лжешь! Ты обязан подчиняться мне! Ты посмотрел в мои глаза, и твоя душа уже не принадлежит тебе. Отопри дверь!

Стражник послушно повернулся, достал из-за пояса огромный ключ, повернул его несколько раз в чреве массивного замка и распахнул дверь. Продолав все это, он застыл, как статуя, глядя прямо перед собой отсутствующим взглядом.

Из темноты выскользнула женщина и, положив руку на плечо мага, прошептала:

— Прикажи ему привести для нас лошадей.

— Этого не потребуется — ответил Хемса. Повывсив горло, он сказал воину:

— Ты не нужен мне больше. Убей себя!

Как в трансе, воин выполнил этот жестокий приказ: уперев копье в основание стены, он направил острие чуть пониже ребер и тяжело навалился на него. Копье, проткнув тело, вышло наружу между лопаток, и страж затих. Подобно страшному стеблю, выросшему прямо из спины, копье покачивалось в воздухе.

Девушка в мрачном оцепенении наблюдала эту страшную сцену. Хемса взял ее за руку и повел через ворота. Коридор между внешней и внутренней стеной освещался факелами: во внутренней стене виднелся ряд сводчатых дверей. Коридор охранял воин. Увидев, как открылись ворота, он подошел ближе. Будучи абсолютно уверенным в неприступности крепости, он ничего не подозревал, пока не увидел в проходе мужчину и женщину, а потом уже было слишком поздно что-либо предпринять. На этот раз Хемса не стал тратить время на гипноз: увидев, как стражник угрожающе выставил вперед копье и приготовился позвать на помощь охранников из казармы, он легко, как соломинку, отбил копье в сторону, и правой рукой нанес удар по шее воина. Поверженный страж беззвучно упал. Голова его беспомощно откинулась на сломанной шее.

Хемса, не обращая внимания на очередную жертву, шагнул к одной из дверей и прикоснулся ладонью к тяжелому бронзовому замку. Дверь мгновенно распахнулась. Проходя вслед за Хемсой, девушка увидела, что толстые доски расколоты, бронзовые болты смяты и вывернуты из креплений, а массивные петли сорваны и сломаны. Поистине, даже тысячефунтовый боевой таран не мог бы так сокрушить препятствие. Хемса чувствовал себя великим и могущественным. Свобода и сила пьянили его. Пройдя

через дверь, они оказались в маленьком внутреннем дворике, освещенном факелами. Из-за широкой железной решетки виднелась волосатая рука, вцепившаяся в один из прутьев. В темноте мерцали чьи-то зрачки.

Хемса постоял некоторое время молча, пристально вглядываясь в эти мерцающие глаза: затем, на мгновение спрятав руку под накидку, он достал ее и простер ладонь к решетке: взметнулась сверкающая пыль, и вспышка зеленого пламени озарила тьму. Были отчетливо видны силуэты семерых людей, застывших недвижно за прутьями.

Это были рослые угрюмые дикари в рваных одеждах. Люди стояли молча, сжав прутья руками, только в глазах их светился страх смерти.

Пламя погасло, и у ног Хемсы остался лежать блестящий зеленый шар, излучающий тепло. Дикари как замороженные смотрели на этот шар, который через мгновение лопнул и превратился в светящийся зеленый дым. Дым поднимался вверх струей, извиваясь как гигантский змей, затем обернулся сияющим туманом, поплывшим над плитами двора прямо к решетке. Люди смотрели на него расширившимися от ужаса глазами, отчаянно дергали решетку, пытаясь спастись. Они пытались позвать на помощь, но не могли произнести ни звука. Зеленое облако накрыло прутья, заструилось сквозь решетку, настигнув людей. Донеслись приглушенные крики, словно кто-то пытался крикнуть из-под воды. Хемса потянул к себе девушку, наблюдавшую за происходящим такими же расширенными от ужаса глазами. Она как во сне повернулась к нему. Туман скоро рассеялся, и во тьме за решеткой можно было различить очертания семи неподвижных тел.

— А теперь пошли за конем, который быстрее всех лошадей, когда-либо выращенных в конюшнях простых смертных, — приказал Хемса. — Мы должны прибыть в Афгулистан к рассвету.

Глава 4. ВСТРЕЧА В УЩЕЛЬЕ

Юасмине Деви никак не удавалось ясно припомнить детали своего похищения — так ошеломили ее неожиданность и дерзость случившегося. Все, что она могла вспомнить — это страшную хватку мощной руки, сверкающие

гневом глаза похитителя и его горячее дыхание, обжигающее юное тело принцессы. Потом были прыжок через окно на парапет, сумасшедшие гонки через укрепления и крыши, безумный спуск по веревке, привязанной к зубцу крепостной стены. Неудивительно, что после всех этих событий Деви была растеряна и напугана. Смутно она помнила рискованный спуск по веревке, когда похититель с легкостью удерживал ее на могучем бронзовом плече. Более ясно Деви помнила, как Конан бежал в тени деревьев, неся ее, как ребенка, а затем бросил на седло злобного балкайского коня. Память сохранила ощущение бешеной скачки. Мелькавшие копыта жеребца высекали искры на каменных склонах.

Осознав, наконец, что с ней произошло, Деви задыхнулась от бессильной ярости и стыда. Ее испуг перешел в негодование: так обращаться с ней, принцессой Виндии, когда все правители королевств южнее Гималаев считались равными богам! Она отчаянно закричала и начала бороться.

Как! Ее, Юасмину Деви, везут в седле вождя дикарей как простолоудинку! Конану пришлось лишь слегка напрячь мускулы, чтобы утихомирить ее, ведь руки девушки были слабыми и нежными, а тело дикаря было словно отлитое из бронзы. Впервые в жизни принцессе пришлось подчиниться грубой силе.

Дикарь метнул на нее взгляд и усмехнулся. В звездном свете ярко блеснули его зубы. Он правил с легкостью. Поводья свободно болтались на разметающейся гриве коня. Конан сидел в седле естественно и свободно, и издали, должно быть, походил на кентавра.

Развернув скакуна, он помчался по усыпанной валунами горной дороге, и каждый мускул могучего животного помогал ему.

— Эй ты, негодяй с Холмов! — гневно закричала Деви, борясь со страхом и ощущением беспомощности. — Да как ты посмел прикоснуться к принцессе? Жизнью заплатишь ты за свою дерзость! Отвечай немедленно: куда ты везешь меня?

— В поселок афгулийцев, — спокойно ответил похититель, насмешливо взглянув ей в лицо.

Далеко позади, за склонами, еще видна была крепость, ярко освещенная факелами. Прочитав световые сигналы, извещающие, что главные ворота крепости открыты, Конан рассмеялся низким гортанным смехом:

— Ого, да никак правитель послал отряд в погоню за мной! Что же, мы устроим им хорошую прогулку! Кстати,

как ты думаешь, заплатит он семь жизней за жизнь принцессы Виндии?

— Да они пошлют целую армию в тысячи сабель и повесят тебя и твоих головорезов! — убежденно воскликнула принцесса.

Конан лишь рассмеялся в ответ и попытался посадить ее более удобно. Девушка восприняла это как новое оскорбление и отбивалась до тех пор, пока не поняла всю тщетность своих усилий. Кроме того, ее роскошные одежды изрядно пострадали в этой неравной борьбе. Поразмыслив, она решила, что презрительное смирение будет лучше соответствовать ее королевскому сану, и замерла, подавляя ненависть и ярость, бушевавшие в ее душе. Постепенно ее гнев перешел в благоговейный ужас, когда они въехали в мрачное черное ущелье, подобное бездонному колодцу. Каменные склоны нависали над ними как могучие укрепления, преграждая путь. Высота склонов, казалось, измерялась тысячами футов, и на дне ущелья было темно, как в преисподней. Даже кошачьи глаза Конана не были способны что-либо разглядеть, однако он ехал спокойно и уверенно. Зная, что целый отряд всадников мчится по его следам, он не замедлил бег своего коня даже в этом страшном месте. Могучий жеребец, казалось, совсем не устал от долгой скачки. Они продолжали свой путь по дороге, извивающейся на дне ущелья. Взобравшись на склон, беглецы оказались на гребне горы, с обеих сторон которого зияли предательские обрывы.

Неудивительно, что даже Конан не смог разглядеть в такой крошечной тьме засады, устроенной дикарями Заиббара.

Лишь только они миновали самое узкое место ущелья, дротик свистнул в воздухе и с глухим стуком вонзился в шею коня. Испуганно заржав, огромное животное рванулось в сторону и рухнуло. Но Конан, к счастью, успел предупредить удар дротика, и действовал с быстротой молнии. Он спрыгнул с падающего коня, держа девушку на вытянутых руках, чтобы она не ударилась о камни. Затем, вскочив на ноги с ловкостью кошки, он бросил Деви в расщелину среди скал, и повернулся лицом к коварному противнику, вытаскивая нож.

Ничего не понимающая Юасмина увидела лишь босые ноги, рваные одежды, блеск стали, услышала удары и треск костей — это длинный нож Конана раскроил череп первому из нападавших. Остановив натиск, Конан отпрыгнул назад

и притаился за выступом скалы. Было слышно, как двигались в темноте люди. Грубый голос предводителя проревел:

— Эй вы, трусливые псы, чего отступили? Вперед, проклятые, да возьмите его живым!

Конан вздрогнул при звуках этого знакомого ему голоса и окликнул:

— Эй, Афзал, это ты?

Крепко выругавшись, Афзал осторожно спросил:

— Конан! Ты ли это?

— Ну! — и киммериец засмеялся. — Выходи же, старый боевой пес. Видишь, я убил одного из твоих людей.

Тени между скал зашевелились. Тускло блеснул свет, затем появилось пламя и двинулось прямо на Конана. Вскоре при свете факела можно было рассмотреть бородатое лицо мужчины. Тот усиленно вытягивал шею и зорко всматривался в темноту, свободной рукой крепко сжимая огромную изогнутую саблю.

Конан, пряча нож в ножны, шагнул навстречу. Афзал, радостно приветствуя его, воскликнул:

— Да это и впрямь Конан! Эй, вы, собаки, вылезайте из щелей. Мечи в ножны, это Конан, наш друг!

По его приказу на освещенном факелом месте собрались люди: дикие, бородатые, со свирепыми глазами голодных волков и длинными ножами в руках. Массивное тело Конана укрывало Юасмину от их страшных взглядов. Увидев этих дикарей, девушка второй раз за ночь по-настоящему почувствовала страх. И немудрено, ибо группа этих людей больше походила на волчью стаю.

Обращаясь к могучему вожаку, Конан спросил:

— На кого же ты охотишься ночью в Заиббаре, Яр Афзал?

Усмехнувшись толстыми губами тот отозвался:

— Сам дьявол не знает, кто может оказаться в ущелье ночью. Ведь мы — Вазули — ночные коршуны. А какова твоя добыча?

— Я захватил пленника, — ответил киммериец, и, отойдя в сторону, открыл взорам собравшихся спрятанную девушку. Просунув руку в расщелину скалы, он вытащил оттуда дрожащую и насмерть перепуганную принцессу.

Куда только девались ее величие, ее гордая королевская осанка! Со страхом взирая на сомкнувшееся вокруг нее кольцо дикарей, она была благодарна сильным рукам Ко-

нана, охранявшим и защищавшим ее. Когда факел высветил ее лицо, по толпе прокатился гул изумления.

Грозным голосом Конан предупредил:

— Это моя пленница! — и взглядом указал на попавшие в круг света ноги убитого им человека.

— Я вез ее в Афгулистан, — продолжал киммериец. — Но теперь, когда вы закололи мою лошадь, я не могу попасть туда, а погоня уже близко!

— Ты можешь пойти с нами в нашу деревню, — предложил Яр Афзал. — У нас есть лошади, спрятанные в ущелье. К тому же стражники не смогут преследовать нас в такой темноте. Так ты уверен, что они уже близко?

— Настолько близко, что я уже слышу удары копыт их лошадей о камни, — мрачно отозвался Конан.

Мгновенно вся толпа пришла в движение, факел погасили, и темные фигуры растаяли в темноте, подобно призракам. Конан легко подхватил Деву на руки, и ей пришлось подчиниться. Острые камни изрядно поранили ее нежные ноги, обутые в тонкие туфельки. Она чувствовала себя маленькой и одинокой, крохотной песчинкой в этом страшном первобытном мраке среди зловещих скал.

Почувствовав, что она дрожит от холода, Конан сорвал с одного из дикарей драный плащ и накиннул на плечи Деву. Наклонившись к ее уху, он приказал ей молчать о том, кто она. Девушка не слышала никаких признаков приближения погони, которые могли уловить лишь чуткие уши дикаря, но она была слишком испугана и беспомощна, чтобы послушаться. Хотя она ничего не могла видеть, кроме крохотных звезд где-то над головой, но по сгустившейся тьме догадалась, что они идут по ущелью. Тут послышались какие-то звуки, несколько приглушенных слов. Это Конан попросил лошадь убитого им человека и посадил девушку перед собой. Если бы не цоканье копыт, можно было подумать, что это отряд призраков бросился вон из ущелья.

Преследователи нашли на дороге убитого мужчину и убитую лошадь примерно через полчаса.

Согревшись в крепких руках своего похитителя, Юасмина даже задремала. Неровные движения лошади, карабкавшейся вверх по склонам, обладали определенным ритмом, и, не в силах бороться с усталостью, девушка склонилась головку на плечо своего похитителя. Они ехали в крошечной тьме. Девушке удалось разглядеть гигантские стены, уходящие к небу и похожие на огромных каменных демонов. Иногда Деву ощущала, что под ними гулкая пус-

тота, порой чувствовала дыхание обжигающего ледяного ветра. Постепенно она погрузилась в сонное оцепенение, которое нарушали лишь цоканье копыт да скрип седел. Сквозь сон она почувствовала, что езда прекратилась и ее подняли куда-то и понесли. Затем опустили на что-то мягкое и шуршащее, похожее на одежду; плащ же, в который она была завернута, неведомые ей руки заботливо подоткнули. Сквозь дрему услышала она насмешливый смех Яр Афзала:

— Хороша птишка! Знатная добыча, вполне подходящая подруга для вождя афгулийцев!

Последнее, что она услышала, был спокойный ответ Конана:

— Эта женщина мне не нужна. Она заложница, и я обменяю ее на семерых моих людей, дьявол заберет их души!

Принцесса провалилась в сон.

Тем временем вооруженный отряд преследователей мчался по темным холмам, и судьбы многих королевств зависели от того, удачной ли будет погоня.

Лошади мчали и мчали всадников сквозь мрачные ущелья и скалы, в темноте мерцали доспехи и кривые сабли. Отвратительные вампиры, обитатели скальных нор, внимательно и удивленно следили за тем, что происходило внизу. В бездонном колодце ущелья притаился отряд на измученных лошадях. Их вожак, атлетически сложенный мужчина, в золотом шлеме и нарядном плаще, предостерегающе поднял руку в знак молчания.

Дождавшись, пока ехавшие им навстречу всадники пронеслись мимо, он негромко рассмеялся:

— Похоже, что они просто-напросто потеряли след беглецов. А может, думают, что Конан уже достиг убежища — поселка варваров. Чтобы разворошить это змеиное гнездо, нужно несколько тысяч сабель. Ну ничего, уже к рассвету здесь соберутся полки.

Голос позади него отозвался на диалекте Иракзаи:

— Да, если среди холмов завяжется жаркая битва, то там будет добыча!

— Ты прав, там будет добыча, — согласился вожак. — Но прежде мы должны домчаться к долине Турашах и подождать всадников, которые на рассвете придут с юга, из Секундестана.

Затем он стегнул лошадь и выехал из укрытия. За ним послушно следовали его люди, словно тридцать призраков в рваных одеждах, озаряемых тусклым звездным светом.

Глава 5. ЧЕРНЫЙ ЖЕРЕБЕЦ

Когда Деви проснулась, солнце стояло уже высоко. Место, где она находилась, не испугало ее, ибо она отчетливо помнила все, что произошло. Ее мускулы ныли от долгой езды, и тело, казалось, еще чувствовало прикосновение сильной руки.

Принцесса лежала на овечьей шкуре, покрывавшей некое подобие ложа из сухих листьев, сооруженного прямо на грязной земле. Под головой у нее была скатанная накидка из овчины, а вместо одеяла рваный плащ. Оглядевшись вокруг, девушка поняла, что находится в просторном зале, стены которого были сложены из крупных каменных блоков, скрепленных глиной. Крышу поддерживали массивные столбы. Деревянная лестница вела к люку наверх. Окна в стенах отсутствовали. В помещении была всего одна дверь, — массивная, отлитая из бронзы, — по-видимому, снятая с одной из Виндийских пограничных башен. Прямо напротив двери в стене чернела широкая ниша, огороженная рядом прочных деревянных брусьев. В нише стоял великолепный вороной жеребец, аппетитно жующий сено.

Здание было одновременно и крепостью, и жилым домом, и стойлом.

В конце комнаты, у небольшого очага, на короточках сидела девушка, одетая как жительница Холмов: жилет и широкие шаровары. На железной решетке, лежавшей на камнях, она жарила мясо. В нескольких футах от нее в стене выделялось измазанное сажей отверстие, через которое уходил дым. Однако, часть дыма все же расплывалась по комнате голубым туманом. Взглянув на Деви через плечо, дикарка продолжала стряпню. Вдруг снаружи послышались голоса людей. Распахнулась дверь, и в комнате появился Конан.

В сиянии солнечного света он показался Юасмине еще более могучим. К тому же она обратила внимание, как тщательно он был одет. Вся одежда его была чистой и новой, вокруг талии завязан широкий бархатный кушак, который поддерживал в ножнах огромный нож, а под рубашкой тускло блестела тяжелая туранская кольчуга.

— Эй, Конан, твоя пленница проснулась! — окликнула его дикарка.

Он рассмеялся, шагнул к очагу и положил мясо на каменное блюдо.

Дикарка, по-прежнему сидя на короточках у огня, тоже рассмеялась в ответ и сделала непристойный жест. Конан ухмыльнулся и, схватив девушку, опрокинул ее на пол. Обрадованная такой грубой животной игрой, дикарка широко раскрыла глаза, но мужчина тут же забыл о ней. Достав кусок хлеба, он подал его Юасмине вместе с большим медным кувшином вина.

Деви, встав со своей лежанки, с опаской рассматривала угощение.

— Я понимаю, что это грубая пища для тебя, Деви, — заметил Конан, — но надо же чем-то утолить голод!

Поставив блюдо на пол, он отошел. Только тут принцесса почувствовала, как она проголодалась. Не заставляя больше просить себя, она села на пол, скрестив ноги, и быстро стала есть. Кроме того, решила она, каждый благородный человек должен уметь приспосабливаться к любым условиям, чтобы выжить. Киммериец, глядя на нее сверху вниз, молча наблюдал. В его глазах читалось удивление: он никогда не видел, чтобы сидели в такой позе — скрестив ноги.

Неожиданно Деви спросила:

— Где я?

— В жилище вождя Курумских вазулисов — Яр Афзала, — ответил мужчина.

— До Афгулистана путь будет долгим, так что это наше временное убежище. Кшатрианцы рыщут как волки по холмам, надеясь отыскать тебя; однако племена уже уничтожили несколько их отрядов.

— Что ты намерен предпринять? — спросила девушка.

— Буду держать тебя, пока Чандер Шан не вернет мне семь моих псов! — он рассмеялся. — Не огорчайся, женщины этого племени умеют делать чернила из листьев шекы, так что скоро ты сможешь написать письмо правителю!

Когда до сознания принцессы дошло, что все ее планы нарушились и она — несчастная пленница того самого человека, которого рассчитывала подчинить своей воле, гнев охватил ее. Резко вскочив на ноги, она сбросила на пол посуду с остатками еды и воскликнула:

— Этого ты не дождешься! Я не буду писать никаких писем! У тебя нет выбора. Если ты не доставишь меня обратно, воины правителя перебьют всех твоих дикарей!

Раздался смех: это презрительно рассмеялась девушка-дикарка. Конан помрачнел и хотел что-то сказать. Но тут открылась дверь, и с важным видом в комнату вошел Яр Афзал. Он был такой же высокий, как Конан, но по срав-

нению с атлетически сложенным киммерийцем казался толстым и неповоротливым. Пощипывая свою огненную бороду, вождь многозначительно посмотрел на дикарку, и та, повинувшись немоу приказу, тотчас же вышла. Затем Афзал повернулся к своим гостям:

— Мне надоели проклятые болтуны, Конан, которые подговаривают меня убить тебя и забрать женщину для выкупа. Они сказали, что девчонка, по всему, знатного рода — ведь на ней такая богатая одежда! Они не желают рисковать ради выгоды, которую получают афгулийцы.

Конан перебил его:

— Послушай, Афзал, одолжи мне коня, и мы уедем.

— Что?! — вскричал Яр Афзал. — Уж не думаешь ли ты, что я, вождь, не могу справиться с этими погаными людьмишками? Да я их заставлю на брюхе ползать, если они посмеют ослушаться меня! Они просто не любят чужаков, не любят и тебя, Конан. Но я-то прекрасно помню, как однажды ты спас меня... Пошли, нужно допросить лазутчика.

Мужчины вышли на улицу, плотно прикрыв дверь. Любопытная как все женщины, Юасмина выглянула через амбразуру. Перед домом была ровная площадка, на краю которой виднелось несколько каменных строений. Голые дети играли среди камней, а высокие стройные женщины хлопотали возле очагов. Перед жилищем вождя сидели на корточках несколько волосатых мужчин, одетых в лохмотья, и внимательно следили за дверью. Яр Афзал и Конан стояли тут же, а перед ними, скрестив ноги, сидел лазутчик, говоривший на грубом диалекте вазулисов. Деви с большим трудом понимала его речь, хотя, как представительницу королевской семьи, ее обучали и языкам Иракистана, и наречием Гулистана.

Лазутчик продолжал свое донесение:

— Дагазан, с которым я говорил, видел прошлой ночью всадников. Когда те подъехали, он притаился рядом с местом, где мы захватили тебя, Конан, и слышал весь разговор. Всадниками командовал сам Чандер Шан. Один из них опознал в мертвой лошади коня Конана. Потом они нашли человека, убитого Конаном, и опознали в нем Вазули. Поэтому они подумали, что Конан убит, а женщину взяли в плен вазули, и передумали ехать в Афгулистан. Однако они не знают, из какого селения был убитый вазули, а мы не оставили на дороге никаких следов, которые помогли бы им. Всадники помчались к ближайшей деревне вазули — Угры — спалили ее дотла и убили многих людей.

Но тут люди Ходжура настигли их в темноте, перебили часть всадников и даже ранили правителя, поэтому тем пришлось отступать обратно, в крепость. Но уже на рассвете они вернулись с подкреплением и все утро Холмы содрогались от жаркой битвы. Рассказывают, что пришла огромная армия, чтобы обыскать все холмы вокруг Заиббара. Каждое племя сейчас готовит оружие, лошадей, и устраивает засады в каждом ущелье, отсюда до самой долины Гурушах. Говорят еще, что сам Керим Шах вернулся с Холмов.

Собравшиеся радостно закричали.

При имени человека, поведение которого уже вызывало подозрение, принцесса еще ближе прикинула к амбразуре.

— Куда поехал Керим Шах? — властно спросил Афзал.

— Этого Дагози не знает. Говорят, что с тридцатью иракзанами он направился в Холмы и исчез.

Яр Афзал зарычал:

— Я знаю этих иракзаин! Они шакалы, следующие за львами, чтобы питаться объедками! Керим Шах щедро бросает деньги, покупая их, как скот. Я не люблю их, хотя они и приходятся нам родичами.

Конан перебил его:

— Ты не совсем прав, Афзал. Я-то давно знаю, что Керим Шах — хирканианец, шпион Юездигера. Уж если я поймаю его, то висеть его шкуре на моем седле!

— Но отряды кшатри! — закричали дикари. — Неужели мы будем сидеть и ждать, пока они выкурят нас отсюда, как диких пчел? Все равно они узнают, в какой деревне вазули пленница. К тому же нас не любят другие племена, и помогут Кшатри отыскать нас...

Яр Афзал властно произнес:

— Что же, пусть приходят! Мы сможем ответить им!

Один из дикарей вскочил и, потрясая кулаками в сторону Конана, завопил:

— Неужели, братья, мы возьмем на себя весь риск, охраняя эту женщину, а выгоду получит один киммериец? Почему мы должны сражаться и умирать за него?

Одним прыжком Конан подскочил к говорившему и даже нагнулся, чтобы получше рассмотреть его волосатое лицо. Не доставая еще свой длинный нож, он угрожающе выставил вперед ножны, и тихо сказал:

— Я никого не заставляю сражаться ради меня. А ты, пес, если посмеешь еще раз твякнуть, познакомишься с моим ножом!

Зашипев, как гадюка, вазули в ужасе отпрянул назад, злобно крикнув:

— Посмей только тронуть меня, и тебя разорвут на куски!

Услышав это, Яр Афзал задохнулся от ярости, его лицо побагровело, усы оцетинились.

— Что я слышу? Разве ты, Курила, вождь племени? Вазули получают приказы только от Яр Афзала, а не от поганого пса!

Курила съезжился от страха. Быстро подойдя к нему и схватив за горло, вождь душил его, пока лицо Курилы не почернело. Отшвырнув полуживого дикаря, Яр Афзал, потрясая саблей, проревел:

— Кто еще здесь смеет послушаться меня?

Собравшиеся опустили глаза, не в силах вынести яростного взгляда вождя. Презрительно хмыкнув, Яр Афзал убрал саблю в ножны жестом, выражающим презрение. Лягнув поверженного подстрекателя и не обращая внимания на его стоны, предводитель приказал:

— Сейчас же иди в долину к наблюдателям и возвращайся с известиями.

Трясая от страха и бессильной ярости, Курила отправился выполнять приказание.

Яр Афзал величественно сел на камень. Конан, внимательно наблюдая за воинами, стоял рядом. Взгляды собравшихся были спокойными. Они боялись послушаться вождя, но души их разрывались от дикой ненависти к чужаку.

— Эй вы, паршивые собаки, слушайте, как мы с Конаном будем дурачить Кшатри.

Зычный голос Яр Афзала слышал и удалявшийся от деревни Курила. Быстро проскользнув мимо хижин, где ему пришлось услышать новые оскорбления от женщин, он поспешил по дороге, ведущей в долину. Обогнув первый поворот, он внезапно остановился и в изумлении разинул рот. Он не мог поверить, что кто-либо способен войти в долину незамеченным. И тем не менее незнакомец в зеленом тюрбане и накидке из верблюжьей шерсти спокойно сидел на камне возле тропы. Курила приготовился крикнуть, и рука его уже легла на рукоятку ножа. Но встретившись со взглядом незнакомца, он оцепенел и застыл, как статуя. Крик замер в его горле, а пальцы разжались. Несколько минут продолжалось томительное молчание, затем незнакомец нарисовал в пыли пальцем загадочный знак. Вазули не видел рисунка, но заметил вскоре яркий блеск — круглый, сияющий предмет, словно полированный шар из

нефрита. Швырнув его вазули, который невольно поймал шар, человек в тюрбане приказал:

— Отнеси это Яр Афзалу.

Вазули послушно повернулся и пошел обратно. Даже проходя мимо хижин, он не откликнулся на насмешливые окрики женщин. Казалось, он идет, как во сне.

Проводив его загадочной улыбкой, незнакомец повернулся к краю выступа, откуда показалась голова девушки, смотревшей на мужчину с восхищением и некоторым страхом. Ласково проведя рукой по темным локонам ее, человек в тюрбане спросил:

— У тебя все еще кружится голова от полета на воздушной лошади, или ты усомнилась в моей мудрости?

Девушка мягко улыбнулась.

— Конан в безопасности только до тех пор, пока жив Яр Афзал. Дикарей много, и ножи их остры. Зачем искать возможность убить Конана и отнять Деви! Мой план надежнее. Даже глупец может предсказать, как будут действовать вазули, когда моя жертва протянет вождю Кхурула шар Иезудов. А вот что тогда будет делать сам киммериец?

Прервав свою речь, Яр Афзал с удивлением и гневом посмотрел на вернувшегося Курилу, и проревел:

— Проклятая собака, я же приказал тебе идти к наблюдателям! Ты не смог бы так быстро вернуться из долины.

Пришедший молчал. Глядя на вождя немигающим взором, он открыл ладони, протягивая нефритовый шар. Конан, глядя через плечо Яр Афзала, хотел удержать его, но не успел. В ярости вождь ударил Курилу кулаком, и тот упал, как подкошенный. Нефритовый шар упал на землю и покатился к ногам вождя, тот наклонился и поднял шар, собираясь засунуть его за пояс. Остальные воины, озадаченные поведением своего собрата, видели только, как вождь наклонился, но не заметили, что именно он поднял с земли.

Яр Афзал прорычал:

— Вы, собаки! Унесите этого негодяя в его хижину. У него сумасшедший взгляд нюхателя лотоса. Я... О!

В правой руке, державшей шар, он вдруг почувствовал какое-то движение. Замолчав, он с ужасом ощутил внутри своей сжатой правой руки не гладкую поверхность шара, а какое-то трепетание. Он не смел взглянуть туда, язык его онемел, и ладонь не раскрылась. Удивленные дикари видели, как побледнел их предводитель, как расширились от ужаса его глаза.

Крик боли потряс воздух. Великан покачнулся и упал, поверженный невидимой силой. Из раскрывшихся пальцев правой руки вылез огромный черный паук, тело которого сверкало подобно агату. Собравшиеся закричали и в ужасе шарахнулись назад. Безобразный монстр залез в трещину скалы и исчез. Дико глядя друг на друга, воины сбились в кучу, и среди их растерянного бормотания вдруг послышался неизвестный голос:

— Яр Афзал умер! Убивайте чужака!

Все слышали этот голос, но никто не знал, кому он принадлежит. Однако этот властный приказ разом отбросил страх и смятение, напротив, помутившийся рассудок дикарей звал к первобытному инстинкту — жажде крови. Казалось, воздух содрогнулся и небеса раскололись от их звериного крика. Обнажив ножи, они толпой двинулись на киммерийца.

Реакция Конана была такой же быстрой. Как только раздался голос, он прыгнул к дому, но войти не успел. Уже стоя одной ногой на пороге, он вынужден был яростно отбиваться. Раскроил череп одному вазули, проткнул живот другому и сильно ударил плечом запертую дверь. Тяжелая дверь, не выдержав сокрушительного удара, распахнулась, и Конан стремительно прыгнул внутрь. Один из дикарей, рванувшийся вслед за Конаном, промахнулся в прыжке и влетел прямо в дверной проем. Конан втащил его в комнату, захлопнул дверь перед остальными дикарями и задвинул массивный засов. Затем он, как безумный, бросился на дикаря. Юасмина с ужасом наблюдала эту дикую схватку. Комнату наполнили яростные крики дерущихся, мельканье и звон ножей. Толпа дикарей тщетно осаждала дверь снаружи, швыряя в нее камни и рубя ножами.

Кто-то притащил ствол дерева, и массивная дверь закачалась под ударом тарана. Юасмина в испуге зажала уши и зажмурила глаза. Кругом царили хаос, насилие и ярость. Встревоженный шумом жеребец в стойле заржал и вскинул передние ноги. Рванувшись, он ударил копытами дикаря, который отступал, спасаясь от ножа Конана. Послышался хруст костей — это треснул позвоночник, и тело дикаря полетело прямо на Конана, повалив его. Вскрикнув, Деви рванулась вперед. Она была в отчаянии — ей показалось, что оба мужчины убиты. Она успела как раз в тот момент, когда Конан, отбросив труп противника, встал. Юасмина, дрожа, схватила его за руку:

— Слава Небу, ты жив! О, как я испугалась, подумав, что ты погиб!

Он кинул быстрый взгляд на ее бледное лицо и широко раскрытые черные глаза.

— Почему ты дрожишь, принцесса? — насмешливо спросил он. — Не все ли тебе равно, жив я или умер?

Уязвленная, она попыталась гордо выпрямиться и ответить с достоинством, не сознавая, какой жалкой была ее попытка изображать королеву.

— Все же ты лучше этой волчьей своры, — ответила она и жестом указала на дверь, стонущую под ударами.

— Однако, дверь не продержится долго, — пробормотал Конан и быстро пошел к жеребцу.

Юасмина от страха затаила дыхание, увидев, как он ломает брусья загородки и входит к озлобленному зверю. Жеребец тонко заржал и угрожающе поднял копыто. Не обращая внимания, Конан уверенно прыгнул ему на спину, и, с нечеловеческой силой схватив за гриву, подчинил его себе. Конь фыркал и вздрагивал, но позволил взнуздать себя золотым седлом с широкими серебряными стремянами. Развернув коня в стойле, Конан жестом позвал Деви. Пока девушка робко пробиралась мимо задних ног дикого коня, киммериец торопливо ощупывал каменную стену, объясняя:

— Где-то здесь в стене есть секретная дверь, о которой не подозревают даже вазули. Когда-то Яр Афзал, напившись, показал ее мне. Ход ведет в ущелье за домом. Вот она!

Случайно он коснулся незаметного выступа — и тотчас часть стены двинулась вбок на хорошо смазанных железных катках, открывая узкий проход в каменной стене. Конан подхватил принцессу и посадил перед собой. В следующий миг наружная дверь сорвалась с петель и с грохотом упала. Вопли ликования наполнили комнату. Во входном проеме показались дикари. Огромный конь, погоняемый Конаном, словно дротик, пущенный меткой рукой, помчался по узкому коридору.

Вазули не ожидали такого поворота событий, как не ожидали его и другие люди, кравшиеся по ущелью.

Все произошло в мгновение: огромная лошадь налетела как ураган, и мужчина в зеленом тюрбане не успел отскочить в сторону. Он упал, сраженный ударами могучих копыт, и его спутница закричала от ужаса. Конан успел лишь мельком рассмотреть ее — так быстро неслись конь! Но

и мгновения хватило, чтобы оценить, что девушка была стройна и красива, одета в шелковые шаровары и кокетливый лифчик. В страхе прижалась она к стене ущелья. Затем, подобно туче, гонимой бурей, конь и всадник исчезли, а прибежавшие в ущелье дикари увидели здесь такую картину, что их кроважадный рев сменился криками отчаяния и страха.

Глава 6. ГОРА ЧЕРНЫХ ПРОРОКОВ

— Куда мы теперь направляемся?

Юасмина покачнулась, пытаясь сидеть прямо. Ей было стыдно признаться себе, что прикосновения мускулистых рук похитителя ей даже приятны.

Конан ответил:

— В Афгулистан. Дорога очень опасная, но жеребец выдержит, если только нас не задержит встреча с твоими друзьями и моими врагами. Теперь, когда мертв Яр Афзал, эти проклятые вазули найдут меня даже в преисподней! Удивительно, что мы до сих пор не слышим погони.

— А что за мужчину ты сбил в ущелье? — продолжала расспросы Девы.

— Не знаю, я видел его впервые. Одно могу сказать — он здесь чужой. И неясно, за каким дьяволом он оказался в ущелье. Да, кстати, с ним была девушка.

— Девушка? — взгляд Юасмины стал мрачным. — Вот этого-то я и не могу понять. Девушка — моя служанка Гитэйра. Не кажется ли тебе, что она шла ко мне на помощь, а мужчина — ее друг — помогал ей? А теперь вазули наверняка схватили их!

— Даже если это и так, — отозвался Конан, — мы ничего уже не можем поделать: стоит нам вернуться — и вазули убьют нас обоих. К тому же мне неясно, как эта девушка могла очутиться так далеко в диких горах с одним женщиной, да еще с ученым — он чертовски похож на ученого! Во всей этой истории есть какая-то тайна. Взять хотя бы того дикаря, которого вождь избил и отослал в долину: он двигался, как будто спал на ходу. Мне приходилось видеть священников Заморы и их ужасные ритуалы, и я хорошо помню, что их жертвы выглядели так же, как этот дикарь. Священникам стоило лишь посмотреть человеку в глаза и сказать заклинание — и их жертва становилась словно ходячий призрак, полностью подчиненная воле повелителя.

Еще я заметил, как этот дикарь что-то нес в руках, а Яр Афзал потом поднял с земли этот предмет. Мне это напомнило большую нефритовую бусину, какие надевают жрецы Иезудов, танцующая перед своим богом — огромным черным каменным пауком. Яр Афзал держал эту бусину в руке, а потом, когда он упал замертво, паук, похожий на бога Иезудов, выскочил из его пальцев. А главное, когда растерявшиеся вазули стояли, не зная, что делать, ясно прозвучал неизвестный голос, приказавший убить меня. Я клянусь, что это не был голос кого-либо из дикарей или их жен — он, казалось, шел с неба.

Принцесса ничего не ответила. Она взглянула на резкие очертания гор вокруг них и похолодела от ужаса: да, в таком жутком месте могло случиться что угодно. Любой человек, рожденный в жарких и цветущих странах, чувствовал бы себя неуютно среди этих страшных глыб.

Солнце стояло уже высоко, испепеляя землю зноем, хотя ветер нес с гор ледяное дыхание снегов. Внезапно девушка услышала странное шуршание сверху над головой, не похожее на порывы ветра, и по взгляду Конана поняла, что он тоже озадачен. Казалось, небо на мгновение потемнело, будто какой-то неведомый предмет проевистел над ними. В молчании Конан достал из ножен клинок. Они продолжали свой путь по едва заметной тропинке, уходившей в ущелье такой глубины, что, казалось, солнце никогда не озаряло его дна. Солнце уже клонилось к западу, когда они пересекли узкую тропку, змеившуюся между скал.

Конан повернул коня в сторону юга и объяснил:

— В конце тропы — деревня Галзай, женщины которой ходят по этой тропе за водой. Мы добудем новую одежду для тебя.

Посмотрев на свои изодранные, когда-то роскошные одежды, Девы согласилась. Да, одежда, подходившая для дворца Пешхаури, не годилась в скалах гимилианов.

Подъехав к ручью, Конан спешился, помог слезть Юасмине, и они стали ждать. Вскоре он кивнул:

— По тропе идет женщина.

Девы еще ничего не слышала, но, схватив его за руку, в испуге прошептала:

— Ты хочешь убить ее?

Он ухмыльнулся:

— Я не убиваю женщин, нет, хотя некоторые из дикарей больше похожи на диких волчиц.

Вытащив пригоршню монет, он выбрал самую большую. Юасмина с облегчением вздохнула: возможно, для

мужчины-воина убивать — обычное дело, но она не любила видеть насилие.

Вскоре из-за поворота на тропе появилась высокая, стройная как молодое деревце, девушка Галзай. От неожиданности она остановилась, и кувшин выпал из ее рук. Ее первым желанием было убежать, но затем она поняла, что Конан настигнет ее, и осталась на месте. В ее взгляде жили страх и любопытство.

Показав горянке золотую монету, Конан приказал:

— Отдай свою одежду, и я заплачу тебе.

Реакция девушки была мгновенной: рассмеявшись от удивления и восторга, она с быстротой и присущим жительницам гор пренебрежением к правилам приличия сняла шаровары, рубашку и сандалии; сложив вещи в узел, она передала его киммерийцу. Протягивая узел удивленной Деви, Конан скомандовал:

— Переодевайся вот за этой скалой, а свои вещи сложи в узел и принеси мне.

— Деньги! — настойчиво закричала дикарка. — Ты обещал мне золото!

Ловко поймав брошенную Конаном монету, девушка попробовала ее на зуб и спрятала за щеку. Затем, не стыдясь своей наготы, она нагнулась, подняла кувшин и пошла дальше по тропе, качая бедрами.

Конан нетерпеливо ждал Деви, одевавшуюся самостоятельно впервые в жизни. Когда она, наконец, появилась из-за скалы, он чертыхнулся от изумления, а Юасмина почувствовала необъяснимое волнение от восхищения, светившегося в его холодных голубых глазах. Смущенная и в то же время довольная, она встретила с ним глазами. Конан бесцеремонно обнял ее за плечи и повернул из стороны в сторону, чтобы лучше рассмотреть.

— Клянусь Кромом! — воскликнул он. — В своих роскошных одеждах ты была прекрасна, как луна, но так же холодна! Сейчас ты по-прежнему красива, но уже обычной красотой, как земная женщина. За скалу зашла Деви Виндии, а вышла прекрасная горянка! Раньше ты была богиней, а теперь ты простая девушка гор

В приливе восторга он шлепнул ее, и она не почувствовала себя оскорбленной, а приняла это как дань восхищения ее прелестью. Казалось, сбросив королевские одежды, она стала мыслить и чувствовать, как обычная женщина.

Но Конан, залюбовавшись принцессой, ни на мгновение не забывал об угрожающей им опасности.

Они удалились от Заиббара довольно далеко и вряд ли могли уже встретить отряд кшатри. Тем не менее Конан продолжал чутко прислушиваться, не настигают ли их свирепые и мстительные вазули.

Подняв Деви, он усадил ее в седло, сел сам и вновь направил жеребца на запад. Узел с одеждой принцессы он бросил в глубокую пропасть.

— Почему ты не отдал мою одежду той дикарке? — удивилась Юасмина.

— Не сегодня-завтра отряды из Пешхаури будут здесь. Если они найдут девушку в твоей одежде, они пытками вырвут у нее признание, и нападут на наш след.

— Но что же она теперь будет делать? — не унималась Деви.

— Вернувшись в деревню, она расскажет, как незнакомец угрозами отобрал ее одежду. Это, конечно, наведет на наш след, но не сразу. Сначала ей нужно принести воды, не то в деревне с нее кнутом сдерут кожу. Так что у нас есть немного времени в запасе, и они не догонят нас. Думаю, что к ночи мы уже пересечем границу Афгулистана.

— Но я не вижу здесь никаких границ, тропинок и даже следов присутствия людей, — призналась Деви. — Этот район пустынен и безлюден, даже для гимилианова. Последней дорогой, которую я видела, была тропа у источника.

Конан показал на северо-восток, где в кольце скал виднелся пик, и объяснил:

— Уисма. Все племена строят свои поселения как можно дальше от горы.

Юасмина напряглась и задрожала:

— Неужели это Уисма? Знаменитая и страшная гора Черных Пророков!

Конан спокойно отозвался:

— Да, ее так называют. Я никогда еще так близко не подходил к ней, поскольку основная дорога проходит южнее. Я же умышленно отклонился на север, чтобы избежать встречи с отрядом кшатри. Это очень старая дорога, теперь ею редко пользуются.

Девушка пристально всматривалась в отдаленный пик, в волнении стиснув ладони.

— Как быстро можно добраться до Уисмы от этого места? — неожиданно спросила она.

— Остаток дня и еще ночь пути, — ответил мужчина, и усмехнувшись добавил:

— Ты очень хочешь попасть туда? Клянусь Кромом,

люди с Холмов говорят, что это не самое подходящее место для смертных!

— Почему же жители Холмов не объединятся и не уничтожат всех этих черных дьяволов? — воскликнула Деви.

— Идти против колдунов с саблями? Это невозможно. К тому же, какими бы они ни были, эти Черные Пророки, они никогда не вмешиваются в дела людей, если только люди не мешают им. Мне не приходилось видеть ни одного Пророка, но я беседовал с людьми, которые мельком видели на рассвете среди скал высоких молчаливых людей в черных плащах.

— А ты мог бы напасть на Черных Пророков? — вызывающе спросила девушка.

— Я? — Конан замолчал, обдумывая эту новую мысль. — Ну, если только они вынудят меня к этому. Но мне нечего делить с колдунами. К тому же мне нужно в этих горах найти помощников среди людей, а не кидаться с ножом на волшебников.

Юасмина напряженно молчала, вглядываясь в далекий пик, как в лицо врага, чувствуя, как былой гнев вновь охватил ее душу. Она смутно ощутила еще и другое, неведомое для нее чувство. Деви захотела направить против обитателей Уисмы человека, чьи руки бережно поддерживали ее. Возможно, кроме этого, был еще и другой способ осуществить давно задуманный план мести. Когда глаза мужчины останавливались на ней, она понимала значение взгляда. Не одно королевство уже пало, когда женщины вершили его судьбу...

Вдруг девушка очнулась от своих мыслей, рукой указывая вдаль:

— Смотри! Что это?

На далеком пике Уисмы появилось еле видимое облако необычного цвета: малиновое, с разводами из сверкающего золота. Не переставая двигаться ни на минуту, оно вращалось вокруг пика и уменьшало свои размеры, пока не стало подобно вращающейся под лучами солнца тарелке.

Вдруг это облако отделилось от пика и поплыло по яркой лазури небосвода, подобно яркой звезде. Явление это встретило Деви, несмотря на свою красоту.

— Что бы это значило? — беспокойно спросила она своего спутника.

— Жители Холмов называют это «Ковер Уисмы», — объяснил Конан, — я видел, как сотни дикарей бежали, буд-

то спасаясь от дьявола, когда увидели плывущее по небу это малиновое облачко.

Дорога привела их в узкую расщелину между отвесными стенами. Затем они оказались на широком выступе, с одной стороны которого угрожающе нависли скалы, а с другой зияла бездонная пропасть. Дорога петляла, делая спуск еще более трудным и опасным. Взойдя на этот выступ, жеребец остановился, кося агатовым глазом. Конан нетерпеливо натянул поводья, но лошадь, дрожа и напрягаясь, захрипела, как будто ее сдерживал невидимый барьер. Выругавшись, всадник спешился и помог спуститься девушке. Он пошел вперед, вытянув руку, стараясь нащупать невидимое препятствие, остановившее лошадь, но ничего не обнаружил. Он пытался провести коня дальше, но жеребец лишь пронзительно заржал и дернулся назад. Вдруг раздался крик Деви, и Конан резко повернулся, положив руку на рукоятку ножа.

Никто из них не видел, как подошел незнакомец, никто не слышал звука его шагов, и тем не менее он стоял рядом — мужчина в накидке из верблюжьей шерсти и в зеленом тюрбане. Конан узнал в нем того незадачливого ученого, которого он сбил с ног в деревне Вазули. Он спросил незнакомца:

— Какого дьявола тебе здесь надо?

Незнакомец не ответил. Конан увидел, как странно блещат его неподвижные расширенные глаза, как они приковывают, словно магнит. Все колдовство Хемсы — а это был он — было основано на гипнотизме, как, впрочем, и вся восточная магия.

Тысячелетия поколения людей жили и умирали в твердом убеждении, что реальная сила и мощь гипнотического влияния одних полностью парализует мозг и волю других, делая их беспомощной игрушкой в руках мага. Но для Конана, пришельца с Запада, эти традиции не имели ни силы, ни смысла. Гипнотизм не был известен киммерийцу даже в мифах, и потому он не боялся этих глаз.

Конан понимал, что Хемса старается подчинить его волю. Он ощущал внутреннюю силу гипнотизера, как неясное давление, и пытался страхнуть его с себя, как человек стряхивает пыль с одежды. Вытащив свой длинный нож, Конан нанес незнакомцу удар с быстротой молнии. Но сила Хемсы не исчерпывалась только гипнозом. Деви, наблюдавшая их схватку, видела, как обманым движением чародей уклонился от сокрушительного удара. Затем, как показалось принцессе, Хемса лишь легонько коснулся ладонью шеи Конана, но этого оказалось достаточно, чтобы кимме-

риец упал подобно дереву, срубленному топором. Падая, Конан все же ухитрился ударить ножом по ногам Хемсы, и тот от удара стремительно отпрыгнул.

Увидев неожиданно возникшую на уступе свою служанку Гитэйру, Деви вскрикнула. Служанка тенью выскользнула из-за скалы и подошла к чародею. Юасмина собралась было радостно поприветствовать Гитэйру, но сдержала себя, когда увидела, какая страшная злоба исказила красивое лицо женщины.

Потрясенный и ошеломленный жестоким искусством удара, Конан медленно поднимался с земли. Искусство этой борьбы обычные люди утратили за много веков до того, как в бездонной пучине исчезла Атлантида. Этот удар переламывал шею человека, как гнилую ветку. Конан выдержал, и Хемса смотрел на него уже с опаской. Он доказал свое могущество, когда встретился в ущелье позади деревни Вазули с безумной ордой дикарей. Сопrotивление киммерийца поколебало на миг его веру в свое мастерство, ибо только на успехе может процветать любое могущество.

Хемса решительно шагнул вперед, и вдруг остановился и замер, широко раскрыв глаза. Проследив за его взглядом, Конан так же онемел от изумления. Испуганные женщины, пораженные увиденным, сжались от страха и притихли.

Вдоль склонов горы, словно вихрь сияющих огней, извиваясь, спускалось малиновое конусообразное облако. Смуглое лицо Хемсы стало пепельно-серым от ужаса, его поднятая для очередного удара рука задрожала и упала. Гитэйра, чувствуя его страх, вопросительно взглянула на него.

Малиновое облако изогнулось дугой к выступу. Хемса с криком ужаса отпрыгнул, увлекая за собой служанку.

На мгновение замерев, малиновое облако исчезло, подобно лопнувшему мыльному пузырю.

И все увидели, что на выступе появилось еще четверо людей.

В это невозможно было поверить, но это было реально: живые люди, не призраки, стояли на земле. Это были бритоголовые мужчины, закутанные в черные плащи. Руки их были спрятаны в широких рукавах. Они кивали обнаженными головами.

Мужчины молча смотрели на Хемсу, и Конан явственно видел, как застыл от ужаса его противник. Поднявшись на ноги, Конан отступил назад, пока не почувствовал могучее плечо жеребца и прижавшуюся к нему перепуганную Деви. Томительное и жуткое молчание продолжалось.

Четверо бритоголовых мужчин в упор смотрели на Хемсу: глаза их были спокойны, и даже задумчивы, лица — неподвижны, как маски. Однако Хемса весь трясся, как в лихорадке. Пот ручьями стекал по его смуглому лицу. Правой рукой он яростно стиснул что-то под коричневым плащом, так, что даже суставы пальцев побелели. Левая рука, обхватившая плечи Гитэйры, сжимала ее мертвой хваткой. Объятая ужасом служанка не стонала, хотя пальцы чародея, как когти, царапали ее нежное тело.

Конану не раз приходилось видеть схватки и смерти, но подобного он никогда не видел, когда четыре дьявольские воли стараются подчинить себе одну, тоже дьявольскую волю, хотя и меньшую по силе. Киммериец только подсознанием ощущал, что рядом с ним происходит какая-то жуткая, нечеловеческая борьба.

Казалось, Хемса боролся сейчас за свою жизнь со всеми темными силами, призвав на помощь все свое чудовищное мастерство, которому научился у бывших хозяев за долгие томительные годы ученичества и рабской покорности.

Он, к удивлению Конана, оказался довольно сильным. К тому же страх и отчаяние прибавили ему сил. Его лицо исказила страшная агония, суставы были скручены, как в пытке. Поистине, это была война душ, война изощренных умов, постигших науки, недоступные смертным, и получивших возможность проникнуть в тайны небес и преисподней.

Только Юасмина понимала, почему Хемса так упорно и успешно — по крайней мере пока — противостоит густому потоку четырех дьявольских энергий, какие, казалось, могли растопить даже эти древние скалы. Девушка — Гитэйра — была истинной причиной его выносливости; для его мятущейся души она была подобием тихой гавани. Именно в ее слабости черпал сейчас Хемса свою силу. Именно его страсть к этой девушке, эгоистичная и самозабвенная, была сейчас нитью, связующей его со всем остальным миром людей. Нить эту не могли пока разорвать даже его враги. Но недаром их могущество было сильнее — они поняли истинную причину его сопротивления раньше, чем сам Хемса. Вот один из бритоголовых устремил свой страшный немигающий взгляд на Гитэйру.

Здесь не могло быть никакой битвы. Повинуясь чудовищной воле, девушка отпрянула и упала на землю, словно сложенный цветок, вырвавшись из рук своего возлюбленного раньше, чем он осознал происходящее.

Возникла страшная картина: глядя на своих палачей пус-

тыми глазами, девушка пятилась к пропасти. При виде этого Хемса застонал и рванулся к ней: в этом-то была главная опасность, ибо одно сознание не могло вести битву сразу по двум направлениям. И, проиграв, Хемса уподобился былинке, несомой ураганом. Девушка продолжала отходить к пропасти, двигаясь, как во сне, а Хемса тщетно пытался приблизиться к ней, ибо ноги не слушались его. Вот девушка на миг задержалась на краю пропасти, и возлюбленный яростно пополз к ней, чтобы попытаться спасти ее. И когда его негнущиеся пальцы, казалось, уже коснулись девушки, раздался смех одного из колдунов, подобный раскатам адского бронзового колокола. Девушка качнулась, ее глаза наполнились смыслом и пониманием происходящего, с диким криком страха и отчаяния она рухнула в пропасть. Придвинувшись к самому краю обрыва, Хемса смотрел ей вслед. Он беззвучно шевелил губами, что-то бормоча про себя, а затем повернулся и долго смотрел на своих палачей, в лицах которых уже не осталось ничего человеческого. С диким криком, который, казалось, мог бы сокрушить скалы, Хемса бросился на своих бывших хозяев с кинжалом.

Один из колдунов вышел вперед и топнул ногой: раздался оглушительный скрежет, и скала разверзлась, образовав узкую расщелину. В нее и рухнул Хемса, увлекаемый лавиной камней.

Четверо колдунов удовлетворенно наблюдали эту сцену, а затем неожиданно повернулись к Конану. Конан в это время помогал встать Деви, брошенной на землю колебанием скалы. Он хотел посадить девушку на лошадь и поскорей убраться от этого страшного места.

Теперь колдуны обратили свои страшные взоры на него. Вот они воздели руки к небу, и он с ужасом заметил, как малиновый дым окутывает их ноги, как расплываются и тускнеют в тумане их лица и фигуры.

Когда вращающееся облако уже целиком закрыло жутких пришельцев, Конан понял, что его тоже коснулась плотная малиновая мгла. Услышав крик Деви, он выхватил нож, но ужасный удар невидимой длани отшвырнул его. Оглушенный, он успел заметить, как вихрящееся малиновое облако взмыло вверх и исчезло из виду.

Четверо колдунов и принцесса тоже исчезли. Рядом с Конаном на уступе остался только дрожащий черный конь.

Глава 7. К УИСМЕ

Постепенно сознание Конана прояснилось, подобно тому, как ночная мгла рассеивается под утренним солнцем. Чертыхаясь, он прыгнул в седло. Жеребец поднялся на дыбы, радостно заржав.

Оглядев склоны, Конан решил продолжить путь, который прервал Хемса. Но теперь у него были причины спешить. Он отпустил поводья, и могучий конь рванулся вперед, как пущенная искусной рукой стрела. С поистине головокружительной скоростью они спустились по узенькой тропке, и где-то далеко впереди Конан заметил обломки упавших сверху валунов. Наконец он достиг длинного гребня, перекашившего склон. Стремясь к горе, он мог взглядом проследить свой путь: далеко впереди его ждал спуск с гребня и поворот назад до русла ручья. Конан посетовал на вынужденное препятствие, но ничего не мог сделать: иной дороги здесь не было. Спуститься более коротким путем было невозможно. Поэтому он прищипорил усталого коня и помчался дальше. Вдруг его чуткое ухо дикаря уловило стук копыт. Конан направил коня к краю гребня и увидел: вдоль перекошенного русла реки ехал отряд могучих бородатых воинов, звеня доспехами. Конан, перегнувшись через край утеса, закричал:

— Эй, вы! Я еду к Уисме! Я уже не надеялся встретить вас, паршивых псов, на дороге! Скачите за мной и не жалейте ваших клыч!

Как только его крик достиг отряда, вой пятисот людей заполнил все ущелье:

— Предатель!— ревели они.

— Что?!— не веря своим ушам, онемев от изумления, он уставился вниз на толпу.

Глаза всадников горели гневом, лица были искажены от ярости, руки сжимали сабли:

— Предатель!— ревела толпа.— Где наши семь вождей?

— Они в Пешхаури, в тюрьме правителя,— ответил Конан.

Страшный вопль вырвался из сотен глоток, перебив лязг оружия. Перекрывая этот шум, он проревел:

— Что за бред?! Какой дьявол вселился в вас? Пусть один говорит, а то я ничего не могу понять!

Вперед вышел старый вождь и, потрясая в воздухе саблей, закричал:

— Ты не повел нас в Пешхаури, чтобы спасти наших братьев. Ты предатель!

Вконец выведенный из себя, Конан прокричал:

— Глупые шакалы! Даже если бы вы перелезли через стену, правитель все равно успел бы повесить пленников.

Старый вождь Афгули снова отчаянно завопил:

— Ты потому поехал один, чтобы продать правителю? Где наши семь вождей? Отвечай, где они? Не можешь? Тогда я отвечу: они мертвы!

— Что?— Конан чуть не свалился с седла от удивления.

— Да, мертвы!— заорали всадники.

— И они не были повешены!— зловеще прорычал старик.— Вазули из соседней клетки хорошо видели, как их настигла смерть! Правитель подослал к ним колдуна!

— Ложь,— спокойно отозвался Конан.— Эти Вазули просто лгут. Я говорил прошлой ночью с правителем, он не посмел бы их убить.

Эти слова явились его ошибкой. Вопли ненависти и злобы, казалось, раскололи небо.

— Да! Ты пошел к нему один и предал нас. Рассказ вазули не ложь! Вазули удалось бежать через двери, сломанные колдуном, и, встретив наших разведчиков, они все им рассказали. Мы послали разведчиков, чтобы найти тебя, когда ты не вернулся. Услышав рассказ вазули, разведчики поспешили предупредить нас о твоём предательстве, и, как видишь, мы взяли за оружие и пустились в путь!

— И что же вы теперь собираетесь делать?— спросил киммериец.

— Отомстить за наших братьев!— взревела толпа.

— Смерть кшатри! Смерть предателю!

Стрелы градом посыпались на Конана. С воплем ярости Конан развернул коня и поскакал вверх по дороге. Афгулийцы тщетно пытались добраться до него. Но, ослепленные яростью, они не могли сообразить, что единственный путь на крутой гребень вел вдоль русла реки в другом направлении, петляя и огибая извилистый утес. Когда же они вспомнили это, Конан уже добрался до места, где гребень соединялся со склоном. Здесь Конан повернул на едва заметную тропу среди скал. Вдруг его конь тревожно заржал и попятился: на тропинке лежал полумертвый человек, походивший на кучу окровавленных лохмотьев. Он что-то неясно бормотал.

Это был Хемса. Только сами мрачные боги, держащие

в руках души колдунов, знали, как удалось чародею выбраться из пропасти.

Повинуясь неясному порыву, Конан слез с коня и с любопытством осмотрел это изломанное тело, сознавая, что он стал свидетелем чуда. Хемса поднял окровавленную голову, и уставился на Конана своим странным взглядом, в котором уже читалось приближение смерти.

— Где они?— каркающим голосом спросил колдун.

— Убрались обратно в свой дьявольский дом на Уисме и заодно похитили принцессу,— отозвался Конан.

Умирающий пробормотал:

— Я пойду и найду их! Они убили Гитэйру, мою любовь, а я убью их — прислужников Черного Круга, убью и самого повелителя!

Он пытался встать, но даже его неукротимая воля не могла оживить его изуродованное, искалеченное тело. Простонав, он добавил:

— Иди к ним!

— Я как раз это и собираюсь сделать,— проворчал Конан.— Я хотел позвать на помощь своих афгулийцев, но они, собаки, отвернулись от меня. Что же, пойду в Уисму один. Я верну себе Деви, даже если мне придется голыми руками разрушить это проклятое место! Не думал, что правитель посмеет убить моих людей, но все же он сделал это. Проклятье! Я теперь за это спущу с него шкуру. И я верну себе Деви. Она нужна мне теперь не как заложница, а...

— Да обрушатся на них все проклятия Иезила!— застонал Хемса.— Иди же! Я умираю... Постой! Вот, возьми мой пояс...

Умирающий с трудом принялся шарить в своих лохмотьях, и Конан, догадавшись, чего он хочет, снял с его окровавленной спины удивительный пояс.

— Следуй за золотой жилкой через бездну,— бормотал Хемса.— Надень этот пояс. Мне дали его жрецы Стигии. Хотя он подвел меня, тебе он поможет. Разбей хрустальный шар с четырьмя золотыми гранатами... Прощай! Я ухожу к Гитэйре, она ждет меня!

Вздохнув последний раз, Хемса умер.

Конан осмотрел пояс, сплетенный не из конского волоса, как обычные пояса. Конан был уверен, что этот пояс соткали из черных женских локонов. Крохотные драгоценные камни, неизвестные ему, вплетались в ткань. Пряжка тоже поражала необычностью своей формы: в виде золоченой змеиной головы с искусно выделанными чешуйками. Дотро-

нувшись до пряжки, Конан испытал сильный толчок. Первым его желанием было бросить дьявольскую вещь в пропасть. Затем, поколебавшись, он надел подарок колдуна, прикрыв его сверху своим бархатным поясом. Сев на коня, он продолжил путь.

Солнце уже опустилось за скалы. Конан взбирался по тропе в густой тени утесов. Когда он почти достиг перевала, впереди него раздался стук копыт. Повернуть назад он не мог: на такой узкой тропке коню было не развернуться. Поэтому, обогнув выступ скалы, он выехал на более широкую часть тропы. Он услышал испуганные вопли. Его жеребец прижал к скале чью-то испуганную лошадь. Поймав руку всадника, Конан защитил себя от удара саблей.

— Да это Керим Шах! — вскрикнул он. Зловещие огни заплясали в голубых глазах киммерийца.

Туранец не вырывался. Он спокойно сидел на своей лошади, которая упиралась в лошадь Конана. Позади Керим Шаха толпилась группа всадников-иракзай на худых лошадях. Их глаза сверкали, как у голодных волков, руки яростно сжимали оружие, но они не смели шелохнуться без приказа своего вожда.

— Где Деви? — властным голосом спросил Керим Шах.

— А зачем тебе, хирканианскому шпиону, знать это? — рявкнул в ответ Конан.

— Мне известно, что она была с тобой, — ответил Керим Шах. — Я продвигался на север со своим отрядом, но в ущелье Шализах нас подстерегла засада. Много людей осталось лежать на камнях, а остальные разбежались, как шакалы. Отбившись от погони, мы повернули на запад к ущелью Мехун и нашли полумертвого вазули. Из его сумасшедшего бреда мы узнали кое-что: он единственный из всего племени выжил, когда все воины устремились в погоню за вождем афгулийцев и пленной женщиной кшатри в ущелье рядом с поселением Куруш. Он болтал что-то о пришельце в зеленом тюрбане, которого афгулиец сбил с ног. Когда вазули пытались убить незнакомца, тот поразил их неизвестными силами. Удивительно, как этот вазули выжил, — продолжал Керим Шах, — но он поведал нам, что Конан был в Куруме со своей знатной добычей. Проследовав дальше через холмы, мы поймали голую девчонку Галзай. Она пожаловалась, что ее заставил раздеться огромный мужчина, и отдал одежду своей спутнице. Эта девушка и указала нам, куда ты поехал.

Керим Шах утаил всю правду и не рассказал, что, когда

он ехал на встречу с отрядом из Секундерама, поджидавшим его в условленном месте, путь ему преградила банда вооруженных дикарей. Дорога в долину Гурумах через ущелье Шализах была длиннее, чем дорога через ущелье Йехун, но, так как она проходила по земле афгулийцев, Керим Шах не посмел ею воспользоваться. Поэтому у него не оставалось выбора, как только ехать по заброшенной тропе в дерзкой надежде настичь Конана.

— Лучше признавайся по-хорошему, где Деви, — подытожил сказанное Керим Шах. — Посмотри, как нас много.

— Если только хоть один из твоих псов пошевелится, я тут же сброшу тебя в пропасть, — зловеще пообещал Конан.

— Ты ничего не выиграешь от моей смерти, — спокойно отозвался Керим Шах. — По нашим следам идут афгулийцы, которые хотят растерзать тебя за предательство. Кстати, у меня тоже нет ни капли жалости к тебе.

— Деви похитили Пророки Уисмы!

— Дьявол! — закричал Керим Шах, не веря своим ушам. — Хемса...

— Он мертв, — ответил Конан. — Хозяева отправили его в ад. А теперь, когда ты все знаешь, прочь с дороги! Жаль, что у меня нет сейчас времени убить тебя, — я тороплюсь к Уисме!

— Я пойду с тобой — решительно произнес хирканианец.

— Ты, хирканианский пес, воображаешь, что я поверю тебе? — Конан злобно рассмеялся.

Керим Шах резко оборвал его:

— А я и не прошу тебя о доверии. Просто нам обоим нужна принцесса. Мою причину ты знаешь: мой повелитель, король Юездигер, хочет жениться на ней и получить ее королевство. А тебя я знал, еще когда ты был слугой казака в степи. И знаю твои тайные помыслы: ты просто-напросто хочешь ограбить Виндию, потребовав за Деви небывалый выкуп. Тем не менее я предлагаю забыть на время распри и объединить наши усилия, чтобы спасти принцессу от Пророков. Если удача улыбнется нам и мы не погибнем, то потом мы уж разберемся, кому достанется Юасмина.

Конан подумал и, отпуская руку туранца, произнес:

— Ладно. А что будут делать твои воины?

Керим Шах, повернувшись к ожидавшим всадникам, сообщил:

— Мы с киммерийцем отправляемся в Уисму сражать-

ся с Пророками. Пойдете ли вы с нами или останетесь, чтобы попасть в руки разъяренных афгули?

Воины молча смотрели на своего предводителя, и в их глазах читалась покорность судьбе. Они были обречены, и прекрасно знали это. У них было слишком много врагов среди обитателей Холмов. И их было слишком мало, чтобы пробиться к границе без хитрого Керим Шаха. С покорностью обреченных они отозвались:

— Мы тоже идем с тобой и умрем в Уисме.

— Тогда, ради Крома, вперед! — рявкнул Конан, нетерпеливо вглядываясь в темноту. — Мои псы отстали на несколько часов, но мы уже и так потеряли много времени.

Керим Шах попятился, осторожно развернул своего коня и убрал саблю. Всадники устремились по тропе с быстротой, на которую только были способны их измученные кони. Скоро они выехали на гребень неподалеку от того места, где колдуны похитили Деву. Конан вздохнул с явным облегчением, выйдя на более широкую дорогу. Словно призраки, они ехали через сумрачное царство теней. Скрипели седла, позвякивали доспехи, и снова ущелье погружалось в мрачное безмолвие, озаряемое слабым звездным светом.

Глава 8. ПРИНЦЕССА ПЕРЕЖИВАЕТ НАСТОЯЩИЙ УЖАС

Почувствовав, как малиновое облако накрыло ее и оторвало от защитника, Юасмина вскрикнула от ужаса. Ослепленная и оглушенная, кричать больше она не могла — давление воздуха вокруг нее лишило девушку возможности что-либо предпринять. Только неясное ощущение скольжения и головокружительной высоты — а затем полное забытьё. Вновь обретя сознание, она закричала и отчаянно замахала руками. Но облака больше не было. Вот ее пальцы коснулись мягкой ткани, и чувство успокоенности наполнило ее душу. Оглядевшись, она увидела, что лежит на подушке, покрытой черным бархатом. Помещение, где она находилась, было просторным и сумрачным, стены были завешены коврами с вытканными драконами. Длинные тени свидетельствовали о высоте потолка. В темных углах, казалось, притаились неведомые существа. То ли в комнате не было окон, то ли они искусно были скрыты шторами, но

Юасмина не понимала, что же освещает комнату: она не видела ни факелов, ни светильников.

Просторное помещение завораживало своим видом.

Тут она увидела фигуру, сидевшую на блестящем черном троне невдалеке от нее. Это был мужчина, одетый в роскошную золотую одежду, в широких рукавах которой он спрятал руки. Голову мужчины покрывала маленькая бархатная шапочка. У него было спокойное располагающее лицо, только глаза мерцали странным блеском. Мужчина давно рассматривал ее, застыв как изваяние. Увидев, что она очнулась, он не изменил выражения лица. Деву не могла понять, почему в ее сердце при виде этого человека возникло тревожное ощущение. Приподнявшись на одном локте и всматриваясь в незнакомца, она нерешительно спросила:

— Кто ты такой?

Звучный и красивый голос, похожий на перезвон храмового колокольчика, ответил:

— Я — хозяин Уисмы.

— Зачем, ты принес меня сюда? — властно спросила девушка.

— А разве ты сама не искала меня?

— Если ты один из Черных Пророков — да, я искала тебя, — ответила принцесса осторожно, опасаясь, что он узнает ее истинные мысли.

Он тихо засмеялся, и холодок пробежал по ее телу от этих звуков:

— Ты хотела послать дикарей сражаться с Пророками Уисмы! Не лги, я прочел это в твоём мозгу, принцесса, в твоём ничтожном человеческом мозгу, в котором копошатся лишь жалкие мечты о мести.

— Это вы убили брата! — порывы гнева боролись в ее душе со страхом. Она сжала кулаки и продолжала: — Зачем вы уничтожили его? Он ведь никогда не вредил вам. Священники говорили, что Пророки обычно не вмешиваются в людские судьбы. За что вы расправились с королем Виндии?

Хозяин спокойно отозвался:

— Как может жалкий смертный понять мотивы действий Пророков? Мои слуги в храмах Турана умоляли меня побеспокоиться ради Юездигера. У меня были и собственные причины согласиться. Как могу я объяснить мои высокие тайны твоему жалкому умишку? Все равно ты не способна понять.

— Пока я понимаю главное: мой брат умер! — слезы го-

ря душили ее; поднявшись на колени, она смотрела на него широко раскрытыми глазами, гибкая и грациозная, как лань.

— Таково было желание Юездигера, — спокойно отозвался Хозяин. — Помочь ему — это просто мой каприз.

— Уж не значит ли это, что Юездигер — твой вассал?

Девушка сделала усилие, чтобы ее голос звучал властно и твердо. Она вдруг почувствовала, что ее колено упирается во что-то твердое, лежащее под бархатным покрывалом. Слегка изменив позу, она быстро скользнула рукой под бархат.

Хозяин спокойно ответил вопросом на ее вопрос:

— А является ли вассалом бога пес, лакающий воду на храмовом дворе?

Казалось, мужчина не заметил действий, которые она старалась совершить незаметно. Вот ее пальцы нащупали под бархатом узорчатую рукоятку кинжала. Девушка наклонила голову, чтобы скрыть радость, загоревшуюся во взгляде.

— Однако я уже устал от Юездигера, — продолжал Хозяин. — Зачем он мне теперь, когда у меня есть другое развлечение? Ха-ха-ха!

С визгом охотящейся пантеры, принцесса бросилась на мужчину и взмахнула кинжалом. Неожиданно ее прыжок оборвался, и, рухнув на пол, она в страхе съезжилась, недоумевая и испуганно глядя на Хозяина: тот стоял неподвижно, и загадочная улыбка блуждала на его губах. Посмотрев на свою дрожащую руку, девушка от ужаса чуть не вскрикнула: кинжал исчез, она держала стебель лотоса, роняющий на пол смятые золотые лепестки. С отворачиванием отбросив цветок, словно ядовитого паука, девушка снова взобралась на подиум, решив, что королеве более пристойно возлечь на ложе, чем подобно рабыне валяться на полу у ног колдуна. Она повернула голову и замерла, ожидая наказания. Но Хозяин по-прежнему был неподвижен. Ровным голосом он загадочно произнес:

— Для того, в чьих руках ключи Вселенной, все вещества одинаково подвластны, все материи доступны его воле, повинувшись которой цветок становится кинжалом, блестя в звездном свете, а сталь обращается в нежный цветок.

— Да ты просто дьявол! — в страхе закричала Юасмина.

— Нет, — спокойно отозвался мужчина. — Просто я уже очень давно живу на этой планете. Да, когда-то я был рожден простым смертным, и за бесчисленные столетия моего посвящения в тайны я не утратил человеческого облика.

Вот ты говоришь, что я дьявол. Но человек, который, подобно мне, подчиняет своей воле все темные силы — это больше, чем дьявол! По рождению я человек, но повелеваю демонами! Тебе уже пришлось встретиться с Повелителями Черного Круга — но твое жалкое сознание человека не вынесет страшной истины, если я расскажу, из каких мрачных глубин явились они по моему призыву и от какого рока храню я их с помощью золотых змей и заколдованного кристалла! Однако лишь мне они подвластны. Этот жалкий глупец Хемса, мой прислужник, возымел дерзость стать великим, подобно мне! А что умел этот убогий раб? — лишь перемещать по воздуху от холма к холму себя и женщину! Прав я, он мог бы со временем обрести власть, подобную моей, если бы не торопился! — он вновь рассмеялся. — А ты тоже хороша, глупая женщина! Задумала послать против обитателей Уисмы жалкого волосатого дикаря! Если бы я подстроил так, чтобы ты оказалась в его руках, я, пожалуй, и сам бы придумал эту славную шутку! Да, я прекрасно читаю в твоём мозгу все тайные мысли и намерения пустить в ход все женские чары, лишь бы достичь задуманного! Однако, хоть ты и безнадежно глупа, все же твоя красота ласкает мой взор, поэтому ты останешься здесь навсегда рабыней, как я того хочу.

Потомок ста поколений гордых императоров, Девушка при этих словах задрожала от стыда и гнева:

— Ты не посмеешь сделать это!

Под раскатами его издевательского хохота она сжалась и вздрогнула, как от удара кнута:

— Ты так думаешь? Значит, по-твоему, царь не может растоптать букашку на дороге? Глупая женщина, как ты не понимаешь, что для меня твое королевское величие так же ничтожно, как песчинка для сметающего ее урагана. И ты говоришь, что я не посмею оставить тебя рабыней? Я, познавший любовные ласки королей из Бездны! Ты еще смеешь спорить со мной, хотя ты видела, как я наказываю строптивых!

Ошеломленная и объятая ужасом, девушка сидела неподвижно на своем покрытом бархате ложе. Вот свет стал тускнеть — черты Хозяина расплылись, как в тумане.

Она закричала в отчаянии:

— Нет, никогда я не подчинюсь тебе! — Хотя голос Юасмины все еще дрожал от страха, в нем чувствовалась непоколебимая решимость.

Спокойно и уверенно Хозяин ответил:

— Тебе придется подчиниться, страх и боль научат тебя покорности. Я буду мучить тебя ужасом до последней минуты, пока воля окончательно не покинет тебя и ты не превратишься в мягкий и податливый воск в моих руках. О, ты станешь так покорна, какой не была доселе ни одна смертная женщина! Даже малейшее мое желание будет для тебя божественной волей. Но для начала, чтобы окончательно уничтожить твою проклятую гордыню, я отправлю тебя путешествовать в прошлые века через все твои предшествующие воплощения. Ай, уил, ла хоса!

Не успели замолкнуть звуки его голоса, как мрачное померещение поплыло перед затуманенным взором Деви, волосы ее поднялись дыбом, язык прилип к гортани. Низкий, страшный звук гонга донесся до нее. Золотым огнем взметнулись драконы на гобеленах и исчезли.

Тусклые отблески сменились плотной бархатной тьмой, которую перепуганная Юасмина почти ощущала. Она ничего не видела. Хозяин исчез. Принцессе казалось, что стены и потолок раздвинулись и перед ней открылась невообразимая даль. Вот во мраке возникла огненная искра, гаснущая и снова зажигающаяся, которая, все увеличиваясь, превратилась в золотой шар. Вдруг шар ярко вспыхнул, как из незримого пола вырос гибкий прут, который, постепенно увеличиваясь, принимал форму стебля. Вот появились широкие листья и распустились черные ядовитые цветы. Комната наполнилась слабым ароматом, который испускало это растение, подобное зловещему черному лотосу из мрачных джунглей Хитан. Будто олицетворение злобных сил, цветы и листья тянулись к девушке, изгибаясь по-змеиному на упругих стеблях. Четко вырисовываясь на фоне непроглядной тьмы, черный лотос вселял в нее смертельный ужас. Мозг принцессы затуманился от сильного запаха. Она попыталась крепче прижаться к своему ложу и вскрикнула от ужаса, обнаружив, что ее пальцы лишь скользят по бархату. Страшное ощущение охватило ее: казалось, что вся ее воля, весь ее здравый смысл рухнули, и она превратилась в трепещущую песчинку, несомую в бездну бурей, где порывы ледяного ветра в любую минуту могли погасить ее слабо тлеющую жизнь.

Затем началось время бессмысленного блуждания в глубинах мироздания, когда песчинка, в которую превратилась женщина, смешалась и слилась с тысячами других таких же частиц зарождающейся жизни, пока, наконец, сформировавшийся и окрепший разум не помог ей вынырнуть из безд-

ны, чтобы закружиться в непостижимой своей бесконечностью спирали жизни.

Ей пришлось пройти все свои прежние формы существования и воплощения в диком тумане ужаса. Неведомые силы увлекали ее Я, ее Эго, сквозь бесчисленную цепь эпох и поколений. Она падала от усталости и вновь поднималась, чтобы идти все дальше и дальше по каменистой дороге жизни, оставленной ее предками. Там, на краю Ойкумены, она, трепеща от страха, пряталась в первобытных джунглях от хищных чудовищ. Вот она ходит обнаженная по рисовому полю, сражаясь с квакающими тварями за каждую горсть драгоценного урожая. Вот она погоняет упряжку волов, с трудом тащащих незамысловатый плуг по каменистому полю, а вот падает от усталости, согнувшись в крестьянской хижине над ткацким станком. В следующую минуту она бежит прочь из сожженного города, спасаясь от дикой орды, а затем, обнаженная и окровавленная, она падает на раскаленный песок, и ее тащат на аркане, как рабыню. Ей пришлось познать насилие, стыд и агонию грубой животной страсти, боль от ударов кнута, пытки на дыбе, тщетно пыталась она отбиться от могучих рук, клонивших ее голову на окровавленное колесо. Она перенесла горечь растоптанной любви и муки родов, поистине все горести и страдания которые, независимо от эпохи, мужчины всегда причиняют женщинам, и злобу женщины к женщине. Тем не менее, она все еще продолжала осознавать себя принцессой. Даже прожив все жизни женщин предыдущих эпох, она ни на минуту не забывала, что она — Юасмина Деви. Она не потеряла этого чувства даже в бесчисленных перевоплощениях. Навероятно, но, даже будучи избиваемой кнутом обнаженной рабыней, она знала, что она — принцесса Виндии; поэтому она одновременно страдала и как рабыня, и как наследница Виндийского королевства. Бесчисленная череда жизней, наполненных муками и страданиями, сменялась, пока, наконец, измученная девушка не услышала свой собственный голос, в котором звучали, слившись, все крики страданий из предшествующих веков.

Затем кошмар прекратился, и она снова поняла, что сидит на возвышении, покрытом бархатом, в полутемной комнате. В неясных отблесках она снова увидела фигуру в плаще, сидящую напротив нее. Голова незнакомца была наклонена, тело смутно вырисовывалось на фоне серых стен. Девушка не могла рассмотреть его лица, видела лишь колпак на голове, и неведомый доселе страх охватил ее: она поняла,

что на черном троне сидит не Хозяин. Фигура зашевелилась и нависла над ней, длинные руки в широких черных рукавах потянулись к ее телу. Девушка пыталась сбросить их, удивляясь силе этих незримых худых рук. Вот голова в капюшоне приблизилась к запрокинутому лицу девушки, и та застонала в ужасе и отвращении. Костлявые руки цепко сжали ее трепещущее тело, и из колпака показалось страшное лицо Смерти. Ухмыляясь беззубым ртом, оно припало к ее губам. Принцесса вскрикнула и упала без сознания.

Глава 9. ЗАМОК КОЛДУНОВ

Солнце уже стояло высоко над белым пиком Гимилианов, когда группа всадников достигла длинного склона. Десятки взоров устремились вверх, туда, где на вершине гребня возвышалась каменная башня, окруженная мощными укреплениями. У людей возникло чувство нереальности: замок, окруженный розовыми склонами и сверкающими гребнями на фоне ослепительно-голубого неба, казался им игрушечным.

— Лошадей оставим здесь, — приказал Конан. — Они и так измучены.

С этими словами он спешил. Люди проделали долгий путь, проехав всю ночь и на ходу жуя пищу из седельных сумок; останавливаясь только для того, чтобы дать отдохнуть лошадям.

— Вон в той первой башне живут слуги Черных Пророков, — объяснил Конан, или, как их называют, Сторожевые Псы Уисмы — начинающие колдуны. Будьте уверены, они не будут сидеть, сложа руки, пока мы станем взбираться на холм.

Керим Шах молча осмотрел склоны, а затем оглянулся на пройденный отрядом путь: они взобрались уже довольно высоко, и внизу под ними простиралась гряда невысоких пиков и скал. Зорко вглядываясь в этот лабиринт, туранец искал хоть малейший след присутствия людей: видимо, погоня афгулийцев ночью заблудилась и отстала.

— Тогда пошли.

Люди привязали измученных лошадей в зарослях тамариска и молча побрели вверх по склону, который представлял собой голую скалу, усыпанную валунами, за которыми люди вряд ли могли укрыться. Правда, эти валуны

могли скрывать не только людей... И действительно, не успел отряд пройти и пятидесяти шагов, как рычащее существо метнулось на них: это был дикий пес с горящими красными глазами и с пеной у рта. Первым шел Конан, но пес, миновав его, ринулся на Керим Шаха. Туранец успел метнуться за скалу, и дикий зверь бросился на воинов. Один из них закричал, когда острые клыки впились в его руку.

Мгновение — и множество сабель изрубили мерзкое животное, которое до последнего вздоха бросалось на людей.

Керим Шах, перевязывая пострадавшего воина, внимательно рассматривал его. Ни говоря ни слова, он отошел к Конану и жестом приказал продолжать путь. Через некоторое время туранец сказал:

— Очень странно, что в таком безлюдном месте нам попала деревенская собака.

— Чем она могла здесь питаться? Отбросов тут нет, — подтвердил Конан. И, взглянув на раненого, они увидели, что гримаса боли исказила его лицо, покрытое потом. Затем предводители внимательно посмотрели на темную башню.

Безмолвие царило в горах, башня была мрачна, и в ней не было заметно присутствие людей; однако маленький отряд приготовился к бою. Керим Шах снял с плеча огромный лук. Его воины тоже вытащили свое оружие. Хотя они были еще далеко от башни, с неба неожиданно что-то упало, проносясь так близко от Конана, что порыв ветра разметал его волосы. Один из воинов, пошатнувшись, упал, обливаясь кровью, и огромный ястреб, крылья которого отливали стальным блеском, взлетел вверх, роняя с изогнутого клюва капли крови. Керим Шах натянул лук и метко пущенная стрела сразила нового противника: ястреб камнем упал вниз, но никто не увидел на земле поверженную птицу. Конан склонился над раненым, но тот был уже мертв. Все молчали, хотя никому не приходилось раньше видеть, чтобы ястреб нападал на людей. Воины были внешне спокойны, но в головах их теснились дикие мысли. Люди бросали злобные взгляды на немую башню, само молчание которой казалось зловещим. И вот все увидели, как из башни поднялись облака дыма, и прямо вниз устремился огромный белый шар, за ним — еще и еще. Хотя они и казались всего лишь туманом, просто пушистой, клубившейся ватой, Конан все же отошел в сторону. Один из воинов рубанул саблей белую массу — и тут же раздался взрыв. Метнулось пламя, шар исчез, а от человека осталась лишь горсть обуглившегося

пепла и костей: мертвые пальцы все еще сжимали рукоять сабли, но сам клинок расплавился.

Стоявшие рядом воины хотя и не пострадали, но были на короткое время ослеплены взрывом.

— Осторожно, вон еще катятся шары! — закричал Конан. Действительно, весь склон был усыпан шарами. Керим Шах выстрелил из лука в один из шаров, и тот взорвался, разбрасывая струи пламени. Остальные воины поступили так же, и вскоре весь склон был объят пламенем. Однако, когда с этим врагом было покончено, колчаны воинов почти опустели. Люди пошли дальше по черной и обугленной земле, местами превратившейся в застывшую лаву от дьявольских взрывов. Вот они уже подошли к безмолвной башне на расстояние полета стрелы. Нервы людей были напряжены. Они внутренне были готовы к любому новому ужасу.

Вдруг на башне появилась фигура, которая, подняв вверх десятифутовый горн, огласила всю долину тяжелым ревом, похожим на дьявольский звук труб в день Страшного Суда. И как бы в ответ на этот призыв под ногами людей задрожала земля, грохот и лязг донесся из ее глубин.

Воины Иракзаи с криком заматались по вздыбившемуся склону, Конан же, сверкнув глазами, выхватил нож и в отчаянном порыве бросился к двери, видневшейся в стене башни. Огромный горн продолжал реветь и грохотать, как бы насмехаясь над жалкими созданиями. Керим Шах, прицелившись, выпустил стрелу с меткостью, присущей только ему. Стрела попала в цель: рев горна мгновенно оборвался, прозвучал тонкий крик, высокая фигура на башне покачнулась и упала через парапет. Огромный горн повис на краю башни, и, когда другая фигура метнулась к нему, туранец снова выстрелил. Вот и второй прислужник упал, оглашая склоны смертными криками. Горн полетел вслед за ним.

Исполинский инструмент разлетелся на тысячи кусков, рухнув у подножия башни.

Конан мчался к заветной двери с такой скоростью, что достиг ее прежде, чем замерло эхо от падения горна. Он инстинктивно отскочил назад, когда струя расплавленного свинца полилась с башни, однако вскоре опять яростно атаковал дверь. Его забавляло, что враги трясли землю и лили свинец, вскоре они должны были отступить, ибо их колдовская сила была невелика.

Керим Шах и его люди тем временем ползли по склону, стреляя на ходу из луков.

Наконец, тяжелая дверь распахнулась, не выдержав на-

тиска Конана, и он осторожно заглянул внутрь, готовый ко всяким неожиданностям. Ему открылась большая комната с лестницей, ведущей наверх. В глубине комнаты виднелись бегущие фигуры в зеленых плащах.

С радостным воплем Конан ринулся в башню, но тут же, повинувшись инстинкту, отскочил назад. И вовремя: часть каменного пола, где он только что стоял, рухнула вниз. Крича на ходу, Конан бросился в башню, перепрыгнув ловушку.

Первая победа была за ним — прислужники сдали одну линию защиты. Выскочив из башни, Конан, Керим Шах и остальные воины пустились в погоню за фигурами в зеленых плащах. Иракзаи, задыхаясь от бега, были словно волки, почувывшие кровь. Башня стояла на краю небольшого плато, которое резко обрывалось, образуя глубокую расщелину, невидимую с подножия горы. В эту-то расщелину, не замедляя бега, и прыгнули прислужники. Люди видели только, как взметнулись, исчезая в пропасти, зеленые плащи.

Отряд приблизился к краю пропасти, отделявшей их от Замка Пророков. Узкое ущелье с отвесными стенами опоясывало гору. В нем, сверкая и искрясь, клубился туман. Взглянув вниз, Конан выругался: у самого дна ему удалось разглядеть фигуры в зеленых плащах, хотя их контуры были неясны и расплывчаты, словно он смотрел на них сквозь толщу воды. Прислужники, держась вместе, двигались к противоположной стене.

Керим Шах пустил вниз стрелу, которая, войдя в туман, замедлила скорость и потеряла направление полета.

— Если они спустились туда, то и мы сможем сделать это! — воскликнул Конан.

Керим Шах с изумлением глядел вслед своей стреле:

— В последний раз я их видел на этом самом месте... — продолжал Конан и внезапно замолчал. Внимательно присмотревшись, он заметил, что дно ущелья прорезала какая-то блестящая линия, вдоль которой и шли прислужники. Слова умирающего Хемсы всплыли в памяти киммерийца: «Следуй за золотой жилкой!»

Пошарив руками по краю трещины, он обнаружил тонкую жилку из сверкающего золота, убегающую от края вниз через серебряный пол; причем рядом с золотой жилкой был устроен специальный спуск с уступами для рук и ног. Из-за особого преломления света этот спуск не сразу был замечен.

— Вот где они спускались! — обрадованно сказал Конан Кериму. — Они ведь не демоны, чтобы летать по воздуху. И мы пройдем за ними!

В это мгновение воин, искусанный бешеной собакой, дико закричал и как барс прыгнул на Керим Шаха. Тот успел быстро отскочить в сторону, и безумец рухнул в пропасть. Все подбежали к краю и с удивлением увидели, что он не упал, как камень, а медленно опускался вниз сквозь розовую пелену, подобно человеку, тонущему в глубокой воде. Руки его двигались, словно он пытался плыть, а лицо исказилось и стало багровым. Наконец, далеко внизу, его тело медленно опустилось на сияющий пол и застыло.

Керим Шах пробормотал:

— Там — в этой расщелине — нас всех ждет смерть! — и боязливо отступив от мерцавшего у его ног розового тумана, спросил:

— Что теперь будет делать, Конан?

— Идти вперед, — мрачно отозвался киммериец. — Ты пойми, эти прислужники — тоже люди. Если их не убил туман, не убьет и нас.

Подтягивая ремень, он коснулся пояса Хемсы. Конан нахмурился, а затем улыбка заиграла на его губах: он забыл про подарок колдуна, хотя трижды уже смерть проходила мимо него, поражая другую жертву.

Сверху было видно, что прислужники уже достигли противоположной стены и поднимались вверх, как большие зеленые жуки. Конан начал осторожно спускаться вдоль золотой жилки. Розовое облако окутало его ноги, поднялось вверх до подбородка. Мгновение он колебался, а затем нырнул в туман. Сразу же его дыхание замерло, и Конан почувствовал, как сжались его ребра. С неимоверным усилием он устремился вверх, в отчаянной борьбе за жизнь. Приподняв голову над пеленой, он с жадностью стал дышать.

Керим Шах пытался поговорить с ним, но Конан ничего не слышал. Усилием воли он пытался вспомнить слова умирающего Хемсы. Киммериец вновь поискал золотую жилку и убедился, что он несколько отклонился от нее при спуске. Взяв нужное направление, он возобновил спуск.

Розовый туман снова принял и поглотил его, но голова осталась на поверхности, поэтому он мог дышать. Посмотрев вверх, он увидел, что черты товарищей, следивших за спуском, искажены мерцающим туманом. Конан жестом пригласил их следовать за собой, не ожидая, впрочем, от них такой смелости. Керим Шах беспрекословно последовал вниз. Иракзаи, больше боявшиеся остаться без проводителя, чем неведомых ужасов, тоже стали спускаться,

прижимаясь к золотой жиле, как это делал киммериец. Опустившись на сияющий пол, они продолжили путь вдоль золотой нити. Они шли словно бы по незримому туннелю, в котором гулял воздух. Люди чувствовали, что рядом витает смерть. Вот жила пошла вверх, и люди стали подниматься. Нервы их были напряжены перед неминуемой встречей с неизвестной опасностью, подстерегавшей их среди скал, окружавших расщелину. И действительно: наверху, выхватив ножи, их поджидали прислужники. Возможно, они просто не могли дальше отступать, и были вынуждены принять бой.

То ли пояс стигийских жрецов на талии Конана объяснил им, почему так слабы оказались их смертоносные заклинания, то ли просто ясное понимание неизбежности кары за сданные подступы к крепости заставило их, отбросив колдовское мастерство, прибегнуть к помощи звенящей стали. И вот в воздух взметнулось оружие, наполняя горы звоном ударов и криками побежденных, и кровь полилась на землю, и упали первые жертвы — а схватка все продолжалась. Один воин Иракзаи погиб, но и все прислужники были уничтожены — изрублены, заколоты или сброшены в пропасть, где розовый туман бережно опускал их тела на сияющий пол.

Победители — Конан, Керим Шах и четыре его воина — тяжело дышали, вытирая пот и кровь. Они брели среди каменных зубцов. Тропа, сбегая по склону, вела их к небольшой лестнице, которая, казалось, была вырезана из нефрита. За лестницей открылась широкая галерея из того же блестящего нефрита, а еще дальше поднимался сам замок Черных Пророков! Его архитектура поражала безупречностью линий и полным отсутствием декора. Замок был тих и безмолвен.

Молча и осторожно, словно идя в логово дракона, люди поднимались по тропе. Воины Иракзаи шли обреченно, как овцы на заклание. Даже Керим Шах молчал. Только Конан, казалось, не осознавал, какой дикой дерзостью было их вторжение в это мрачное место. И неудивительно — уроженец Запада, он не испытывал врожденного благоговейного ужаса перед колдунами, а просто сражался с ними при случае, как с обычными врагами. Конан решительно прошел через галерею прямо к огромной золотой двери, ведущей в замок. Мельком взглянув на гигантскую пирамиду, нависшую над ним, он потянулся к ручке двери, но, мрачно усмехнувшись, остановился. Дверная ручка по форме напоми-

нала змеею, поднявшую голову. Опасаясь, что она может ожить при прикосновении, киммериец взмахнул ножом и отрубил ее. Раздался стук упавшей бронзы. Конан, осторожно отодвинув змею острием ножа в сторону, опять повернулся к двери. Напряженная тишина нависла над замком. Далекие горные склоны тонули в розовом тумане. На снежных пиках искрились отблески солнца. Высоко в небе, подобно черной звезде, в холодной синеве повис коршун. Казалось, только люди, замершие перед золоченой дверью, были единственными обитателями этого мрачного места — нефритовой галереи и фантастического каменного здания, воздвигнутого на головокружительной высоте.

Вдруг резкий порыв ветра окатил Конана ледяным холодом. Длинным ножом киммериец пытался открыть дверь, яростно осыпая ее ударами, расщепляя дерево и срубая металлические украшения. Сквозь щели можно было рассмотреть внутреннее помещение: огромный зал с высокими каменными стенами и мозаичным полом. Всю обстановку зала составляли каменные возвышения и эбонитовые стулья. Зал был пуст.

На противоположной стороне можно было рассмотреть дверь.

Конан приказал Керим Шаху:

— Оставь человека снаружи для охраны, а я пойду внутрь. Один из Иракзаи встал посередине галереи, держа оружие наготове, а Конан бросился в замок. За ним — остальные.

Часовой в галерее, постояв немного, недовольно заворчал, и вдруг вздрогнул, услышав, как кто-то рядом с ним негромко смеется. Подняв голову, он увидел на выступе замка высокого мужчину в черном плаще. Голова его была обнажена, лицо искажено гримасой презрения и злобы. С быстрой молнии иракзаи выстрелил из лука, но презрительный смех не прекратился. Пророк схватил стрелу и швырнул ее назад в лучника. Воин инстинктивно поднял руку, поймал стрелу и вскрикнул: стрела расплавилась, потеряла форму. Человек пытался бросить ее, но поздно: в его голой руке извивалась змея, которая, обвив запястье, ужалила его. Воин закричал, его лицо побагровело, взгляд выражал муку. Сотрясаемый агонией, он упал на колени, и затих.

При первом же крике сторожа маленький отряд остановился. Конан заспешил к двери и остановился в смущении: казалось, невидимая преграда мешала ему пройти. Он ничего не видел, но чувствовал, как его руки скользят по твер-

дой поверхности, и догадался, что дверь загородили щитом из прозрачного кристалла, сквозь который он ясно увидел распростертого на камнях галереи иракзаи, руку которого пронзила стрела.

Конан ударил в кристалл ножом. Его товарищи были ошеломлены зрелищем, когда с громким скрежетом нож замер в воздухе, остановленный невидимым препятствием. Киммериец понял, что бесполезно махать обыкновенным ножом, ибо он знал, что даже знаменитой саблей Амира Курума, нельзя уничтожить невидимую завесу. Он объяснил это Керим Шаху, и тот спокойно пожал плечами:

— Ну, если нам отрезали один выход, мы найдем другой.

А пока, наш путь лежит вперед!

Конан с глухим ворчанием повернулся и бросился через зал к противоположной двери. Его охватило чувство, что он приближается к неведомому порогу Судьбы. Достигнув двери, он привычным жестом поднял нож для удара, но дверь бесшумно распахнулась, пропуская его в большой зал, украшенный изящными стеклянными колоннами. Примерно в сотне футов от двери начиналась широкая лестница из нефрита, которая, сужаясь, вела к вершине замка, образуя одну из сторон пирамиды. Между Конаном и подножием лестницы находился необычный алтарь из черного нефрита, украшенный четырьмя золотыми змеями. Те, извиваясь, поворачивали свои маленькие головы в разные стороны. На алтаре покоился странный шар, наполненный клубившимся веществом, похожим на туман, в котором плавали четыре граната. При виде этого алтаря смутные воспоминания шевельнулись в мозгу Конана, но тут же его внимание переключилось на четыре фигуры в черных плащах, стоявших на нижних ступенях. Конан не заметил их появления, и теперь с интересом разглядывал пришельцев: это были высокие худощавые мужчины, с ног до головы закутанные в широкие плащи; их коршунообразные головы покачивались в такт неслышной музыке. Вот один из незнакомцев поднял руку. Соскользнувший рукав открыл нечто, что не было похоже на кисть. Конан замер, как будто неведомая сила удерживала его. Эта сила, отличавшаяся от гипнотизма Хемсы, сковала его и лишила возможности двигаться вперед, хотя он чувствовал, что назад он может отступить. Его товарищи, так же остановленные неведомой силой, беспомощно озирались по сторонам, неспособные двигаться ни в одном из направлений. Пророк с поднятой рукой поманил одного из Иракзаи, и тот послушно двинулся к нему, как в

трансе, широко открыв ничего невидящие глаза. Когда он проходил мимо Конана, киммериец вскинул руку, пытаясь задержать его. Но, хотя Конан был настолько сильнее иракзаи, что мог бы одними руками переломить ему позвоночник, однако сейчас могучая рука киммерийца была с легкостью отброшена в сторону, как стебелек. Иракзаи двигался дальше как во сне, дошел до лестницы и склонил голову. Пророк взял его саблю и взмахнул ею вверх-вниз. Отсеченная голова воина с глухим стуком упала на черный мраморный пол. Брызнула кровь, и тело откинулось на пол, широко распростерлись руки. Вот опять некое подобие руки Пророка взметнулось вверх — и другой иракзаи, послушно бредя навстречу своей смерти, разделил судьбу товарища. Жуткая сцена повторилась снова, и вот уже два обезглавленных трупа лежали на полу. Когда и третий иракзаи пошел к лестнице, повинувшись неслышному зову своего палача, Конан, напрягшись от неимоверных усилий прорвать это дьявольское оцепенение, вдруг ясно осознал присутствие неведомых, невидимых сил, окруживших его, и настойчиво пробуждавшихся к жизни. Это чувство охватило его внезапно, но он ни на миг не усомнился в истинности своих ощущений. Его левая рука, непроизвольно скользнув под бархатный ремень, коснулась пояса Хемсы — и тут же новая сила хлынула в онемевшие суставы Конана. Воля к жизни забилась в его мозгу, как пламя. Третий воин был мертв, и уродливый палец поднялся снова, призывая новую жертву, когда Конан понял, что преодолел невидимое препятствие. Яростно и радостно закричав, он прыгнул вперед, левой рукой сжимая стигийский пояс. Как утопающий сжимает обломок дерева, держал он перед собой нож.

Пророки стояли на ступенях неподвижно; спокойно наблюдая за ним. Если они и были удивлены, то не подали вида. Конан не думал о том, что произойдет дальше, он просто мчался вперед, и кровь стучала в его висках, малиновый туман плыл перед глазами, а рассудок опьянила жажда мести и крови.

Вот уже несколько шагов отделяло его от лестницы. Тяжело дыша от охватившей его ярости, он миновал алтарь со змеями, когда вдруг, подобно вспышке молнии, в его мозгу мелькнули странные слова Хемсы: «Разбей стеклянный шар».

Действия Конана были почти бессознательны; он действовал так внезапно, что даже великий маг не успел бы прочесть его мысли. Изогнувшись как барс, он обрушил сокру-

шительный удар на сверкающую сферу. Мгновенно воздух огласил ужасный взрыв, но что именно взорвалось — алтарь, кристалл или лестница, — было неясно. С диким шипением внезапно ожившие золотые змеи бросились на него, но киммериец, бросаясь из стороны в сторону как тигр, перерубил изогнутые тела змей, и затем ударил по шару еще раз. Раздался чудовищный грохот, черные осколки усеяли мраморный пол, и золотые гранаты, освобожденные от плена, взмыли вверх и исчезли.

Странный безумный крик потряс помещение: на ступенях лестницы в агонии корчились Пророки, на их мертвых губах клубилась пена. Когда, наконец, их вопли затихли, Конан понял, что эти противники им больше не страшны. Взглянув на разрушенный алтарь, он увидел, что четыре обезглавленные золотые змеи все еще обвивают его.

Туранец медленно поднялся на ноги, трясая головой, чтобы избавиться от шума в ушах.

— Помнишь, какой страшный грохот раздался после твоего удара? Будто тысячи кристаллов разбились, а не один лишь шар. Как ты думаешь, уж не души ли колдунов были скрыты в золотых гранатах?...

Керим Шах неожиданно замолчал и указал Конану саблей на лестницу: на ступенях стояла другая фигура в черном плаще, но с богатой вышивкой, в черной бархатной шапочке. У прищельца было спокойное и даже приятное лицо.

— Ты кто такой? — властно спросил Конан, мрачно глядя на прищельца и сжимая в руке нож.

Голосом, похожим на перезвон храмовых колокольчиков, мужчина насмешливо ответил:

— Я — хозяин Уисмы!

— Где Юасмина? — вмешался Керим Шах.

Хозяин в ответ рассмеялся:

— Зачем это знать тебе, мертвецу? Неужели ты так быстро забыл, что это я одолжил тебе часть моей силы, и ты сейчас, вооруженный, пришел бороться со мной, жалкий глупец? В наказание я возьму твое сердце, Керим Шах! — с этими словами Хозяин протянул руку, как бы принимая что-то. Туранец дико вскрикнул и зашатался, как пьяный, а затем со страшным звуком разрывающейся плоти и звенев кольчуги его грудь распахнулась, явив страшную рану, и что-то красное, окровавленное метнулось к ладоням Хозяина. Туранец рухнул на пол и застыл, а Хозяин со страшным смехом швырнул к ногам Конана все еще трепещущее человеческое сердце.

С ревом и проклятиями, подобно дикому барсу киммериец рванулся к лестнице. Он чувствовал, что пояс Хемсы наполняет его силой, яростью и уверенностью в успехе борьбы против страшных чар колдуна.

Внезапно воздух стал твердым, как сталь, и ему пришлось отчаянно проталкиваться сквозь это новое препятствие, левой рукой прикрывая лицо, а правой яростно сжимая верный нож. Полуослепленный, он все же не отводил взгляда от ненавистной фигуры Хозяина, которая колебалась и расплывалась, как будто отражение в кривом зеркале. Не обращая внимания на неведомые силы, что мучали и держали его, Конан ясно ощущал в себе иные силы, помогавшие его собственной воле неудержимо стремиться вверх, невзирая на могущественные чары колдуна. Когда киммериец наконец-то достиг верха лестницы, лицо Хозяина поплыло перед ним, как в тумане, и казалось, неподдельный страх мелькнул в тусклых глазах мага. Пробившись сквозь плотный туман, державший его как трясина, киммериец взмахнул ножом, разрывая острым лезвием плащ Хозяина. С негромким вскриком колдун исчез, испарился, и какое-то волнообразное длинное облако метнулось вверх по одной из боковых лестниц. Конан рванулся вдогонку, вбежал в широкий коридор, стены и пол которого были сделаны из полированного нефрита, и заметил, как что-то длинное, быстро промелькнув впереди него, исчезло за занавеской. Крик ужаса донесся оттуда, и воодушевленный этим криком киммериец побежал дальше. Тут ему открылась страшная сцена: на ложе, покрытом бархатом, крича, как безумная, билась и корчилась Деви, а перед ней, раскачиваясь, извивался ужасный змей. С воплем Конан швырнул нож. Мгновенно изогнувшись, чудовище метнулось к нему. Длинный нож пронзил шею змея. Огромная голова закачалась над человеком, а затем, широко раскрыв рот и брызгая ядовитой пеной метнулась к нему. Киммериец быстро выхватил из-за пояса кинжал и ударил прямо вверх, навстречу разящей голове. Сверкающее острие пронзило гигантские челюсти чудовища, сколов их вместе. Потеряв возможность использовать клыки, змей обвился вокруг Конана, словно обычный удав. Левую руку Конана зажали громадные кольца, зато правая была свободна. Упершись ногами и изловчившись, он выхватил свой нож из шеи змеи, которая, разгадав его намерения, усиленно извивалась, стараясь поймать свободную руку человека. Со скоростью молнии длинный нож опустился и наполовину разрубил тело огромной рептилии.

Гигантские кольца упали с тела Конана, и чудовище поползло прочь, орошая пол кровью. Киммериец бросился за ним, взмахнул ножом и рассек воздух. Змей же, извернувшись, ударил головой в панель сандалового дерева и исчез в открывшемся отверстии. Конан бросился к панели и градом ударов сорвал ее. В отверстии было темно. Чудовищного змея не было видно, только мраморный пол был залит кровью. Кровавые следы вели к небольшой двери — следы человеческих ног!

— О, Конан! — Деви метнулась к нему, крепко обхватив его со смешанным чувством страха, радости и благодарности. Мужчина повернулся как раз вовремя, чтобы подхватить ее на руки. Возбужденный от всего пережитого, киммериец страстно сжал ее и прильнул к ее губам.

Принцесса не сопротивлялась. Гордая наследница Виндийских королей, она превратилась в обычную женщину. Прикрыв глаза в страстном изнеможении, она наслаждалась его неистовыми поцелуями. Затем, тяжело дыша, она безвольно поникла в его объятиях, и тихо сказала:

— Я знала, что ты придешь! Я верила, что ты не покинешь меня в этом дьявольском логове.

Ее слова вернули ему ощущения реальности. Он вспомнил, где они находятся. Подняв голову, он напряженно вслушивался: молчание, похожее на затаенную угрозу, нависло над ними. Тих и сумрачен был замок Уисмы; но неведомые опасности, казалось, поджидали их всюду, прячась за каждой шторой.

— Пока еще возможно, нам следует побыстрее уйти, — проговорил Конан. — Я нанес ему смертельные раны, которые убили бы зверя или человека. Но у колдуна, наверное, несколько жизней! Он уполз полумертвый, чтобы напиться яда из другого источника и снова бороться с нами.

Конан поднял девушку и понес ее легко, как перышко. Пока они шли по нефритовому коридору, по лестнице, нервы его были напряжены, как у дикого зверя в засаде. Он чутко прислушивался к каждому звуку.

— Я видела Хозяина Уисмы, — прошептала Деви. Дрожа и цепляясь за него, она продолжала: — Он использовал свои жуткие чары, чтобы сломить мою волю. Самым ужасным для меня были объятия и поцелуи трупа. Я упала в обморок, а когда очнулась, то услышала звук борьбы, а затем увидела громадного змея над собой. О, как это было ужасно! — при этом воспоминании девушка содрогнулась и продолжала: — Я почему-то знала, что это не сон, а настоящая

змея, и она хочет убить меня.

Конан загадочно ответил:

— По крайней мере, это не был призрак. Он понял, что побежден, и решил убить тебя, чтобы не позволить тебе спастись.

— Кого ты подразумеваешь под словом «Он»? — тревожно спросила Деви.

И, вскрикнув, прижалась к своему защитнику, позабыв о вопросе: у подножия лестницы она увидела скрюченные в агонии трупы пророков. При виде их торчащих рук и ног Юасмина побледнела и спрятала лицо на груди Конана.

Глава 10. ЮАСМИНА И КОНАН

Быстро пройдя зал и прихожую, Конан подошел к наружной двери, ведущей в галерею. На полу искрились тысячи крошечных кристаллических осколков: это разбился прозрачный щит, закрывающий дверь, и Конан понял: это было последствием того страшного грохота, раздавшегося при взрыве стеклянного шара на алтаре. Видимо, каждый кусочек кристаллического препятствия был разбит, и киммериец подумал, что, вероятно, существовала странная связь между пророками Черного Круга и золотыми гранатами в прозрачной сфере. Хотя удача и не очень-то сопутствовала ему, но могло быть и хуже. Усилием воли отогнав эти мысли, вождь устремился дальше и с облегчением вздохнул, войдя, наконец, в нефритовую галерею. Им предстояло еще пересечь расщелину, но это не пугало: яркое небо, солнечный свет, сияние снежных пиков наполняли уверенностью их души, и все происшедшее в замке казалось теперь только сном.

Оставленный на страже иракзаи лежал там, где его настигла смерть. Взглянув на небо, Конан удивился: солнце не вошло еще в зенит, хотя представлялось, что прошло уже много времени. Повинуясь инстинкту, подказывавшему ему, что за спиной — опасность, он ускорил шаги. Девушка, прильнувшая к его груди, уже успокоилась от пережитого страха. На краю расщелины он задержался, внимательно посмотрев вниз.

Дымка, заполнявшая расщелину, уже не была тусклой и призрачной, как взор умирающего. Конан подумал, что

заклинания магов больше не властны над этим местом. Далеко внизу сверкал пол, а золотая нить искрилась по-прежнему ярко. Положив Юасмину на могучие плечи, киммериец начал опасный спуск и, достигнув поля, стремглав бросился по золотой жилке, уверенный, что их жизнь и смерть зависят от быстроты его действий. Он чувствовал, что им необходимо выбраться из расщелины прежде, чем окрепший и набравшийся сил Хозяин продолжит борьбу с ними.

Миновав страшное место, Конан со вздохом облегчения поставил девушку на землю:

— Теперь ты пойдешь сама до самого подножия.

Юасмина в последний раз посмотрела на возвышавшийся за пропастью замок — мрачную, зловещую цитадель мрака и ужаса.

— Да ты, наверное, и сам колдун, раз победил Черных Пророков! — воскликнула она.

Они начали спуск по тропе, и его могучая рука бережно поддерживала девушку.

— Мне помог пояс, который перед смертью отдал мне Хемса, — объяснил киммериец. — Это волшебный пояс. Возможно, когда-нибудь я покажу его тебе. Против одних заклинаний он оказался слаб, зато помогал мне в борьбе с другими заклинаниями, и, конечно, хороший нож всегда верный друг воина.

Девушка возразила:

— Но если волшебный пояс обладал такой силой, что помог тебе, почему же сам Хемса не использовал его?

Конан покачал головой:

— Мы уже никогда не узнаем этого. Возможно, потому, что Хемса был рабом Хозяина, это и ослабило силу пояса. На меня же чары Хозяина не оказывали такого действия, как на Хемсу. Сейчас Хозяин отступил, но какое-то чувство подсказывает мне, что нам еще придется встретиться с ним. Поэтому сейчас я хотел бы поскорей уйти отсюда.

Найдя лошадей в зарослях, беглецы обрадовались и вскочили на своего могучего черного жеребца, Конан усадил принцессу перед собой. Другие лошади, отдохнувшие и резвые, побежали за ними.

— Куда мы сейчас поедем? — спросила девушка. — К тебе в Афгулистан?

Криво усмехнувшись, Конан отозвался:

— Не сейчас. Кто-то, быть может, и сам правитель убил наших семерых вождей. Мои воины считают меня предате-

лем и охотятся за мной, как волки. Если не удастся переубедить их, они убьют меня.

— Тогда зачем теперь тебе я? Раз вожди мертвы, я не нужна уже тебе, как заложница. Или, может, ты убьешь меня, чтобы отомстить правителю?

Конан расхохотался над нелепостью ее предположения.

Девы предложила:

— Тогда давай поедem к границе, где ты будешь в безопасности от своих афгулийцев...

— Но на виндийской виселице, — перебил ее киммерец.

— Ты, наверное, забыл, что я королева Виндии! — величественно произнесла Юасмина. — Теперь, когда ты спас мне жизнь, тебя наградят.

Уязвленный ее высокомерием, он прорычал:

— Можешь отдать эту награду своим псам, королева! Ты, верно, забыла, что я вождь Холмов, и поэтому я ни шага не сделаю к границе!

В замешательстве девушка прошептала:

— Но там ты будешь вне опасности...

— Да, а ты снова станешь недосыгаема, как Луна! Нет, принцесса. Ты больше мне нравишься такой, как сейчас: обыкновенной смертной женщиной!

— Но ты не посмеешь задерживать меня! — закричала Девы.

— Посмотрим, — мрачно усмехнулся Конан.

— Но ведь ты получишь богатый выкуп!

— К дьяволу твой выкуп! — грубо воскликнул мужчина и крепко схватил ее: — Все королевство Виндии ничего мне не может дать, ибо я желаю получить тебя. Разве не добыл я тебя в схватке с колдунами, рискуя жизнью? Если твои придворные захотят отнять тебя у меня, им придется сразиться со мной в Заиббаре!

Девушка возразила ему:

— Но ведь у тебя нет сторонников, за тобой охотятся даже твои собратья! Как же ты можешь спасти хотя бы себя, не говоря уже обо мне?

— У меня еще остались друзья в Холмах! — торжественно вскрикнул Конан. — Вождь Куракзайцев будет охранять тебя, пока я буду разбираться с моими афгулийцами. А если никто не поддержит меня, то — клянусь Кромом! — мы помчимся на Север, в казацкие степи. Прежде, чем уехать на Юг, я был атаманом Вольных Братьев. Теперь я сделаю тебя Запорожской королевой!

— Нет, нет! — кричала принцесса. — Ты не должен держать меня...

— А почему же ты так охотно отвечала на мои поцелуи? — насмешливо спросил киммерец.

— Потому что даже королева — женщина, — покраснев, прошептала девушка. Потом, гордо вскинув голову, добавила: — Именно потому, что по рождению я — королева, мой долг — заботиться о моем королевстве. Не нужно ехать в другие страны, вернемся в Виндию!

— И ты сделаешь меня своим королем? — с иронической улыбкой спросил Конан.

— Но, понимаешь, существуют традиции... — она запнулась, боясь обидеть его.

С невеселым смехом мужчина продолжал мысль:

— Да, в цивилизованных королевствах есть свои обычаи, и ты не всегда вольна делать то, что хочешь. Поэтому ты выйдешь замуж за какого-нибудь дряхлого старца — короля равнин, а мне придется довольствоваться лишь воспоминаниями о твоих поцелуях. Ха!

— Но пойми, я обязана вернуться назад, в мое королевство! — повторила она.

— Зачем? — сердито спросил он. — Чтобы протирать шаровары на золотом троне и выслушивать лесть хитрых царедворцев? И в этом все люди — варвары. Кем я только не был: солдатом, корсаром, казаком, и немногие умеют столько, сколько умею я! Какой еще король, подобно мне, бродил по свету, сражался, занимался грабежом, любил женщин? Я пришел в Гулистан, чтобы собрать орду и ограбить южные королевства, в том числе и Виндию. Стать вождем афгулийцев — это для меня не предел мечтаний. Если я смогу помириться с ними, то за мной последует не менее дюжины племен. Не смогу помириться — тогда отправлюсь обратно, в Запорожские степи, чтобы вернуться к границам Турана с казаками. К дьяволу твое королевство! Пусть сами позаботятся о себе.

В смятении девушка смотрела на своего похитителя: душа ее рвалась к иной, вольной жизни, которую он ей сулил, но память о тысяче предков-монархов сковала ее волю.

— Да пойми ты, что я не могу! — безнадежно повторяла она.

— А у тебя нет выбора, — властно сказал он. — Ты... Что за дьявол!

Они уже отъехали от Уисмы на расстояние в несколько миль и теперь скакали по узкому хребту, разделяющему два

ущелья. Въехав на крутой перевал, они остановились. Грозная битва предстала пред их взорами. Лязг стали и звон копыт заполнили все ущелье, хотя резкие порывы ветра и гасили звуки. Солнце сверкало на доспехах. Три тысячи хорошо вооруженных воинов настигали банду дикарей, которые отчаянно отбивались, как загнанные волки.

Конан пробормотал:

— Это туранцы, полки из Секундерама. Какого дьявола они здесь делают?

— Кто эти дикари? — спросила Юасмина. — И почему они так упорно отбиваются? У них все равно нет шансов: силы неравны.

— Это мои безумные афгулийцы, — прорычал Конан. Потом, заглянув в ущелье, он добавил: — Они в ловушке, и сами это знают.

Действительно, ущелье представляло собой тупик: сужаясь в расселину, оно было окружено нависающими скалами. Идеальная ловушка!

Дикари отступали в эту расселину, ибо у них не было другого пути. Всадники в сверкающих шлемах не гнали их слишком быстро: они прекрасно знали отчаянную храбрость дикарей и то, что их добыча все равно окажется в ловушке. Им хотелось взять афгулийцев живьем как заложников.

Весь путь от Секундерама воины прошли с боями, и многие горные деревни разгромили. Их эмир, прекрасно сознавая, в какой опасный поход он ведет свой отряд, был полон решимости выполнить приказ — отобрать Деви у афгулийцев, даже ценой тысячи жизней, и доставить ее в Секундерам, живой или мертвой.

Все это Конан и Юасмина не могли знать. Подпрыгивая в седле от нетерпения, киммериец спрашивал, обращаясь не то к самому себе, не то ко всей Вселенной:

— Да какого дьявола они позволили загнать себя в ловушку? Я догадываюсь, как они очутились здесь — за мной охотились, паршивые псы! Заглядывали в каждое ущелье, пока не навались на войско. Безмозглые глупцы! Они не продержатся долго, и туранцы перебьют их, как баранов!

Шум, поднимавшийся снизу, усилился. В узком проходе дикари продолжали отчаянно сражаться, отбиваясь от всадников, которые не могли быстро двигаться из-за тесноты.

Глядя вниз с мрачным беспокойством и держась за рукоятку ножа, Конан сказал:

— Слушай, Деви, я должен спуститься вниз к ним. Сейчас я тебя спрячу, и ты не показывайся, пока я не вернусь. Помнишь, ты говорила о своем долге перед королевством? Ну, я-то не могу сказать, что эти дикие псы мне особенно дороги, но, как бы там ни было, они — мои братья, а я их вождь. Вождь никогда не должен оставлять свое племя, даже если все отреклись от него! Пусть они думают, что я — предатель, все же я еще вождь афгулийцев и докажу это! Вот здесь есть путь, по которому я спущусь вниз.

Девушка возразила:

— А что будет со мной? Сначала ты силой меня увозишь, а теперь бросаешь одну умирать в этих жутких скалах, а сам собираешься ввязаться в эту бессмысленную битву? Где же смысл в твоих действиях?

От переполнявших его эмоций вены Конана вздулись, и он пробормотал обреченно:

— Это правда — мои поступки не всегда имеют смысл.

Принцесса вдруг вскинула голову, как бы прислушиваясь к чему-то, и радость осветила ее прекрасное лицо. Издалека послышался звук труб: глубокая долина с левой стороны ущелья заблестела от множества копий, шлемов, горящих в лучах солнца.

— Это всадники из Виндии! — взволнованно закричала девушка.

— Да их несколько тысяч! — удивленно пробормотал Конан. — Не часто кшатри забираются так высоко в горы.

— Они ищут меня! — воскликнула девушка. — Дай мне свою лошадь, и я поскачу к ним! Здесь, слева, гребень не так крут, и я смогу спуститься в долину. Ты же иди к своим воинам и постарайся продержаться, пока я приведу своих людей к другому концу ущелья, и мы атакуем туранцев. Мы уничтожим их, Конан! Ну, иди же! Не упрямысь — это будет стоить жизни твоим братьям!

В глазах киммерийца засверкал гнев, но, тряхнув головой, он спешился и послушно передал ей поводья.

— Ты права, — проговорил он. — Скачи же, как дьявол!

Девушка повернула к левому склону, а мужчина быстро побежал вдоль хребта, пока не достиг места битвы. Спустившись, как кошка, по каменной стене, он прыгнул в мрачное ущелье. Битва продолжалась: вокруг него сверкали и звенели лезвия, лошади топтали павших, сверкающие шлемы мелькали среди окровавленных тюрбанов. Конан дико закричал и, уклонившись от удара саблей, поразил своим ножом всадника. Мгновение — и он уже сидел в седле, ярост-

но отдавая приказы афгулийцам. Дикари в начале недоумевающе смотрели на него, а затем, видя, как теснит он туранцев, безропотно подчинились.

В этом крошечном аду, среди сверкавших лезвий и стонувших умирающих, не было времени выяснять отношения.

Туранские всадники продолжали наступать на своих врагов, тесня их в ловушку, рубя саблями и разя кинжалами. Упавшие сразу попадали под копыта обезумевших коней.

Конан сражался отчаянно. Его силы, казалось, удесятерились. Афгулийцы, привыкшие повиноваться ему, воспрянули духом. Но их враги были слишком многочисленны, и дикари медленно отступали в ущелье. Сражая своих врагов, как смерч, Конан подумал, сдержит ли Деви свое слово. А что, если она посчитает со своим отрядом на юг, бросив его на произвол судьбы?

Наконец, после неимоверно долгого времени неравной битвы, в долине послышался шум, перекрывший звон стали и крики сражавшихся: это был рев труб, который, казалось, потряс скалы.

Минуты — и пять тысяч виндийских конников обрушились на туранцев. Как смерч, они разбросали полки противника, разбили и разметали их по ущелью. Ослабив натиск на афгулийцев, воины Секундерама пытались защитить себя. Иные побежали, погибая от мечей преследователей, и сам эмир пал от копья воина Кшатри. Насладившись победой, кшатранцы бросились догонять своих противников: вся долина и ближайшие склоны наполнились топотом коней и криками погони.

Вывавшиеся из расселины афгулийцы также бросились в погоню, приняв неожиданную помощь так же беспрекословно, как и своего отвергнутого главаря.

Солнце уже клонилось за дальние хребты, когда Конан в разодранной одежде и залитых кровью доспехах, прошагал по полю битвы туда, где среди своих вельмож сидела принцесса. Благодарно он воскликнул:

— Ты сдержала свое слово, Юасмина! Клянусь Кромом, ты молодец, хотя мне и пришлось пережить неприятные минуты в расселине... Берегись! — неожиданно крикнул он, показывая вверх, где с неба прямо на них камнем падал огромный коршун. Вот уже чудовищный изогнутый клюв занесся над нежной шеей девушки, но Конан оказался проворней: прыгнув как барс, он взмахнул ножом, и страшная птица, закричав человеческим голосом, метнулась в сторону

и упала со скалы в горную реку. Падая, коршун постепенно превращался в человека в черном плаще с широкими черными рукавами.

Конан повернулся к девушке, все еще сжимая окровавленный нож. Его голубые глаза потемнели, кровь сочилась из многочисленных ран.

— Итак, ты снова принцесса, Деви, — мрачно сказал он, усмехнувшись при виде богатой накидки, расшитой золотом, какую девушке накинута поверх простого наряда горянки, не вызывающего в ее царедворцах должного благоговения.

Конан продолжал:

— Я благодарен тебе, что ты помогла мне спасти моих бродяг, убедившихся на деле, что я — не предатель.

— А я все еще должна тебе выкуп за мою жизнь, — величественно сказала Деви. Ее черные глаза сверкнули, смотря на мужчину, и она добавила: — Ты получишь десять тысяч золотых монет.

Киммериец нетерпеливо махнул рукой, стер кровь с ножа, убрал его в ножны и вытер руки о лохмотья:

— Я сам возьму свой выкуп в удобное для меня время и по-своему. Я приду в твой дворец в Айодхиу, и возьму пятьдесят тысяч воинов, чтобы они проследили, достаточно ли велик выкуп.

Девушка весело рассмеялась, дернув поводья:

— Приходи — я встречу тебя с сотней тысяч на берегу Юмды!

Одобрительно и восхищенно глядя на нее, он отступил назад и поднял руку, жестом указывая, что путь свободен перед ней.

СОДЕРЖАНИЕ

Арч Стрэнтон	
ЧУЖИЕ	5
Родерик Торп	
КРЕПКИЙ ОРЕШЕК.	165
Роберт Говард	
КОНАН-ВАРВАР	333

Редакция выражает благодарность
журналу «Видео-Асс» за предоставленные фотоматериалы.

Редактор — *В. Соболев*
Составитель — *А. Перов*
Художники — *В. Суриков, В. Карасев*
Литературная обработка романа «Чужие» — *И. Сербин*
Корректор — *С. Плисова*

Сдано в набор 21.01.93. Подписано в печать 25.05.93 г. Формат 84×108/32.
Гарнитура «Таймс». Условных п. л. 21,84. Тираж 150 000 экз. Заказ № 1009.
С 06.

Издательство «Эрика», г. Москва, 115408, а/я 10.
Тираж изготовлен при участии НПО «Геолит».

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и информации России.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

